ДЖОН ДУГЛАС
ПРОТОТИП ГЕРОЯ
СЕРИАЛА MINDHUNTER
МАРК
ОЛШЕЙКЕР
ЗАКОН
и БЕСПОРЯДОК
ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПРОФАЙЛЕР ФБР
ОБ ИЗНАНКЕ СВОЕЙ ПРОФЕССИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Джон Дуглас – легендарный профайлер ФБР и прототип детектива Джека Кроуфорда в «Молчании ягнят». Никто лучше его не знает, как нужно вычислять и ловить особо опасных преступников и серийных убийц. Об этом он рассказал в своих книгах, ставших мировыми бестселлерами.

Но после выхода на пенсию Джои Дуглас перестал быть связанным профессиональной этикой с правоохранительной системой США. Впервые и без купюр он говорит о том, как не нужно ловить убийц.

Не боясь критиковать своих коллег, Дуглас описывает самые спорные дела, с которыми лично он сталкивался. Дела, где преступники остались на свободе, а невиновные люди отправились на электрический стул. А также то, как новаторские следственные методики позволили ему восстановить справедливость там, где это было возможно.

- Джон Дуглас, Марк Олшейкер
  - ○
  - ○ Пролог. Охота на ведьм
  - ○ Часть первая. Мое личное странствие
    - ■ Глава 1. пОймай меня прЕжде, чем я убью снова
    - ■ Глава 2. По итогам дальнейшего рассмотрения
  - ○ Часть вторая. Вопросы жизни и смерти
    - ■ Глава 3. «Сегодня вечером убьют невиновного человека»
    - ■ Глава 4. Пожар на 11-й Западной улице
    - ■ Глава 5. Обжигающие вопросы
  - ○ Часть третья. Выравнивание весов
    - ■ Глава 6. История Сюзанны
    - ■ Глава 7. Тело в парке
    - ■ Глава 8. Пустое место, флаг над неполным строем
    - ■ Глава 9. Защита человека, которому нет оправдания
    - ■ Глава 10. Одна личная история
    - ■ Глава 11. Преодоление дистанции
    - ■ Глава 12. «Я не могу не думать о них»
    - ■ Глава 13. Кого надо казнить?
  - ○ Часть четвертая. Обвинение против гонения, или Как подобраться к правде о Рэмси
    - ■ Глава 14. Рождественский кошмар

        - Глава 15. Что мы знаем и как мы это узнаём
        - Глава 16. Входит Лу Смит
    - Часть пятая. Сатанинская паника
        - Глава 17. Робин Гуд Хиллз
        - Глава 18. Дэмиен и Джейсон
        - Глава 19. В поисках Люцифера
        - Глава 20. Государство против Дэмиена Уэйна Эколса и Чарльза Джейсона Болдуина
        - Глава 21. Дэмиен и Лорри
        - Глава 22. Составление профиля
        - Глава 23. Жара Уэст-Мемфиса
        - Глава 24. Два отчима
        - Глава 25. Возвращение в Арканзас
        - Глава 26. Сделка с дьяволом?
        - Глава 27. Встреча с мистером Эколсом
        - Глава 28. День мертвых
        - Глава 29. Факты по делу
        - Глава 30. Правовой тупик
        - Глава 31. Суд
        - Глава 32. Апелляция
    - Часть шестая. Заключительные заявления
        - Глава 33. В итоге
    - Благодарности
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

- ○ 21
- ○ 22

Джон Дуглас, Марк Олшейкер Закон и беспорядок. Легендарный профайлер ФБР об изнанке своей профессии

Женщинам и мужчинам, которые борются за честь и справедливость, независимо от цены или последствий, – с уважением и восхищением посвящаем эту книгу вам

Правосудие – это правда в действии.

Бенджамин Дизраэли

Выступление перед палатой общин

11 февраля 1851 года

Несправедливость где-либо – это угроза справедливости повсюду.

Мартин Лютер Кинг-младший

Письмо из Бирмингемской тюрьмы

1963 год

John Douglas and Mark Olshaker
LAW & DISORDER:
THE LEGENDARY FBI PROFILER'S RELENTLESS PURSUIT OF JUSTICE
Copyright © 2013 by Mindhunters, Inc

© Орленко С.С., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Пролог. Охота на ведьм

Салем-Виллидж и Салем-Таун, колония Массачусетского залива, июнь 1692 года

Она отличалась от всех, считалась белой вороной. Хоть она и жила в их общине, но на деле всех их сторонилась. Идеальная характеристика для человека, который внушает страх.

Она всегда одевалась в черное, частенько ее наряды были странными и едва ли соответствовали пуританскому благочестивому образу жизни. Поэтому когда сэр Уильям Фипс – не так давно назначенный губернатор Королевской колонии Массачусетского залива – учредил суд Ойер и Терминер (по традициям британского права название Oyer and Terminer происходит от англо-французского выражения, которое переводится как «услышать и определить»), то никого не удивило, что 60-летней Бриджет Бишоп предстояло первой предстать перед этим судом.

Прошло более пяти месяцев с 20 января, когда у Бэтти, девятилетней дочери преподобного Сэмюэла Перриса, а также у его 11-летней племянницы Эбигейл Уильямс впервые среди прихожан церкви в Салем-Виллидж проявился странный недуг. У них начались внезапные приступы: то они чувствовали, что в них втыкают острые иглы, то – что им защемляют внутренности или их язык прорывает глотку. Девочки могли внезапно очень громко завопить или ощутить острую боль в спине и в шее. Доктор Уильям Григгс тщательно осмотрел пациенток, но не смог найти причин, приводящих к этим ужасающим симптомам.

Болезнь быстро перекинулась на 12-летнюю подругу девочек Энн Патнэм, затем на 17-летнюю подругу Энн Мэри Уолкотт и на служанку Патнэмов Мерси Льюис, которой тоже было 17 лет. Вскоре еще десять девушек и молодых женщин в возрасте до двадцати лет столкнулись с теми же проблемами.

Преподобный Пэррис, получивший образование в Гарварде, а также другие видные деревенские старейшины пришли к самому логичному выводу в такой ситуации: «Среди нас пробудился дьявол», – и страшное колдовство стало разрушать прочные устои общины с ее упорядоченной во всем жизнью. Коттон Мэзер – наиболее ученый и влиятельный министр в колонии, сын преподобного Инкриза Мэзера, президента Гарварда, – уже предупреждал о подобной угрозе в своем известнейшем трактате «*Памятные знамения*» и сам исследовал заколдованных детей в

Бостоне.

Чтобы подтвердить диагноз врача и убеждение министра, пришлось применить самые разные научные методы. Соседка преподобного Пэрриса Мэри Сибли, чья племянница Мэри Уолкотт была одной из пострадавших, заставила рабыню Пэрриса по имени Титуба, а также Джона Индиана, мужа Титубы, испечь ведьмин пирог. Этот хорошо себя зарекомендовавший метод впервые был применен в Англии. Вместо молока брали мочу больных девочек и смешивали ее с ржаной мукой. Когда вынутый из печи пирог остывал, им нужно было накормить собаку. Если у собаки после этого проявлялись те же симптомы, что и у больных людей, тогда считалось доказанным: люди действительно пострадали от колдовства. А когда подозреваемую ведьму вычислили, то можно было прибегнуть к «проверке прикосновением», которую описал Декарт в своем «Учении об эффлювии». Если подозреваемый коснулся жертвы во время приступа и приступ прекратился, значит, подозреваемый и вызвал ту беду.

Ближе к концу февраля некоторые из девочек назвали имена трех женщин, которые мучили их. Первой была Титуба, она развлекала девочек рассказами, заклинаниями и прибаутками-заговорами из своего фольклора. Второй оказалась Сара Гуд – старая бездомная попрошайка, которая ходила от двери к двери и, как было известно, ворчала на тех, кто не подавал ей милостыню. Третья – вдова Сара Осборн – к вящему неодобрению всего города вышла замуж за слугу и к тому же редко посещала церковь. Всем было понятно, что столь маргинальные члены общины вполне могли вступить в сговор с дьяволом. Суд выдал ордера, и женщин арестовали по подозрению в колдовстве. К этому моменту следователи располагали солидной информацией для работы с подозреваемыми.

Первого марта мировые судьи Джон Хаторн и Джонатан Корвин начали слушания в молитвенном доме деревни Салем-Виллидж, переоборудованном во временный зал суда. Все девочки подтвердили, что на них напал *призрак* Сары Гуд.

Во время строгого допроса «тетушки» (их прозвали Goodies, от слова Goodwive – «мать семейства») Гуд и Осборн отрицали, что они ведьмы. Титуба, очевидно стараясь спасти себя, призналась, что была соблазнена дьяволом, но утверждала, что больше ему не служит. Следуя той же тактике, Гуд стала доказывать, что детей мучила именно Осборн. Однако проницательные следователи поняли: раз она об этом знала, значит, тоже является ведьмой.

На следующей неделе всех трех подозреваемых отправили в

тюрьму Бостона, которая находилась в двадцати милях, и слушания продолжились. Всех, кого обвиняли девушки, доставляли на экспертизу, и большинство из этих людей отправлялось в тюрьму. Вскоре в список подозреваемых стали попадать уже не только маргинальные члены общины. Не прошло и месяца, как к ответу были призваны и благочестивые прихожане церкви, такие как Ребекка Нёрс.

При этом поведение пострадавших девочек не улучшилось. По всему выходило так, что дьявол облюбовал Салем и его окрестности. Ситуация достигла критических масштабов – будто смертельная болезнь, эти странные приступы стремительно распространялись, и носителем этой болезни мог оказаться любой. Никто не оставался вне подозрений.

Марта Кори высказала вслух общую мысль: а стоит ли настолько верить в показания пострадавших девочек? Вскоре после этого эти девочки увидели ее призрак в церкви на балке под потолком, прямо над ними. Они рассказывали, что призрак Марты держал на руках странную желтую птицу, словно Богоматерь держит младенца.

Одна из девочек, Мэри Уоррен, указала на свою хозяйку Элизабет Проктор. Муж Элизабет, известный и процветающий фермер, не верил в колдовство, как и Марта Кори. Когда дело Элизабет слушалось в суде, девочки выкрикивали его имя. Во время допросов Мэри не раз заявляла, что муж Элизабет – колдун.

Вне молитвенного дома, где слушалось дело, Мэри, как выяснилось, признала, что Джон Проктор никакой не колдун. Она предположила, что действия юных обвинительниц – всего лишь забава. Услышав это, другие девочки назвали ведьмой уже ее. Мэри арестовали, и после нескольких официальных допросов она тоже заявила, что Прокторы – колдун и ведьма.

Расследование приобрело такие масштабы, что его штаб пришлось перенести в большую церковь Салем-Тауна, в восьми милях от первоначального места.

Тем временем Сара Осборн умерла в заточении, а Сара Гуд родила. Ее ребенок скончался в тюрьме, и это лишь подтвердило подозрения в том, что у нее черная душа.

Тридцать первого мая на обвинения мировых судей отвечал Джон Олден. Это был 60-летний уважаемый всеми морской капитан и индейский борец[1], сын знаменитой пары Джона и Присциллы Олден. Он тоже не верил в колдовство и имел смелость предположить, что хорошая порка сможет излечить девочек от их припадков. Вскоре жертвы странного недуга назвали его главным колдуном.

Суд Ойер и Терминер, созданный для рассмотрения дел всех этих обвиняемых, состоял из семи судей, ученых и уважаемых людей. Губернатор Фипс назначил своего заместителя Уильяма Стоутона председателем с полномочиями главного судьи. Судьи посоветовались и определили некоторые ключевые правила. Признавшись, ведьма не понесет наказания. Это и позволит проявить милосердие, и побудит подсудимых называть имена других людей, практиковавших черные искусства. Стоутон консультировался с самыми известными и опытными пасторами Массачусетского залива и, наконец, пришел к выводу, что принимать следует и призрачные улики, связанные с видениями из потустороннего мира.

Таким образом суд подготовился к явке своей первой подсудимой, Бриджет Бишоп.

В 60 лет Бишоп похоронила уже двух мужей, из-за смерти второго ее обвинили в колдовстве еще прежде, чем разразился описываемый переполох. Но тогда ее оправдали. Потом она вышла замуж за Эдварда Бишопа, успешного владельца лесопилки.

Пять девочек назвали ее имя среди тех, кто причинил им ужасный вред. Владелец красильни Сэмюэл Шаттак дал показания о том, что тетушка Бишоп приносила ему на покраску «кусочки разных кружев», такие маленькие, что сгодились бы только на куклу. Что-то похожее проводили с куклами вуду. А Джон и Уильям Блай рассказали, что во время работы в подвале дома этой женщины видели кукол в черных кружевах, а еще она уморила колдовством их свинью. Несколько мужчин засвидетельствовали, что дух тетушки Бишоп появлялся в их домах и нападал на них во сне.

Во время допроса в суде Бишоп упорно отрицала, что она ведьма, что мучила девочек или заставляла их подписывать книгу дьявола. Неспособность признаться показала, что ее нельзя спасти.

К концу дня все правила юриспруденции были соблюдены, все необходимые судебные процедуры выполнены. Присяжные вернулись с приговором: они признали Бриджет Бишоп виновной по всем пунктам обвинения в колдовстве.

Восемь дней спустя, 10 июня, ее привезли на Холм виселицы – Гэллоуз-Хилл – и повесили.

Пять дней спустя двенадцать авторитетных министров Массачусетского залива уведомили суд письмом о своих сомнениях насчет правдивости призрачных показаний. Коттона Мэзера обеспокоило неверное понимание научного подхода. Он сделал вывод, что свидетельства о появлении призраков ведьм

перед их жертвами ненадежны. Ведь дьявол может запросто принять облик любого человека, а тот ничего не заподозрит.

Однако судебное разбирательство не остановилось. Уильям Бил сообщил большому жюри округа Эссекс, что к нему явился призрак Филипа Инглиша, и на следующий день его сын Джеймс, больной оспой, умер, хотя до того, казалось, начал выздоравливать. К счастью для Инглиша, ему удалось сбежать из тюрьмы и переждать всю эту панику в Нью-Йорке.

Другим людям повезло меньше. Пять женщин, в том числе Ребекка Нерс, предстали перед судом 29 июня. Тетушку Нерс – 70-летнюю мать и бабушку из известной фермерской семьи – присяжные оправдали из-за отсутствия доказательств. Но когда огласили приговор, с пострадавшими девочками в зале суда началась истерика. Главный судья Стоутон увидел в этом *prima facie* – очевидное подтверждение ее вины, и настоял на отмене вердикта присяжных.

Девятнадцатого июля всех пятерых женщин повесили на Гэллоуз-Хилл.

К концу сентября девятнадцать подсудимых – тринадцать женщин и шестерых мужчин – признали виновными в колдовстве и казнили через повешение. Дело Джорджа Берроуза окончилось для него неудачей из-за того, что он не крестил одного из своих детей – а ведь это явное подтверждение связей с сатаной. Его повесили 19 августа вместе с Джоном Проктором и тремя другими осужденными. Их отлучили от церкви как ведьм и колдунов, признанных судом, и не стали хоронить надлежащим образом.

Двадцатый подсудимый – 80-летний фермер по имени Джайлз, муж Марты Кори, – отказался признавать вину и выразил протест против законности всей процедуры расследования. Судьи приказали отвести его в поле и класть ему на грудь тяжелые камни, пока тот не запросит пощады. Но на все обращения к нему Джайлз отвечал: «Прибавьте веса!» Старик задохнулся под этим весом, но не признал себя колдуном.

Между тем судебные слушания вызывали все большую тревогу, число критиков этого процесса постоянно увеличивалось. Министров из числа голландских и французских кальвинистов в Новой Англии беспокоил вопрос достоверности доказательств. Главный судья Нью-Йорка выразил озабоченность по поводу качества правосудия. Томас Брэттл, известный бостонский математик и астроном, член Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе, опубликовал письмо с резкой критикой уже проведенного в Салеме судебного процесса. Он написал: «*Я боюсь, что веками будут порицаться эти события и*

останутся от них несмываемые пятна на нашей земле».

Очевидно, губернатор Фипс нервничал. Он убедил Коттона Мэзера опубликовать трактат *«Чудеса невидимого мира»* в виде «*отчета о суде над несколькими ведьмами, недавно казненными в Новой Англии*». Автор надеялся, что его труд «очень поможет утихомирить волны ярости, которые мы сейчас так сильно обрушиваем друг на друга».

Несмотря на казни, зло продолжало захватывать деревню Салем и соседние общины. Дело заходило все дальше. Девочки обвиняли всех, на кого хватало выдумки, включая жену губернатора Мэри Фипс. Одна из них указала даже на самого Коттона Мэзера.

В октябре Инкриз Мэзер, отец Коттона, посетил Салемскую тюрьму и обнаружил, что некоторые из тех, кто признался, хотят отказаться от своих показаний. Во время большей части процесса он находился в Англии, а когда вернулся, то очень встревожился тем, что узнал. Мэзер-старший высказал свои опасения в трактате: «*Вопросы совести по отношению к злым духам в обличье людей, колдовству, безошибочным доказательствам вины в подобных случаях*».

В этом трактате Мэзер сформулировал свою знаменитую фразу: «*Пусть лучше десять подозреваемых ведьм сбегут, чем один невиновный человек будет осужден*». Эта его позиция, конечно же, стала моральной основой современной нам системы правосудия.

Важно отметить, что почти все побуждения остановить происходивший кошмар возникли *за пределами* Салемской общины.

Еще до конца октября Общий суд колонии Массачусетского залива приказал провести встречу министров для оценки сложившейся ситуации. Через три дня губернатор Фипс распустил суд Ойер и Терминер, а всех оставшихся заключенных освободили под залог.

В конце ноября был создан новый Верховный суд для рассмотрения оставшихся дел, но больше не было ни обвинительных приговоров, ни казней. Люди перестали обращать внимание на больных девочек, у тех прекратились демонстративные припадки, и Салемские суды над ведьмами подошли к концу. В мае 1693 года губернатор Фипс помиловал всех оставшихся подсудимых. Никого и никогда больше не казнили за колдовство ни в американских колониях, ни в той стране, которая позже возникла из этих колоний.

Причины недугов девочек остаются предметом споров. Кто-то говорил, что это был неправильно диагностированный физический недуг, возможно, грибковая инфекция от злаковых,

которую сейчас называют отравлением спорыньей. Хотя это не объясняет, почему симптомы проявлялись только у девочек и молодых женщин от девяти до двадцати лет. Возможно, началось все с того, что две девушки просто искали внимания, а позже пытались избежать наказания за самовольный переход строго установленных для них социальных границ. Или же там случилось массовое конверсионное расстройство[2], когда существовавшие ранее невротические состояния преобразовались в физические симптомы у нескольких человек одновременно. Не такое уж необычное явление, как можно подумать.

Как бы то ни было, случай перерос в массовую истерию, которая продолжалась до тех пор, пока ей не уделили должного внимания.

Преподобного Сэмюэла Пэрриса, в чьем доме все и началось, отстранили от управления церковью, он покинул Салем-Виллидж с позором.

Заместитель губернатора Уильям Стоутон возглавлял судебные процессы, твердо верил в колдовство и заставил присяжных осудить Ребекку Нерс. В его честь названы город в штате Массачусетс и здание в Гарвард-Ярде.

Правнук следователя Джона Хаторна изменил написание своей фамилии, чтобы отделить себя от печально известного предка. Позже своими работами Натаниэль Готорн[3] принес честь и славу этому имени.

В январе 1697 года Общий суд проголосовал за создание фонда для возмещения убытков и выплаты репараций обвиненным в колдовстве и выжившим из числа приговоренных к казни.

А 25 августа 1706 года уже 26-летняя Энн Патнэм, та самая, которая в двенадцать лет стала одной из первых обвинительниц ведьм, подала прошение в церковь Салем-Виллидж. Она публично признала свою роль в событиях 1692 года и умоляла о прощении Бога и всех, кого она обидела. Прихожане единогласно проголосовали за удовлетворение ее прошения.

Сегодня та деревня называется Данверс, а Салемский музей ведьм в Салем-Тауне – это популярный туристический аттракцион, который удивительным образом сочетает подробный исторический ракурс с острыми, пробирающими до костей жуткими хеллоуинскими ощущениями. Но, как мы уже видели, для тех, кто попал в этот водоворот, шумиха вокруг салемских ведьм стала смертоносно серьезной и надолго омрачила раннее уголовное правосудие Америки. Пока истеричным девушкам и их сторонникам позволялось вершить судьбы общества, в

безопасности не оставался никто.

Причина для такого детального рассказа о том давнем деле заключается в том, что, к сожалению, оно до сих пор напоминает о себе, когда нечто подобное происходит в системе современного уголовного правосудия. Это случается, когда кто-либо – прокуроры, защитники, присяжные, средства массовой информации, общественность в целом – высказывает предвзятые мнения или убеждения, которые являются преждевременными и противоречат фактам, доказательствам или даже здравому смыслу. И не имеет значения, идет речь о невинно осужденных людях или же о виновных, избежавших наказания. Несправедливость работает в обе стороны.

В Салеме присутствие и влияние Сатаны воспринималось всеми как реальность, поэтому такое предубеждение, предвзятое суждение являлось фактором повседневной жизни того общества. Но таким фактором могло оказаться что угодно. Догадки и допущения, ложные признания и отказ от показаний, недоверие к чужакам и страх перед теми, кто отличается от других, врожденная потребность в объективности, авторитете или получении разгадки… все это составляющие той салемской истории. Однако итоги судебного процесса в Салеме не положили конец влиянию подобных факторов. Мы увидим вариации тех же явлений во всех случаях, о которых расскажем на следующих страницах.

Триста лет спустя многие уроки Салема так и остаются неусвоенными.

Часть первая. Мое личное странствие

Глава 1. пОймай меня прЕжде, чем я убью снова

Это было одно из самых отвратительных и жестоких убийств в истории Чикаго – а тогда этот город уже успел получить печальную известность благодаря жестокости совершенных там преступлений.

Рано утром, в понедельник 7 января 1946 года, очаровательную шестилетнюю белокурую девочку по имени Сюзанна Дегнан похитили из ее спальни в доме родителей по адресу 5943 на улице Северная Кенмор-авеню в районе Эджуотер северной части Чикаго. В неграмотно написанной записке от родителей потребовали 20 тысяч долларов, предупредили «*не ОбРащаться в ФБР или полицию*», и велели «*оЖЕдать ИзВестий*». За окном спальни Сюзанны обнаружилась лестница.

В полицию позвонил человек, который не представился, а затем посоветовал проверить канализацию возле дома семьи Сюзанны. Еще до заката полиция обнаружила расчлененные останки девочки в нескольких канализационных коллекторах рядом с ее домом, а также в сплошь залитой кровью прачечной в подвале многоквартирного дома на соседней улице Уинтроп-стрит, где разрезали тело ребенка. Смерть явно наступила от удушения и произошла где-то между прачечной и домом семьи Дегнан.

Всё это произошло через год после моего рождения. К тому времени, когда я стал изучать это дело, тот человек, которого признали виновным и осудили за убийство малышки, сидел в тюрьме уже тридцать три года.

После командировок в Детройт и Милуоки в качестве местного агента, в 1977 году я получил направление в отдел поведенческих наук (BSU) Академии ФБР в городе Куантико, штат Вирджиния, где преподавал прикладную криминальную психологию по программе национальной академии бюро. Слушатели там были разные: агенты-новобранцы, опытные детективы, полицейское начальство. Проблема заключалась в том, что многие из этих парней (в то время женщин среди учащихся у нас было очень мало) знали об обучающих примерах больше меня. Иногда к нам попадал шеф полиции или старший следователь, реально работавший по какому-либо делу, которое рассматривалось в качестве учебного примера.

Не желая показаться несведущим, глупым или тем и другим перед матерыми копами, я решил встретиться лицом к лицу с

жестокими убийцами, выяснить, что происходило у них в головах во время совершения преступлений и какие мысли приходили к ним потом. Мы с коллегой-инструктором Робертом Ресслером регулярно проводили «выездные школы» для местных отделений полиции и шерифов по всей стране, и я понял, что эти поездки дают нам прекрасную возможность посетить особо опасных преступников в разных учреждениях для длительного содержания.

Так, неформально и неофициально, мы приступили к изучению серийных убийц, а в итоге все это вылилось в подробнейшее исследование с финансированием от Национального института юстиции (NIJ). В соавторстве с Ресслером и доктором Энн Берджесс из Пенсильванского университета я написал две знаковые книги – «*Сексуальные маньяки. Психологические портреты и мотивы*» *(Sexual Homicide: Patterns and Motives)* и «*Руководство по классификации преступлений*» *(Crime Classification Manual)* – и укрепил свою карьеру как первого оперативного поведенческого психолога-криминалиста ФБР.

Удивительно было – по крайней мере, для нас в то время, – что практически каждый убийца из нашего «списка желаемых лиц» согласился поговорить с нами. Одно из самых ранних интервью я и Боб Ресслер взяли у Уильяма Джорджа Хайренса в тюрьме Стейтсвилл в городе Джолиет, штат Иллинойс. В 17 лет Хайренс признал себя виновным в убийстве маленькой Сюзанны Дегнан, а также двух взрослых женщин: 40-летней домохозяйки Джозефин Росс и 31-летней Фрэнсис Браун, которая служила в женском подразделении WAVE Военно-морского флота во время Второй мировой войны.

Обнаженное окровавленное тело Браун обнаружили в ее квартире неподалеку от дома Росс утром 11 декабря 1945 года, когда горничная Марта Энгельс пришла туда убираться. Она обнаружила Браун в ванне с пулевым ранением черепа и с ножом в горле. На стене гостиной красной помадой убитой Браун была нацарапана то ли мольба, то ли, возможно, издевательская насмешка:

Ради бОга пОймай Меня
ПрЕжде Чем Я Убью Снова
Я не могу себя контролировать

На следующий день расторопные чикагские газетчики уже успели опубликовать новости об этом, где назвали неизвестного субъекта (в наших кругах неизвестный субъект называется термином UNSUB) этого отвратительного и ужасного

преступления «Помадным убийцей».

Мы с Ресслером подготовились к интервью в Джолиете, изучив материалы дела Уильяма Хайренса и сведения о его пребывании в тюрьме. Он был образцовым заключенным на протяжении всего срока и первым из осужденных в Иллинойсе, кто получил высшее образование, выполнив дипломную работу.

В отличие от многих преступников, кого мы исследовали или только собирались, в Хайренсе не обнаруживалось никакого высокомерного, «зловещего», эгоистичного или властного поведения. В нем не было ничего пугающего; в отличие от некоторых, с кем мы беседовали, он не производил впечатления зверя, жаждущего оторвать нам головы. Он был вежлив, грамотно разговаривал, однако на протяжении всех нескольких часов интервью настаивал на своей невиновности. Он утверждал, что его запугали в полиции Чикаго, вынудив признаться. Жаловался на своих адвокатов: якобы, желая спасти его от электрического стула, они придумали сделку с признанием вины и заставили ее заключить.

На любой наш вопрос у Хайренса был готов ответ. Он открыто признался в своей продолжительной карьере взломщика, однако клялся, что у него есть алиби на время совершения всех трех убийств и что его не было даже близко к местам совершения преступлений. Он так увлеченно рассказывал о своей невиновности, что его настойчивость стала убедительной, я был уверен, что Хайренс смог бы тут же успешно пройти проверку на детекторе лжи. Когда мы выходили из тюрьмы, я думал про себя: *черт возьми, может, этот парень и правда зря мотает срок?*

Одна из главных загадок человеческого существования – это то, что на самом деле происходит между двумя людьми в любой ситуации. Когда этой ситуацией становится убийство, такая тайна обостряется до крайности. *Возможно ли такое, чтобы этот конкретный подозреваемый оказался способен на худший поступок из тех, которые один человек может совершить против другого? А если нет, то кто это сделал?*

Сущность уголовного правосудия заключается в том, чтобы собрать как можно больше доказательств, улик, любых зацепок, какие только приходят на ум, и в итоге представить и рассказать логическую, последовательную и правдоподобную историю. Она должна возникнуть и у следователя, и у защиты, и у обвинения. Версия, которая подкупает присяжных, в конечном счете и определяет исход дела. Я научился этому, а нынешние психологи-криминалисты учатся в Академии ФБР в Куантико: применяют наши знания, опыт и чутье, чтобы интуитивно составить историю, в которой жертва известна, а хищник неизвестен. Как всегда

бывает в уголовном правосудии, есть несколько способов рассказать остальную часть истории Уильяма Хайренса.

Меня настолько впечатлили его вполне правдоподобные заявления о своей невиновности, что по возвращении в Куантико я откопал свои копии материалов дела и просмотрел все ключевые моменты.

Я перенес материалы на второй этаж академической библиотеки, куда часто ходил, когда хотел сосредоточиться. На моем рабочем месте постоянно звонил телефон, да и коллеги частенько заходили со своими вопросами или еще под каким-то предлогом, мешая мне этим. Кроме того, работая в той сфере, основные метафоры для которой – мрак и ночь, я предпочитал солнечный свет. В то время отдел поведенческих наук располагался в офисах на глубине 18 метров под землей, это пространство изначально было спроектировано как бункер для экстренных служб. Что и стало причиной для появления частенько звучавшей шутки о том, что нас похоронили в десять раз глубже любых мертвецов.

Разумеется, все факты в пользу обвинения ясно просматривались в материалах дела Хайренса. У него было сомнительное прошлое, чего и следовало ожидать от серийного убийцы: он был рискованный одиночка, чуть не сжег дом во время химического опыта, а позже спрыгнул с крыши гаража, чтобы опробовать свои самодельные крылья из картона; его родители были склонны к жестокости и регулярно сталкивались с денежными проблемами; у него за плечами были серийные кражи со взломом, начиная с тринадцати лет; он обвинялся в нарушении законов об оружии; он учился в исправительных школах. Судя по краденым книгам, которые нашлись у него, включая «*Половую психопатию*» Ричарда фон Крафft-Эбинга, а также по альбому, составленному на тему нацистов, Хайренс, похоже, испытывал неослабевающий интерес к сексуальным извращениям. У него даже обнаружили собственный переносной хирургический набор. Инструменты были слишком маленькими и хрупкими, чтобы ими удалось разделать тело, но интерес, проявляемый к подобным вещам, явно не улучшал положение того, кто признался в посмертном расчленении ребенка.

Само признание вышло достаточно прямолинейным, за исключением эпизодов с соучастником по имени «Джордж Мурман». Следователи решили, что для преступника это была возможность спасти репутацию, «альтер эго», «другое я», тот, кто «довел его до этого». Джордж – второе имя Хайренса, а Мурман, как решили следователи, сокращение от слова «убийца» (murder

man). Похоже, наше исследование вскоре продемонстрирует нам классический случай перерастания замысла кражи в убийство, когда хозяева дважды непредвиденно оказались дома во время взломов. В дальнейшем ситуация обостряется и приводит к жестокому убийству маленькой девочки. Хайренс официально подписал признание не один раз, а дважды, оба раза в присутствии адвокатов.

С прочими деталями дела тоже все было в порядке. Убийства совершались в тех же районах, где Хайренс грабил дома. Можно обозначить эти адреса его «зоной комфорта». Задержали преступника в разгар кражи со взломом, и он пытался стрелять в полицейских, пока один из них, сообразив, что происходит, не разбил об его голову керамический цветочный горшок. Хайренс попал в медицинский изолятор Брайдуэлл, связанный с тюрьмой округа Кук. Несмотря на свою фрагментарную учебную подготовку, подозреваемый оказался достаточно умен, чтобы поступить в прославленный Чикагский университет в возрасте шестнадцати лет. В этом Хайренс повторил подвиг других печально известных чикагских убийц, Натана Леопольда и Ричарда Лёба, осужденных за жестокое убийство 14-летнего соседа и троюродного брата Лёба, Бобби Фрэнкса, причем из камеры смертников их вытащила только пылкая защита легендарного адвоката Кларенса Дэрроу. Местная пресса следила за тем, чтобы ни одна из подробностей нового дела не ускользнула от запуганной и жаждущей новостей публики. Газета *Chicago Tribune* назвала убийство Сюзанны Дегнан *одним из самых жестоких убийств в Америке со времен дела Лёба – Леопольда*.

Поступив в престижный университет, Хайренс специализировался на электротехнике и продолжал грабить частные дома, магазины и апарт-отели[4]. Мизерные суммы денег, драгоценности и странные штучки, которые он воровал, свидетельствуют о нем как о человеке, больше заинтересованном во всплеске адреналина, нежели в прибыльной преступной деятельности. Если этот парнишка смог до такой степени мысленно разграничить свою жизнь, то, возможно, горестный призыв поймать его прежде, чем он убьет снова, мог иметь какой-то смысл. Можно даже объяснить эти незрелые каракули психологической попыткой отделить интеллектуально одаренного «Билла Хайренса» от зловещего «Джорджа Мурмана».

Наиболее убедительными были вещественные доказательства: отпечаток пальца Хайренса обнаружился как на записке о выкупе, так и на окровавленном дверном косяке в квартире Фрэнсис Браун. Отпечаток с записки с требованием выкупа в итоге вызвал сомнения, поскольку не набрал

необходимых пятнадцати точек сравнения (их было девять; ФБР требовало минимум двенадцать). Но тот, что нашли на месте убийства Браун, совпадал идеально точно.

В таком контексте сущность дела проясняется. Сидевший в тюрьме долгие годы, умный и склонный к самоанализу, Хайренс располагал бесконечным временем для размышлений. Он позволил своей психике пренебречь реальностью и убедил себя в том, что хоть он и матерый серийный вор, но в тех трех убийствах, взятых на себя, он не виновен.

Мы изучали дело Уильяма Хайренса в течение многих лет после того, как включили его в наш «Проект по исследованию личности преступников» – первое организованное исследование, в котором удалось соотнести каждый этап насильственного преступления с тем, что преступник думал и делал в это время. Это исследование легло в основу научной дисциплины, доказавшей свою точность и полезность при поиске и судебном преследовании серийных убийц, насильников и других жестоких, хищных преступников в течение более чем сорока лет, благодаря многим тысячам расследований и судебных процессов.

В 1987 году, почти через десять лет после моей беседы с Биллом Хайренсом, в Куантико приехал Джо Хоргас, детектив из соседнего округа Арлингтон, штат Вирджиния. Долгие годы Хоргас упорно занимался расследованиями, и после этой работы, которую я считаю блестящей и вдохновляющей, он предположил, что нащупал связь между преступлениями в Арлингтоне. Дерзкие взломы, жестокие изнасилования и ужасающие убийства с изнасилованиями, совершавшиеся на протяжении нескольких лет в этом городе, перекликались с аналогичными преступлениями в соседней Александрии и в окрестностях Ричмонда. Многие другие сотрудники полицейских управлений этой связи не улавливали. Однако Хоргас был убежден в ее существовании. По его мнению, серия преступлений восходит к арлингтонскому убийству Кэролин Хэмм, 32-летней женщины-адвоката, в 1984 году.

После того как мы выслушали презентацию детектива и изучили все собранные им доказательства – от времени и метода перехода к физическим и поведенческим особенностям до выбора жертв и лабораторных отчетов, – мы согласились, что случаи почти наверняка связаны. В нашем деле очень мало абсолютных понятий, в психологической криминалистике – ни единого, но это было чертовски хорошее совпадение.

Затем Хоргас поразил нас неожиданным выпадом. «На самом деле, дело Хэмм закрыто просто потому, – пояснил он, – что одного человека арестовали, отправили под суд и приговорили».

Ничего себе!

Хоргас рассказал нам о Дэвиде Васкесе, 37-летнем латиноамериканце, которого полиция Арлингтона арестовала спустя две недели после убийства. Он жил с другом по соседству с Хэмм, и двое свидетелей видели его около дома убитой. Когда детективы обыскали его комнату, они нашли там порнографические материалы с изображением женщин с кляпом во рту и обездвиженных веревками, а также тайно сделанные фотографии женщин на разных стадиях раздевания. Причастность Васкеса к убийству не смогли доказать по обнаруженным на теле или одежде жертвы образцам спермы, на это намекали только лишь образцы волос. Но он признался!

«Полагаете, здесь замешан не один человек?» – спрашивал Хоргас.

Это далеко не праздный вопрос. Поскольку Васкес явно обладал крайне ограниченным интеллектом, а преступление было изощренным, то предположение о том, что убийство Хэмм могло быть делом рук двух преступников, казалось достаточно убедительным. Причем неизвестный субъект (UNSUB) командовал, а Васкес ему подчинялся. За прошедшие годы мы сталкивались с подобными случаями, так что это вполне осуществимо. Обычно на месте преступления остаются довольно заметные признаки присутствия как организованной, так и неорганизованной группы.

Однако Васкес ни разу не упомянул кого-либо еще, и в деле Хэмм не нашлось ничего, что указывало бы на преступление с участием двух лиц. На самом деле, судя по тому, что Хоргас рассказал нам о Васкесе, вряд ли у того хватило бы интеллектуальных способностей или криминального опыта для осуществления чего-то настолько преступно изощренного.

В какой-то момент преступления в Северной Вирджинии прекратились, но через три года похожие криминальные события начались в Ричмонде, этот факт позволил установить закономерность между ними и дал пищу для новых размышлений. Поскольку преступники такого типа редко прекращают убивать сами по себе, то мы предположили, что реального виновника задержали за какое-то другое преступление, например, за кражу со взломом, приговорили к трем годам тюремного заключения, а потом он каким-либо образом оказался на свободе в Ричмонде.

Хоргас стал прорабатывать эту версию, отслеживая каждую запись о ком-то, кто мог бы соответствовать обозначенным параметрам. Он вернулся к районам Арлингтона, где были совершены первые преступления. Вскоре он вспомнил о

проблемном афроамериканском подростке по имени Тимоти Уилсон Спенсер, дело которого Хоргас расследовал в связи с обвинением в краже со взломом. Несколько проверок на компьютере подтвердили точное попадание в «яблочко». В 1984 году, когда Спенсеру было 22 года, он был арестован за кражу со взломом в Александрии, а в 1987 году его отправили в реабилитационный центр в Ричмонде. Как только Спенсер был выбран в качестве подозреваемого, все встало на свои места. Самое главное, его ДНК совпала с образцами, обнаруженными на местах трех убийств и нескольких изнасилований.

Хотя Спенсер ни в чем не признался, его осудили за убийство первой степени, признали виновным в ходе трех отдельных судебных процессов и во всех трех случаях приговорили к смертной казни. Его осуждение явилось первым успешным применением анализа ДНК в качестве доказательства в судебной истории Соединенных Штатов. После отклонения всех его апелляций 27 апреля 1994 года Тимоти Уилсона Спенсера казнили на электрическом стуле в тюрьме города Джаррат штата Вирджиния.

Этот результат очень радует таких людей, как я, чья профессиональная деятельность заключается в помощи полицейским отыскивать и сажать в тюрьму худших членов общества, добиваясь при этом справедливости для тех, кто больше не может защитить себя. Однако один гигантский узел развязать так и не удалось. Дэвид Васкес остался в тюрьме за преступление, которое, по нашему убеждению, входило в цепочку криминальных действий, совершенных кем-то другим. Два свидетеля против Васкеса не стали менять свои показания, а образцы ДНК с места преступления пришли в такое плохое состояние, что стали бесполезными. Чтобы с большей вероятностью вызволить невинно осужденного – продемонстрировав, что убийство Хэмм совершено тем же человеком, что и другие убийства, – скорее всего требовалось применить научные методы бихевиористики[5]. Именно тогда мы взяли на себя главенствующую роль.

Группа психологов-криминалистов в ФБР теперь называется отделом поведенческого анализа (BAU). Когда я стал первым штатным специалистом по психологической криминалистике, то работал в отделе поведенческих наук, в основном оторванном от практики. Чтобы наши клиенты-полицейские стали относиться к нам серьезно, а также чтобы «избавиться от клейма BS (поведенческих наук)», я назвал новую группу психологов-криминалистов отделом поддержки расследований (ISU). В этот отдел вошло двенадцать специалистов, которых я ласково

прозвал «Чертовой дюжиной». Вскоре мы анализировали уже более тысячи дел в год, поэтому создали систему, в которой каждому специальному агенту отдела был назначен свой географический регион страны.

Когда рассматривалось дело Васкеса – Спенсера, Вирджинию курировал агент Стив Мардиджиан. Он приступил к сбору материалов и анализу каждого аспекта всех связанных с этим преступлений. Спустя несколько месяцев работы он представил нам свои выводы на тематической конференции. Мы сошлись во мнении о том, что здесь работал находчивый, опытный, злой и склонный к манипулированию сексуальный садист. Дэвид Васкес не совершал и не мог совершить убийство Кэролин Хэмм.

Завершив анализ, мы вместе с Джо Хоргасом и арлингтонской полицией обратились к Хелен Фэйи, прокурору округа Арлингтон, с просьбой убедить губернатора Джеральда Бэлайлза полностью помиловать Васкеса. К ее петиции прилагался отчет, подписанный мной и Мардиджианом. Менее чем через три месяца Дэвид Васкес вышел на свободу, проведя четыре года в тюрьме за преступление, которое признал, но не совершал.

Если бы его адвокат защиты обратился к нам за помощью по этому делу, нам пришлось бы отказать ему. Это дело не относилось к федеральной юрисдикции, поэтому мы могли вмешиваться, только если нас попросили местные правоохранительные структуры. Кроме того, мы работали на пределе возможностей и свои услуги предлагали только полиции, шерифу и другим следственным органам, а не тем, кто обвиняется в преступлениях. Даже если бы у нас появились соответствующие возможности, я не могу себе представить, чтобы руководство ФБР позволило нам поступать по принципу «и нашим и вашим».

Однако благодаря работе над этим делом мы прояснили сущность признания Васкеса. Напуганный и загнанный в угол на допросах в полиции, он понял, что его единственное «спасение» – это угождать следователям, сотрудничать с ними и давать им те показания, которые им нужны. Намеренно или нет, его так сильно нагрузили информацией, что она превратилась для него в «видение» о том, что он убил Кэролин Хэмм. Васкес наивно предполагал, что если будет слушаться полицейских, то его отпустят.

Был ли приговор Дэвиду Васкесу ужасной судебной ошибкой? Конечно был. Но позвольте мне указать на один важный фактор. Да, сотрудники правоохранительных органов посадили Васкеса за решетку. Но его вызволили также сотрудники

правоохранительных органов, а не репортеры, юристы или гражданские борцы за права человека. Именно непредвзятость, беспристрастность и порядочность (или отсутствие этих качеств) у тех, кто связан с процессом уголовного правосудия, лежат в основе этой книги.

Если формулировать в самом общем виде, то цель нашего подхода к системе уголовного правосудия – это попытка сотворить невозможное: по максимуму восстановить гармонию в мире после того, как кто-то совершил поступок, нарушающий эту гармонию. В данном контексте – противозаконный поступок. Системе уголовного правосудия известны и понятны собственные ограничения как в плане возвращения потерпевших к нормальной прежней жизни, так и в плане определения истины в последней инстанции. Просто запомните: *никого и никогда не признают невиновным*. Это так. Единственное, на что способна система, это найти различие между «виновным» и «невиновным». Доказан ли уровень адекватной убежденности человека в своих поступках? Это тот вопрос, на который система всегда стремится получить ответ. Мы знаем, что это самое оптимальное из доступных нам действий, поэтому мы должны постараться выполнять его как можно лучше.

Долгое время после того, как мы закрыли дело Васкеса, оно продолжало преследовать меня. Так и должно происходить с любым представителем правоохранительных органов, если он серьезно относится к своему долгу. Я всегда считал, что признание – это идеал развития событий: если человек признался, значит, дело раскрыто! Но Дэвид Васкес поставил эту мысль под сомнение.

Что заставляет нас вернуться к Уильяму Хайренсу.

Глава 2. По итогам дальнейшего рассмотрения

Когда в начале своей карьеры специального агента ФБР вы получаете первое задание в местном офисе, вы еще довольно наивны в отношении некоторых вещей, особенно если у вас, как и у меня, еще не было опыта работы в правоохранительных органах. Вы довольно быстро понимаете, что не все рады вас видеть, и я говорю не только о плохих парнях. Одни полицейские управления приветствуют помощь, которую может предоставить им Бюро, в то время как другие считают нас за горилл в две сотни килограммов весом, которые играют мускулами на их территории.

Когда вы новичок, вы склонны считать, что все отделения полиции и шерифов проводят полное и тщательное расследование, как вас и учили в Академии ФБР, а также что все доказательства, получаемые вами от них, являются убедительными и надежными. Что ж, это не всегда является правдой.

За годы своей работы в Бюро я обрабатывал огромное количество текущих дел, большую часть этого времени возглавляя отдел поддержки расследований, поэтому мне нечасто удавалось вернуться к рассмотрению криминальных историй, оставшихся в прошлом. Только когда я вышел на пенсию, у меня появилась возможность вернуться к преступлениям, которые я изучал в начале своей карьеры, таким как «Помадный убийца» в Чикаго.

Давайте разберем этот случай и посмотрим, получится ли на этот раз представить всю историю по-другому. Мы обратимся к некоторым фактам и событиям, которые мне были неизвестны во время тюремного интервью, а также воспользуемся опытом, исследованиями и знаниями, приобретенными при создании программы анализа уголовных расследований моего отдела. И начнем весь этот процесс так, словно составляем профиль личности неизвестного субъекта (UNSUB) для консультирования полицейских.

Во-первых, давайте разберемся, правильно ли мы понимаем роль психолога-криминалиста в уголовном расследовании.

Пункт номер один: мы не ловим преступников. Это задача полиции. Мы помогаем местным правоохранительным органам сосредоточить расследование на определенном типе неизвестного субъекта. В зависимости от доступных нам доказательств или улик мы можем предоставить полиции довольно специфические

данные: пол, расу, возраст, район проживания, мотивы, профессию, происхождение, личные отношения и другие аспекты личности предполагаемого человека. Мы также предложим превентивные методы, которые побудят преступника предпринять шаги в определенном направлении. После задержания подозреваемого мы можем помочь в допросах и в выборе стратегии обвинения. В ходе судебного разбирательства мы готовы предоставить экспертные показания о почерке, *modus operandi* (МО), мотивах, связях, классификации и подготовке преступления.

Вся эта работа основывается на наших исследованиях и специфическом опыте, куда входят уже десятки тысяч дел, что значительно больше, чем в практике любого местного следователя. По сути, мы используем те же приемы, что и наш вымышленный предшественник Шерлок Холмс. Все это основано на логических, дедуктивных и индуктивных рассуждениях, а наше основное уравнение таково:

ПОЧЕМУ? + КАК? = КТО

Это звучит просто, но в процессе анализа возникает бесчисленное множество переменных, и чтобы действительно приносить пользу, мы должны эту схему максимально конкретизировать. Все мы знаем стереотипы, например: белый мужчина, одинокий, в возрасте двадцати с небольшим лет. Но даже в тех случаях, когда это описание является точным, оно мало помогает, если мы не можем сказать ничего о том, где этот мужчина живет, что происходило в его жизни, какого типа изменения замечали в нем члены семьи, друзья и коллеги, когда и где он может нанести еще один удар, как он отреагирует на расследование и т. д.

Я всегда говорил новым агентам в своем отделе, что для составления профиля неизвестного субъекта этого недостаточно; следует составить еще и профиль жертвы. Вы должны понимать, вел ли этот человек образ жизни, связанный с повышенным уровнем риска, оставался ли пассивным или агрессивным перед лицом угроз, были ли у нее или у него враги или плохие отношения в прошлом и т. д. Но я пришел к выводу, что даже этого недостаточно. Нужно также составить профиль *ситуации*. Под этим я подразумеваю рассмотрение того, что происходит в ходе расследования и вокруг него. Какова социальная среда? Как люди относятся к конкретному преступлению? Какую роль играют СМИ? Каков уровень культуры в полиции? Есть ряд важных вопросов, которые можно задать, чтобы понять положение дел в данной местности.

Большинство людей знают о репутации Чикаго в бурные 20-е годы, когда сухой закон способствовал прибыльности крупных преступных группировок. Однако за прошедшие с тех пор годы город пережил много невзгод. После относительно спокойного периода во время Второй мировой войны городские власти обеспокоились тем, что наплыв вернувшихся военнослужащих и сокращение рабочих мест снова вызовут рост насильственных преступлений. Полиция и так уже ощущала сильную нагрузку. А когда в июне 1945 года, в конце войны, была убита Джозефин Росс, а затем в декабре Фрэнсис Браун, всего через четыре месяца после Дня Победы, эта нагрузка только усилилась.

В моем деле всегда учитывается роль СМИ, а в Чикаго была самая дерзкая и свободная пресса в стране. Когда у журналистов появился повод писать о «Помадном убийце», они начали доводить публику до безумия. И к тому же мы не можем игнорировать тот факт, что на протяжении первой половины XX века и даже позже в Чикаго сохранялась проблема с коррупцией. Это, в свою очередь, привело к двум другим проблемам: общественность цинично и скептически отнеслась к способности властей решать проблемы, а власти же чувствовали необходимость находить решения, независимо от того, располагают они средствами для этого или нет.

Если бы я консультировал полицейское управление в Чикаго после изучения случаев Росс и Браун, я бы посоветовал им поискать белого мужчину в возрасте от двадцати до тридцати лет, который уже был связан со взломами и насилием в отношении женщин. Этот человек стремился к контролю над происходящим, внутри него таилось огромное количество ярости, о чем свидетельствовал «перебор» однотипных ножевых ранений. Ни одна из женщин не отличалась агрессивностью и не вела рискованный образ жизни. Убили их случайно: к несчастью, жертва оказалась дома, когда туда вломился преступник. Вероятно, убийца воспринимает своих жертв просто в качестве объектов для нападения и вряд ли испытывает угрызения совести за содеянное. Убийства Росс и Браун – как и убийства, совершенные Тимоти Спенсером в Вирджинии, – показывают высокую степень криминальной изощренности, наработанные технические навыки и желание выплеснуть злость на женщин. Так я бы определил профиль личности старшего из неизвестных субъектов.

Я счел нацарапанное губной помадой сообщение на месте убийства Браун любопытным, но отнесся к нему скептически. Это могла быть насмешка нарциссического преступника, его стремление с гарантией спровоцировать шумиху вокруг этого

случая в прессе и обрести популярность в результате такого ужасного преступления. Но это могла быть и газетная утка, полностью выдуманная чересчур ушлым репортером, который сделал ставку на сенсацию. Когда мы с Марком Олшейкером изучали убийства Джека-Потрошителя в Уайтчепеле для книги «*Дела, которые преследуют нас*» *(The Cases That Haunt Us),* мы убедились, что печально известное письмо «Дорогой босс», откуда произошло прозвище Потрошителя, оказалось фальшивкой, вероятно, написанной предприимчивым викторианским журналистом, надеявшимся увеличить всеобщий интерес к делу. Проще говоря, после проведения психолингвистического анализа мы выяснили, что письмо не соответствовало профилю, который мы составили для предполагаемого убийцы на основе совокупности найденных доказательств, в то время как последующее письмо «Из ада» – гораздо более грубое и небрежно написанное сообщение – в этот профиль уже вписывалось. Полагаю, с сообщением «Поймай меня» могло произойти то же самое.

На мгновение вернемся к нашему профилю ситуации: все изменилось, когда Сюзанну Дегнан убили менее чем через три недели после Фрэнсис Браун. Нет ничего более ужасного для коллективного сознания, чем убийство ребенка, и подробности этого конкретного убийства были настолько чудовищными, что общественность и СМИ требовали скорейшего вердикта и уверенности в свершении правосудия. Казалось немыслимым, что еще одна маленькая девочка может повторить судьбу Сюзанны. На полицию теперь оказывалось сильнейшее давление, требовавшее ускорить поиски подозреваемого. В ответ началась величайшая розыскная операция в истории города, в нее вошли тысячи потенциальных подозреваемых, почти тысяча допросов, сотни проверок на полиграфе и бесчисленные сравнения образцов почерка.

Полиции понадобилось всего два дня, чтобы найти первого подходящего подозреваемого. Гектор Вербург, 65-летний уборщик, работал в том здании, где в прачечной обнаружили тело зарезанной Сюзанны. На записке с требованием выкупа были грязные пятна, словно ее написал кто-то, чьи руки всегда в грязи. Представитель полицейского управления объявил: «Это он».

Казалось, полиция получила свой трофей.

Они продержали Вербурга за решеткой 48 часов и за это время так сильно избили и запугали его, что после этого ему потребовалось десять дней госпитализации. Лишь вмешательство адвоката из профсоюза дворников, который потребовал судебного приказа по правилу хабеас корпус, наконец, привело к

освобождению подозреваемого. Термин «хабеас корпус» буквально переводится с латинского как «имеющееся тело», восходит к эпохе английского общего права и дает заключенным право подать петицию и лично появиться в суде для рассмотрения своих жалоб или возражений против незаконного задержания или вынесения приговора.

Рассказывая об ужасающих методах допроса, Вербург заявил: «Еще немного – и я бы признался в чем угодно». Выяснилось также, что письменных навыков уборщика не хватило бы даже для того, чтобы написать примитивную записку о выкупе.

Обращение с мистером Вербургом говорит само за себя. Действия полиции были настолько возмутительными, что дворник подал в суд иск на полицейское управление Чикаго, потребовав 15 000 долларов, что по тем временам было немалой суммой. Суд, судя по всему, пошел ему навстречу и присудил ему эти деньги плюс еще 5000 долларов его жене за то, что полиция вынуждала ее давать показания против мужа.

Когда психолога-криминалиста вызывают в местные правоохранительные органы, его роль заключается в помощи при *переориентации* или *перенаправлении* расследования. Задержание Гектора Вербурга наверняка потребовало бы перенаправления, если бы меня привлекли к этому делу. Во-первых, он находился в слишком преклонном возрасте, при этом у него не было никакой предшествующей истории преступлений. Люди не превращаются в жестоких сексуальных маньяков внезапно. Это подтверждается нашим обширным опытом анализа таких дел. Чтобы кто-то в возрасте Вербурга совершил подобное, в прошлом у него должны быть зафиксированы проявления насилия в отношении детей или других беззащитных существ. Кроме случайного совпадения с местом работы, ничто не указывало на его связь с преступлением.

За Вербургом последовала череда мало подходивших подозреваемых. Один из них, ветеран морских сражений, жил просто по соседству, у него были те же инициалы, что и в бирке прачечной на носовом платке, найденном рядом с местом убийства. У этого человека оказалось твердое алиби, и он легко прошел проверку на полиграфе. Еще был местный мальчишка, он учился в исправительной школе, куда попал за вооруженное ограбление, и сказал приятелю, что убил Сюзанну. И снова местные газеты объявили дело раскрытым. Не сумев убедить полиграфолога (другими словами, *пройти проверку*), мальчик признался, что выдумал историю, чтобы заставить другого школьника попробовать получить выкуп.

Тем временем более чем за полторы тысячи километров от

Чикаго полиция обнаружила подозреваемого, который определенно заинтересовал бы меня.

Ричард Рассел Томас, которому было 44 года, порой бродяжничал и в то время находился в тюрьме округа Марикопа, штат Аризона, по обвинению в домогательстве к своей 13-летней дочери. Чарльз Б. Арнольд, глава отдела проверки подделок при полицейском управлении в соседнем Финиксе, родном городе Томаса, заметил явное сходство между запиской о выкупе и почерком Томаса, когда тот писал не ведущей левой рукой. На момент убийства Дегнан Томас жил в Чикаго, работал медбратом в больнице Вудлон и часто захаживал в автосалон в нескольких кварталах от дома Дегнанов.

Когда Томаса допросили, он признался в преступлении. Однако полиция отнеслась к его словам с подозрением, поскольку он, похоже, не знал всех деталей и просто хотел оказаться за пределами штата, чтобы уйти от обвинений в растлении. Видимо, он чувствовал, что неизвестное зло предпочтительнее зла уже знакомого. Однако, как только ему представилась возможность поразмышлять об этом, Томас довольно быстро отказался от своего признания.

Но если не учитывать сомнительное признание, факты, касающиеся Томаса, были убедительными.

Он был грабителем и раньше уже совершил дерзкое и рискованное преступление.

Он был судим за вымогательство, поскольку отправил записку о выкупе с угрозой похищения маленькой девочки.

Он был причастен к насилию в семье и к сексуальному насилию.

Он работал медбратом, несколько раз пытался выдать себя за врача, к тому же украл хирургические инструменты и снаряжение.

Добавьте сюда известные сведения о том, что он во время убийства находился неподалеку от места жительства Дегнанов, и что его рукописный почерк левши вполне мог оказаться в записке с требованием выкупа. Поэтому такого парня я бы рекомендовал привлечь чикагской полиции в первые ряды подозреваемых. Чтобы достичь того уровня насилия и развращенности, какой был продемонстрирован при убийстве Сюзанны Дегнан, преступнику необходимо пройти ряд эволюционных этапов. Это часто начинается с вуайеризма или мелких краж со взломом, но затем продолжает развиваться. Очевидно, Томас прошел через эти стадии.

Затем возник вопрос с запиской о выкупе. Я бы воспринял ее как серьезное доказательство, а не просто как требование денег.

Любой, кто планирует похищение людей, прежде всего «исследует» вероятную жертву. В конце 40-х годов XX века такой вид преступлений встречался гораздо чаще, чем сейчас. Похититель выбрал бы жертву из семьи, у которой есть средства на выкуп. Двадцать тысяч тогда считались солидной суммой, намного превышающей годовую зарплату скромного государственного служащего вроде Джеймса Дегнана.

Если бы получение выкупа было основным мотивом, преступник нацелился бы на жертву, чья семья смогла бы быстро выдать требуемую сумму наличными деньгами. Ведь чем дольше длится похищение, тем опаснее оно становится как для жертвы, так и для преступника. Сопоставив эту мысль с тем фактом, что части тела Сюзанны обнаружились раньше, чем прошли 24 часа или появились хоть какие-либо сведения о передаче денег, вы поймете, что похищение не было основным мотивом преступления. Виновник – это преступник с психопатическими отклонениями, для которого записка о выкупе была идеей второстепенной или запоздалой.

Руководствуясь этими фактами, нельзя сказать, что Сюзанну убил Ричард Томас. Он умер в тюрьме в 1974 году, прежде чем я занялся тюремными допросами от лица ФБР, так что правды мы, возможно, не узнаем никогда. Но я могу сказать с достаточной степенью уверенности, что убийца Сюзанны был *похож* на Томаса или обладал аналогичными характеристиками.

Однако именно в тот момент – 26 июня 1946 года – 17-летний Уильям Хайренс пытался совершить кражу со взломом в многоквартирном доме. Полиция окружила его с двух сторон, и, попав в ловушку, Хайренс запаниковал, вытащил пистолет и выстрелил. Этот акт, если смотреть на него по прошествии времени, изменил ход всей его жизни, поскольку этим Хайренс продемонстрировал полицейским, что способен на насилие. И именно в этот момент полиция, видимо, потеряла интерес к Ричарду Томасу. Следователи прониклись уверенностью, что к ним в руки уже попал «Помадный убийца».

Хотя федеральных агентов, возможно, просили вмешаться в это дело, полиция не часто рада предложениям перенаправить уже идущее расследование на другого конкретного подходящего подозреваемого. Иногда следователи просто злятся от этого. Скорее всего, так бы и произошло, работай я над делом Дегнан.

Взглянув на Хайренса, я бы посчитал его слишком молодым, чтобы совершить преступление подобного типа и с такой изощренностью, да еще и так резко совершить прыжок от мелких краж со взломом к жестоким изнасилованиям, убийствам и многому другому. Для такого поступка он выглядел чересчур

кротким и безвольным. Это покажется особенно верным после того, как мы изучим его личную жизнь и увидим, что в ней не было никакого катализатора, заставившего Хайренса изменить или усилить собственную модель беззакония и антиобщественного поведения. Другими словами, на тот момент в его жизни ничего не изменилось настолько, чтобы вызвать эмоциональную травму или стимул, подтолкнувший к более агрессивному и жестокому поведению.

Он не перешел бы внезапно от краж со взломом к жестокому убийству шестилетней девочки, нагло похищенной из спальни.

Так просто не бывает!

Запомните эту фразу, когда мы углубимся в сущность версий и методов, возникших по ходу дела.

Я мог бы связать этого подозреваемого с вуайеризмом или с фетишистскими ограблениями, когда преступник похищает нижнее белье или личные вещи. Несмотря на то, как его поймали, и что у него с собой было оружие, он, по сути, не сопротивлялся. Я бы не смог четко сказать, что этот тип пытался совершить похищение или даже задумал его, поскольку это потребовало бы слишком плотного взаимодействия с жертвой и полицией.

Не менее важно и следующее: если конечным намерением в деле Дегнан было похищение или убийство, то такой молодой и тихий парень, как Хайренс, просто не смог бы настолько контролировать жертву, это понятно из указанных доказательств. Шестилетняя девочка не пойдет тихо и добровольно с незнакомцем, если он врывается в ее комнату и пытается забрать ее. Это требует от преступника больше опыта и тонкости, чем располагает 17-летний парень вроде Хайренса. Даже идея о том, чтобы кто-то вместе с подобным персонажем перевозил живого или мертвого ребенка в другое место, почти немыслима. А еще я бы очень удивился тому, что преступник использовал лестницу, ведь раньше она ни разу не входила в образ действия Хайренса, используемый для взломов и проникновений в дома.

И вот самый важный фактор с точки зрения психологической криминалистики, который в значительной степени можно считать истиной в последней инстанции. После убийства и нанесения увечий Сюзанне Дегнан *в действиях и личности преступника произошли бы глубокие видимые изменения.* Причем вне зависимости от того, кем был этот неизвестный субъект, но чем он моложе, тем сильнее бы они проявились. Он стал бы сильно нервничать. Окружающие заметили бы негативные изменения в его внешности. Он мог похудеть. Или начать много пить. Он мог казаться отстраненным и озабоченным. Он обязательно проследил бы за расследованием и, возможно, рассказал бы об

этом. Он не остался бы незамеченным в своем кругу общения, у себя дома или в школе.

Согласно многочисленным рассказам самого Уильяма Хайренса, вот что случилось с ним после его ареста.

Как мы уже отмечали, он был доставлен в больницу Брайдуэлл, примыкающую к тюрьме округа Кук, и там ему оказали медицинскую помощь после того, как полицейский сбил его с ног ударом цветочного горшка по голове. Его допрашивали круглосуточно в течение шести дней, все это время почти не кормили и не поили, а также не раз избивали. Он сказал, что ему ногами отбили яички и обожгли их эфиром. Ему отказали в адвокатах, и почти до конца первой фазы заключения он не мог увидеться со своими родителями.

Два психиатра, доктор Рой Гринкер и доктор Уильям Х. Хейнс, ввели ему пентотал натрия, который считался «сывороткой правды», и допрашивали в течение трех часов, как раз тогда и проявился альтернативный тип личности – «Джордж Мурман». Поскольку письменных расшифровок или аудиозаписей этих допросов не сохранилось, неясно, придумал ли Хайренс Мурмана сам или эту версию сочинили врачи либо кто-то еще из находившихся в помещении на допросе. Точно известно лишь, что несколько лет спустя один из психиатров подтвердил: Хайренс не принимал участия ни в одном из трех убийств.

Впоследствии в присутствии капитана полиции Майкла Ахерна, прокурора округа Кук Уильяма Туохи и стенографиста Хайренс, как говорят, предоставил дополнительные сведения о Джордже Мурмане, заставлявшем его грабить, и сказал, что всегда подчинялся Джорджу во всем. Опять же, поскольку расшифровки стенограммы сегодня не существует, я не знаю, насколько она точна, но если бы я ее услышал, то отнесся бы к ней очень скептически. Однако после того, как эта информация просочилась в газеты, публика сошла с ума. Кто же не любит историю *доктора Джекила и мистера Хайда* с уклоном в ужасные убийства? Добавьте к этому украденный набор для препарирования, найденный в его комнате общежития, а также книгу о девиантных сексуальных практиках, и вы получите идеальный портрет способного молодого студента колледжа в роли извращенного насильника и убийцы.

Нет ничего необычного в том, что подозреваемые приписывают вину другому воображаемому персонажу. Дэвид Берковиц, известный как «Сын Сэма» и «Убийца с 44-м калибром», который терроризировал Нью-Йорк в 1976 и 1977 годах, заявил, что убивать ему приказывал черный пес трех тысяч лет от роду. Психологи сообщили об этом репортерам и назвали Берковица

параноидальным шизофреником. Все это показалось мне слишком знакомым, поэтому, когда я брал у него интервью несколько лет спустя в тюрьме Аттика, и он начал говорить об этой собаке, я посмотрел ему в лицо и сказал: «Слушай, Дэвид, хорош уже пороть эту чушь. Собака тут ни при чем». Он усмехнулся и признал, что я прав. Просто этот злобный засранец придумал собаку, чтобы улучшить свой собственный имидж и, возможно, мысленно снять для самого себя всю ответственность за преступления.

Осужденный убийца Седли Элли в какой-то момент утверждал, что другая личность вынудила его совершить ужасное убийство младшего капрала морской пехоты США Сюзанны Коллинз. Вообще, я видел несколько вполне реальных случаев диссоциативного расстройства личности (ДРЛ) у маленьких детей – все они подвергались физическому или сексуальному насилию, – однако я не встречал подлинного диагноза ДРЛ, который был поставлен уже после ареста за убийство.

Если бы мне представили историю Джорджа Мурмана, я пришел бы к одному из двух выводов: либо подозреваемый использовал это имя для доказательства своей невменяемости, либо следователи предложили ему такой способ изложить свое дело.

Вскоре после этого Хайренсу сделали спинномозговую пункцию, очевидно, чтобы исключить любое повреждение мозга из-за того, что его ударили горшком по голове. По неизвестным причинам эту болезненную поясничную пункцию провели без анестезии, а затем его отвезли в детективное бюро для проверки на полиграфе. Он испытывал такую боль, что результаты этой проверки были официально признаны «неубедительными», и ее перенесли на четыре дня.

Я никогда не был большим поклонником полиграфа. Невиновные люди часто до глубины души напуганы происходящим процессом и эмоционально реагируют на сомнения в их честности, а социопаты порой не стесняются врать ни перед прибором, ни перед другими людьми. В основном это инструмент, позволяющий следователям плавно перейти к допросу. Я считаю эту проверку абсолютно бесполезной, независимо от того, будет ли в результате испытуемый признан виновным или невиновным.

Были вызваны несколько экспертов по почеркам, чтобы сравнить прошлые образцы почерка Хайренса с надписью помадой и с запиской о выкупе. Лучшее, что смогли придумать полицейские, не дало никакого результата. Отдельные эксперты сходства не обнаружили, а соответственно, и не поверили в то,

что слоган «поймай меня» и записка о выкупе написаны одним и тем же человеком. Много лет спустя, в 1996 году, почерковед ФБР Дэвид Граймс заявил, что образцы почерка Хайренса, взятые из его записей в колледже, не совпадают ни с помадными каракулями, ни с запиской о выкупе, а к тому же почерки на уликах не совпадают друг с другом.

Если не принимать во внимание такие детали дела «Мурмана», как проверка на полиграфе и анализ почерка, я бы вновь склонился к одному из ключевых принципов психологической криминалистики: *прошлые действия предполагают будущие действия*. В прошлом Билла Хайренса не обнаружилось ничего, позволявшего допустить, что он сумел бы уверенно действовать, столкнувшись с девочкой во время взлома, не говоря уже о том, чтобы убивать ее так жестоко. Даже если бы он столкнулся с неожиданным появлением жертвы и запаниковал во время кражи со взломом, то мог застрелить ее, чтобы избавиться от ненужной свидетельницы, не дать ей броситься за ним или сообщить в полицию. Он бы не стал наносить ей множество ударов ножом. Это работа человека, давно обозленного на женщин. Когда вы дойдете до третьего преступления в предполагаемой цепочке, то поймете, что для Хайренса непостижимо поступить с ребенком так, как в эпизоде с Дегнан.

Как вы, возможно, уже поняли, я не думаю, что убийство Дегнан совершил тот же человек, который убил Росс и Браун. Эти два преступления больше являются делом грабителя, который искал острых ощущений, который был сексуально мотивирован и склонен к изнасилованию, если возникнет подходящая ситуация. Это убеждение, безусловно, подкрепляется тем фактом, что ни в одной из этих ситуаций не было похищено никаких ценных вещей. К тому же ни одна из этих ситуаций не соответствует схеме, уже отработанной Хайренсом в своих собственных кражах со взломом, а также ничего в его поведении или показаниях по любому его преступлению не указывало на то, что он прогрессировал или развивался в криминальных намерениях.

Точно так же мы не можем игнорировать установленные действия полиции Чикаго в отношении Гектора Вербурга. Если им так захотелось получить признание от бедного пожилого смотрителя, что его в итоге пришлось отправить в больницу на десять дней, и после общения с полицейскими у подозреваемого появились серьезные проблемы со здоровьем, как можно предположить, что они не сделают этого снова? Какое бы признание они ни получили от Хайренса, оно не вызывает доверия с самого начала. Даже если не принимать во внимание

все другие обвинения в жестокости против чикагской полиции той эпохи, то, что они сделали с Вербургом, делает заявление Хайренса очень правдоподобным и вызывающим доверие.

С этим явлением я в работе сталкивался неоднократно. Честно говоря, каждый раз меня подобное шокировало: подозреваемый, после того как его часами допрашивают в стрессовой обстановке, не только сообщает следователям то, что, по его мнению, способно облегчить его участь. Он действительно начинает терять контроль над реальностью и думает, что, скорее всего, он и правда мог сделать то, в чем его обвиняют. И такое случалось не только с людьми, чьи интеллектуальные способности нельзя было назвать высокими, например, с такими как Дэвид Васкес. Это происходило также со многими очень умными и опытными людьми.

Что же касается самого ужасного вещественного доказательства – кровавого отпечатка пальца на дверном косяке в том месте, где была убита Фрэнсис Браун, – то к нему тоже следует относиться с подозрением. Нам сообщили, что он совпал с отпечатком на записке о выкупе, но этого результата можно добиться, позволив Хайренсу изучить документ. Что еще более тревожно, позже несколько экспертов заявили, что отпечаток с места убийства Браун выглядел «свернутым», словно его получили с помощью техники, которая применяется для нанесения отпечатка пальца на карту. Другими словами, этот отпечаток могли нанести искусственно. Кроме этого, никакие другие вещественные доказательства не связывали Хайренса ни с одним из трех эпизодов.

А вот еще один фактор. Как и все в Чикаго, адвокаты Хайренса – братья Мэлаки и Джон Коглан, а также Элвин Хансен и Роланд Таул – беспокоились из-за признания своего подзащитного виновным и считали своей обязанностью спасти его от электрического стула. Как выяснилось позже, окружной прокурор Туохи тоже чувствовал себя в ответе за это, но не верил, что на основе столь убогих доказательств – частичного отпечатка и возможного отпечатка на странной записке с требованием выкупа – может быть вынесен обвинительный приговор. В итоге обвинители и адвокаты собрались вместе, чтобы обсудить сделку с признанием вины. Они сошлись на том, что Хайренс в обмен на признание вины получит пожизненный срок за три убийства. Это спасет его от казни и даст ему шанс условно-досрочного освобождения в далеком будущем.

Четыре дня спустя газета *Tribune* поведала скрытую от посторонних историю «второго признания» Хайренса, хотя все заинтересованные стороны отрицали свою причастность к этому.

Однако престиж *Tribune* после этой придуманной версии настолько поднялся, что другие чикагские газеты быстро последовали ее примеру.

Как выяснилось позже, версия убийств, опубликованная в *Tribune*, помогла адвокатам Хайренса сфабриковать признание, которое они представили в суде, добавив туда многие «подробности», неизвестные подзащитному, судя по его предыдущим признаниям. Хайренс сначала согласился подписать бумаги, но потом отказался, и это вынудило Туохи пригрозить ему еще одним нераскрытым убийством. На самом деле Хайренс в момент совершения того убийства учился в исправительной школе в Индиане, хотя Туохи мог этого не знать или не придал этому значения. Адвокаты заставляли Хайренса и его родителей признаться и пойти на сделку и, насколько я могу судить, искренне думали, что защищают этим интересы своего клиента.

Затем 30 июля Уильям Туохи собрал в своем офисе чиновников и журналистов, чтобы выслушать официальное признание Хайренса. Однако в последнюю секунду Уильям Хайренс отказался признаваться. Адвокаты защиты были шокированы, а окружной прокурор – оскорблен. Как только этот спектакль закончился, Туохи изменил свое требование на три пожизненных срока вместо одного, и адвокаты предупредили Хайренса, что если тот не согласится подыграть, то электрический стул ему обеспечен.

Неделю спустя, 7 августа 1946 года, Хайренс сделал то, что ему велели, – вновь заявил о своих преступлениях перед нетерпеливой толпой СМИ. Затем 5 сентября перед Гарольдом Уордом, председателем суда по уголовным делам округа Кук, Уильям Хайренс признал себя виновным в трех убийствах. Позже он сказал: «Я признался, чтобы спасти свою жизнь». Это стало жуткой иллюстрацией высказывания Гектора Вербурга, что, если бы его удерживали и мучили дальше, он «признался бы в чем угодно».

Единственной из всех присутствующих, кто сомневался в виновности Хайренса, была Мэри Джейн Бланшар, дочь Джозефин Росс. «Я не могу поверить, что этот юноша, Хайренс, убил мою мать, – сказала она репортеру из *Chicago Herald-American*. – Он просто не вписывается в обстоятельства смерти моей матери. Я посмотрела все, что украл Хайренс, и там не было ни одной вещи, ей принадлежавшей».

В тот же вечер Хайренс попытался повеситься в своей камере в окружной тюрьме Кук, но его застали за этим прежде, чем он задохнулся. Хайренс сказал, что находится в отчаянии из-за того, что его сочли виновным, и смерть, возможно, изменила бы такое

отношение окружающих к нему. Для меня эти его слова стали знаком, что он не в состоянии смириться с тем невыносимым эмоциональным тупиком, куда его загнали.

Наконец, 5 сентября, после заявлений обвинения и защиты, судья Уорд приговорил Хайренса к трем пожизненным срокам, фактически исключив для него возможность условно-досрочного освобождения в будущем. Когда Хайренса переводили из окружной тюрьмы Кук в тюрьму Стейтсвилл, где я встретился с ним более тридцати лет спустя, шериф Майкл Малкахи, один из немногих представителей власти, относившихся к нему с добротой и вниманием, признался, что побеседовал с осужденным: «Вы, вероятно, не знаете об этом, Билл, но я близкий друг Джима Дегнана. Он хочет знать, страдала ли его дочь Сюзанна перед смертью?»

«Шериф Малкахи, я не могу сказать вам, страдала ли она, – ответил Хайренс. – Я не убивал ее. Скажите мистеру Дегнану, чтобы он получше следил за своей второй дочерью, потому что убийца Сюзанны все еще где-то там».

Уильям Хайренс – хилый, больной, прикованный к инвалидной коляске – скончался 5 марта 2012 года в исправительном центре Диксон в возрасте 83 лет. К тому времени он являлся заключенным, отбывавшим самый длительный срок в Соединенных Штатах. Помимо уже упомянутых образовательных достижений, его послужной список за эти годы оказался безупречным, и он заслужил уважение среди многих тюремных работников.

За все это время было предпринято несколько попыток добиться его помилования или хотя бы условно-досрочного освобождения, самая серьезная – со стороны Долорес Кеннеди, помощницы юриста Центра по судебным ошибкам, расположенного в Северо-Западном университете. Кроме того, она написала книгу «*Уильям Хайренс. Его день в суде / Признался ли невиновный подросток в трех ужасных убийствах?*» *(William Heirens: His Day in Court / Did an Innocent Teenager Confess to Three Grisly Murders?)*. Ему отказывали в условно-досрочном освобождении по меньшей мере тридцать раз.

Сейчас, по всей видимости, уже слишком поздно выяснять с абсолютной точностью, на самом ли деле Уильям Джордж Хайренс совершил одно или все эти три жестоких убийства, в которых сознался. Однако после изучения всех доступных фактов и доказательств, а также с учетом моего многолетнего опыта психологической криминалистики и анализа уголовных расследований, я больше не верю, что он убийца, и, получается, Хайренс провел большую часть своей жизни за решеткой

напрасно. Хоть сейчас он и вне нашего правосудия, я был бы счастлив заявить об этих убеждениях под присягой в суде.

Мне жаль, что я не был достаточно осведомлен, когда впервые встретился с Биллом Хайренсом, чтобы прийти к такому выводу и высказать свою точку зрения. Я приложил массу усилий как на службе в ФБР, так и уже после нее, чтобы изменить свои изначально наивные представления.

В течение всей своей карьеры я помогал избавляться от плохих парней: похитителей и убийц, террористов и сексуальных маньяков, то есть худших из худших. И я получал огромное удовольствие от этой работы. Но для того чтобы подобная деятельность приводила к значимым последствиям, главное для такого специалиста – стремиться к справедливости. Чтобы правосудие могло восторжествовать, нам следует для начала отыскать истину – какой бы она ни была и куда бы ни вела.

Американский процесс уголовного правосудия – система достойная, ее нередко воспроизводят в других странах. Но, как мы уже отмечали, эта система далека от идеала. Невинных людей осуждают, а виновным удается уйти от наказания, и в результате я соболезную всем жертвам. А потому всем нам следует проявить смирение и осознать необходимость изменений этой системы к лучшему.

Справедливость часто неприглядна, но это не означает, что мы должны закрывать на нее глаза. А идеальное правосудие – абсолютно недостижимая цель для нас, простых смертных. Однако это никоим образом не означает, что мы не должны постоянно стремиться достичь этот идеал. Дальше мы рассмотрим случаи, которые отражают некоторые мои личные шаги на пути к идеальному правосудию.

Часть вторая. Вопросы жизни и смерти

Глава 3. «Сегодня вечером убьют невиновного человека»

Что больше всего поражает воображение во время судебных процессов по делам об убийствах? Для меня они становятся кульминацией многих месяцев, а то и лет, тщательного расследования, анализа всех обстоятельств, работы над стратегией обвинения и подготовки свидетелей. Но для «обычных» людей, я думаю, здесь важно кое-что еще.

Суд над убийцей – это величайшая загадка и целое нравоучительное представление. Многих притягивает к такому суду желание не просто узнать, кто же виновен, но и вообще стремление понять, как люди становятся способны на подобные крайности. Это яркая иллюстрация противоречий между человеком и обществом, в котором он живет, олицетворение того, как эмоции, которые мы все с вами переживаем, выходят за рамки социальных норм, а не подавляются этими нормами. Мне кажется, интересно отметить, что три великих вклада западной культуры в мировую, которые связаны с общественными институтами – драма, месса и суд, – все являются театрализованными представлениями в трех действиях: начало, середина и финал. Каждое из этих явлений ориентировано на отношения между человеком и обществом, на борьбу между добром и злом и, в итоге, на способы разрешения этой борьбы.

Неудивительно, что суды по делам об убийствах всегда завораживают. Не просто так СМИ сосредоточиваются на одном конкретном судебном процессе, чтобы показать, как разыгрывается нескончаемая драма между правдой и ложью, между светлым и темным началом, между справедливостью и беззаконием. Нигде это не проявляется столь остро, как в том случае, когда жизнь обвиняемого висит на волоске и зависит от ответа на вопрос, лишил ли он жизни другого человека.

В 1976 году в суде рассматривалось сразу пять дел, объединенных под заголовком «*Грегг против штата Джорджия*». Некоторые ученые назвали это «делом 2 июля» из-за даты принятия окончательного решения. В этот день Верховный суд Соединенных Штатов отменил четырехлетний мораторий на смертную казнь и установил новые нормы для назначения этого наказания.

Почти сразу же противники смертной казни начали поиск дела, способного убедительно показать, насколько глупо

разрешать государству убийство людей. Нужен был пример, безусловно доказывающий, что человек казнен за преступление, которое он не мог совершить.

Они провели в безуспешных поисках несколько лет. И вот, наконец, таким примером стало дело Роджера Кита Коулмана.

Городок Гранди расположен в юго-западной части штата Вирджиния. От него порядка 20 километров до границы с Западной Вирджинией, почти 25 километров до Кентукки и всего около 80 километров до Северной Каролины и Теннесси. Гранди является административным центром округа Бьюкенен, лежит в самом сердце Аппалачей. Как и во многих небольших городках, расположенных вдоль этой горной цепи, уголь – это основной источник средств к существованию местных жителей.

Во вторник, 10 марта 1981 года, около 14:25, 21-летний Брэдли Д. Маккой вышел из своего маленького белого кирпичного дома неподалеку от ручья Слейт-Крик на окраине Гранди и отправился на трехчасовую смену в «Юнайтед Коал Компани». Руководство считало Брэда умным и ответственным работником, поэтому его назначили продавцом запчастей, а не отправили в шахту. Во время перерыва, около 21:00, он позвонил своей жене по имени Ванда Фэй. Ей было 19 лет, она не работала, и ей не очень нравилось сидеть дома одной, пока Брэд на работе. Так что он частенько звонил в это время и спрашивал, как у нее дела. В тот день во время звонка они обсуждали самые обычные вещи, например, куда денут деньги, которые появятся у них с возврата после выплаты налога.

Когда Брэд вернулся домой, около 23:15, его удивила полная темнота вокруг дома. Ванда обычно оставляла для него включенный свет на крыльце. Кроме того, дверь черного хода была открыта нараспашку, Ванда обычно не допускала такой неосторожности. Он открыл парадную дверь своим ключом и вошел в гостиную. В комнате горел свет и работал телевизор, журнальный столик был сдвинут со своего места. Брэд увидел на полу что-то похожее на капельки крови. Он позвал Ванду, та не ответила.

Бросившись в спальню, он увидел Ванду на полу. Она лежала на спине, руки над головой, волосы закрывают лицо, ноги раскинуты. Вязаный свитер и бюстгальтер замотаны вокруг шеи. Темно-синие трусики обернуты вокруг левой лодыжки, синие джинсы валяются на кровати. Из одежды на ней были только носки в синюю полоску. На груди, на шее и на голове виднелось много крови.

Брэд пришел в ужас, но у него хватило присутствия духа,

чтобы не касаться лежащего тела. Он позвонил своему отцу, Максу, тот жил неподалеку, был шахтером на пенсии и носил прозвище «Хеззи». Его отец сообщил в департамент шерифа округа Бьюкенен, а затем пошел в дом Брэда и Ванды.

Сержант Стивен Д. Коулман еще с одним офицером первыми прибыли на место происшествия, примерно в 23:25. Сержант попытался проверить пульс на шее Ванды, но там было столько порезов, что он не смог найти хотя бы один неповрежденный сосуд.

Через несколько минут в Гранди приехал шеф полиции Рэндалл С. Джексон. Он ощупал запястье Ванды. По его словам, оно все еще оставалось теплым, но он тоже не смог обнаружить пульс. Шеф приказал вызвать судебно-медицинского эксперта Томаса Д. Макдональда. Доктор Макдональд жил поблизости и приехал быстро. Он констатировал смерть и определил, что ее причиной стала «режущая рана в горле». Судя по температуре тела и отсутствию трупного окоченения, он пришел к выводу, что смерть наступила около тридцати минут назад, но в любом случае после 22:30. Эксперт решил не трогать тело до тех пор, пока специальное следственное подразделение полиции штата не осмотрит место происшествия.

После того как команда на месте преступления закончила работу, тело доставили в город Роанок. Там вскрытие, которое провел доктор Дэвид У. Оксли, подтвердило выводы доктора Макдональда. Порез был настолько глубоким, что правая сонная артерия, яремная вена и гортань оказались разорванными. Два глубоких колотых ранения в груди достали до сердца и легких, но крови оттуда вышло немного, и Оксли пришел к выводу, что их нанесли посмертно или, по крайней мере, после того, как кровяное давление снизилось из-за повреждения артерии. Кроме того, он обнаружил два чужеродных волоса в области гениталий.

Такое жестокое убийство, как и следовало ожидать, вызвало шок в этом маленьком городке. Брэд сказал следователям, что Ванда была от природы робким человеком и боялась оставаться дома одна, особенно ночью. Если бы я помогал в этом деле, то это стало бы ключевым элементом в процессе изучения жертвы преступления. Особенно потому, что входная дверь была заперта, когда Брэд вернулся домой. Он сказал, что в городе есть всего три человека, кому его жена могла без страха открыть дверь. Полицейским быстро удалось установить алиби у двоих из них.

Третьим был зять Ванды, 22-летний Роджер Кит Коулман, женатый на ее 16-летней сестре, Патрисии. Ванда и Патрисия были самыми младшими дочками в семье из восьми мальчиков и восьми девочек. Как и отец Брэда, отец Ванды до пенсии работал

шахтером. Роджер и Патрисия жили в доме бабушки Роджера, примерно в пяти минутах ходьбы от дома Маккоев.

Коулмана арестовали 13 апреля. Он отрицал вину, заявлял, что у него не было причин насиловать и убивать сестру своей жены. Он говорил, что может рассказать, где находился во время убийства, и что есть свидетели, подтверждающие его алиби.

В ту ночь, когда все это произошло, Роджер, шахтер в «Тиджей энд Эм Коал Компани», пришел на работу, как выяснилось, только чтобы узнать, что его смену отменили. Он подробно описал полиции, где находился с тех пор, как вышел из своего дома. В конце концов он тогда оказался в городской бане, там шахтеры часто принимали душ и переодевались перед возвращением домой. Он охотно передал полиции штата пластиковый пакет с одеждой, которую носил той ночью. Роджер также согласился сдать образцы крови, волос и слюны без предъявления полицейскими ордера.

Несмотря на его готовность к сотрудничеству и заявления о невиновности, у полицейских нашлись веские причины подозревать Коулмана.

Седьмого апреля 1977 года в дом учительницы начальной школы Бренды Рэтлифф забрался преступник. Он наставил на Бренду пистолет, привязал к стулу ее шестилетнюю дочь Меган. Затем вынудил женщину пройти в спальню на верхнем этаже и там сорвал с нее одежду. Невзирая на ее мольбы, он бросился на нее со словами: «Не зли меня!»

Во время нападения он положил пистолет. Бренда вырвалась, окликнула Меган и сбежала вниз. Ей удалось вытащить связанную маленькую девочку на крыльцо, прежде чем преступник догнал их. Он попытался затащить обеих обратно в дом. Но соседи уже услышали крики Бренды, поэтому злоумышленник скрылся.

Женщина опознала в нападавшем Роджера Коулмана. И хотя он утверждал, что этого не может быть, Бренда сообщила, что он преследовал ее на улице и запугивал, когда его освободили под залог до суда. Роджера осудили, он отсидел два года за нападение при отягчающих обстоятельствах, при этом постоянно заявляя, что невиновен.

Затем, примерно за два месяца до убийства Ванды Маккой, библиотекарь округа Пэт Хэтфилд рассказала, что Коулман пришел в библиотеку незадолго до закрытия, выставил перед ней напоказ свои половые органы и стал ее оскорблять. Коулман отрицал это, но Хэтфилд настаивала, что не ошиблась, когда узнала его.

С тех пор дела Коулмана покатились под откос. Пока его

держали в камере в ожидании суда, сокамерник Роджер Мэтни заявил, что Коулман признался ему, будто он еще с одним мужчиной изнасиловал Ванду Маккой. Это стало ключевым пунктом версии обвинения, когда Коулман предстал перед судом в марте 1982 года, чуть больше года спустя после убийства. За неделю до начала судебного разбирательства по требованию стороны обвинения Мэтни освободили от отбывания оставшихся четырех тюремных сроков по четыре года каждый. Некоторое время спустя его теща заявила, будто он признался, что выдумал историю признания Коулмана, но Мэтни это отрицал.

В дополнение к показаниям Мэтни прокуроры Содружества Майкл Макглотлин и Томас Скотт сослались на то, что преступник свободно вошел в дом, а значит, был знаком с жертвой. К тому же волосы, обнаруженные на теле убитой, а также сперма соответствовали образцам волос и спермы Коулмана. Он оказался одним из 10 % людей, чьи выделения на основании анализа крови походили на одни из тех двух, что обнаружили на теле убитой. Вторые следы указывали на Брэда, мужа Ванды. На теле обвиняемого нашли несколько пятнышек, они указывали на ту же группу крови, что у Ванды Маккой. Мокрые штанины джинсов Коулмана прокуроры сочли неоспоримым доказательством того, что он переходил вброд ручей Слейт-Крик. Кроме того, преступление было резонансным, и большинство присяжных знали о предыдущей судимости Роджера Коулмана и, видимо, сочли его способным на жестокое изнасилование с убийством.

Защиту Коулмана возглавлял назначенный судом адвокат Терри Джордан, который всего два года назад окончил юридический факультет и участвовал до этого лишь в одном деле об убийстве. Он не решался взять на себя защиту обвиняемого. Однако, когда судья настоял, адвокат активно взялся за дело. Он возразил Макглотлину, заявив, что на входной двери есть явные признаки взлома. К тому же раны на теле жертвы доказывают, что она оборонялась, а значит, на нее напал незнакомец. Джордан отметил, что найденные доказательства исключительно косвенные, мотив не установлен, свидетелей нет, и сперма *могла* принадлежать как Брэду и Роджеру, так и какому-то другому мужчине. Кроме того, когда сотрудники группы по изучению улик пропылесосили дом Маккоя, они обнаружили множество волосков, не принадлежавших Коулману. По поводу мокрых штанов Коулман сказал, что может легко это объяснить: перед тем, как пойти домой, он принял душ и переоделся.

Кроме того, произошло еще одно событие: сосед Маккоя обнаружил мешок с окровавленными простынями и две

ковбойские рубашки. Обвинение отклонило эти явно потенциальные вещдоки, и защита не стала возражать.

Но самое главное, у Коулмана нашлось несколько свидетелей, способных подтвердить, где он находился почти весь вечер. Другими словами, Коулману не хватило бы времени припарковать свой грузовик, спуститься к ручью глубиной 25 сантиметров, пересечь его вброд, подняться по другому берегу, взобраться на холм высотой 300 метров, дойти до дома Ванды, заставить ее открыть дверь, скрутить ее, изнасиловать, несколько раз ударить ножом, практически отрубив голову. Да еще при этом умудриться сделать все это очень осторожно и умело, не оставив очевидных следов своего перехода через ручей, даже грязного пятна. Защитники подсудимого рассуждали – при таком ужасающем состоянии окровавленного тела и места преступления, разве одежда Коулмана не должна быть сплошь залита кровью? Несмотря на раны Ванды, явно указывающие на борьбу, на Роджере почему-то нет ни единой царапины. И разве он не сотрудничал с полицией по каждому вопросу расследования и не сдавал добровольно потенциальные доказательства? Похоже ли это на поведение виновного?

Суд длился четыре дня, все это время сторона обвинения подчеркивала важность, возможно, правдивого признания в тюрьме, а также результатов анализа крови и спермы. Прокуроры все же добились своего, найдя неувязки в хронологии событий, которую предложила сторона защиты по показаниям свидетелей, видевших Коулмана вечером в разное время.

Присяжным потребовалось всего три часа, чтобы обдумать дело и принять решение. Восемнадцатого марта 1982 года, около 23:00, они вынесли обвинительный приговор по изнасилованию и убийству первой степени. На следующее утро адвокат Коулмана потребовал отменить приговор в связи с недостаточностью доказательств. Судья отклонил это ходатайство. Защита пыталась изменить место проведения судебного разбирательства еще до его начала, утверждая, что жестокость преступления настолько потрясла всех жителей Гранди, что никто из обвиняемых не добился бы там справедливого приговора. На заправке возле мрачного серого каменного здания суда прикрепили вывеску: «ПРИШЛО ВРЕМЯ СТАВИТЬ НОВУЮ ВИСЕЛИЦУ В ГРАНДИ». Запрос на изменение места проведения суда также был отклонен.

На слушании перед вынесением приговора прокурорам разрешили предъявить присяжным предыдущий приговор, вынесенный Коулману за попытку изнасилования, и позволили потерпевшей, Бренде Рэтлифф, дать показания в поддержку обвинения. Двадцать третьего апреля Роджера Кита Коулмана

приговорили к пожизненному заключению за изнасилование и к смертной казни за убийство.

Коулман не сдавался. Он подал апелляцию в Верховный суд Вирджинии, но получил отказ. Верховный суд США отказался рассматривать его дело. После этого Коулман добился судебного приказа по правилу хабеас корпус[6] в выездном окружном суде округа Бьюкенен, выдвинув, согласно Конституции, несколько аргументов против своего приговора. Суд провел двухдневное слушание по представленным доказательствам, а затем отклонил все требования Коулмана, представив свое окончательное решение 4 сентября 1986 года.

Затем осужденный подал еще одну апелляцию в Верховный суд Вирджинии, но суд вновь отклонил его ходатайство по техническим причинам: адвокаты Коулмана не направили апелляцию в течение установленных законом тридцати дней с момента принятия окончательного решения. Из-за технической ошибки они пропустили крайний срок, опоздали на три дня. Коулман безуспешно исчерпал все свои апелляции на федеральном уровне.

Сидя в камере смертников и постоянно заявляя о «фактической невиновности» (в отличие от обычных жалоб на процедурную или юридическую ошибку при аресте или в суде), Коулман собрал новую команду защиты, гораздо более сильную и опытную, чем прежде. Джеймс Макклоски, следователь из Нью-Джерси, будучи убежденным в невиновности Коулмана, работал в течение многих лет, чтобы доказать это. Созданная им организация «Центурион Министрис», штаб-квартира которой расположена в Принстоне, была и остается эффективным проектом по установлению невиновности. Действия организации направлены на отмену приговоров ошибочно осужденным, особенно по делам об убийствах. Кэтлин «Китти» Биэн была адвокатом во влиятельной юридической фирме «Арнольд энд Портер» в Вашингтоне. Оба они работали долгое время совершенно бесплатно.

Помимо изучения каждого этапа следствия и правовых оснований, команда Коулмана проделала образцовую работу по преданию гласности его дела и превращению его приближавшейся смертной казни в событие национального, а затем и всемирного значения. Это может казаться не столь уж важным, поскольку окончательные решения принимают суды, а не общественность. Однако в нашей несовершенной и перегруженной формальностями системе уголовного правосудия результативная публичность способна напрямую повлиять на выбор между жизнью и смертью.

Адвокаты указали на отсутствие свидетелей обвинения и множество свидетелей защиты, на неустановленный мотив преступления и на то, что все улики против Коулмана являются косвенными. Надо сказать, что сами по себе такие улики не являются чем-то плохим. В большинстве судебных процессов косвенные доказательства надежнее показаний очевидцев. К тому же очевидцы убийства встречаются редко, только если оно происходит при совершении другого тяжкого преступления, например, при ограблении банка, или если кому-то из жертв удается сбежать. По самому характеру подобного преступления мало кто в итоге остается в живых, чтобы рассказать правду. Обнаружение беглецов, скрывающихся от правосудия, иногда бывает полезно, но чаще приводит к ошибкам.

Несмотря на все усилия Макклоски и Биэн, а также на неоднократные заявления о невиновности, длительный судебный процесс по апелляции неумолимо продвигался к встрече Роджера Коулмана с электрическим стулом в Вирджинии. Протесты против этого проходили по всему миру. Многие из участников этих протестов требовали провести повторное тестирование оставшихся образцов жидкости, поскольку наука о ДНК не стояла на месте все эти годы. Власти штата отклонили все такие запросы. Тем временем Патрисия, сестра Ванды Маккой, развелась с Роджером. У него появилась подруга, Шэрон Пол, студентка колледжа, с которой он познакомился по переписке из тюрьмы.

По мере приближения даты казни общественный резонанс продолжал расти. Папа Иоанн Павел II, мать Тереза и организация Amnesty International[7] обратились к губернатору Вирджинии Дугласу Уайлдеру с просьбой о помиловании. На обложке номера *Time* от 18 мая 1992 года поместили фотографию Коулмана. Сидя у стены из шлакоблоков, в синей рубашке, черных штанах и рабочих ботинках, положив руки на колени, он выглядел как простой симпатичный обыватель. Смысл фотографии был ясен: *если это может случиться с ним, то может и с любым из нас.*

Над фотографией весьма крупным шрифтом, покрывающим большую часть страницы, располагалась надпись:

ЭТОТ ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ БЫТЬ
НЕВИНОВЕН
ЭТОТ ЧЕЛОВЕК ПРИГОВОРЕН
К СМЕРТИРОДЖЕР КИТ КОУЛМАН ОБВИНЕН В
УБИЙСТВЕ СВОЕЙ
ЗОЛОВКИ В 1982 ГОДУ. СУДЫ ОТКАЗАЛИСЬ

ПРИНЯТЬ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВА, СПОСОБНЫЕ ЕГО СПАСТИ.
ЕГО КАЗНЬ НАЗНАЧЕНА НА 20 МАЯ.

Мистер Уайлдер, бывший адвокат и первый афроамериканец, избранный губернатором Вирджинии, являлся сторонником смертной казни и демократом. Но его не могло не затронуть выражение поддержки Коулману, а также собственная потребность лично подтвердить справедливость. Рано утром 20 мая Коулмана вывели из камеры заключения в доме для смертников Вирджинии в исправительном центре Гринсвилля города Джаррат и отвезли на тюремном фургоне за 70 миль в полицейское управление штата Вирджиния в округе Ганновер, где проверили на детекторе лжи. Как и ожидалось, он потерпел неудачу.

Представьте себе человека утром того дня, когда его собираются казнить. Он не ел и не спал, зная, что его жизнь в прямом смысле зависит от того, как какой-то неизвестный экзаменатор оценит его ответы. Можно ли считать такую проверку надежным показателем чего-либо? Не забывайте, что полиграф работает с помощью косвенных, не специфических показателей, таких как кожно-гальваническая реакция или дыхание, поэтому, на мой взгляд, он показывает эмоции испытуемого в целом, а не правдивость его слов. Если бы я находился в таких условиях и сказал бы, что небо голубое, полиграф вполне смог бы заподозрить меня во лжи. Кроме того, у Макклоски был собственный полиграфолог, готовый проверить результаты. Однако из-за какой-то явной административной ошибки ему дали неправильный адрес, и он не успел добраться до нужного места.

Губернатору Уайлдеру оказалось достаточно этой проверки на полиграфе для того, чтобы отказать в помиловании. «Я хотел убедиться, что все возможности открыты и доступны, чтобы избавить общество от малейших сомнений, будто Вирджиния не заинтересована в предоставлении людям справедливых и адекватных способов получить справедливое судебное разбирательство», – пояснил он группе репортеров. Незадолго до полудня Апелляционный суд четвертого округа США отклонил ходатайство об отсрочке исполнения приговора. Обратный отсчет перед смертью осужденного был запущен.

Тем временем тысячи писем и телефонных звонков заполонили офис губернатора в Ричмонде, и практически все, кто писал и звонил туда, протестовали против казни. По словам одного из помощников губернатора, из тех, кто все же

приветствовал исполнение приговора, почти все оказались выходцами из города Гранди и его окрестностей.

Джеймс Макклоски, которого называли «Джим», и Китти Биэн находились рядом с Коулманом в течение нескольких часов и рассказали о его последнем приеме пищи: пицца пепперони, шоколадное печенье с зефиром и напиток «Севен ап». Они отметили, что он стал на удивление спокойным. «Он пребывал в удивительно хорошем настроении», – сообщил Макклоски. Биэн не сдалась, она все еще надеялась на последнее обращение в Верховный суд США.

Казнь на электрическом стуле была назначена на 23:00, но ее отложили в ожидании последнего слова Верховного суда США. В 22:59 суд объявил об отказе. За этот вердикт проголосовали семь судей против двоих, при этом судьи Гарри Блэкмун и Дэвид Сутер выразили несогласие с решением.

Когда Коулмана привязывали к электрическому стулу, ему дали возможность произнести последнее слово. Он сделал заявление: «Сегодня вечером убьют невиновного человека. Когда мою невиновность докажут, я надеюсь, что американцы осознают несправедливость смертной казни, как и все остальные цивилизованные страны. Вот мои последние слова женщине, которую я люблю. Любовь вечна. Моя любовь к тебе будет длиться всегда. Я люблю тебя, Шэрон».

В 23:38 было объявлено, что Роджер Кит Коулман мертв.

На следующий день первые две фразы его последнего заявления разошлись по всему миру. Независимо от того, за или против смертной казни лично вы, эти слова весьма отрезвляют. В культурном и юридическом отношении мы уделяем особое внимание последним словам человека. «Заявление о смерти» может даже стать особым исключением из федеральных правил и законов штата, когда дело касается свидетельских показаний с чужих слов. Уже давно возникло чувство, опять же восходящее к истокам английского общего права, что когда люди готовятся к встрече со своим Создателем, им нечего больше ни добиваться, ни терять в своей земной жизни. В этот миг у них нет причин лгать, и есть веские основания говорить только правду.

На самом деле, когда мы с Марком Олшейкером расследовали печально известное похищение Линдберга в 1932 году для нашей книги «*Дела, которые преследуют нас*» *(The Cases That Haunt Us)*, нас сбивал с толку только один нюанс. Даже оказавшись на электрическом стуле в Нью-Джерси, Бруно Рихард Гауптман отказался признаться в похищении и убийстве ребенка, Чарли Линдберга – младшего, или даже в малейшей степени своего участия в этом преступлении. Мы без всяких сомнений

определили, что Гауптман причастен к злодейству. Хотя, в отличие от многих других, кто рассматривал это печально известное дело на протяжении многих лет, мы убеждены, что он не мог действовать в одиночку. Однако он продолжал настаивать на своей невиновности и утверждать, что ничего не знал о преступлении. Даже когда ему предложили заменить смертную казнь пожизненным заключением, если он пойдет на сотрудничество со следствием и назовет имена сообщников. Он пошел на казнь, стойко сохраняя свою позицию.

Когда мы тщательно составили поведенческий профиль Гауптмана, то пришли к выводу, что его мотивация исходила из личной жесткости и представлений о чести. Гауптман предпочел скорее умереть, чем жить и оставить свою семью, жену и маленького сына, со стыдом (и, возможно, финансовыми проблемами, связанными с этим) признавшегося убийцы.

У Роджера Коулмана не было никакого стимула, чтобы сделать такой выбор. Он не собирался заключать сделку о признании вины или смягчать свой смертный приговор тем, что стал бы «говорить правду». Он крестился в тюрьме, и его капеллан сказал, что этот человек серьезно относится к своей вере, поэтому его последнее заявление чрезвычайно обеспокоило всех, кто заботится о справедливости.

Споры о Коулмане не утихли. «Я обещал Роджеру Коулману, в ночь, когда его казнили, сделать все, что в моих силах, чтобы доказать его невиновность, – объявил Макклоски. – Это были мои последние слова умирающему».

Он сдержал свое слово. Он исследовал утверждения о том, что другой человек в Гранди признался в убийстве Ванды Маккой, и настаивал на том, чтобы были повторно проведены исследования оставшихся образцов жидкости, потому что технология исследования ДНК с тех пор далеко продвинулась вперед. Генеральная прокуратура Вирджинии в лице прокурора Джерри Килгора упорно сопротивлялась проведению этих исследований.

«Власть штата постоянно твердит гражданам, что нам нужна смертная казнь, – заявил представитель “Центурион Министрис”. – Общественность имеет право знать, правильно ли это».

Килгор возразил, что дело рассматривалось в судах более десяти лет и «Доктрина окончательности» требует, чтобы в итоге процесс завершился: «Нам нужен окончательный приговор. Мы в Вирджинии уверены, что Роджер Коулман совершил преступление и был наказан должным образом».

Организация «Центурион» при поддержке четырех газет, в том числе *Washington Post,* обратилась в Верховный суд Вирджинии с ходатайством перепроверить доказательства, полученные при анализе ДНК. Суду потребовалось больше года, чтобы ответить отказом. Затем последовало обращение к губернатору Марку Уорнеру за аналогичным распоряжением. Уорнер, еще один сторонник смертной казни и демократ, также ответил не сразу, но, судя по всему, его адвокаты серьезно занялись этим вопросом.

К тому времени дело Коулмана стало ключевым в этической и правовой борьбе вокруг высшей меры наказания, а его призрак не давал покоя множеству общественных дискуссий. Аболиционисты считали, что если бы они смогли получить материальные доказательства казни одного невиновного человека, вся моральная опора аргументов в пользу казни разбилась бы вдребезги.

Наконец, 6 января 2006 года, когда Уорнер собирался покинуть свой пост (губернаторы Вирджинии ограничены одним сроком), он объявил, что заказал повторное тестирование образцов жидкости с места убийства Ванды Маккой. Неясно, поддался ли он давлению общественности или искренне хотел узнать раз и навсегда, могла ли Вирджиния совершить ужасную судебную ошибку. Самым простым и искренним объяснением этого поступка, вероятно, является то, что Уорнер сказал Энтони Бруксу с Национального общественного радио (NPR): «Если у нас есть доступ к правде, давайте разберемся с этим. Давайте выясним, что есть правда, так или иначе».

Хотя обе стороны утверждали, что уверены в исходе, период проведения этих исследований определенно стал для всех очень нервным.

Да и для меня тоже. Примерно в это же время, в середине нулевых годов, мы с Марком Олшейкером много говорили о правах жертв. Возникало ощущение, что иногда о гуманности к жертвам забывают из-за перекоса в сторону прав преступников, особенно тех, кто осужден за убийство. В то время также шли жаркие споры о смертной казни. Я поддерживаю эти споры, когда речь заходит об определенных типах преступников.

Меня попросили выступить в Университете Вандербильта в Нэшвилле, штат Теннесси. Там провели серию собраний, посвященных смертной казни, и хотели, чтобы я поучаствовал в одном таком собрании. Скотт Туроу, выдающийся писатель, адвокат и бывший прокурор из Чикаго, уже выступал там. После службы в знаменитой комиссии штата Иллинойс по применению смертной казни, а также после долгого анализа и самоанализа,

Туроу пришел к выводу, что не существует эффективного способа добиться абсолютно честного исполнения законов, отсутствия предвзятости, объективности, да и просто защиты от дураков.

Сегодня я не могу согласиться с некоторыми выводами Туроу. Нельзя отрицать, что он считается автором одного из самых полных, рациональных и четких высказываний по этой теме. Я знал, что он представит свою точку зрения очень убедительно и вдохновенно. Хотя я понимал, что атмосфера университета не станет для меня слишком гостеприимной, но предположил, что на форуме должны услышать и другое мнение.

Однако нельзя было представить себе более худшего времени для подобного заявления. *Я пойду туда, чтобы поговорить о смертной казни – и вот конкретный случай, доказывающий, как казнили невиновного человека!* Я долго и напряженно думал, следует ли мне идти на этот разговор.

Образцы проанализировали дважды с разницей в несколько недель в Центре судебной медицины. Это известная лаборатория в канадском городе Онтарио, там обрабатывают тысячи случаев ежегодно. Двенадцатого января 2006 года аппарат Уорнера объявил о результатах исследований. ДНК Роджера Коулмана полностью, безо всяких исключений, совпала с образцом материала, взятого с тела Ванды Маккой. Вероятность того, что убийца не Коулман – другими словами, что есть другой преступник, чья ДНК полностью совпала с ДНК Коулмана, – составила не более одного шанса против 19 миллионов.

«*Мы искали истину, применяя технологию ДНК, недоступную в то время, когда власть штата осуществляла окончательную уголовную санкцию* – гласило заявление Уорнера. – *Подтверждение присутствия ДНК Роджера Коулмана было приведено в приговоре и в назначении меры наказания. Также мои молитвы были с семьей Ванды Маккой в то время*».

Это именно то место, где им и следовало быть.

Реакция СМИ была незамедлительной. «*Как может кто-то с такой невозмутимостью, с таким достоинством, с такой внутренней уверенностью говорить эти последние слова, особенно если он виновен?*» – процитировала газета *Washington Post* слова обманутого Джима Макклоски.

«*Остановите журналистов – оказывается, насильники и убийцы тоже лжецы*», – написал Майкл Паранзино, адвокат с юридическим образованием Йельского и Нью-Йоркского университетов, бывший член Конгресса, основавший организацию Throw Away the Key (что переводится как «Выбросить ключ», то есть посадить в тюрьму надолго).

«Откровенно говоря, я чувствую, что тяжесть мира свалилась

с моих плеч, – заявил ведущий прокурор Томас Скотт. – Только представьте себе, если бы все обернулось иначе, мы бы наверняка стали козлами отпущения».

Позже, с огромным достоинством и красноречием, Макклоски признался Энтони Бруксу из NPR: «Это очень… горькая пилюля, но ее нужно проглотить. Правда всегда есть правда. Мы, те, кто ищут правды, особенно в вопросах уголовного правосудия, обязаны выжить или умереть от меча ДНК».

Какие же уроки были извлечены из дела Роджера Коулмана? Пожалуй, их несколько. Несмотря на избитую истину о том, что все мы при определенных обстоятельствах можем убивать, я бы сказал, что большинство из нас не способны на убийство. То есть: убийцы, особенно жестокие убийцы, те, кто принуждают жертв к сексу и намеренно причиняют им боль, не похожи на нас, и пора бы уже это понять. Мы не можем себе представить, как лжем в чем-то важном с моральной точки зрения, даже если честность обернется против нас. У большинства родителей есть опыт более сурового наказания ребенка за ложь, чем за проступок, повлекший за собой ложь. Истина священна для большинства из нас, по крайней мере, как идея.

Когда я вижу, как кто-то страстно заявляет о своей невиновности, неутомимо, из года в год, мой первый и самый человеческий инстинкт, несмотря на весь мой опыт – подумать, что этот человек скорее всего говорит правду. Мы проецируем на этого человека себя и свои чувства. Даже если мы считаем, что он мог сделать что-то неправильное или незаконное, нам нравится думать, что это стало для него неким отклонением, а не глубоко укоренившимся поведением. Это одна из причин, почему хороших и порядочных людей, таких как Джим Макклоски, могут обмануть плохие и коварные парни, подобные Роджеру Коулману. Это одна из причин, почему нам так нравится верить, что маньяков-рецидивистов можно реабилитировать. И, на мой взгляд, это одна из причин того, что во всех отношениях умные женщины влюбляются в заключенных.

Но то, что говорит господин Паранзино, на самом деле довольно близко к реальности. Лица, готовые причинить другим людям страшный вред и страдания, по определению являются социопатами; у них нет совести. Истина для них настолько же не важна, как соблюдение законов и нормальные инстинкты порядочности, свойственные обычным людям.

Итак, как же узнать, на кого больше похож осужденный убийца, настаивающий на своей невиновности, – на Уильяма Хайренса или же на Бруно Рихарда Гауптмана и Роджера Кита

Коулмана?

Нет никакого гарантированного способа. Иногда мы чересчур бойко заявляем: криминология не является точной наукой. Но часто можно заметить серьезные подсказки для ответа, как в каждом из этих трех перечисленных случаев.

Уильям Хайренс ранее не был замечен в насилии, особенно в отношении женщин. Поэтому наш опыт и исследования показали, что для него немыслимо настолько быстро перейти от мелких преступлений, краж со взломом и проникновений в жилища к сексуальному насилию, убийству и расчленению ребенка. Да, у него было ружье, но единственный раз, когда он попытался применить оружие, произошел в горячке, когда его преследовали полицейские. Это плохо и вполне могло бы сделать его способным на убийство, если бы он так и продолжал совершать кражи со взломом. Но в его прошлом нет ничего такого, что заставило бы предположить осознанное насилие в отношении женщин. Нечто подобное можно сказать и о Дэвиде Васкесе. Если бы все это было учтено в ходе расследования, то полиция вышла бы на совсем другого подозреваемого, как и в случае с Хайренсом.

Бруно Рихард Гауптман, который, как и Роджер Кит Коулман, отправился на свою широко разрекламированную смерть, громко заявляя о своей невиновности, работал плотником. За свою жизнь он собрал богатый послужной список, соответствовавший тому типу преступления, за которое его судили. Туда вошла и серия вооруженных ограблений, и краж со взломом в его родной Германии с применением самодельной лестницы (единственное ключевое доказательство в деле об убийстве Линдберга). Учитывая огромное количество косвенных улик, а также целую цепочку заведомо лживых заявлений в адрес полиции, поверить в правдивость его слов о невиновности весьма трудно.

Роджер Коулман, конечно же, был ранее судим за насильственные сексуальные действия и за нападение, хотя и утверждал, что оба этих случая стали результатом ложного опознания. Не будь этих обстоятельств, стоило бы скептически отнестись к несоответствию доказательств. Но без этих обстоятельств он, вероятно, не смог бы зайти так далеко по преступному пути, чтобы убить свою золовку столь жестоким образом.

Как писал Уильям Шекспир в пьесе «*Буря*»: «*Что такое прошлое – это пролог*».

Еще один урок, что мы должны извлечь из этого дела, – необходимость давать научное заключение самого высшего уровня – ни больше ни меньше.

В наши дни прокуроры беспокоятся о «влиянии CSI»[8] на присяжных. Популярное телешоу внушает публике мнение, что все убийства или другие насильственные преступления можно раскрыть с помощью научного анализа крови и других жидкостей, отпечатков пальцев, волос, волокон ткани и прочих улик, которые обычно обнаруживаются на месте преступления. Правда в том, что большинство мест преступления не изобилует безусловными вещественными доказательствами, напрямую связанными с неизвестным субъектом. А отсутствие доказательств, как мы говорим, не является доказательством их отсутствия. Так что нам нужно быть реалистичнее в своих ожиданиях.

Судьи на Салемском суде над ведьмами думали, что у них есть определенные призрачные улики, пока Коттон Мэзер и другие не указали, что сам сатана мог быть причиной того, что призраки разных горожан являются больным девушкам.

Однако в наш век все более изощренного научного и технологического развития, когда у нас действительно есть очевидные убедительные доказательства, мы обязаны правильно их применять. Например, по прошествии всех этих лет я до сих пор не понимаю, как присяжные заседатели во время суда над О. Дж. Симпсоном, обвиняемым в убийстве своей бывшей жены Николь Браун, а также Рональда Голдмана, могли воспринимать доказательства точно так же, как и салемские судьи. Они проигнорировали работу лаборатории ДНК, которая, вне всяких сомнений, установила нахождение обвиняемого на месте убийства, и в то же время придали большое значение тому, что кожаная перчатка, пропитанная кровью жертв, по всей видимости, не подходила Симпсону по размеру. Одно свидетельство являлось абсолютным и неопровержимым. Другое зависело от большого количества переменных, включая хорошо известный факт (по крайней мере, в местах с менее умеренным климатом, чем Южная Калифорния), что кожа часто сжимается, когда намокает, и неважно, в воде или в крови! Возможно, мы ушли не так далеко от рассуждений и мыслительных процессов времен Салема, как хотели бы надеяться.

Во время суда над Коулманом наука о крови могла только лишь сузить доказательства до относительно небольшой части людей. Но теперь, если у нас есть образец, и он не испорчен за прошедшее время, сохранен довольно четким, то он может многое рассказать нам о преступлении и помочь определить вину или невиновность. Я полностью согласен с бывшим губернатором Марком Уорнером. Если у нас есть доказательства, мы не должны бояться использовать их, а дальше будь что будет.

Если вы собираетесь отнять у кого-то жизнь за преступление

или даже посадить его на всю оставшуюся жизнь, вам, черт побери, нужно заручиться очень большой уверенностью в том, что перед вами тот самый подозреваемый. К счастью, наука помогает нам в этой работе.

Если бы доказательства оказались на стороне Роджера Коулмана, это могло бы стимулировать активность в рядах сторонников отмены смертной казни и сделать его мучеником ради дела, а не тем персонажем, которым он оказался на самом деле: лживым и жестоким убийцей-садистом, не заслуживающим ни капли сочувствия. По крайней мере, благодаря этим доказательствам укрепилась наша вера в то, что семья жертвы, наконец, обретет покой.

Но это еще не конец глобального спора.

«Итоги этого дела не поставят точку в дебатах о смертной казни», – заявил Пол Энзинна, адвокат известной международной юридической фирмы «Бейкер Боттс», когда огласили результаты анализа ДНК Коулмана.

И действительно, этого не произошло. А также из-за этих итогов не следует прекращать постоянные поиски способов, которые позволят улучшить качество правосудия.

Глава 4. Пожар на 11-й Западной улице

Роджер Кит Коулман из города Гранди в штате Вирджиния не стал идеальным персонажем, которого противники смертной казни более трех десятилетий искали для своего транспаранта. Но человек по имени Кэмерон Тодд Уиллингем из города Корсикана, штат Техас, может оказаться таким персонажем.

Дела Коулмана и Уиллингема обладают рядом общих черт.

Оба этих мужчины являлись представителями рабочего класса и выросли в городках, знававших лучшие времена. Оба были яркими и красивыми, увлекающимися и красноречивыми, несмотря на свое невысокое образование. Оба женились молодыми. Обоих быстро арестовали за убийство, и они предстали перед судом в считаные дни. У обоих в камере оказались тюремные доносчики, засвидетельствовавшие, что обвиняемые в неформальной беседе признались, что совершили преступление. Обоих осудили за считаные часы, а затем они провели долгие годы в камере смертников. Оба пошли на казнь, заявляя о своей невиновности, и привлекли внимание очень многих людей, поверивших в это. И в обоих этих делах, по мнению наиболее разумных наблюдателей, решающее слово оказалось за наукой.

Случай Уиллингема, как и Коулмана, вызвал резонанс по всей Америке. Сначала благодаря замечательной и отмеченной наградами статье Дэвида Гранна «Испытание огнем» в выпуске *The New Yorker* от 7 сентября 2009 года. Затем из-за телесюжета «Смерть от огня», чьими авторами стали продюсер-режиссер Джесси Дитер и сценаристы-продюсеры Майк Уайзер и Майкл Кирк, и который был показан 19 октября 2010 года в передаче *Frontline* службы PBS.

Правда, все эти сходства сводятся на нет благодаря одному явному различию, как мы позже увидим.

Кэмерон Тодд Уиллингем, известный просто по имени Тодд, с самого начала вкусил горестей жизни. Он родился в 1968 году в городе Ардмор на юге центральной Оклахомы, и мать оставила семью после развода в самом детстве мальчика. Его воспитал жесткий и требовательный отец, бывший морской пехотинец Джин, работавший на свалке, а также мачеха Евгения, которую мальчик обожал. Он особо не учился в школе и начал нюхать краску и употреблять наркотики уже в одиннадцать лет. Его единокровный брат, Монте, считал, что он так и не преодолел этот возраст ни эмоционально, ни интеллектуально. Тодд бросил школу и побил рекорд по вождению в нетрезвом виде и мелким

кражам.

В 1988 году Тодд встретил Стейси Кайкендалл, старшеклассницу из небольшого техасского городка Корсикана примерно в пятидесяти пяти милях к юго-востоку от Далласа, и отправился туда с ней. Стейси тоже отличалась тяжелым прошлым. Когда ей было четыре года, отчим задушил ее мать во время ссоры.

Есть сведения, что Тодд пил, изменял и бил Стейси. Полиция несколько раз приходила в дом по ее жалобам на бытовое насилие с его стороны. Тем не менее что-то держало их вместе. Через несколько лет у пары родились три дочери: Эмбер и близняшки Кармон и Кэмерон. Между Эмбер и сестрами разница в возрасте составляла всего год. Семья сняла небольшой одноэтажный дом с деревянным каркасом по адресу 1213 на 11-й Западной улице в Корсикане. У Тодда возникли проблемы с поиском работы механиком, так что Стейси устроилась в бар своего брата, а Тодд остался дома, чтобы заботиться о детях. Хотя есть убедительные доказательства того, что Тодд частенько избивал Стейси, даже она говорит, что он никогда не обижал детей. И летом 1991 года они с Тоддом решили попробовать скрепить свой союз по-настоящему и надолго. Первого октября они поженились.

Первое сообщение о пожаре пришло от 11-летней Баффи Барби. Около 10:10 23 декабря 1991 года, за два дня до Рождества, она играла на заднем дворе со своей сестрой и подругой, когда почувствовала запах гари и увидела дым. Она побежала домой, чтобы сказать своей матери Дайане, что по соседству что-то горит. Дайана выскочила через парадную дверь и поняла, что это не по соседству, а у Уиллингхэмов, через два дома.

Дайана увидела на крыльце Тодда, одетого только в джинсы. Он кричал: «Мои дети горят!» – и просил ее позвонить в пожарную часть. Пока Дайана бежала за телефоном, Тодд схватил палку и пробил дыру в окне спальни, откуда вырвалось пламя. Через несколько мгновений все пять окон спальни взорвались, их осколки полетели наружу, и дом целиком охватило пламя. По словам некоторых свидетелей, Тодд, казалось, в этот момент впал в некий транс. Но через несколько минут, к тому времени, как прибыли пожарные, другие свидетели вспомнили, что его нужно было удерживать от попыток вернуться в горящий дом.

Пожарные немедленно вытащили свои шланги и оборудование, начав бороться с огнем. Бервин Терри Смит спросил Тодда, есть ли люди в доме. Фельдшер Рон Фрэнкс, а

также пожарные Чарльз Деннисон и Стивен Вандивер, экипированные кислородными масками и баллонами, вошли в дом через фасадное окно и стали пробиваться сквозь пламя, пытаясь «сбить» его, как говорится в пожарных кругах. Вандивер вышел с безжизненным телом Эмбер на руках. Она умерла в больнице, не приходя в сознание. Когда помощник шефа, Дуглас Фогг, добрался до детской спальни, он обнаружил годовалых близнецов мертвыми. Согласно медицинскому заключению, все трое детей умерли от острого отравления угарным газом, наглотавшись дыма.

Тодд сказал пожарным, что Стейси рано утром ушла покупать подарки детям на Рождество. Он спал, когда Эмбер ворвалась в его спальню и разбудила с криками о том, что дом горит. Когда он открыл глаза, комната была полна дыма, и он крикнул Эмбер, чтобы та выбралась из дома.

Почти сразу же, как пожар потушили, пожарная служба начала расследование. Помощник шефа Фогг прошел по дому с видеокамерой, озвучивая на пленку, что именно он видит внутри. Двадцать седьмого декабря он вернулся туда с Мануэлем Васкесом, заместителем начальника пожарной службы штата, одним из самых опытных следователей по пожарным делам в Техасе. Оба этих мужчины могли похвастаться впечатляющим прошлым. Фогг, местный парень, работал санитаром во Вьетнаме, и четыре медали «Пурпурное сердце» говорили о его самоотверженности и храбрости. Васкес – ветеран армейской разведки, на его счету более тысячи двухсот расследований пожаров.

В самой передней части дома повреждения произошли в основном из-за копоти и жара. Так было и в основной спальне, примерно на полпути от места, где спал Тодд, а Эмбер обнаружили без сознания. Чем дальше пожарные шли по главному коридору, тем больше возникало подозрений. Основание стен и полы обуглились, хотя обычно огонь рвется вверх. «Путь возгорания», казалось, шел в холл из детской спальни, заставляя думать, что пожар начался там. Более того, множество огневых отметин на полу и под полом детской спальни наводило на мысль, что горючее вещество могло быть разлито прямо посередине. Сетчатые узоры на битом стекле также свидетельствовали о сильном пожаре в этом конкретном месте, еще сильнее подкрепляя версию с горючим веществом, ускорившим воспламенение.

Двигаясь по следу огня обратно в переднюю часть дома, они заметили коричневые пятна на бетонном полу крыльца, похожие на те, которые остаются при применении горючего вещества. V-

образные узоры сажи в детской спальне, в коридоре и на крыльце дополнительно указывали на три места, откуда начался пожар. Если горючее вылили во всех этих местах, а затем зажгли, то выбраться живым из строения, охваченного огнем, стало невозможным для всех, кто оказался внутри.

Прежде чем уйти, Фогг и Васкес пришли к неизбежному выводу: этот пожар был устроен намеренно.

Поджог отличается от всех других категорий преступлений одной главной чертой. Это единственное насильственное действие, когда необходимо выяснять, можно ли считать случившееся преступлением. Исключение составляют лишь редкие случаи взрыва, где причиной стала утечка газа. В случае убийства или ограбления мы знаем, что преступление явно совершено, наша главная задача – выяснить, кто его совершил. Даже при отравлении, прямом или с помощью подделки продукта, как в деле «чикагского отравителя» 1982 года, опытные следователи быстро скажут, что болезнь или смерть были вызваны преднамеренно.

Я за свою карьеру работал со множеством поджогов, обычно вместе с опытным специалистом по имени Дэйв Иков, специальным агентом с докторской степенью в области технических наук и механики. Он возглавлял подразделение Службы расследований поджогов и подрывов (ABIS) в нашем подземном логове офисов Академии ФБР. Иков – эксперт, и я знал, что на него всегда можно рассчитывать. Его список публикаций, патентов и финансируемых исследований занимает много страниц. Позже Гас Гэри, специальный агент Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию, приехал в Куантико и тесно сотрудничал с моим отделом поддержки расследований. Какими бы сложными ни были дела о поджогах, Дэйв, Гас и я обладали преимуществом перед большинством следователей; часто мы первыми понимали, что это поджог.

К тому времени, когда нас вызывали, чтобы составить профиль неизвестного субъекта, уже обычно была составлена *схема* пожаров на данной территории. Другими словами, мы знали, что эти пожары устроены намеренно. Например, когда в 1983 году нас ввели в курс дела насчет череды пожаров в синагогах и домах раввинов города Хартфорд, штат Коннектикут, мы поняли, что *все эти пожары произошли не случайно.*

Наша работа после случаев поджога заключалась в исследовании мест, типов пожара, показаний очевидцев, а также других инструментов и уловок из нашего арсенала, чтобы выяснить, какой тип человека можно заподозрить в случившемся и как его выявить. На ранней стадии того, что сейчас известно как

«географическое программирование», Дэйв пользовался картой, линейкой и компасом. Отмечая местоположение всех пожаров и проводя линии между ними, он мог с высокой степенью точности предсказать, где живет преступник.

В большинстве случаев мне не приходилось выяснять, являются ли эти пожары поджогами или просто несчастными случаями. То есть нам не требовалось определять, преступление ли это.

Местные следователи, которые сталкиваются с отдельными пожарами, не обладают подобными предварительными данными, поэтому их суждения весьма поверхностны, а ответственность при этом на них падает серьезная. Однако Фогг и Васкес не сомневались в своем решении по 11-й Западной улице. Они составили и задокументировали список из двадцати отдельных признаков поджога.

Тем временем накапливались поведенческие доказательства. Корсикана – город с населением около двадцати тысяч человек, а это более половины жителей округа Наварро, однако это хоть и небольшое, но сплоченное сообщество, его жители гордятся тем, что хорошо знают соседей по району. Понимая, что у Тодда и Стейси очень мало денег, Вики Пратер, владелица местного бара и таверны, вместе с некоторыми своими соседями провела сбор средств на похороны и погребение детей.

Это был чрезвычайно добрый и благородный поступок. Однако то, как вел себя Тодд в день похорон, глубоко встревожило Вики. Он, по своему обыкновению, играл в дартс и был слишком весел для отца, который только что лишился младенцев-близнецов при таких ужасных обстоятельствах.

Лейтенант пожарной части и фельдшер Рон Фрэнкс посчитали очень странным тот факт, что, когда пожар потушили, Тодд выглядел невероятно расстроенным из-за того, что в огне потерял набор дротиков для дартса. Он спрашивал, нельзя ли ему вернуться, чтобы найти свои дротики.

Со стороны полиции города Корсикана тоже возникали вопросы. По рассказу Тодда, когда Эмбер разбудила его, он едва успел надеть джинсы. Когда его увидели снаружи, он был в одних джинсах.

Но почему тогда у него не обгорели ноги?

В таком раскаленном коридоре, как сказали следователи по пожарной безопасности, пол не мог не оставлять ожогов на теле. Как Тодд сумел выбраться из дома, не повредив ступни босых ног? Ему удалось спастись практически невредимым, не считая незначительных ожогов и опаленных волос.

Когда полиция 31 декабря доставила его в участок для

допроса, он попросту ответил, что когда выходил, то огонь пылал в основном выше, и, хотя пол был горячим, в тот момент он не обжигал ему ног. *Затем, наверное, он слишком быстро раскалился*, скептически заключили полицейские. Фогг и Васкес были на том допросе вместе с сотрудником полиции Джимми Хенсли. Говоря о причине пожара, Тодд упомянул три обогревателя, он и Стейси пользовались ими для поддержания тепла в доме. Один из них находился в детской спальне. Возможно, там произошло короткое замыкание, дети баловались, или еще что-то в этом роде. Но во время тщательного осмотра дома Мануэль Васкес заметил, что шкала обогревателя в детской спальне находится в положении «Выкл». «Возможно, в доме было что-то электрическое», – предположил Тодд. Он услышал нечто вроде хлопка или треска.

Тодд признал, что плохо обращается со Стейси. Сказал, что они несколько раз расходились из-за этого, но вновь воссоединялись ради детей. Когда его спросили, почему кто-то хочет причинить вред его семье, он не смог ничего придумать в ответ.

Впечатления следователей о его поведении совпадали с впечатлениями Вики Пратер. Хотя Тодд настаивал на том, что только дети удерживали его со Стейси и они же привели их к браку, но вместо того, чтобы выказывать горе или даже раскаяние, он выглядел почти дерзко. Словно хвастался тем, что бросился обратно в дом, пытаясь спасти своих детей – хотя свидетелей этого поступка не было. Весь его рассказ выглядел слишком отрепетированным и просчитаным. Единственный раз он не выдержал, когда ему показали фотографии его мертвых детей.

В такой реакции нет ничего необычного. Я много раз применял и предлагал другим такую технику и ее вариации при допросе подозреваемых. Я также учил этому детективов. С одной стороны, вы пытаетесь достучаться до чего-то человеческого в подозреваемом, обращаясь к его самым примитивным чувствам. Может быть, осознание морального ужаса от поступка вызовет у него чувство вины. А может быть, чувство вины уже появилось, поскольку он понимает, что не сделал все, что мог.

С другой стороны, вы оцениваете его реакцию. По кому он проливает слезы: по жертве или по себе? Он рыдает из жалости к жертве или сожалеет о том, что его поймали? Я сталкивался с обоими вариантами. Но с маньяками, на которых я охотился на протяжении всей своей карьеры, вторая причина встречается гораздо чаще.

Если бы такое дело поступило в мое подразделение в Куантико, я сразу спросил бы: «Почему вы отправили это к нам?

Если вы знаете, что это поджог, и только один человек мог его совершить, значит, у вас есть попадание в яблочко».

В *типе* поджога сомнений не было. Мы разбиваем поджоги на несколько общих категорий: страховое мошенничество, пиромания и поиск острых ощущений, вандализм, сокрытие других преступлений, месть, гражданские беспорядки, убийства. Если это был поджог, то поджог как убийство.

Когда вещественные и поведенческие доказательства совпадают и нет других вероятных подозреваемых, учитывая время и место происшествия, это уже неплохой комплект данных для окружного прокурора (DA).

Но если бы нас все-таки туда вызвали, я бы обратил внимание на другое. Скептически воспринял бы слезы Тодда Уиллингема при виде фотографий его детей, а также предупредил бы о том, что не стоит придавать чересчур много значения его эмоциональным реакциям во время пожара и сразу после него – независимо от того, «уместные» они или нет. Опыт и изучение многих случаев показали нам, что реакция на смерть любимого человека может быть самой разной – это очень индивидуальный, очень личный вопрос.

Когда у Чарльза Линдберга похитили маленького сына, многие критиковали этого отца, а некоторые даже подозревали из-за того, что он казался столь холодным и отстраненным. На самом деле это просто был его способ справиться с потрясением. И неудивительно, если учесть, что этот человек побывал во многих ужасных авиационных ситуациях и, несмотря ни на что, летал в одиночку через Атлантику, проведя более тридцати трех бессонных часов в тряском самолете даже без лобового окна. Если бы он не мог контролировать свои эмоции в критические моменты, то он бы не был тем, кем стал. Все реагируют на такое по-разному, и наблюдение во время критической ситуации – один из наименее надежных способов определения личности и мотива человека перед нами.

Я бы посоветовал следователям сосредоточиться на том, что мы в целом называем поведением после преступления. Как изменилось поведение подозреваемого в первые дни и недели после события? Он избегал следователей или участвовал в расследовании? Он начал больше пить или злоупотреблять наркотиками? Изменился ли его вес? Чем он занят днем и ночью наедине с собой?

Потом я бы спросил, насколько твердо полиция верит в правильность отчета следователей о поджоге. Лично у меня нет опыта в области структурного или химического проектирования, биохимии или металлургии, как и в области анализа отпечатков

пальцев или баллистики. Поэтому, когда эти дисциплины входят в расследование дела, то я полагаюсь на лучших экспертов, каких только могу найти. В Бюро нам повезло с этим, у нас одни из лучших сотрудников, и вдобавок мы обращались ко многим другим. Например, у меня тесные рабочие отношения с доктором Джеймсом Люком, бывшим главным медицинским экспертом в Вашингтоне. Мы настолько глубоко доверяли методам и анализу друг друга, что я часто звонил ему по делам, в которых судебно-медицинская патология могла стать определяющим фактором.

Если местные жители выразили какие-либо сомнения по поводу качества их собственной судебной медицины, я бы попросил Дэйва Икова или Гаса Гэри ознакомиться с данными. Если кто-нибудь из наших людей увидит что-либо, вызывающее тревогу в отчетах, фотографиях и анализах, то он сможет сам поехать в Техас и посмотреть.

Сам я бы предложил только одну услугу по стратегии обвинения, помог бы понять, как объяснить присяжным мотив преступления.

В принципе, обвинение не обязано устанавливать мотив в судебном разбирательстве по уголовному делу. Если не вызывающие сомнений доказательства указывают, что ответчик совершил то, что ему вменяют, то не имеет значения, почему же он это сделал. Но в реальности большинство членов жюри присяжных осознанно или неосознанно видят в мотиве часть доказательств вины. Если они не смогут понять, почему обвиняемый совершил такое преступление, у них возникнут проблемы с его осуждением. Вот почему прокуроры нередко привлекали мое подразделение даже после того, как полиция уже доставила подозреваемого в суд.

Если бы это дело передали нам, то поскольку факт поджога уже установлен научно, и не возникло никаких других подозреваемых, кроме Тодда Уиллингема, мы бы не придавали значения его непосредственному поведению на месте пожара. Вместо этого мы бы указали на его поведение в баре Вики Пратер как на доказательства того, что он скорее испытал облегчение, чем горе, потеряв трех своих девочек. Ему больше нет нужды сидеть дома, менять им три комплекта подгузников. Он теперь мог делать то, чем обычно хотят заниматься мужчины его возраста. Многие люди видели похожий мотив в поведении Кейси Энтони, когда ее судили за предполагаемое убийство своей малолетней дочери Кейли в городе Орландо, штат Флорида. Хотя явно измученные присяжные признали ее невиновной, многие из нас с большим трудом могли поверить, что молодая женщина способна вести подобный образ жизни в такой ситуации. Она

гуляла, выпивала, участвовала в конкурсе мокрых футболок, зная, что ее дочка Кейли пропала без вести или умерла (в зависимости от того, в какую версию вы верите).

Предсказание будущего насилия далеко от точной науки, но мы исповедуем концепцию, что лучший предсказатель насилия в будущем – это насилие в прошлом. И здесь Уиллингем легко попадает в разряд подозреваемых. Любой мужчина, регулярно избивающий свою молодую жену и жестоко с ней обращающийся, безусловно, способен и на другие виды насилия. Не обязательно, что он непременно станет прибегать к этим видам насилия, но он определенно способен на это. А как только вы причинили вред жене, причинение вреда своим детям станет просто обострением, а не отклонением от нормы.

В отчетах есть одна деталь, которая, полагаю, заставила бы меня задуматься. А именно тот факт, что двухлетнюю Эмбер нашли в спальне родителей, в то время как младенцев-близнецов – в детской спальне, их тела обгорели намного сильнее. Это не только подтверждает рассказ Тодда о том, как он узнал о пожаре, но и ставит под сомнение всю версию, что пожар возник из-за поджога. То есть можно было ожидать, что все три ребенка окажутся вместе, если их пытались убить. Двухлетняя девочка гораздо подвижнее своих годовалых сестер, но вряд ли ей удалось бы выбежать из основного очага пожара, вспыхнувшего внезапно из-за горючего вещества.

Когда Эмбер нашли в главной спальне, на ней были только трусы и один носок. Окажись второй носок среди обгоревших вещей, то он бы указал нам ее путь. Но тот факт, что она была так легко одета, подтверждает, что обогреватель в детской спальне работал, хотя если верить шкале, прибор считался выключенным. Причиной пожара могла быть неисправность устройства или баловство с ним Эмбер. Стейси рассказала следователям, что Эмбер несколько раз играла с обогревателем, и ее за это наказывали. В доме была плохая теплоизоляция, поэтому маловероятно, что Стейси и Тодд укладывали бы таких маленьких детей в постель, не будь рядом источника тепла.

С другой стороны, кажется сомнительным, что Тодд просто надел джинсы, но не взял Эмбер на руки и не вынес ее под мышкой. По его рассказу, он велел ей немедленно выбежать и в густом дыму решил, что она, наверное, спаслась. Но я определенно хотел бы узнать об этом моменте больше и обратиться к следователям за самыми подробными доказательствами.

Восьмого января 1992 года полиция арестовала Тодда

Уиллингема и предъявила ему обвинения в трех убийствах первой степени. В Техасе из-за серьезности обвинений его могли отправить на смертную казнь. Он не мог позволить себе адвоката, и суд назначил ему двоих: Дэвида Мартина и Роберта Данна.

Прокурор Джон Джексон считал, что он ведет весьма солидное дело, и я согласился бы с ним. Но перед судом он обратился к адвокатам Мартину и Данну с предложением отменить казнь в обмен на признание вины и пожизненное заключение. Джексон лично был против смертной казни, считая ее неэффективным средством устрашения, пустой тратой времени суда и денег налогоплательщиков. Его также беспокоило, что всегда оставался риск лишить жизни невиновного человека. Обвинительный приговор без смертной казни его устраивал.

Адвокаты, по понятным причинам считавшие, что их клиент виновен, призвали его принять это условие, спасти свою жизнь, а попутно избавить семьи и общество от страданий, связанных с судебным процессом. Уиллингем упорно отказывался.

«Я не собираюсь признаваться в том, чего я не делал, – настаивал он, – особенно в том, что убил своих собственных детей».

Есть несколько причин упорно заявлять о том, что вы невиновны. Самая очевидная – вы и правда невиновны. Но, как показали дела Гауптмана и Коулмана, это не всегда правда, даже для тех, кто уже ждет своей казни. Таким образом, хотя и правда стоило прислушаться к заявлениям Уиллингема, но это можно было списать на гордость, заботу о своей репутации или простую авантюру с уголовным правосудием, которое на практике не всегда приводит в исполнение смертные приговоры осужденных убийц – даже в Техасе, а в этом штате к смертной казни относятся серьезно.

Суд над Кэмероном Тоддом Уиллингемом начался 18 августа 1992 года и продлился всего три дня. Прокурор Джон Джексон привел свидетеля по имени Джонни Уэбб, осужденного преступника, и тот утверждал, что, проходя мимо камеры Уиллингема в тюрьме, случайно услышал, как Тодд признался в поджоге. По его словам, Уиллингем подробно описал, как в виде пентаграммы вылил на пол в детской спальне жидкость для зажигалок. Предположительно, это было ритуалом религиозного культа «викка» или какого-то еще более мрачного и сатанинского.

Когда следователи впервые услышали об этом заявлении Уэбба за несколько месяцев до суда, его восприняли как ключ ко всей личности Тодда Уиллингема. Это стало критически важным элементом второй фазы судебного разбирательства.

Я не слишком хорошо отношусь к тюремным стукачам, но мы

видим, что их к услугам следователи прибегали всегда. Идея в том, что если какой-то плохой парень надумает сказать, что он сделал, то это, скорее всего, произойдет в кругу ему подобных. По словам Дэвида Гранна в статье *The New Yorker*, Джексон не видел мотива, заставившего бы Уэбба сделать лживое заявление.

Однако, по моему опыту, у тюремных стукачей всегда есть стремление к своей выгоде или, по крайней мере, надежда на такую выгоду. Вот единственная причина, заставляющая их внезапно появляться из ниоткуда – доносить на сокамерников, раскрывать чужие тайны.

«Почему вы решили кому-либо рассказать об этом разговоре?» – спросил Джексон свидетеля Уэбба. Тот ответил: «Потому что это меня тревожит. В смысле, те трое убитых детей, понимаете? Когда кто-то говорит такое, нельзя отнестись к этому легко».

Не верьте ни уговорам совести, ни жалости к жертве, ни желанию добиться справедливости, когда эти слова исходят от такого типа людей. Все дело в их шкурном интересе. Это не значит, что они обязательно лгут. Но значит, что доверие к ним всегда должно быть под вопросом.

Я всегда говорил одно и то же о тюремной психиатрии и условно-досрочном освобождении. В отличие от обычной психотерапии, когда субъект кровно заинтересован в предельной правдивости и откровенности с аналитиком, в рассматриваемой ситуации субъект кровно заинтересован сообщить аналитику все, что поможет ему выйти на волю или сократить срок наказания.

В таких условиях идея о том, что человек, упорно заявлявший о своей невиновности, вдруг признался другому заключенному, практически не знакомому, выглядит абсурдной, даже когда обвиняемый на самом деле виновен. Будь я присяжным, то не поверил бы этому. Фактически я мог бы даже возразить против обвинения, полагая, что прокуроры не слишком уверены в своей правоте, раз представляют такого неудачника свидетелем.

Однако главным фактором обвинения против Кэмерона Тодда Уиллингема стало судебно-медицинское расследование. Выступив свидетелем, Мануэль Васкес перечислил двадцать обнаруженных признаков поджога, заявил с абсолютной убежденностью, что именно Тодд виновник поджога, и даже высказал мнение о мотиве.

– Намерение преступника – убить маленьких девочек, – сказал он.

Похоже, Васкес относился к пожарам и поджогам с мистическим трепетом, утверждая, что почти каждый пожар, который он расследовал, оказался намеренно подстроенным.

Другие эксперты позже удивленно поднимут брови на это утверждение.

– Позвольте мне сказать вот что, – заявил он на допросе со стороны обвинителя Алана Бристоля, – сам огонь говорит мне об этом. Пожар рассказывает историю. Я всего лишь переводчик. Я смотрю на огонь и толкую язык огня. Вот что я умею. Это то, что я делаю лучше всего. И огонь не врет. Он говорит мне правду.

И правда, по его словам, заключалась в том, что тем утром в конце декабря в доме умышленно зажгли три очага пламени.

– Судя по моему опыту и тому, что я наблюдал на месте пожара, первый костер вспыхнул в передней спальне.

– Это спальня, где нашли тела близнецов? – уточнил Бристоль.

– Да, сэр. Вторая вспышка произошла в коридоре, а третий очаг пожара был у входной двери на крыльце.

– Помощник шерифа Васкес, во время своего расследования вы опросили свидетелей, включая жителей этого дома?

– Да, сэр. Я разговаривал с жителем этого дома, дал ему возможность высказаться, и он поведал мне совершенно выдуманную историю.

Здесь Тодд захотел выступить в свою защиту, но его адвокаты, опасаясь, что он навредит себе, не позволили ему дать показания. Они искали экспертов, которые опровергли бы отчеты Фогга и Васкеса, но не смогли их найти. Единственным свидетелем, кого они в итоге представили, стала женщина, нянчившая детей Уиллингема. Она заявила, что не верит, будто Тодд способен причинить им вред. Адвокатов тем самым подвергли серьезной критике за то, что команда защиты считала своего подзащитного виновным. Но, судя по протоколам судебных заседаний, даже несмотря на то что у них было мало собственных доказательств, адвокаты предприняли решительную и, на мой взгляд, эффективную атаку на версию обвинения и предположения свидетелей-экспертов.

Присяжные вышли из зала суда в 10:25 20 августа. Они вернулись спустя 77 минут с приговором: виновен по трем пунктам обвинения в убийстве первой степени.

На стадии определения наказания, которая была проведена в тот же день после обеда, группа свидетелей как среди правоохранительных структур, так и среди частных лиц подтвердила антиобщественные действия Тодда и его «плохую репутацию». Сосед Джон Бейли вспомнил услышанный им разговор, когда Тодд издевался над Стейси: «Встань, сука, и я снова тебе вмажу!»

Прокуроры вызвали Стейси. Она оказалась свидетелем,

предубежденным против стороны обвинения, и четко заявила, что, по ее мнению, Тодд невиновен и не мог причинить вреда детям. Она также лишь вскользь упомянула о его физическом насилии над ней.

После этого началось обсуждение темы сатанизма. Узор пентаграммы, упомянутый Уэббом, по линиям которого Уиллингем якобы выливал горючую жидкость, совпал с образцом ожогов. Это Васкес заметил на полу спальни и сразу же связал с особенностями личности Тодда. Джексон допытывался у Стейси о значении татуировки на плече Тодда – там был изображен дракон, обвивающий череп.

– Это просто татуировка, – ответила Стейси.

«Нет», – возразил Тим Грегори, свидетель обвинения с ученой степенью в сфере семейного консультирования. Он указал на интерес Тодда к хеви-металу и на его плакаты Led Zeppelin и Iron Maiden как свидетельство озабоченности насилием и смертью, оккультными ритуалами и сатанинской деятельностью. «На мой взгляд, – заявил Грегори, – шансов на реабилитацию подсудимого нет почти никаких». В ходе перекрестного допроса он признался, что никогда не допрашивал Тодда или кого-либо из его родственников. Но зато ходил на утиную охоту с прокурором Джоном Джексоном.

Последним свидетелем был доктор Джеймс Григсон, психиатр, он так часто за свою карьеру давал показания по делам о смертной казни, что заслужил прозвище «Доктор Смерть». Он назвал Уиллингема «суровым социопатом», который нуждается в психиатрической помощи, хотя, как и Грегори, доктор никогда с ним лично не встречался.

На следующее утро присяжные вернулись, чтобы выслушать окончательные аргументы. Они удалились для обсуждения в 10:15. Вернулись в 12:05. Объединив научные доказательства с портретом одержимого смертью социопата-сатаниста, лишенного шансов на исправление, присяжные проголосовали за смертный приговор.

Те, кто выступал позже, заявили, что не впечатлены показаниями Джонни Уэбба, но очень дорожат мнением Мануэля Васкеса. Им не понравилось, что Тодд Уиллингем не высказался и даже не попытался доказать свою невиновность. Им также не понравилось, что он просто стоял снаружи, пока горел огонь, и не пытался вернуться в дом, чтобы спасти своих детей.

Эти проблемы не должны иметь значения при установлении вины. Но, конечно, они являются немаловажными. Независимо от указаний судьи, как только двенадцать человек войдут в совещательную комнату и закроют дверь, дальше все зависит от

них.

Глава 5. Обжигающие вопросы

Кэмерона Тодда Уиллингема отправили в камеру смертников в E1 – это блок Ellis One в тюрьме штата Техас, недалеко от города Хантсвилл. Как и Роджер Коулман, Тодд продолжал заявлять о своей невиновности.

За это время в учреждении произошло необычное событие. Кен Лайт, известный и уважаемый фотограф-документалист, а также Сюзанна Донован, писательница и бывший директор Американского союза гражданских свобод (ACLU) Техаса, получили «неограниченный доступ» в местную камеру смертников. Эти двое были коллегами – преподавателями в школе журналистики Калифорнийского университета в Беркли. Кен совершил туда три поездки, проведя там в общей сложности несколько недель. Он сделал фотографию Тодда Уиллингема, приведенную в этой книге, во время одной из тех поездок.

Из моего собственного опыта работы с пенитенциарными учреждениями по всей стране я знаю, насколько сложно даже такому сотруднику правоохранительных органов, как я, получить все разрешения и допуски, чтобы войти в эту самую камеру и поговорить с некоторыми заключенными. Поражает тот факт, что в штате с самыми суровыми в США наказаниями, такими, как смертная казнь, разрешили вход в камеру смертников и предоставили полную свободу действий чиновнице ACLU и писательнице, а также парню с фотоаппаратом. Результаты этих посещений опубликованы в книге 1997 года под названием «*Камера смертников в Техасе*» *(Texas Death Row)*. Интерес фотографа и писательницы заключался не столько в вынесении суждений, сколько в том, чтобы «показать человеческое лицо этих людей».

За свою выдающуюся карьеру Кен видел много мировых трагедий и зла, но впечатление от комнаты исполнения смертных приговоров в Техасе явно потрясло его.

– Я работал с раннего утра до шести или семи вечера, до полного истощения, возвращался в свой маленький гостиничный номер, запирал дверь и пребывал в полном шоке, – рассказывал фотограф. – Примерно полтора года увиденное там являлось ко мне в ночных кошмарах, кошмарах с образами этих ребят, я внезапно просыпался весь в поту. Из всех парней, которых я сфотографировал, примерно шестьдесят пять были казнены.

Для некоторых снимки Кена стали последними прижизненными изображениями. Интенсивность подобных переживаний усиливалась событиями его собственной жизни.

– В то время, когда я работал над этим проектом, моя жена ждала ребенка. Это был опыт, во время которого я посещал дома смерти, возвращался домой к жене и осознавал, что все эти парни начали жизнь такими же младенцами. Поневоле начнешь задумываться, как, черт возьми, они все оказались там.

Как и следовало ожидать, он описал атмосферу в Эллисе как «мрачную и готическую». И хотя большинство заключенных не говорили с ним о своих преступлениях, этот летописец заявлял:

– Некоторые из них и правда рассказывали мне свои истории. Конечно, эти люди очень странные и извращенные, их этическая шкала сбита напрочь. Кто-то из них может сказать: «Да, я убил этого человека, но ведь не ограбил его, а поэтому сижу здесь несправедливо».

Во время пребывания в Эллисе Кен подружился с Дэнни, соседом Уиллингема, и через него уже познакомился с Тоддом.

– В татуировке на его руке есть что-то весьма впечатляющее, – такой сделал вывод Кен. Он понимал, что это страшное изображение черепа, обвитого драконом, помогло осудить Тодда так же, как и научное заключение. Но Кен счел его дружелюбным и отзывчивым: «Обычный парень». Еще он замечал:

– Некоторые люди избегали меня, опасаясь, что фотографии помешают им подать апелляцию.

Тодд не испытывал подобных сомнений, никогда даже не говорил о своем деле, и они с Дэнни позволяли Кену заходить к ним и выходить когда угодно. Кен считает, что сделанный им снимок раскрывает суть этого человека.

– Было так необычно обнаружить заключенного, который лежит днем в постели в этой суровой клетке и спокойно читает книгу. Это повысило интерес к сделанному снимку.

По сути, именно так Тодд и провел свои двенадцать лет в камере смертников.

Как и в случае Роджера Кита Коулмана, длинная цепочка апелляций Кэмерона Тодда Уиллингема ни к чему не привела. Стейси поверила мужу, но решила разорвать свою прежнюю жизнь с ним и перестала приходить к нему. В конце концов, как и жена Коулмана, она подала на развод.

Кроме того, как и Коулман, он в итоге завел подругу с воли. Но она стала ему не возлюбленной, а главной защитницей. Элизабет Гилберт была учительницей и писательницей из Хьюстона, а также разведенной матерью двоих детей. Она поддерживала кампанию против смертной казни и согласилась на просьбу подруги начать переписку с приговоренным из камеры смертников. Ей достался Уиллингем, и его красноречие

впечатлило Элизабет. То ли из любопытства, то ли из сострадания она согласилась на его просьбу приехать к нему в Хантсвилл.

Их отношения развивались. Переписка продолжалась, и она снова навещала его. Тодд постоянно настаивал на своей невиновности. Когда Элизабет соглашалась на дружбу с заключенным, ей и в голову не приходило, что он на самом деле может быть невиновным. Учитывая такую возможность, но сохраняя скептицизм писателя, она приступила к самостоятельному расследованию дела.

Она поехала в Корсикану, пришла в здание суда и взяла протоколы судебного заседания. С удивлением она отметила, что ряд показаний очевидцев о поведении Тодда изменился после выхода отчета следователей о пожаре. Другими словами, как только они узнали о намеренном поджоге, то заговорили о более «неуместном» поведении, чем замечали ранее.

Это явление на самом деле довольно хорошо известно тем из нас, кто работает в правоохранительных структурах. Как отметил Дэвид Гранн в своей превосходной статье в журнале *New Yorker* об этом деле: «Десятки исследований показали, что воспоминания свидетелей о событиях часто меняются, когда они получают информацию в новом контексте».

Я часто говорил, что следователи, включая меня, бывают настолько хороши, насколько хороши доказательства, с которыми они работают. Если бы меня спросили о «меняющихся впечатлениях» свидетелей, я бы отметил несколько моментов. Важнее всего, что свидетели не обязательно ошибаются в таких случаях. Личный опыт всегда фильтруется через призму интерпретации. Поэтому я бы посоветовал провести серьезные беседы с каждым из этих людей. Нужно выяснить их эмоции в связи с преступлением и их отношение к Тодду Уиллингему, а затем проанализировать эти наблюдения в осмысленном контексте. В противном случае они принесут не так уж много пользы.

Крайне показательным получилось заявление Вики Пратер в программе *Frontline*: узнав историю о том, как Тодд избивал Стейси, многие местные жители перестали сомневаться в его способности пойти на убийство своих детей. Это заявление продемонстрировало ее превосходную проницательность. По сути, Вики отчасти составила профиль и Тодда, и сообщества. Такой тип анализа как раз и стоит применять в подобных ситуациях.

Элизабет Гилберт разговаривала с родителями Тодда,

Джином и Евгенией, а затем со Стейси. Никто из них не мог представить себе, что Тодд причинит вред своим детям. Все трое описали его поведение в дни перед пожаром как нормальное – это было счастливое ожидание поездки к своим родителям в Оклахому.

Она также навестила Джонни Уэбба в тюрьме в городе Айова-парк, штат Техас. Ее собеседник описал свой опыт совершения преступлений и злоупотребления наркотиками, а также полученный им психиатрический диагноз душевного расстройства. В конце концов он отказался от своих показаний о признании Уиллингема в поджоге. Впоследствии он отказывался и от этого данного отказа.

Когда Дэвид Гранн брал интервью у Уэбба, незадолго до публикации своей статьи, тот, казалось, многого не помнил. *После того, как я надавил на него* – писал Гранн – *он признался:* «*Очень может быть, что я неправильно понял его слова*».

За время всего своего личного расследования Элизабет просто не могла найти мотив Тодда для убийства трех маленьких девочек. Она обнаружила, что он все больше зависит от нее эмоционально. По мере того как его положение становилось все более отчаянным, он начинал ощущать все большую подавленность в тюрьме, так что она стала единственной, кроме родителей и назначенного судом адвоката по апелляциям, Уолтера Ривза, кто мог с ним видеться.

Суды разных уровней раз за разом отклоняли ходатайства Ривза. После того как в декабре 2003 года Верховный суд США отказался рассматривать дело, казнь Уиллингема от смертельной инъекции назначили на 17 февраля 2004 года. Именно тогда в этом деле произошли два драматических поворота – наиболее значимых со времен судебного разбирательства, прошедшего почти двенадцать лет назад. Оба этих поворота были связаны с женщинами в жизни Тодда Уиллингема.

Первый был связан со Стейси. Впервые за двенадцать лет она согласилась навестить его в тюрьме. Этот визит не задался. Она ознакомилась с протоколом суда и отчетом следователя, после чего поверила, что Тодд умышленно устроил пожар. Поэтому, когда через перегородку из оргстекла, разделявшую их, он попросил похоронить его рядом с тремя детьми, она отказалась. Он возмутился этим отказом. Они кричали и спорили, а затем Стейси спешно покинула тюрьму.

Второй поворот событий касался Элизабет Гилберт. Увидев, что отсутствие мотива и очевидная искренность Тодда в отрицании своей вины опровергаются научным доказательством поджога, она стала искать экспертов. Она хотела узнать,

возможны ли были другие причины для возникновения пожара. Это как минимум помогло бы избежать казни в намеченный срок.

Одним из людей, о которых она узнала, был доктор Джеральд Херст из города Остин, штат Техас. Двоюродная сестра Тодда, Патрисия Энн Кокс, видела его по телевизору. С очень большим трудом Элизабет смогла с ним встретиться.

Херст – необычный самобытный парень, впечатляющий своим интеллектом. Высокий, худой мужчина лет шестидесяти, в больших очках, с редеющими седыми волосами и совсем седой бородой, Херст считался звездой среди своих коллег. Он получил докторскую степень по химии в Кембридже. Стал экспертом по взрывчатым веществам и разработал ракеты и бомбы для нескольких американских оборонных подрядчиков. Во время Вьетнамской войны решил, что ему некомфортно принимать участие в бизнесе по уничтожению людей, и стал изобретателем «гражданских» взрывчатых веществ, а также автором различных приспособлений, снижающих вероятность их случайного подрыва. Он настолько глубоко знал обо всем, связанном с пожарами, что стал крайне востребованным свидетелем-экспертом в гражданских делах о самых разных случаях страхового мошенничества. В данной отрасли его суждение считалось последним словом. Он обрел таких поклонников, как Джон Лентини, всемирно известный специалист по пожарным расследованиям из Атланты, который впоследствии написал основополагающий текст *«Научные протоколы расследования пожаров» (Scientific Protocols for Fire Investigation)*.

Херст был не просто известным свидетелем-экспертом. С 90-х годов XX века такие люди, как он и Лентини, совершили революцию в науке исследования пожаров с помощью передового химического анализа и сложных экспериментов, во время которых они осуществляли поджог, а затем тщательно отслеживали и сопоставляли результаты. Результаты часто были неожиданными и противоречили давно устоявшимся представлениям о различиях между умышленными поджогами и случайными пожарами. Херст сыграл важную роль в снятии обвинений или отмене обвинительных приговоров в отношении десяти человек, обвиненных в поджоге.

Он и Лентини оба ощущали, что расследование поджогов сложилось как набор непроверенных убеждений, передаваемых от одного исследователя к другому, без какой-либо реальной научной основы. Это объяснимо, считал Лентини, ведь большинство исследователей были пожарными, а не учеными: «Для тушения пожара и расследования пожара требуются два разных набора навыков и два различных типа мышления».

Ведя комфортную жизнь благодаря гонорарам за различные патенты и изобретения, доктор Херст согласился бесплатно изучить дело Уиллингема. Всего за неделю до даты казни Ривз прислал ему все относящиеся к делу материалы.

Дело Уиллингема напомнило доктору Херсту пожар 1990 года в доме Джеральда Уэйна Льюиса на Лайм-стрит в городе Джексонвилл, штат Флорида. Шесть человек погибли в результате того пожара, а 35-летнего Льюиса, как и Уиллингема, уличенного в супружеском насилии, обвинили в преднамеренном поджоге. Льюис настаивал, что причиной пожара стало то, что его маленький сын играл со спичками на диване. Так же как и в случае с Уиллингемом, несколько свидетелей считали, что Льюис неадекватно вел себя после возгорания и не спешил звать на помощь. Обвинение вызвало нескольких экспертов по поджогам, в том числе Лентини и Джона Дехаана – это эксперт по поджогам из Министерства юстиции Калифорнии, соавтор трех учебников по поджогам вместе с моим бывшим коллегой из ФБР Дэйвом Иковом. Эти эксперты отметили характерные V-образные следы горения и другие свидетельства применения горючих веществ. В своей статье Гранн процитировал слова Лентини: «*Я был готов дать заключение и отправить этого парня к Старому Спарки*[9]».

Как рассказал Гранн, с разрешения пожарных и обвинителей, готовых заплатить 20 000 долларов, Лентини и Дехаан провели сложный эксперимент в соседнем доме, предназначенном к сносу, почти таком же, как и дом Льюиса. Они обставили дом так же, как жилище Льюиса, вплоть до дивана аналогичной модели, и точно воссоздали картину возгорания. Единственное различие заключалось в важной детали: они не применяли горючую жидкость, а просто подожгли диван в гостиной. Целью эксперимента было продемонстрировать разницу между двумя этими пожарами и этим доказать присяжным, что Льюис лжет. На месте проведения эксперимента установили датчики температуры, плазменные мониторы и видеокамеры.

Результаты потрясли и ошеломили исследователей: экспериментальный «случайный» пожар достиг точки общей вспышки – той стадии, где горящий предмет становится настолько горячим, что поджигает все остальное в комнате – столь же быстро, как и огонь, подпитываемый горючим веществом. Решающим доводом для ученых стало то, что с этого момента направление огня определяется уже не топливом, а притоком воздуха из источника вентиляции. Выяснилось, что после общей вспышки там остались точно такие же образцы горения, как и в результате разливания бензина или других

горючих веществ.

Эксперимент на Лайм-стрит доказал, что появление общей вспышки в одной комнате может вызвать аналогичную общую вспышку в соседней, и получившиеся рисунки горения неотличимы от рисунков заливки или луж горючего.

Проявив потрясающие мужественность и ответственность, прокурор Фрэнк Эштон потребовал снять обвинения против Джеральда Льюиса. Самым красноречивым аргументом его признания стали слова: «Как ужасно осудить полностью невиновного человека и отправить его в камеру смертников из-за того, что есть лишь косвенные доказательства его вины».

Далее он заметил, что если дело дойдет до присяжных, обвиняемый сможет «нанести два ответных удара», поскольку полиция арестовала его, а прокурор предъявил обвинение. «Вы рискуете осудить невиновного человека», – сказал прокурор.

В целом оба пожара проходили похоже. Лентини внезапно осознал, что многие положения, десятилетиями считавшееся выводами пожарной науки, были всего лишь предположениями.

– Это колдовство, не иначе, – заметил он. – Это стало моим прозрением. Я чуть не отправил человека на смерть, основываясь на теориях, которые оказались полной ерундой.

Джеральд Херст испытывал похожие чувства к тому, что считалось расследованием поджогов в первые годы XXI века. Он пришел к выводу, что путь возгорания в доме Уиллингема направлен не горючим, а потоком воздуха из входной двери. Тодд выбежал и оставил ее открытой. Затем, когда огонь перекинулся через переднюю спальню и вылетели наружу окна, в доме появился новый источник воздуха. Рисунок якобы в виде пентаграммы, который разглядели самые первые инспекторы, на деле оказался рисунком горения от подачи воздуха из пяти окон в комнате!

Рассказ Тодда о беге по коридору босиком полностью совпадал со свидетельствами, как заключил Херст. Поскольку тот открыл вентиляционный канал с входной дверью, коридор еще не загорелся. Тепло уходит вверх, поэтому пол накалился в последнюю очередь. Даже дым и углекислый газ не могли распространиться так быстро, чтобы причинить Тодду серьезный вред – этот вывод стал результатом расследования пожара на Лайм-стрит.

Херст выяснил, что даже следы от горючего на бетонной плите крыльца тоже имели самое невинное происхождение. На фотографиях дома до пожара видно, что там стоят гриль и банка с жидкостью для розжига. Было бы странно, если бы от них не

осталось следов. Ко времени завершения своего анализа Херст опроверг все двадцать аргументов первых исследователей, подтверждавших версию умышленного поджога. Наиболее вероятными причинами теперь выглядели две: поломка одного из трех обогревателей или повреждение проводки.

– Дело Тодда Уиллингема попадает в ту категорию, где нет ни малейшего доказательства, что причиной пожара стал поджог, – заявил он в программе *Frontline*. – Ни малейшего.

Когда адвокат по апелляциям Уолтер Ривз получил отчет Херста, до казни оставалось меньше недели. Он немедленно отправил этот отчет губернатору Джеймсу Ричарду «Рику» Перри, Техасскому совету по помилованиям и условно-досрочному освобождению, а также подал серию срочных ходатайств, требуя признания юридической и фактической невиновности своего подзащитного. Не прошло и четырех дней, как Ривз получил известие о том, что комиссия из пятнадцати человек единогласно проголосовала за отклонение поданного Уиллингемом прошения об оказании ему помощи с обвинением. Ривз и Херст были шокированы. Слушания шли в закрытом режиме, невозможно было узнать, комиссия правда изучила и отклонила отчет или вовсе не удосужилась его прочитать. Брат Стейси по имени Ронни подал письменные показания в суд округа Наварро. Он заявил, что, когда Стейси посещала тюрьму, Тодд ей признался в совершенном преступлении. Тодд категорически отрицал это, но этот удар был уже нанесен. В очередной раз суд штата и Верховный суд США отказались что-либо менять в заключениях по делу. Губернатор Перри отклонил просьбу об отсрочке, проигнорировав отчет Херста.

Тодд, получивший было некоторую надежду, приготовился встретить свою смерть.

Я не специалист по пожарным наукам, так что глупо было бы делать независимый вывод без научных доказательств. Вероятно, доказательства, представленные в суде, выглядели убедительными. Но когда обнародуется новый результат, основанный на новейших научных достижениях и представленный ведущим мировым экспертом, нет ни единой веской причины проигнорировать эти данные. О какой ценности уголовного правосудия можно говорить, если не уделить время правильной оценке такого важного отчета? Кэмерон Тодд Уиллингем находился в камере смертников двенадцать лет. Еще один, два или три месяца мало что изменят для государства, зато они могут изменить все в мире одного человека и его семьи.

Суды, совет по помилованию и губернатор считали совершенно иначе.

Семнадцатого февраля 2004 года Тодд встретился со своими родителями в последний раз. Он действительно сделал одно признание – о том, что беспокоило его все прошедшие годы после пожара. Вопреки своему изначальному заявлению, на самом деле он не пробивался в комнату детей, чтобы спасти их. Огонь там пылал слишком сильно, поэтому он бросился на улицу, чтобы попытаться пробраться к ним снаружи. Он так долго поддерживал этот вымысел, потому что не хотел, чтобы люди считали его трусом. Херст и Лентини позже признали, что любой человек, который никогда не сталкивался с пожаром лицом к лицу, не имеет представления, каково это – заглянуть в лицо пламени и попытаться пройти сквозь него. Вот почему вы нечасто слышите истории о людях, победоносно выбегающих из горящих зданий со своими близкими.

В 16:00 Тодд в последний раз съел свинину, приготовленную на гриле, ребрышки, кольца лука, жареную окру, энчилады из говядины и пирог с лимонным кремом. Не сопротивляясь, но отказываясь помогать властям в процессе собственной казни, он лег, поэтому тюремным охранникам пришлось нести его в камеру казни. Его привязали к крестообразному столу и пронзили руку иглой. Когда он выглянул через стеклянное окно на смотровую площадку, он увидел Стейси.

Надзиратель спросил его, хочет ли Тодд сказать последнее слово, и он ответил:

– Только одно. Я хочу заявить, что я невиновный человек, осужденный за преступление, которого я не совершал. Меня преследовали двенадцать лет за то, чего я не делал. Я пришел из праха Божьего и в прах вернусь, и земля станет моим престолом.

Затем он обратился к Стейси в крайне язвительных и гневных выражениях. Заявил ей, что она «сгниет в аду». Видимо, из-за того отказа в его просьбе о похоронах и заявления о том, что он якобы ей признался. Смертельная инъекция была введена в 18:13. Через семь минут констатировали его смерть.

После казни родителям Тодда наконец разрешили прикоснуться к нему в похоронном бюро. Его тело все еще хранило тепло. Тодда, по его просьбе, кремировали, а прах тайно рассыпали над могилами детей.

Некоторые считают, что последняя напыщенная речь Тодда против Стейси показала, как на самом деле работал его разум и какое насилие он мог совершить. Но никакое утверждение не имеет смысла в отрыве от его полного контекста. Оказавшись перед лицом смерти и почувствовав, что *«меня публично предал человек, на кого я рассчитывал»*, думаю, я тоже сказал бы нечто подобное, будь я на его месте.

Как и в случае с Роджером Коулманом, споры не прекратились и после смерти обвиняемого. Репортеры *Chicago Tribune* попросили Лентини и других экспертов по пожарной безопасности изучить доказательства по делу Уиллингема. Все четыре эксперта согласились с Херстом.

В 2005 году законодательный орган штата создал Техасскую комиссию по судебной экспертизе из девяти членов под руководством председателя Сэма Бассетта, юриста из Остина. В их задачу входило рассмотрение возможных ошибок при сборе и анализе научных доказательств для судебного разбирательства. Сама эта комиссия оставалась практически неизвестной до 2008 года, когда ее члены ответили на запрос организации Innocence Project, которую возглавлял профессор Барри Шек из юридической школы Бенджамина Кардозо в Нью-Йорке, и так комиссия взялась за дело Уиллингема. Изучив доказательства, комиссия запросила независимый отчет от доктора Крейга Бейлера из города Балтимор, инженера с дипломами Гарварда и Корнелла, который считался одним из лучших экспертов по пожарной безопасности в мире. Бейлер согласился с Херстом и Лентини в том, что нет абсолютно никаких фактических оснований для заключения об умышленном поджоге. Он подверг строгой критике доказательства и процедуры, представленные в суде, заявив, что первоначальные исследователи не понимали, что такое точка вспышки, и игнорировали научную методологию, хотя она к тому времени уже существовала.

Пока это происходило, два участника команды губернатора Рика Перри пригласили Бассетта на встречу, где прямо озвучили свою мысль: этот анализ стал пустой тратой государственных времени и денег, поэтому его надо остановить. Бассет отказался это сделать.

Перед публикацией отчета губернатор Перри назначил трех новых членов Техасской комиссии и уволил Сэма Бассетта. Согласно английской газете *Guardian, сотрудники организации Innocence Project сравнили это действие с тем, как Ричард Никсон уволил уотергейтского прокурора в рамках так называемой «резни в субботний вечер»*.

Во время республиканских праймериз губернаторов в 2010 году сенатор Кей Бейли Хатчисон, соперник Перри, обвинил его в «попытке сокрытия».

Представитель Пэрри парировал – критикам «следует прямо так и сказать», что они не согласны со смертной казнью человека, который убил трех своих детей, избивал жену и получил обвинительный приговор, подтвержденный всеми судебными

инстанциями. Как профессионал в области правопорядка, я уверен: многие техасцы решили, что такого человека следует казнить.

Но реальную точку зрения высказал Джон Лентини в фильме *Frontline*: «Штат Техас казнил человека за преступление, хотя не было доказано, что это преступление. Доказательства указывают на случайный пожар. Если это так, то неважно, сколько плакатов Iron Maiden или Led Zeppelin висело на стене у Кэмерона Тодда Уиллингема, любил ли он играть в дартс или пить пиво, бил ли он жену. Важно только одно: пожар не был поджогом».

Вместо Бассетта губернатор Перри назначил окружным прокурором округа Уильямсон своего политического союзника Джона Брэдли. Газета *Texas Tribune* охарактеризовала Брэдли как «откровенного консерватора с репутацией сторонника жесткого правопорядка». Когда его назначение оспаривали, как сообщает *Tribune*, «Перри сказал, что он просто заменил прокуроров, чей срок полномочий истек, и отверг работу тех, кто ставил под сомнение выводы о поджоге, как и „современные предполагаемые эксперты“».

«*Предполагаемые* эксперты»? Прошу прощения, губернатор. Как насчет того, чтобы взять листок из документов губернатора Вирджинии Марка Уорнера с делом Роджера Коулмана? Я считаю, что это заявление главы штата, где проводится самое большое количество казней, просто поражает своей бесчувственностью и тупостью. Три сильнейших эксперта в данной сфере независимо друг от друга не нашли оснований для выводов о поджоге. Если это правда, то Тодд Уиллингем не просто невиновен, но и *самого преступления не было*. Справедливость – это не политическая игра, это поиск истины. Никто не выполнил обязательство соблюдать закон и порядок, вместо этого власти попытались избежать раскрытия судебной ошибки в ее самой вопиющей форме. Не удивительно, что тот же губернатор во время республиканской кампании за выдвижение на пост президента в 2011 году охарактеризовал эволюцию как теорию, в которой «есть некоторые пробелы». Он считает, что «теорию разумного замысла в сотворении мира… нужно преподавать в школах вместе с теориями эволюции».

Если подобный стандарт будут применять для проверки научных доказательств по уголовным делам в штате Техас, можно ожидать гораздо больше трагических фиаско, подобных случаю Уиллингема.

Находясь в составе комиссии, Брэдли назвал Уиллингема «виноватым монстром». Окружного прокурора заменили, когда Сенат Техаса отказался назначить его повторно. Брэдли заменили

доктором Низамом Пирвани, врачом и судебно-медицинским экспертом округа Таррант, похоже, больше уважающим науку.

Комиссия уже признала недостатки и ошибки в расследовании дела Уиллингема. Будет ли она разбираться с его фактической невиновностью – вопрос открытый.

Дело Уиллингема, к сожалению, далеко не единичный случай. По всей стране Джон Лентини и его соратники дают показания в случаях пожаров, которые сочли поджогами вопреки современным научным подходам.

Те, кто занимается тем же, чем и я, могли бы назвать много причин, почему конкретный случай может вас преследовать долгое время. Бывает так, что неизвестного субъекта так и не поймали, а убийца не предстал перед судом. Это может быть особенно отвратительный характер самого преступления – садизм и жестокость, засвидетельствованные на месте преступления. Возможно, жертвой был ребенок, и вы не можете себе представить, что бы сделали, будь это ваш ребенок. Возможно даже, что убийца избежал наказания, воспользовавшись юридической формальностью, из-за небрежной работы полиции или неудачного расследования. Но с точки зрения самого уголовного судебного процесса, дела, похожие на историю Кэмерона Тодда Уиллингема, рассматривать труднее всего.

На протяжении всей моей карьеры меня часто упрекали и обличали – в Бюро и в средствах массовой информации – за мою так называемую дерзость и самоуверенность в отношениях с местными правоохранительными органами. Говорили, что я склонен к риску, хотя я бы сказал, что все эти риски тщательно просчитаны. Меня называли гонщиком за рекламой, якобы я «ушел в Голливуд». Я слышал такие шутки, как: «Самое опасное действие, которое только можно предпринять в Куантико, – это встать между Джоном Дугласом и камерой». Ничего из этого не прошло бы в старом ФБР, где доминировал принцип Гувера: «Только факты, мэм».

Я не отрицаю наличие этих обвинений и не сожалею о действиях, которые их вызвали. Когда я запустил программу оперативной психологической криминалистики, мне пришлось «отправиться в Голливуд» и обратиться к средствам массовой информации – продвигать программу, чтобы привлечь внимание к нам. Я всегда говорил, что одним из самых умных моих поступков было сотрудничество с Томасом Харрисом, когда он захотел прийти в мое подразделение во время работы над романами «Красный дракон» и «Молчание ягнят», потому что это привело к появлению художественного фильма Джонатана

Демме, удостоенного премии «Оскар». Это помогло нам заявить о себе в той же степени, что и в результате любого успеха, достигнутого нами в реальных делах, таких как расследование убийства детей в Атланте или дела «убийцы на тропе» в Сан-Франциско.

Но такое дело, как случай Уиллингэма, беспокоит меня потому, что попади оно к нам, боюсь, мы бы его провалили. Когда мое подразделение предоставляло письменный профиль, мы всегда включали абзац, подобный следующему:

> **Данный анализ основан на информации, доступной в тот период, когда этот отчет был подготовлен, и предполагает, что предоставленная информация получена в результате всестороннего, тщательного и хорошо спланированного расследования. Если какая-либо дополнительная информация или материалы дела откроются позже, эти материалы будут рассмотрены, чтобы определить, имеют ли они отношение к обсуждаемым здесь вопросам. После такой проверки некоторые аспекты этого анализа могут измениться.**

В любом уголовном деле защита обнаружит подобные письменные анализы, в этом нет ничего секретного, мы этого не скрываем. Просто констатация факта: мы можем работать только с тем, что нам дано.

Если бы местная полиция заверила меня, что они досконально разобрались в результатах поджога, я боюсь, что нас, как и всех остальных, руководство заставило бы увидеть в поведении Тодда доказательства вины как в прошлом, так и после пожара. Во многих случаях, когда мы с моим подразделением работали в течение нескольких лет, составленные нами профили и анализ уголовных расследований не приводили к судебному преследованию или выявлению неизвестного субъекта, и я не имею ничего против этого. В этом занятии нет ничего лишнего. Я уверен, почти во всех этих случаях профиль составили правильно, даже если он не привел к аресту. И во многих случаях, когда подозреваемый уже был под стражей и нас просили либо подтвердить, либо перенаправить расследование, я считал, что у нас чертовски хороший послужной список.

А вот подобным случаем я не смог бы гордиться. У нас было слишком много дел и слишком много внешнего давления, чтобы подвергнуть сомнению то, что выглядело как убедительное и надежное доказательство. Я бы не стал подвергать сомнению отчет о поджоге, и он сориентировал бы меня в определенном

направлении. Тут можно привести лишь единственное смягчающее обстоятельство: если бы мы работали над этим делом, а затем узнали о том, что судебно-медицинская экспертиза изменила данные, то я бы сдвинул небо и землю, разбил палатку у порога директора ФБР, если потребуется, и попытался бросить все доступные мне ресурсы Бюро на то, чтобы добиться отсрочки казни. Но даже этого, вероятно, не хватило бы.

Как и в случае с Коулманом, вопрос в итоге был разрешен с помощью новейших достижений науки. Несмотря на эффект телесериала «*CSI: Место преступления*», такое удается лишь в редких случаях. Чаще всего у следствия нет окончательных вещественных доказательств. Скорее, есть отдельные элементы, их необходимо поместить в более широкий контекст, а из этого можно сделать выводы. Как показывают два этих описанных случая, достижение справедливости может стать сложным делом и морально опасным путешествием, в котором не возникает простых ответов. Единственное полностью надежное руководство к действию – всегда знать об этих опасностях, чтобы не терять надежду их избежать.

Я не уверен, есть ли ирония судьбы или вполне объяснимое явление в том, что из этих двух случаев – дел Коулмана и Уиллингема, – человек, в отношении которого все-таки свершилось справедливое правосудие, произнес последние слова: «Любовь вечна. Моя любовь к тебе будет длиться вечно. Я люблю тебя, Шэрон». Тот же действительно невиновный, которого вышвырнули из жизни, решил подвести итог своей жизни непристойной руганью и богохульством.

Из-за того, что сделал в жизни Кэмерон Тодд Уиллингем, его можно назвать двоечником, жестоким мужем, да и просто лживым и неприятным типом. Из-за того, что сделали с ним, он стал мучеником, пострадавшим во имя справедливости и истины. И это наследие переживет его.

Часть третья. Выравнивание весов

Глава 6. История Сюзанны

Когда дело доходит до убийства, не существует эффективных средств правовой защиты. Невозможно исправить ошибку и вернуть жертву ее семье, друзьям и близким. Эта ситуация безысходна, отсюда и возникает мнение, что лучший способ со стороны государства уравновесить чаши весов в судебном порядке – лишить жизни того человека, который лишил жизни невинную жертву. А особенно в случаях умышленного, жестокого, садистского убийства. Так считают многие семьи жертв и их защитники, сотрудники правоохранительных органов и простые представители общественности.

Так как у меня за плечами многолетний опыт работы в правоохранительных органах, я отношу себя к этому же лагерю.

Надо сказать, что я полностью принимаю и уважаю взгляды тех, кто выступает против смертной казни по моральным или практическим соображениям. Однако не могу принять один их аргумент. И даже решительно сопротивляюсь ему. Этот аргумент заключается в том, что смертная казнь есть легализованное убийство – если государство лишает кого-то жизни, то несет ту же моральную вину, что и обвиняемый, совершивший убийство. Скажу прямо, для меня это нонсенс. Это не только вздор, но и оскорбительное утверждение с моральной точки зрения, поскольку оно стирает различие между жертвой и преступником, между невиновным и виноватым. Если мы когда-нибудь потеряем это различие, то погибнем морально как этическое и справедливое общество.

Впрочем, каждый имеет право на любые аргументы.

Люди часто спрашивают меня и других следователей, которые разделяют мои взгляды: как мы можем быть сторонниками смертной казни, зная о различиях в степени компетентности и сложностях в работе полиции, следствия и уголовного правосудия? Как мы можем поддерживать этот необратимый акт властей, особенно в свете таких случаев, как с Тоддом Уиллингемом или с доктором Джеральдом Херстом, а ведь подобных им наверняка еще найдется много? И это если говорить только о поджогах.

Вот ответ: мы поддерживаем смертную казнь в отношении определенных типов преступлений при определенных обстоятельствах. Но вместо того чтобы начинать с теоретического, академического обсуждения смертной казни, давайте перенесем проблему на личный уровень. Потому что в жизни нет ничего менее теоретического и более личного, чем

убийство. Давайте сосредоточимся на отдельных лицах, а не на абстракциях, на опыте, а не на предположениях, на фактах, а не на мнениях.

Я хочу рассказать о случае, который впервые описал в книге «*Путешествие во тьму*» *(Journey Into Darkness)*. Но с тех пор как та книга была опубликована, мне придется написать критическую, мучительную и в итоге поучительную новую главу. Эта история осветит многие ключевые вопросы: сильные и слабые стороны смертной казни, параметры и ограничения справедливого судебного разбирательства, разумный процесс его обжалования. А также использование научных доказательств, особенно после завершения судебного разбирательства и вынесения приговора, а также человеческие потери. Весь этот груз ложится на плечи каждого из участников.

Это история Сюзанны Мари Коллинз и Седли Элли.

Я пишу два этих имени в одном предложении, но не потому, что между ними есть какое-то сходство или моральное равенство. А потому, что Седли Элли совершил поступок, создавший связь и отношения между ними, ужасную ассоциацию, которая привела к гибели. Пока мы обсуждаем систему уголовного правосудия, а также плюсы и минусы смертной казни, не позволяйте этой принудительной связи уходить от вашего внимания.

Обо всех делах, над которыми я работал, писали и Марк Олшейкер, и я, но ни одно из них не вызвало такого страстного отклика читателей, как убийство Сюзанны Коллинз. Золотисто-русая блондинка в детстве, ставшая с возрастом более рыжеволосой, спортивно подтянутая и поразительно красивая, Сюзанна являлась во многих смыслах олицетворением американской девушки во всем. Она была дочерью Джона А. Коллинза, американского сотрудника Службы иностранных дел, юриста по прозвищу «Джек», и его жены, Гертруды, известной как «Труди». Сюзанна и ее старший брат, Стивен, были усыновлены, и Джек с Труди посвятили им свою жизнь.

Со своей внешностью и обаянием Сюзанна легко могла бы стать сердцеедкой в средней школе Роберта Ли города Спрингфилд, штат Вирджиния, где семья поселилась после работы в Греции и специального задания Госдепартамента в городе Мэдисон, штат Висконсин. Но она была так популярна и дружелюбна, настолько интересовалась жизнью всех остальных, что все любили ее, и она стала социальным организатором в школе. К этому времени ее брат Стив блистал в учебе и стал звездой реслинга; хорошо известно, как он опекал свою сестру. Любой парень, желавший сблизиться с Сюзанной сильнее, чем при обычном общении, должен был пройти проверку у Стива.

Ее обаяние и популярность привели и к некоторым проблемам в старших классах школы. Ей хорошо давались язык и естественные науки, однако учеба не была ее основным интересом по сравнению с общением и спортом. Несмотря на предупреждения и поддержку, наставления и угрозы со стороны родителей, Сюзанна завершила школьные годы с более низкими результатами, чем требует место в хорошем колледже.

Она не хотела ни поступать в общественный колледж, ни оставаться жить дома, ни отправляться на «отстойную работу», поэтому решила поступить в Корпус морской пехоты США.

Ее решение стало неожиданностью для всех – семьи, друзей и учителей. Когда ее отец, ветеран флота, спросил, как она пришла к такому решению, девушка просто ответила, что хочет бросить вызов самой себе, а морские пехотинцы «лучшие».

– Что мог я сказать на это? – вспоминал Джек. – Поэтому я ответил: «Ну, ты лучшая, Сюзанна, так что все будет в порядке».

Сюзанна окончила среднюю школу в июне 1984 года и в том же месяце начала базовую подготовку в рекрутском центре морской пехоты города Пэррис-Айленд, штат Южная Каролина. Она с головой погрузилась в изнурительный режим учебного лагеря, напрягая свой разум и тело, как никогда раньше. Когда ее родители приехали к ней на выпускной, Джек был поражен ее физической формой и уверенностью в себе. Труди удивило, что девушка, чья комната всегда была словно после урагана, теперь просто идеально застилала кровать.

Джек и Труди дорожили служебным портретом, на котором была запечатлена их улыбающаяся дочь с ясными глазами. Ее когда-то длинные светлые волосы были модно и аккуратно подстрижены до подбородка. Она гордо несла зеленую морскую фуражку с черным орлом, земным шаром и якорем, а за ее спиной развевался американский флаг.

Сюзанна много размышляла в этот период базовой подготовки, там она впервые в жизни сформулировала свои цели и укрепилась в стремлении к ним. Она хотела поступить в Военно-морскую академию, надеясь, что сильный военный послужной список перекроет ее слабую успеваемость в средней школе. А еще она хотела войти в первый разряд женщин – морских пехотинцев, надеясь, что запрет на участие женщин в воздушных боевых действиях со временем будет снят. В качестве первого шага к этому самоутверждению она подала заявку и была принята на курс обучения авионике – это электроника, которая применяется в авиации.

Рядовой первого класса Сюзанна Мари Коллинз 20 октября 1984 года прибыла в 902-ю эскадрилью поддержки морской

авиации на военно-морской авиабазе Мемфис в городе Миллингтон, штат Теннесси. На базе и в окрестностях ее было трудно не заметить – высокую шикарную блондинку, которая поддерживала отличную форму благодаря постоянным упражнениям. Она выработала легкую, изящную манеру поведения, что, казалось, понравилось всем, за исключением разве что некоторых из однокурсников и жен военных, заметивших, что те чуть ли не сворачивают себе шею каждый раз, когда мимо них проходит Сюзанна.

Она вскоре нашла себе лучшую подругу – в марте 1985 года на базу прибыла девушка по имени Сьюзан Хэнд. Новенькая, родом из города Лисл, штат Иллинойс, тоже была красивой блондинкой, на год старше Сюзанны, до этого она обучалась в Миллингтоне в школе авиадиспетчеров. Ее разместили под спальным местом Сюзанны в том же здании казармы. Обе девушки были ростом метр семьдесят и весом чуть больше пятидесяти килограммов, поэтому обменивались одеждой и делились секретами. В нерабочее время они всегда были вместе, и вскоре на базе о них узнали все. У обеих девушек появились бойфренды из отдела авиадиспетчерской службы, и они стали единственными женщинами, которых сочли достойными, чтобы пригласить играть в футбол с мужскими командами. Они обе также прекрасно танцевали и часто ходили в клубы на Бил-стрит в Мемфисе. Несмотря на популярность и спортивную форму, от Сюзанны веяло нежностью и внутренней чистотой, поэтому мужчины и женщины отзывались о ней как об искренней и милой.

Несмотря на бурную жизнь вне службы, Сюзанна постепенно превращалась в первоклассного морского пехотинца. Примерно в то время, когда на базу прибыла Сьюзан Хэнд, Сюзанну повысили до младшего капрала и назначили в церемониальный отряд Палубы Чести, который состоял только из «наиболее мотивированных учеников». Ее родителей это известие обрадовало и удивило, потому что ученик, рекомендуемый для отряда Палубы Чести, должен поддерживать высший академический уровень – а Сюзанна никогда до этого не стремилась к совершению подобных подвигов.

В этом было и еще одно достижение. До назначения в отряд Сюзанны все члены Палубы Чести военно-морской базы Мемфис были мужчинами. Неделями ее преследовали многие парни и высмеивали многие девушки, считавшие, что она добилась такой чести только благодаря внешности. Но она стойко вынесла все оскорбления и издевательства, выпавшие на ее пути. За несколько недель Сюзанна убедила всех, что попала сюда не просто за красивые глаза. Преодоление этого барьера вселило в нее

уверенность, что однажды она достигнет своей цели – попадет в Аннаполис и станет летчиком морской пехоты США.

Сюзанну и Сьюзан беспокоило только одно: приближался их выпускной. Сюзанну распределили на авиабазу морской пехоты (MCAS) Черри-Пойнт, штат Северная Каролина, а Сьюзан – на авиабазу MCAS Эль-Торо в Калифорнии. Они планировали начать службу, а затем найти способ для Сюзанны тоже перевестись на Эль-Торо. Они собирались продолжать дружить, поступить в Аннаполис, а впоследствии поселиться рядом и сообща воспитывать детей. Парень Сюзанны Грег поддерживал это стремление, поскольку тоже собирался в Калифорнию. Он уже решил жениться на Сюзанне, хотя Сьюзан говорила, что ее подруга еще не нагулялась для брачной жизни и пока не думала остепениться.

Мать Сьюзан и четырехлетняя сестра приехали из Иллинойса к ней на выпускной. Одиннадцатого июля 1985 года, в ночь перед церемонией, миссис Хэнд пригласила Сюзанну поужинать вместе с ними в доме их друга в пригороде Мемфиса. Незадолго до их отъезда на этот ужин старший сержант казармы назначил Сюзанну дежурным сержантом. Эта задача, по сути, заключалась в том, чтобы сидеть за столом возле здания казармы, проверять заходящих и выходящих людей, а затем раз в час обходить здание и вести в журнале записи о замеченном. Сюзанна велела друзьям идти без нее, сказав, что они встретятся в парке на базе следующим утром перед выпускным. Однако Сьюзан была возмущена таким поворотом, она чувствовала, что старший сержант завидовал Сюзанне и таким образом мстил ей. У него оставался последний шанс наказать ее за все достоинства, и он собирался им воспользоваться. Сьюзан была уверена, что того, кто заканчивает учебу на следующий день, не должны назначать на дежурство, особенно если это не было запланировано заранее.

Часы дежурства прошли без происшествий. К тому времени, когда Сюзанна выполнила свое служебное задание, она почувствовала, что засиделась на месте, и захотела немного размяться. Она пошла в свою комнату и сменила форму на красную футболку морской пехоты, шорты, белые носки и кроссовки Nike. Обернула белый платок вокруг лба и синий спортивный пояс вокруг талии. Выходя, она сказала своей подруге Джанет Купер, дежурившей у казармы, что идет на пробежку и скорее всего вернется через полчаса или около того. Пока девушки разговаривали, Сюзанна потягивалась, и Джанет сказала, что, похоже, она в хорошем и счастливом настроении.

Оно и понятно. Ей 19 лет, она красива и находится в лучшем физическом состоянии в своей жизни. Сожаления о старших

классах школы остались далеко позади. У нее есть парень, лучшая подруга, брат и двое родителей, все восхищаются ею. Она движется к достижению всех своих высоких целей. Завтра она окончит школу авионики и отправится в следующее приключение, она к нему готова и очень хочет поскорее начать.

Для младшего капрала Сюзанны Мари Коллинз это счастливое завтра так и не наступит.

Глава 7. Тело в парке

Сьюзан Хэнд узнала ужасную новость рано утром в пятницу, 12 июля, после того как Сюзанна не пришла в парк, как они договорились накануне вечером. Ее вызвали в кабинет капитана Новага, и капитан сказал, что ей лучше сесть. Он подошел и положил руку ей на плечо. Затем придвинул к ней стул, сел и приобнял ее рукой.

Стив Коллинз узнал об этом дома в Спрингфилде, где восстанавливался после травмы ноги. Он увидел, как подъехала военная машина, и решил, что его сестра-хитрюга, должно быть, выбила себе официальную поездку домой. Вместо сестры на пороге появились морской офицер и военный священник.

Труди, мать Сюзанны, была на обеде для пожилых людей со своими родителями. Когда они вернулись домой, Стив перехватил ее и помог самостоятельно выйти из машины.

Джек, отец Сюзанны, находился в Нью-Йорке и помогал своему зятю с заявкой на патент, когда секретарь вызвала его с деловой встречи на срочный телефонный звонок. Будучи набожным католиком, страстно верившим в силу молитвы, он попросил смешанную группу христиан и евреев, с кем он был, помолиться за его дочь.

В этот момент Сюзанна Мари Коллинз – хорошая подруга, сестра и дочь, младший капрал морской пехоты США – лежала на столе для вскрытия в офисе медицинского эксперта округа Шелби, штат Теннесси. Доктор Джеймс Спенсер Белл только что закончил свое обследование и составил отчет. Позже он сказал, что такого страшного случая он не видел никогда.

В начале 2006 года, примерно в то время, когда проводилась проверка ДНК Роджера Коулмана, меня попросили выступить в Университете Вандербильта в городе Нэшвилл, штат Теннесси, с серией лекций о смертной казни. Я беспокоился, вдруг результаты той проверки окажутся отрицательными и выйдет так, что в штате Вирджиния казнили невиновного человека. Поэтому я тщательно спланировал свое выступление перед слушателями. Сказал, что хочу поговорить об отдельных случаях – в частности, об одном – и продемонстрировать настоящие фотографии с места преступления как часть моей презентации в PowerPoint.

Организаторы возражали против этого последнего условия. Когда я настоял на нем, мне заявили, что это рискует стать эксплуатацией жертвы и повторной виктимизацией ее семьи.

«Вам не кажется, что я чутко отношусь к этому, после всех тех

случаев, когда я справился со своей задачей?» – возразил я. Да, когда долгое время видишь много крови, становишься менее чувствительным, и сам фактор отвращения в итоге исчезает. Однако эмоции по отношению к жертвам и их семьям никогда не притупляются. Наоборот, они становятся сильнее.

«Семья жертвы *хочет*, чтобы эта информация стала известна, – объяснил я. – Родные хотят, чтобы люди знали о страданиях их ребенка и понимали, что такое убийство на самом деле».

Меня часто спрашивают, не нанесло ли мне эмоциональный урон «погружение в голову» убийц и жестоких маньяков. Мой ответ неизменен: «Нет». Именно в этом заключается моя работа, и благодаря сочетанию природного таланта, исчерпывающих исследований и просто упорного труда я в ней преуспеваю. Любой следователь, который не может справиться с психическим грузом этой работы, просто занимается не своим делом. И все романы о серийных убийцах, где говорится об обратном – *у него был очень редкий дар… или же это было проклятием?* – просто художественный вымысел.

Настоящий эмоциональный вред возникает, когда я представляю себе сознание жертвы, которую жестоко насилуют или избивают, или когда ее жизнь подходит к концу без надежды на поддержку, помощь, любовь и заботу. Когда я представляю себе несчастных людей, смотрящих прямо в лицо абсолютному злу. А еще когда смотрю в лица оставшихся в живых – их родственников, друзей и коллег – и пытаюсь объяснить, «как это могло случиться» и «как кто-то мог это сделать». Это мой крест. Но знаете что? Свой крест я с гордостью буду нести всю оставшуюся жизнь.

Я сказал организаторам лекции, что они ошибаются насчет повторной виктимизации. Настоящая повторная виктимизация наступает, когда близкие осознают, что обещанная им справедливость – это неуловимый мираж, всегда маячащий где-то на горизонте. И что система, призванная дать им хоть какое-то умиротворение, часто становится всего лишь еще одним инструментом для жестокого обращения с ними.

Когда я приехал в Нэшвилл и начал читать лекцию, меня удивило число слушателей. Зрительный зал, вмещающий 500 человек, был переполнен. Люди стояли в проходах между сиденьями.

Я сказал: «Вы здесь, в Теннесси, имеете право на смертную казнь по своим законам, но вы почти никогда не применяете ее. С тех пор как Верховный суд восстановил смертную казнь, вы казнили лишь одного человека, это было пять лет назад. Однако

ваши присяжные – представители общества – продолжают навязывать эту меру. Значит, что-то не так с системой. И вам, как гражданам этого штата, надо решить, нужна вам эта мера или нет. А если нет, то вам надо избавиться от нее».

Затем я рассказал им о Сюзанне Коллинз. Я рассказал им о том, как она вышла побегать по базе в ночь перед выпуском из школы авионики и больше не вернулась в свою казарму. Помощники шерифа округа Шелби обнаружили ее обнаженное и изуродованное тело около шести утра в пятницу, 12 июля 1985 года, в парке Эдмунда Оргилла в городе Миллингтон, к востоку от авиабазы ВМФ. Около пяти утра ее соседка и близкая подруга Патти Кун проснулась, увидела, что кровать Сюзанны не разобрана, и с тревогой вызвала охрану. Вскоре был выпущен бюллетень по всем точкам (APB) для базы, полиции Миллингтона и департамента шерифа округа.

Помощники обнаружили тело Сюзанны, лежащее лицом вниз, примерно в 450 метрах от дороги. Ее рубашка, спортивные шорты, носки, нижнее белье, пояс для упражнений были разбросаны неподалеку.

Доктор Белл написал в своем отчете о вскрытии: «*Смерть наступила в результате множественных повреждений, возникших при тупой травме головы, при сдавливании шеи, а также при резком толчке на 52 сантиметра сломанной веткой длиной 80 сантиметров и диаметром 4 сантиметра. В результате этого толчка ветка вошла в промежность и продвинулась через брюшную полость в правое легкое, разорвав органы брюшной полости и грудной клетки и вызвав внутреннее кровотечение*».

Таково было медицинское заключение. Весь отчет состоял из 21 страницы. В нем были фотографии окровавленной головы, опухшего закрытого левого глаза и следов укусов на левой груди. Синяки покрывали обе лопатки, а царапины тянулись от плеч до талии. Однако в отчете не упоминалось, насколько сильно было изуродовано ее лицо, даже фотографии, представленные полицейским и помощникам шерифа сотрудниками службы безопасности военно-морского флота, не помогли в идентификации, опознать ее по лицу оказалось невозможно.

«Ладно, – бросил я вызов своей аудитории, прочитав это описание вслух и показав некоторые из наименее шокирующих фотографий с места преступления. – Вы понимаете, что это значит? Во время пробежки на нее внезапно напали и совершили насилие. Кто-то несколько раз ударил ее по голове твердым предметом. Чем угодно – молотком, бейсбольной битой, эффект один и тот же. Красивая блондинка, превосходно зарекомендовавшая себя как морской пехотинец США,

подверглась такому жесточайшему насилию, что просто перестала быть похожа на саму себя».

Мои руки тряслись, а ногти впивались в ладони, пока я говорил это, потому что я не могу описывать страдания жертвы, не проявляя эмоций. Я переживаю это столько раз, сколько представляю описание происшествия разным группам правоохранителей.

Когда же я представлял описание этого дела, мне виделась следующая картина.

На улице темно. Он запихивает ее в свою машину и увозит с базы. Когда она приходит в себя настолько, чтобы попытаться оказать сопротивление, он снова бьет ее. Когда они добираются до этого парка, он вытаскивает ее из машины и срывает с нее всю одежду. Затем отламывает ветку дерева. В отчете говорится, что эта ветка была диаметром 4 сантиметра и почти метр в длину. И вот в какой-то нечеловеческой сексуальной ярости он берет эту острую, зазубренную ветку дерева и запихивает внутрь. Он вставляет эту ветку между ее ног и пихает вверх как можно дальше, изо всех сил. Судмедэксперт измерил глубину проникновения – больше полуметра. Я хочу сказать, что он изнасиловал ее толстой острой палкой, запихнув ее так сильно и так далеко, что разорвал жертве все органы на пути этой ветки, вплоть до правого легкого.

Свидетели позже заявили, что слышали ужасный «предсмертный крик» где-то в парке.

Я оглядел свою аудиторию. Я хотел, чтобы они поняли, почувствовали хоть немного отвращения, хоть немного ужаса. Некоторые плакали. У других было почти пустое выражение на лице. Скорее всего, все они думали: *как вообще кто-то может сделать что-либо подобное с другим человеком?*

Для того чтобы ответить на этот вопрос или, по крайней мере, дать пояснения по нему, я принял участие в этом деле. Сторона обвинения попросила меня помочь им и дать ответ на этот вопрос недоумевающему жюри присяжных в свете предложений по защите подсудимого. Но не будем забегать вперед.

Полиции не потребовалось много времени, чтобы найти подозреваемого. Фактически сотрудники службы безопасности ВМС опознали его еще до того, как узнали, что Сюзанна убита.

Около 23:00 11 июля двое морских пехотинцев, рядовые первого класса Майкл Ховард и Марк Шотвелл, бегали трусцой, когда увидели бегущую женщину, похожую на Сюзанну. Вскоре после этого они заметили автомобиль – темный фургон Ford

середины 70-х годов, по их предположению – с включенным дальним светом, двигавшийся в том же направлении, что и бегунья. Они услышали крики и сразу же помчались туда, но их внезапно ослепил яркий свет встречных фар. Через несколько мгновений к ним вернулось зрение, но они потеряли из виду преследуемую ими машину, поэтому побежали к ближайшим воротам базы и сообщили об этом дежурному охраннику Дэвиду Давенпорту. Давенпорт позвонил в службу безопасности базы и добавил, что уже видел такую же машину, выезжающую с базы. Ее водителем был мужчина, он обнимал женщину. Охранник вспомнил, что номера на машине были из Кентукки. Ричард Роджерс, начальник вахты в этой части базы, направил приказ «Быть начеку» (BOLO) по всей базе, в полицию Миллингтона и в отдел шерифа округа Шелби. Затем он послал службу безопасности к воротам и сел в свою машину, чтобы помочь разыскать этот автомобиль из Кентукки.

Примерно через десять минут после полуночи 12 июля Роджерс заметил машину с приметами, которые описал Давенпорт, и остановил ее. Водителя он привез обратно в офис службы безопасности для допроса.

Этого водителя звали Седли Элли. Белый мужчина, 29 лет, рост 193 сантиметра, вес 100 килограммов. Его жена Линн, военнослужащая военно-морского флота, работала на авиабазе. Сам он был из рабочих, подрабатывал то тут, то там, а в последнее время работал на компанию, занимавшуюся установкой и ремонтом кондиционеров.

Роджерс позвонил Линн Элли и попросил ее зайти. Похоже, она и сидела в машине. Седли сказал, что крик, который услышали два бегуна, на самом деле был всего лишь эпизодом семейного скандала, та проблема уже решена. Роджерсу не оставалось ничего другого, кроме как отпустить их обоих. Шотвелл и Ховард в это время находились в офисе службы безопасности и давали показания. Когда супруги Элли уезжали, оба парня, услышав громкий звук глушителя, уверенно заявили: это та самая машина, которую они видели и слышали.

Как только Роджерс узнал об обнаружении тела Сюзанны, он приказал двум своим патрульным задержать и вернуть Седли Элли. Поскольку похищение произошло на землях в федеральной собственности, он также позвонил в резидентуру ФБР в Мемфисе, оттуда к месту происшествия направили двух агентов. Когда агенты Военно-морской следственной службы забрали машину Элли, они увидели несколько пятен крови, внутри и снаружи.

Поначалу Элли отрицал свою причастность к преступлению, говорил, что ничего не знает, и требовал адвоката. Но когда дело

приняло серьезный оборот, вдруг сказал, что передумал и хочет рассказать, как все было.

Он выпивал. Позже, вернувшись в машину, заметил симпатичную блондинку-морпеха, бегущую трусцой. Остановился, чтобы поболтать с ней, но нечаянно сбил ее машиной. Она потеряла сознание, поэтому он поднял ее и посадил к себе машину, чтобы отвезти в отделение неотложной медицинской помощи. По дороге она очнулась и стала драться с ним, пытаясь выбраться. Все происходило очень быстро, он не смог объяснить ей, что случилось и куда он ее везет. Седли впал в панику и ударил девушку по голове, чтобы та замолчала. При этом он забыл, что в руке держит отвертку – так бывало частенько, потому что его старая видавшая виды машина ключом не заводилась, только отверткой.

Девушка внезапно смолкла и перестала двигаться, поэтому он испугался, что ударил ее сильнее, чем собирался, и случайно убил. В еще большей панике он остановился в парке Эдмунда Оргилла. Внимательно осмотрев ее, Седли убедился, что она мертва. Именно тогда ему пришла в голову идея отвлечь подозрение от случившегося и инсценировать сексуальное насилие. Элли отнес убитую девушку в парк и снял с нее одежду. Затем отломил ветку дерева и вставил ее в мертвое тело, как мог бы сделать сексуальный маньяк.

В этом рассказе есть три утверждения, соответствующих истине. Он был нетрезв. Он действительно заметил пробежку хорошенькой белокурой девушки-морпеха. Он и впрямь пользовался отверткой, чтобы завести машину. Отвертку нашли менее чем в 800 метрах от парка по направлению к базе. Все остальное – это вопиющая ложь в попытке спасти себя.

На теле Сюзанны обнаружили множество ран, но ни одна не походила на след от попадания под машину или от удара отверткой. Судмедэксперт ясно дал понять, что ужасное насилие с веткой происходило над еще живой девушкой. И «предсмертный крик», услышанный тремя свидетелями в парке, совпадал со временем смерти Сюзанны. Более того, характер повреждений внутренних органов убедительно доказывал, что преступник вытащил зазубренную ветку и воткнул ее снова, всего три или четыре раза. Это не была постановка. Это было осознанное поведение, самое отвратительное из всего, что только можно себе представить.

Элли на 20 с лишним сантиметров выше и почти вдвое тяжелее Сюзанны. Учитывая тот факт, что он застал ее врасплох, даже при боевой подготовке морского пехотинца она практически не смогла бы отбиться от него.

Линн сказала следователям, что она находилась на вечеринке Tupperware[10] с подругами, и Седли не было дома, когда она вернулась. Она так и не увидела его, пока ее ночью не вызвали на допрос в службу безопасности ВМФ. На следующее утро она заметила пятна от травы внутри машины, но решила, что эти следы оставили две их собаки, которые часто ездили с ними.

Вскоре прояснились и другие подробности о Седли Элли. Он был ранее женат и жил в городе Ашленд, штат Кентукки. Двадцать восьмого февраля 1980 года, через три дня после того, как его 20-летняя первая жена Дебра подала на развод, ее нашли мертвой в ванной. Элли сказал следователям, что она выпивала той ночью с другими мужчинами, пришла домой пьяная, приняла ванну и, видимо, утонула. Прошло несколько часов, прежде чем Седли вызвал скорую помощь. Медицинский работник отметил многочисленные синяки и следы удушения на шее женщины. В ее горле застряла картошка фри, и врачи решили, что она задохнулась от собственной рвоты.

Такая версия смерти показалась сомнительной, но уголовного дела в отношении Седли Элли не возбудили. Помощник окружного прокурора округа Шелби (ADA), Генри «Хэнк» Уильямс, сказал нам, что будь он прокурором в Кентукки, то определенно продолжил бы дело и привел Элли к обвинению в убийстве. В этом случае Сюзанна Коллинз осталась бы жива.

В делах об убийстве, как правило, высвечиваются крайности человеческого поведения, мотивы и принципы, как плохие, так и хорошие. И Хэнк Уильямс – один из настоящих героев, а также пример того, каким должен быть справедливый обвинитель и настоящий человек. В прошлом он был специальным агентом ФБР и как только просмотрел переданное ему дело, понял, что пойдет на все до самого конца. «Если какое-либо преступление и требует смертной казни, – подумал Уильямс, – то это оно». Помощник окружного прокурора дал понять, что он не заинтересован даже начинать разговор о сделке с признанием вины.

Помимо неустанной работы по делу, он также стал другом семьи Коллинз. Проводил с ними бесчисленные часы, слушая об их страданиях, страхах и беспокойствах, давал советы, пытался оказать психологическую поддержку, в чем они, по его ощущениям, крайне нуждались.

И он сам получил хорошую поддержку. Помощник прокурора США Лоуренс Лауренци, привлеченный к делу как Службой криминальных расследований ВМС США, так и ФБР, заверил Уильямса, что проблемы у него с этим не возникнет. Если по какой-либо причине он не сможет добиться приговора к высшей мере наказания в суде штата, Лауренци готов искать основания

для этого в федеральной системе правосудия, поскольку похищение людей считается преступлением федерального значения. Ситуация разрешилась без каких-либо осложнений. Седли Элли предъявили обвинение в убийстве Сюзанны Мари Коллинз первой степени.

Глава 8. Пустое место, флаг над неполным строем

Церемония выпуска 902-й эскадрильи поддержки морской авиации проходила торжественно. Флаг развевался над неполным строем, и пустое место бросалось в глаза среди выпускников, еще вчера ожидавших от этого дня только радости и счастья.

В следующую среду, 17 июля, военно-морская авиабаза Мемфис провела поминальную службу по Сюзанне в своей часовне. Службу возглавил командующий базой полковник Роберт Клэпп. В конце, когда оркестр исполнил «Гимн морской пехоты», а затем одинокий горнист сыграл мелодию «Тэпс»[11], у солдат, сержантов и офицеров самых жестких боевых сил Америки нет-нет да и наворачивались слезы на глаза.

Сюзанна осталась настолько изуродованной после жестокого нападения, что ее родители решили похоронить ее в закрытом гробу. Но когда тело вернулось в Вирджинию, Джеку, Труди и Стивену пришлось взглянуть на нее в последний раз.

«Мы должны были знать, насколько это возможно, обо всем, что случилось с ней», – объяснял Джек.

Когда гроб открыли и они увидели ее в синей парадной форме и белых перчатках, то не могли поверить, что кто-то способен сделать столь ужасное с другим человеком.

«Мое сердце и душа рыдали. Крик изнутри разрывал меня», – вспоминал Джек.

В следующем месяце они поехали в Миллингтон и побывали там, где обнаружили убитую Сюзанну. Они настаивали на доступе к чтению отчета о вскрытии с просмотром фотографий ее тела, крупных планов каждой раны. Когда они прибыли в офис шерифа округа Шелби, сержант Гордон Нейборс представился им и неожиданно для себя обнял Труди.

Я не думаю, что в любом цивилизованном обществе есть что-либо хуже, чем смерть ребенка для живых родителей. Такой удар переворачивает естественный порядок жизни с ног на голову, требует больше сил и эмоциональных ресурсов, чем любой нормальный человек способен выдержать. Этот опыт может объединить членов семьи или разлучить их; испытать их веру на прочность или разрушить ее. Однако не остается ничего из того, что было раньше, такое горе полностью меняет людей и их отношения. И в этой страшной категории смертей не может быть смерти ужасней, чем убийство ребенка. Сложно представить более разрушительное событие во всем мире для семьи.

Хотя это событие стало самым тяжким переживанием в их жизни, желание Джека и Труди получить последнее свидетельство – не редкость среди родителей убитых детей.

В нашей книге «*Одержимость*» (*Obsession*) рассказана история женщины по имени Кэти Соуза, чью прекрасную восьмилетнюю дочь Дестини, или просто «Ди», зверски избил до смерти бойфренд сестры Кэти, Роберт Миллер. Кэти великодушно позволила своей сестре и Миллеру жить в ее доме, пока они сами не встали на ноги. После убийства Кэти настояла, чтобы ей показали все: досье убийства, отчет судебно-медицинской экспертизы, фотографии вскрытия. Затем, когда Кэти пришла в похоронное бюро устраивать похороны Ди, она настояла, чтобы ей принесли тело дочери для осмотра.

Директор похоронного бюро и друг, ее сопровождавший, умоляли ее отказаться от этой идеи. Труп девочки только что привезли, им не хватило времени подготовить его к показу.

Но Кэти хотела видеть своего ребенка именно в таком состоянии. «Вынесите мне ее!» – приказала она.

Кэти отправили в смотровую комнату и принесли тело Ди, застывшее в холоде рефрижератора, накрытое простыней. Ей было недостаточно видеть избитое лицо дочери и колотую рану на коже в волосах. Там пластиковая заколка девочки буквально вонзилась в череп, когда Миллер разбил ей голову тяжелой деревянной шкатулкой якобы за то, что малышка его «оскорбила».

Кэти рассказала нам, как велела убрать простыню. Она хотела исследовать обнаженное тело Ди, сантиметр за сантиметром, от макушки до подошв ног. Она потратила на это около сорока пяти минут. Она хотела понять – испытать – все, что было сделано с ее невинным ребенком. Ей нужно было взять страдание и боль на себя, «присвоить» их. Когда ее маленькая девочка умерла, для нее это был единственный способ продолжать жить.

Кэрролл Эллис, в то время директор Отделения по оказанию помощи жертвам округа Фэрфакс, которое относится к полицейскому управлению штата Вирджиния, сравнил это с образом Пьеты[12]. «Я до сих пор вижу перед собой Мадонну с младенцем в этот неуловимый момент, гляжу на детские раны ее собственными глазами».

Это именно то, что испытали Джек, Труди и Стивен Коллинз, когда впились глазами в неузнаваемое лицо Сюзанны. Хотя гробовщики приложили все усилия, она не походила на ту красивую, любимую ими девушку.

Такое тихое и настойчивое стремление противостоять

убийству во всей его жестокости говорит о любви, мужестве и страсти многих родителей убитых детей, о которых мы знали. Когда я думаю о людях, в последний раз рассматривающих своих любимых детей, от имени всех сотрудников правоохранительных органов я цитирую простой риторический вопрос Кэрролла: «Во имя Бога, как они посмели?»

Младшего капрала Сюзанну Мари Коллинз, погибшую на действительной военной службе Соединенных Штатов, похоронили со всеми полагающимися армейскими почестями на Арлингтонском национальном кладбище 18 июля 1985 года. Это был теплый солнечный день. Слишком много скорбящих собралось на панихиду в старой капелле Форт-Майер. Многим приходилось слушать снаружи.

В течение нескольких недель после похорон дочери Джека и Труди ошеломил нескончаемый поток писем, телефонных звонков, подарков и других знаков внимания, они получали их от людей, в большинстве своем незнакомых, с ними они никогда прежде не встречались. Это запечатлело то, как повлияла судьба Сюзанны на жизнь людей, мало с ней связанных. Видимо, другие знали ту же чудесную девушку с такой же волшебной индивидуальностью, что и они. Но у каждого была своя личная история о том, что Сюзанна значила для них.

Вот какой девушкой… вот какой женщиной была Сюзанна.

Глава 9. Защита человека, которому нет оправдания

Тем временем у Седли Элли оказалось несколько собственных историй. Но, конечно, не о Сюзанне Коллинз. Такой человек, как Элли, может беспокоиться только о себе и о том, как вся эта ситуация повлияет на его жизнь.

После первого признания в том, что он убил Сюзанну (хотя и случайно, как он уверял), и походов с полицией по местам преступления, он вдруг заявил, что совершенно ничего не помнит. Эту историю он рассказал двум своим адвокатам, назначенных ему судом, по имени Роберт Джонс и Эд Томпсон, известным и уважаемым членам адвокатуры Мемфиса. После того, как они пригласили психолога и тот обследовал и проверил под гипнозом их клиента, Элли опустился (или поднялся, в зависимости от того, как это воспринимать) до диссоциативного расстройства личности (ДРЛ). Похоже, в этом неповоротливом теле жили три враждующие личности: обычный Седли, персонаж женского пола по имени Билли и Смерть. Позже он сказал государственному психологу по имени Сэмюэль Крэддок, что Сюзанну убила Смерть, хотя Крэддок свидетельствовал на суде об отсутствии раскаяния из-за гибели жертвы у так называемой нормальной личности Седли. Ничего из этого не присутствовало в первоначальном заявлении Элли в полицию, тогда оно было записано полностью и еще больше опровергает версию о внезапном развитии ДРЛ.

Доктор Крэддок не обнаружил доказательств наличия ДРЛ, но поставил довольно обоснованный диагноз пограничного расстройства личности (ПРЛ). Это расстройство названо так, поскольку считалось, что оно балансирует на границе между неврозом и психозом. Для него характерны тяжелая эмоциональная нестабильность, гневливость, ригидное мышление, нарциссизм, паранойя и, кроме прочего, полное отсутствие сочувствия. Другие члены исследовательской группы поставили аналогичный диагноз.

Сторона защиты сказала, что ей нужно больше времени, чтобы оценить состояние Элли, и получила шестимесячную отсрочку от судебного разбирательства, которое Хэнк Уильямс очень торопился начать.

Исходя из моего опыта во всех расследованиях и судебных процессах, ДРЛ – одно из классических средств бессмысленной защиты. Если вы серьезно связаны с совершенным преступлением,

а вещественные доказательства говорят сами за себя, то это одна из немногих остающихся стратегий, способных, по крайней мере, позволить вам отрицать вину или даже уменьшить ее. Традиционное заявление о невменяемости – это весьма тяжелый подъем в гору: «Вы имеете в виду, что в тот период вы не могли осознать, правильно ли будет похитить молодую женщину, избить ее до бесчувствия, а затем затолкать ветку ей между ног и проткнуть тело насквозь?» Вряд ли с этим согласится здраво и реально мыслящее жюри.

Но ДРЛ? Что ж, у этого диагноза, может, и есть некоторый потенциал. Во-первых, никто до конца не поймет, что это такое; это загадочно и жутко. И такой диагноз поддерживает логику о том, что ты «настоящий» – вполне нормальный парень, просто это демоны забрались в твой разум и творят за тебя плохие вещи.

Я не хочу сказать, что диссоциативного расстройства личности не существует, потому что оно наверняка случается. Но защищаться с помощью такого диагноза от обвинения в тяжком насильственном преступлении крайне проблематично. Оно встречается крайне редко, чаще у женщин, чем у мужчин, и почти всегда проявляется в раннем и среднем детстве. Все случаи ДРЛ, что мы видели, являются реакцией на серьезное сексуальное и физическое насилие, механизмом выживания, который позволяет ребенку-жертве разделить свое «я» на более защищенных или более сильных личностей и в итоге отделиться от окружающей его мрачной реальности. Иногда одна из таких личностей – это мститель, он может отомстить обидчику, но это всего лишь вымысел больного. Случаи ДРЛ не всегда легко диагностировать, но любой компетентный специалист в области здравоохранения или образования сможет понять, что здесь что-то не так и что надо обратиться за помощью для ребенка.

Ни один из экспертов, с которыми мы консультировались, не знает случая, когда ДРЛ превращает не склонного к насилию человека в жестокого. Я особенно скептически отношусь к случаям, когда диагноз ДРЛ возникает не в детстве, а в зрелом возрасте и уже после ареста.

Психиатры Элли пришли к выводу, что его ДРЛ возникло в результате сочетания эмоционального насилия со стороны отца и детской инфекции мочевыводящих путей, побудившей его создать женский образ.

После четырех отсрочек, мучительно пережитых Коллинзами, в марте 1987 года началось судебное разбирательство по делу Седли Элли. Опасаясь, что присяжные не смогут увидеть другого мотива такого ужасного и не имеющего видимых причин

преступления, помимо невменяемости, Хэнк Уильямс связался с представительством ФБР в Мемфисе. Оттуда мне передали запрос, чтобы я помог с разработкой прокурорской стратегии. Я надеялся, что смогу вместе с прокурорами вывести Элли из придуманного образа, если он начнет настаивать на своем, и покажу присяжным, каков он на самом деле. Такой подход неплохо сработал в судебном процессе по делу Уэйна Уильямса об убийствах детей в Атланте. Тогда мои наставления помогли прокурору вынудить Уильямса взорваться и выдать себя. Я сидел за столом прокурора, наблюдал и высказывал свою точку зрения.

Однако, как выяснилось, Элли не собирался давать показания в свою защиту. Это явно не помогло бы ему.

Во время того судебного процесса я довольно хорошо познакомился с Джеком и Труди Коллинз. Мы остановились в одном отеле и стали близкими друзьями. Я видел, что они до крайности потрясены и даже оглушены случившимся, но их храбрость и стойкость вызывали у меня восхищение. Несмотря на степень Джека в области права и богатый опыт работы в американской дипломатической службе у них обоих, они все еще не могли понять, как один человек может сделать такое с другим. Казалось, они пришли ко мне за ответами.

Я попытался привести им тот же анализ поведения Элли, что и Хэнку Уильямсу. Несмотря на то что преступление не укладывалось в голове, его все равно совершил человек понимающий, что он делает. В доказательствах смешались разные элементы, но мы определенно имели дело с убийцей, владеющим собой, а не с неуправляемым безумцем. Когда убийство совершает человек с действительно серьезным психическим расстройством – а это бывает редко, – то происшествие получается чудовищно сумбурным.

Увидев молодую женщину, бегающую по базе ночью, преступник мог предположить, что она служит в вооруженных силах и находится в отличной физической форме, со знанием рукопашного боя и агрессивным характером, так что сможет дать отпор при нападении. Несмотря на это, используя свой подавляющий рост и вес, он смог внезапно атаковать ее, затащить в свою машину и отвезти в знакомое место, где ему никто не помешает. Ему удалось это сделать, даже когда двое морских пехотинцев бежали за ним так быстро, как только могли. Все это указывает на вдумчивого преступника.

Нападение на Сюзанну не готовилось заранее, но оно произошло не потому, что «так получилось». Налицо присутствовали факторы, ускорившие развитие событий. Он уже дрожал от убийственной ярости, с самого начала. Алкоголь еще

больше ослабил его внутренние запреты. Точно так же удобная ветка дерева попалась под руку случайно. Но воткнуть острый, подобный фаллосу, предмет между ног жертвы – это результат работы развитой фантазии. В кладовой дома Элли нашли палку длиной почти метр, обернутую лентой с неопознанным пятном.

Все это очень характерно для «похотливого убийства» – такой термин специальный агент Рой Хейзелвуд и я придумали более тридцати лет назад для аналитической статьи, написанной нами для *Бюллетеня правоохранительных органов ФБР*. Похотливый убийца – особенно отвратительная форма социопата, он убивает – и убивает присущим только ему способом – просто потому, что ему от этого становится хорошо, он исполняет свое желание, похоть насыщается только разрушением жертвы в буквальном смысле.

Этот тип личности беспрерывно борется с глубоко сидящим в нем чувством неполноценности, отчего извращенная сексуальность преступления часто проявляется в иных формах по сравнению с традиционным изнасилованием. Нет доказательств, что Элли проник в Сюзанну своим пенисом, но это не отрицает сексуальный характер преступления. Тот факт, что на шортах Элли обнаружили кровь, предполагает, что он потерся о нее после убийства. Неудивительно, что следователи обнаружили в ящике для инструментов Элли устройство для увеличения пениса, заказанное по почте. Вероятно, он прятал игрушку там от Линн, чтобы она не насмехалась над озабоченным мужем.

Некрофилический аспект преступления указывает нам на два направления, которые дополняют друг друга. Это подчеркивает неполноценность индивидуума, понимающего, что он никогда не смог бы добиться успеха с девушкой уровня Сюзанны при «нормальных» обстоятельствах. Это также демонстрирует потребность преступника контролировать ситуацию и людей, чего он не способен сделать в реальной жизни. Мы никогда не узнаем, пытался ли он подойти к Сюзанне, и она быстро отвергла его, или же он даже не стал заморачиваться и просто решил взять ее силой. В конце концов, это не имеет большого значения.

И это возвращает нас к провоцирующим факторам. Несмотря на явную жестокость и брутальность своего поступка, преступник не был сексуальным садистом, как другие, кого мы видели в ходе своей работы. Он не сделал девушке больно, чтобы получить сексуальное удовольствие, наблюдая за ее страданиями и слыша ее крик. Дикие избиения с ударами по голове часто случаются при убийствах супругов или бывших подруг не ради наказания или причинения боли, а для того, чтобы одержать верх и затем уничтожить. Другими словами, он хотел разрушить эту женщину,

ее красоту и все, что для него за ними стояло.

Это могло показаться слабым отличием среди такого бесчеловечного варварства, однако я хотел, чтобы присяжные поняли, что все поведенческие признаки указывают: ярость преступника была вызвана гневом на кого-то другого, а также общей враждебностью по отношению к женщинам. Как мы скоро увидим, это пророчески подтвердилось.

Давайте вернемся к защите с помощью невменяемости, которая использовалась в суде, и рассмотрим ее в юридическом смысле. На самом деле официальный смысл такой защиты существует только с точки зрения права, поскольку термин «невменяемость» не используется современными психиатрами и работниками в области психического здоровья.

Защита с помощью невменяемости претерпела множество попыток определения и интерпретации с тех пор, как ее впервые применили в Англии в суде над Даниэлем М'Нагтеном, мечтавшим убить премьер-министра Роберта Пила в 1843 году. Вместо этого он убил выстрелом Эдварда Драммонда, личного секретаря Пила, который выходил из дома премьер-министра. Несмотря на годы, прошедшие с тех пор, такой тип защиты опирается на одни и те же базовые принципы здравого смысла: отличал ли обвиняемый правильное от неправильного? Знал ли подсудимый, что его действия неправильны? Способен ли обвиняемый подчинять свое поведение правилам и нормам общества?

Последние два вопроса сформулированы в виде изящной гипотетической конструкции, известной как доктрина «полицейский рядом». В ней утверждается: если бы преступник увидел поблизости полицейского в форме, продолжил бы он свое действие или сдержался бы? Если продолжит, то, вероятно, он страдает от «непреодолимого импульса» и, следовательно, не виновен в своих действиях по причине невменяемости. Но если он способен сдержаться, это говорит о том, что он отвечает за свои поступки, а также знает о неправильности своих намерений, на которые полицейский не смог бы закрыть глаза.

Адвокат защиты Роберт Джонс пытался скормить присяжным мысль о том, будто это совершенное преступление настолько ужасно, что могло произойти только от рук сумасшедшего, ибо никто в здравом уме такого не сделал бы. Я находился там, чтобы противодействовать этой концепции чудовищности самого преступления, которая используется в качестве смягчающего обстоятельства.

Означает ли это, что у Седли Элли не было серьезных

эмоциональных проблем или что он не был душевнобольным? Совершенно не означает. Я предполагаю, что у него действительно были серьезные эмоциональные проблемы, и у меня нет реального способа узнать, есть ли у него психическая болезнь. Однако я считаю, что многие люди, совершающие насильственные и умышленные убийства, в той или иной мере страдают психическими заболеваниями – они находятся значительно дальше от понятия «душевное здоровье», чем обычные люди. Однако такое различие важнее для психиатрии, чем для правоохранительной деятельности. Хотя эти сферы часто идут рука об руку, у каждой из них отдельные собственные интересы.

Когда простые люди задумываются над проблемой невменяемости, этим хорошим и порядочным ребятам иной раз трудно понять, что подозреваемый может быть психически больным и одновременно оставаться вменяемым и рациональным. Вопрос не в том, являлся ли убийца Сюзанны Коллинз психически больным, эмоционально неуравновешенным или страдающим характерными расстройствами. Вопрос в том, отличал ли он правильное от неправильного, понимал ли он, что поступает неправильно, и мог ли сдержаться, *если* бы знал, что его заметят и поймают.

На мой взгляд, исходя из психических доказательств и поведенческих представлений, нет никаких сомнений в том, что убийца Сюзанны был вменяем, понимал и контролировал свои действия.

Во время расследования попытки поддержать утверждение о диссоциативном расстройстве личности или другом калечащем психическом заболевании не увенчались успехом. Самый близкий для Элли человек, его мать Джейн, дала такие показания: «С ним всегда было что-то не так».

Да, он социопат. Но это не делает его безумцем с юридической точки зрения.

Излагая свои последние аргументы, участник обвинения Бобби Картер сказал присяжным: «Вы наблюдаете за ним уже две недели, и все это время он был в состоянии контролировать свое поведение».

18 марта 1987 года суд присяжных в составе десяти женщин и двух мужчин перешел к обсуждению. Они совещались около шести часов, прежде чем вынесли вердикт о виновности в убийстве первой степени, похищении и изнасиловании при отягчающих обстоятельствах. Им потребовалось еще два часа, чтобы обдумать наказание, и за это время они определили, что убийство было «особо отвратительным, зверским или жестоким»

и что оно совершено во время похищения или изнасилования. Они предложили казнь, судья У. Фред Эксли это предложение принял вместе с назначением сорока лет тюремного заключения по двум менее строгим обвинениям. Судья Эксли назначил казнь на электрическом стуле, постановив дату 11 сентября, хотя все понимали, что это всего лишь формальность. Апелляционный процесс стал началом следующего этапа тяжелых испытаний для семьи Коллинз.

Глава 10. Одна личная история

«Итак, он сидит в камере смертников, – сказал я, завершая свое выступление в Вандербильте. – И он находится в камере смертников дольше, чем Сюзанна Коллинз прожила на свете. Как вам такое?» Я выключил презентацию PowerPoint и посмотрел на безмолвную аудиторию.

Затем я рассказал им о семье Коллинз, о том, как они пообещали «идти до конца, несмотря ни на что» по поводу дела Сюзанны, пока справедливость не восторжествует, и так и поступили, не успокоились, пока не добились своей цели. Я сказал им, что когда Джек и Труди, переехавшие из этих мест, вернулись в Вашингтон, они остановились у Марка и его жены Кэролайн, и я вместе с ними всеми пошел на Арлингтонское кладбище навестить могилу Сюзанны.

Джек разговаривал с ней, его религиозные убеждения были настолько сильны, что позволяли верить в жизнь после смерти. «Сью, это мама и папа. Кэролайн, Марк и Джон здесь с нами. Они помогают нам в нашей битве за справедливость для тебя. Ты не одна, Сью. Ты никогда не будешь одна, твои друзья всегда будут рядом с тобой, активно участвуя в борьбе».

Трудно было сохранять самообладание.

Вскоре после похорон Сюзанны Джек решил провести еврейский ритуал, во время которого каждый посетитель берет небольшой камень и кладет его на надгробие могилы дочери. Есть несколько интерпретаций того, что означает этот ритуал. Для Джека, как и для других, это был способ запомнить посещение и показать, что все, кто любили Сюзанну и заботились о ней, духовно находятся рядом с ней все двадцать четыре часа в сутки.

Его ритуал также включал просьбу к посетителям, исповедующим любую религию, прочитать поминальную молитву согласно их собственной вере, после чего он сам прочел последний стих англо-ирландской народной баллады «Мальчик Дэнни»:

> А может статься, без твоей улыбки
> Зачахну я, как роза без дождя.
> Ты отыщи тогда мою могилу,
> Чтоб помолиться на коленях за меня.
> И вот когда я голос твой узнаю,
> От слов любви мне станет вдруг теплей,
> В сырой земле душа моя оттает

В конце он преклонял колени и целовал надгробие.

Однако это было лишь начало их с Труди деятельности, показывавшей всю преданность Сюзанне. Они стали частью группы поддержки расследования убийств в городе Фэрфакс, штат Вирджиния (она официально называлась «группа выживших сверстников»), которую возглавляла Кэрролл Эллис, и начали посещать регулярные встречи участников этой группы. Они связались с другими людьми, которые пережили смерть близких и, наконец, стали появляться в теле- и радиопередачах, представляя точку зрения жертв.

Их послание было простым и убедительным и до сих пор таким остается. Они говорили о невыразимом горе, которое пережили вместе с сыном Стивом – это горе бросило вызов даже несокрушимой католической вере Джека, – оно угрожало разлучить их или лишить способности нормально существовать. Они описывали, как смерть ребенка, особенно такая насильственная смерть, может разрушить брак, и как они изо всех сил пытались удержать друг друга на плаву, после того как один из членов семьи так трагически погиб. Они объясняли, что их жизнь теперь изменилась навсегда, что боль никогда не оставит их, но при этом они обнаружили, что по-прежнему могут продолжать вести полноценную и богатую событиями жизнь – даже более наполненную смыслом, чем раньше.

И они отмечали, что это всего лишь одна личная история.

В журналистике существует старый принцип, согласно которому показать все тела на поле битвы не так эффективно, как сосредоточить все внимание на одном из них. Точно так же статистика не так убедительна для создания эмоциональной реакции, как конкретная история. Однако послание Коллинзов было похоже на то, что и мы пытались передать, описывая отдельные случаи: их единственная потеря стала разрушительной для многих людей, которые знали и любили их дочь. И все же это – всего лишь один случай. Убийства происходят постоянно, повсюду, во всех нациях и в любой точке мира (хотя в Соединенных Штатах их больше, чем в любой другой европейской стране). Так что Джек и Труди говорили: возьмите горе и страдания, которые принес нам наш конкретный случай, и умножьте их на все подобные случаи, которые происходят каждый год, и вы почувствуете всю чудовищность этого зла.

Жертвы преступлений и их выжившие родственники с подозрением относятся к термину «отмщение», поскольку он

подразумевает мстительность и воздаяние. Лично я не вижу ничего плохого в подобных настроениях, но понимаю такую точку зрения. Многие из этих родственников предпочитают термин «возмездие», означающий нечто заслуженное, – наказание или вознаграждение, основанное на действии или совершенном преступлении. В любом случае, суть в том, что система правосудия в ограниченных для нее пределах пытается уравновесить чашу весов между жертвой и преступником.

Мы уже отмечали, что даже в лучшем виде это очень несовершенное стремление, особенно в случае убийства. Мы не сможем воскресить этим мертвых. Но даже *попытка* установить какое-то моральное равновесие в обществе, я думаю, крайне важна. Без осознания того, что люди несут ответственность за свои действия и что посягательство на основные ценности общества влечет за собой соответствующие последствия, любые концепции на тему морали, правильного и неправильного поведения становятся бессмысленными.

А без этих концепций общество не может существовать.

Глава 11. Преодоление дистанции

«Вы, жители штата Теннесси, проголосовали за политиков, поддерживающих смертную казнь, – сказал я своей аудитории в Вандербильте. – Раз вы закрепили это в документах, то вы позволяете присяжным, представляющим вас, требовать эту меру наказания, но тогда идите до конца, а не останавливайтесь только на этом».

Я рассказал им, как организаторы конференции не хотели, чтобы я показывал фотографии с места преступления, потому что их использование якобы приведет к повторной виктимизации семьи.

– Но семью виктимизирует вовсе не это, а вынесенный приговор, который потом не исполняют в течение двадцати лет. Вот где виктимизация и страдание. Как может семья продолжить спокойно жить, пока не увидели, как приговор приведен в исполнение?

– А как насчет жизни без права досрочного освобождения? – спросил кто-то.

– Никаких проблем, если так гласит ваш закон, и вы всерьез его исполняете, – ответил я. – В некоторых штатах такой закон есть. Если присяжные и судья вынесли подобный приговор, и если вы можете быть уверены в том, что он исполняется, то это хорошо. Но если вы поддерживаете смертную казнь в своем штате, то какое еще преступление может больше заслуживать смерти, чем это? Если вы не применяете казнь после подобного приговора, тогда у вас не правосудие, а пародия на него.

Именно так воспринимается дело Седли Элли, и это обычная ситуация для штатов, где разрешена смертная казнь.

После вынесения смертного приговора апелляция автоматически направляется в Верховный суд Теннесси, минуя апелляционный суд по уголовным делам. В этом есть логика, поскольку верховного суда все равно не миновать. К тому времени, как стенограмма судебного заседания была готова, как появились новые адвокаты по апелляциям и прозвучали устные аргументы, прошло уже два с половиной года после суда и четыре года после убийства Сюзанны. Верховный суд штата рассмотрел протокол полностью и единогласно подтвердил осуждение и приговор Элли.

Вина обвиняемого по этому делу установлена с абсолютной точностью, говорилось в письменном решении. Однако это было лишь начало.

Арт Куинн и Тим Холтон, новые адвокаты Элли, подали

апелляцию в Верховный суд США, и там это ходатайство о возвращении дела было отклонено, суд не усмотрел в нем ничего примечательного или требующего повторного рассмотрения. Затем адвокаты приступили к процедуре хабеас корпус.

Мы не собираемся здесь рассматривать всю юридическую и политическую историю института хабеас корпус. Скажем только, что это благородный и фундаментальный принцип нашей системы правосудия, его разработали как процедурную опору против необоснованных и незаконных обысков и арестов, незаконного лишения свободы и других злоупотреблений системы. Он нужен, чтобы избежать второго, третьего или четвертого судебного разбирательства, способного отменить выводы и вердикт первоначального. Тем не менее после дела *Брауна против Аллена* в Верховном суде 1953 года этот принцип стал работать против самого себя.

Я, конечно, не виню Куинна и Холтона за то, что они воспользовались всеми доступными им процедурными нюансами – это их работа, которую они выполняют для своего клиента, – но ссылка на хабеас корпус и его эквивалент в суде штата, то есть «прошение о послаблении после вынесения приговора», фактически позволила им бросать в стену все, что у них есть, в надежде, что вдруг что-нибудь из этого прилипнет к стене. Так они и стали поступать.

Элли подал прошение с обвинением своих первых адвокатов в некомпетентности – это обычный прием, – хотя Джонс и Томпсон считались одними из лучших защитников по делам об убийствах в столице штата. Элли заявил о различных процедурных нарушениях, якобы помешавших ему добиться справедливого судебного разбирательства из-за предвзятости судьи. Он даже потребовал провести новое судебное разбирательство, поскольку Джеку Коллинзу разрешили выпить чашку кофе из кофейника в приемной судьи. Претензии такого типа не только засоряют работу судов, каждая из них ведет к значительной задержке в исполнении приговора, и совокупность таких претензий лишь усугубляет страдания жертв.

К тому времени, когда крайне справедливый и ответственный судья Эксли решил, что петиция Элли не имела никаких оснований, впустую прошли еще полтора года.

Джека Коллинза настолько встревожили эти махинации, связанные с системой хабеас, что он впервые после окончания юридической школы снова пришел в библиотеку за книгами по юриспруденции. Он предложил дать свои показания на слушаниях в Конгрессе, отметив, что никто из жертв или выживших никогда не пользовался этой возможностью. Он

привлек внимание национальной организации по защите прав жертв «Граждане за закон и порядок». Он и Труди стали региональными директорами этой организации в восточных штатах. Они включились в работу с группами граждан и с правоохранительными организациями. Я снова встретился с ними, когда они приехали в Куантико, чтобы пообщаться с учащимися Академии ФБР.

Представительница Верховного суда, Сандра Дэй О'Коннор, высказала мнение о том, что процедура хабеас потенциально способна запустить бесконечный порочный круг после того, как исчерпаны возможности законных апелляций и соблюдены все необходимые меры безопасности. Это прозвучало на совещании во время саммита по борьбе с преступностью, которое проводил генеральный прокурор Ричард Торнбург в Вашингтоне в марте 1991 года. Джек выступил там от имени всех жертв преступлений и заявил: «Пока мы не узнаем о свершившемся наказании для тех, кто напал на нас или на наших близких, мы не сможем продолжать нормальную жизнь».

Это был один из первых залпов движения за права жертв, хотя в тот момент он остался не особо замеченным. Его базовая предпосылка чрезвычайно проста, но раньше она отсутствовала в спорах об уголовной юстиции. Если преступник заставил страдать жертвы и их родных, то они имеют право высказывать свое мнение при рассмотрении его дела.

Например, если обвиняемому при вынесении приговора разрешается представить любые придуманные им факты или доказательства, смягчающие его участь, то почему потерпевший или его оставшиеся в живых родственники не могут рассказать, какое зло преступление причинило лично им? Из такой поддержки родилась возможность подавать заявление о воздействии на жертву.

Коллинзы не остановились на достигнутом. Джек дал показания перед Конгрессом США, изложив точку зрения жертвы. Супруги появлялись в национальных телепередачах. Следуя линии, которую я обрисовал в Вандербильте, они описывали ужасные подробности убийства их дочери, чтобы аудитория поняла, каков облик того, кто способен на подобные зверства. Они не нанесли никому ни единого удара. Но при этом стали настоящими бойцами, несмотря на пенсионный возраст.

В знак признания их деятельности генеральный прокурор Уильям Барр, сменивший Торнбурга, попросил Джека присоединиться к министерству юстиции в качестве специального помощника директора Управления по делам жертв преступлений. Он согласился и два года поддерживал связь с потерпевшими и их

организациями, проводил консультации по законодательным инициативам, находил способы сделать службу более эффективной и оперативной, а также старался показать, что правительство действительно заботится о жертвах и их семьях. Джек считал дело незавершенным, пока не достигнет своих собственных целей.

Тем временем Седли Элли и команда его защиты делали все возможное, чтобы дело не завершалось. После отказа на ходатайство о послаблении, где он указывал на нарушения в суде при вынесении приговора, Элли обратился в Апелляционный суд по уголовным делам.

Эта апелляция и решение растянулись еще на полтора года. В апреле 1994 года апелляционный суд вынес решение о том, что судья Эксли должен был заявить самоотвод из-за небрежного комментария, сделанного перед группой Ротари-клуба организации Rotary International. Он сказал, что один из способов снизить переполненность тюрем – «просто казнить некоторых людей, кто уже стоит в очереди на казнь». Поэтому было назначено новое слушание в суде низшей инстанции с новым судьей, и *только потом* вынесли решение по существу самого иска. Так прошло еще 14 месяцев.

На этом слушании снова был поднят вопрос о неэффективности защиты с упором на то, что первые адвокаты не предоставили дополнительных медицинских доказательств и свидетельских показаний о психическом состоянии Элли. Я присутствовал на этом слушании и могу сказать, что свидетельских показаний на эту тему хватало, к тому же судебное разбирательство не раз задерживали для проведения медицинского освидетельствования. После суда Элли ни разу не проявлял признаков размножения личности и не заговаривал вновь о Билли или о Смерти, а также о любых других личностях, что якобы толпились в его голове.

Уровень стресса для Джека и Труди стал критическим. Они не хотели отказываться от своей позиции, но знали, что если не вырвутся из этого сражения хотя бы на время, то они сломаются. В 1994 году они уехали из Вашингтона и поселились в комфортабельном доме, расположенном в небольшом поселке близ побережья Атлантического океана.

На следующий год Апелляционный уголовный суд штата Теннесси города Джексон отказал в иске о неэффективности адвокатов и наличии каких-либо других существенных недостатков. Эти выводы и вердикт присяжных, а также отсутствие доказательств невиновности повторялись снова и снова в ходе затянувшихся апелляций. На тот момент судебный

протокол насчитывал 50 томов, занимая на полке три погонных метра.

В том же году, в основном благодаря работе Коллинзов и других таких же людей и групп, Конгресс принял, а президент Билл Клинтон подписал Публичный закон 104–132 о борьбе с терроризмом и эффективном применении смертной казни, частично направленный на предотвращение бесконечной переработки петиций хабеас корпус. Закон устанавливал процедуру судебного пересмотра, прежде чем федеральный окружной суд рассмотрит петицию. Это не решило проблему полностью, но определенно послужило началом к ее решению.

Сюзанна к тому моменту была мертва уже почти одиннадцать лет. Ни разу за это время Элли не отрицал убийство, не выражал раскаяния и не протянул каким-либо образом руки семье Коллинз. В 2002 году Элли снова обратился в Федеральный окружной суд Западного округа Теннесси, чтобы получить федеральную помощь по поводу хабеас корпус. Ему опять отказали, и он подал апелляцию в Шестой окружной апелляционный суд в Цинциннати, в чью сферу входят штаты Кентукки, Мичиган, Огайо и Теннесси. Был проведен еще один полный обзор дела и получен еще один отказ. Все факты соответствовали действующим законам.

Можно было подумать, что теперь-то это положит конец проволочкам и позволит властям вернуться к своей работе. Окружной прокурор подал ходатайство в верховный суд штата с требованием установить новую дату исполнения приговора. По моим подсчетам, это случилось уже в третий раз. Шестнадцатого января 2004 года суд удовлетворил ходатайство и назначил срок исполнения казни на 3 июня.

И тут вдруг тактика Элли изменилась. Он больше не настаивал, что не виноват, так как был невменяем. Теперь он стал просто *не виноват*. Он отказался от своего признания и от всех деталей, которые сообщал следователям, и заявил, что не убивал Сюзанну Коллинз. При этом не представил никаких доказательств, никакого алиби. Просто сказал, что его там не было. Если проверить вещественные доказательства, то его ДНК не найдут, а поэтому оправдают.

Четвертого мая, менее чем за месяц до той даты, когда ему была назначена смертельная инъекция, он подал прошение в Уголовный суд округа Шелби. Там рассмотрели дело и вынесли постановление на 23 страницах, отклонившее его ходатайство. Помимо прочего, там говорилось: *«Заявитель не смог доказать разумную вероятность заявляемого. Его бы не привлекли к уголовной ответственности и не осудили, если бы получили при*

анализе ДНК запрошенных образцов оправдательные результаты. Заявитель не смог убедить суд, что повторный анализ этих доказательств обеспечил бы результаты ДНК, способные изменить вердикт или приговор в лучшую для него сторону, если бы результаты были доступны в ходе судебного разбирательства, завершившегося вынесением обвинительного приговора».

Другими словами, суд говорил, что если бы тестирование показало ДНК Седли Элли, это подтвердило бы вынесенный вердикт. Но отсутствие его ДНК не может этот вердикт опровергнуть или изменить. Не было свидетельств или доказательств того, что Элли проник в Сюзанну пенисом, мастурбировал на ней или рядом с ней, или что она нанесла ему любые кровоточащие раны. Его осудили на основе многих доказательств, но ни одно из них не было связано с результатами анализа ДНК. Это точно сексуальное преступление, но без обмена телесными жидкостями.

Он снова подал апелляцию в Апелляционный уголовный суд Теннесси. В очередной раз коллегия из трех судей долго и тщательно рассматривала каждый пункт судебного разбирательства и все претензии по делу. В мастерски написанном единодушном опровержении этой апелляции судья Дэвид Г. Хейс ответил на все аргументы Элли, доказав, что возможность доказательств с помощью анализа ДНК не имеет отношения к вердикту или к выводам о невиновности. Например, суд определил: если бы выяснилось, что волосы коричневого цвета, обнаруженные на поясе шорт Сюзанны, не принадлежат Элли, то это не усугубило и не отменило бы его вину. Сюзанна жила в казарме, там чьи угодно волосы могли попасть на ее одежду.

Более того, в заключении было сказано, что поскольку ее кровь и окровавленные волосы обнаружили в машине Элли, то неразумно ждать, что власти и суд присяжных оправдали бы его, даже если бы на месте преступления выявили сперму, и результаты анализа ДНК этой спермы оказались принадлежащими кому-то еще.

Наконец, суд выразил серьезные сомнения насчет того, запрашивал ли Элли это слушание для установления фактической невиновности, а не просто для отсрочки исполнения приговора, что определенно запрещено в статусе смертной казни (хотя я подозреваю, как сказал бы Гамлет, что этот статус «более почетен в нарушении, чем в соблюдении»).

Однако потом приказ об исполнении приговора вновь приостановили, когда федеральный окружной суд подал процессуальное ходатайство. В ожидании решения 28 марта 2005

года Верховный суд США отказался рассматривать дело Элли без комментариев.

Именно на этой точке остановилось дело в январе 2006 года, когда я выступал со своей презентацией в Вандербильте. Одной из причин моей ярости и отвращения к системе стало то, что в штате Теннесси в камерах смертников находилось около ста человек, но с 1960 года там казнили всего одного человека – убийцу и насильника детей, это произошло в 2000 году. Получается, что смертную казнь приняли только из соображений какой-то символической ценности?

Слухи о той лекции дошли до Коллинзов, и Джек позвонил мне.

– Вы знаете, кто был в аудитории на вашем выступлении? – спросил он.

– Нет, кто же? – ответил я.

– Андреа Конте, жена губернатора Бредесена.

Меня это заинтересовало, потому что госпожа Конте была не только первой леди Теннесси, но и дипломированной медсестрой, магистром делового администрирования и героем движения за права жертв.

В декабре 1988 года она шла через парковку в Нэшвилле, и ее похитил мужчина на машине. Она боролась с ним храбро и отчаянно и, хотя тот нанес ей рану, смогла выпрыгнуть из его автомобиля на ходу. Преступника поймали и опознали в следующем году, после убийства женщины в парке города Нэшвилл. На основе своего опыта она основала некоммерческую организацию «У вас есть власть» (You Have the Power), чтобы защищать права жертв и помогать им с помощью системы уголовного правосудия. В 2004 году она прошла более 600 миль по Теннесси, рассказывая о своей миссии и собирая деньги для учреждений по защите детей. Она часто говорила о проблемах жертв не только в своем штате, но и по всей стране.

Такой деятель, как она, вполне был способен оторваться от абстрактной статистики и процедур и понять чувства живых людей.

– Было бы здорово, если бы вы смогли написать ей письмо, – предложил Джек.

Я не знал, какое влияние она оказывает на своего мужа и поможет ли это чем-нибудь, но сама идея показалась мне хорошей. В письме от 1 февраля 2006 года, адресованном ей в столицу штата, я написал:

Уважаемая миссис Бредесен!
Я узнал, что вы находились в аудитории в

прошлый четверг вечером в Университете Вандербильта, когда я выступал с докладом о смертной казни. Мне очень жаль, что у меня тогда не было возможности встретиться и лично поговорить с вами. Я слышал много хорошего о вас и о вашей глубокой тревоге о жертвах преступлений. Насколько я понимаю, несколько лет назад вы стали жертвой преступного похищения, и если бы не ваши собственные инициативность и мужество, то вполне могли войти в печальную статистику убийств. Слава богу, этого не случилось!

Как вы, возможно, помните из моей презентации, одним из самых ужасных дел, где я когда-либо участвовал, было изнасилование/истязание/ убийство в 1985 году Сюзанны Коллинз, 19-летней девушки, бойца морской пехоты, служившей на базе военно-морских сил в Миллингтоне, к северу от Мемфиса. Несмотря на то что ее убийцу, Седли Элли, признали виновным в убийстве/похищении/ изнасиловании первой степени и приговорили к смертной казни в 1987 году, его апелляции все еще продолжают рассматриваться, и конца им не видно. По моему мнению, это вопиющее злоупотребление апелляционным процессом является по-настоящему непристойным.

Влияние убийства Сюзанны на ее родителей и брата за последние двадцать лет не поддается описанию. Однако, сколь бы ни была болезненна ее потеря для них, неспособность судебной системы довести правосудие до конца имеет еще более ужасное воздействие, умножает их горе. Как жертва преступления, у вас есть уникальная основа для понимания того, что должны чувствовать эти люди.

Я не знаю, можете ли вы что-либо сделать в этой ситуации. Однако как заботливый и неравнодушный защитник жертв и как житель Теннесси, вы не можете недооценивать силу моих собственных чувств по этому делу, как профессиональных, так и личных. Это худшее из дел, с которыми мне когда-либо приходилось работать.

Спасибо, что любезно выслушали меня.

С уважением,

Джон Э. Дуглас

Два месяца спустя, 29 марта 2006 года – еще через год и один день после отказа Верховного суда США, когда прошло уже более двадцати лет после убийства, – окружной суд вновь отклонил процессуальное ходатайство Элли и Верховный суд Теннесси назначил новую дату казни на 17 мая.

За все годы, прошедшие после суда, Седли Элли не удалось убедить ни одного присяжного или юриста в том, что он не виновен или, по крайней мере, что нет серьезных причин считать его виновным. Однако это его не остановило. Одиннадцатого апреля, за 36 дней до вновь перенесенной даты казни, Элли обратился в федеральный окружной суд с новой жалобой.

Протокол смертельной инъекции Теннесси, похоже, мог причинить Элли боль и страдания, а следовательно, нарушал его права согласно Восьмой поправке[14]. Суд приостановил казнь, пока не рассмотрит эту жалобу.

Что ж, я тоже против жестоких и необычных наказаний, но смертельная инъекция – это результат непрекращающегося поиска все более «гуманных» методов казни. Наблюдение за процессом такой казни создает впечатление быстрого и мирного ухода из жизни. Но поскольку рассказать о пережитом не может никто, мы не знаем наверняка, сколько боли и страданий это на самом деле причиняет. Я уверен в одном: это причиняет бесконечно меньше боли и страданий, чем когда вас жестоко избивают, бьют по телу, лицу и голове до тех пор, пока они не станут неузнаваемыми, а потом с силой четыре раза проталкивают через влагалище ветку дерева почти метровой длины.

Апелляционный суд шестого округа, должно быть, склонялся к этому же выводу, когда 12 мая оставил все в силе. Казнь снова назначили на прежнюю дату, 17 мая. После стольких лет казалось, что день расплаты, наконец, настал.

Но тут адвокаты Элли обратились в Совет Теннесси по пробации и условно-досрочному освобождению, попросив еще одну отсрочку, чтобы они *смогли вернуться в суд первой инстанции* и попросить протестировать другие предметы, не включенные в запрос от 2004 года! В них входили клетки кожи из трусов, найденных рядом с телом Сюзанны и предположительно принадлежавших напавшему на нее, а также любые клетки или ткани, найденные на конце ветки дерева, и любой материал из-под ногтей Сюзанны.

На этот раз команду поддержал крупный чин в мире юриспруденции. Это был Барри Шек, который стал известен по всей стране в 1995 году как один из юристов в команде, которая успешно защищала О. Дж. Симпсона, обвиняемого в убийстве

первой степени по делу о гибели его бывшей жены Николь Браун и ее друга Рона Голдмана. После этого приговора я работал с адвокатом Даниэлем Петрочелли над гражданским иском семьи Голдман о возмещении морального и материального ущерба Симпсоном, этот иск завершился успехом. Таким образом, это был еще один случай, когда Шек и я радикально разошлись во взглядах.

Однако я уважал этого человека. За три года до убийств Браун и Голдмана, в качестве заслуженного профессора Школы права имени Бенджамина Кардозо в Нью-Йорке, Шек вместе с Питером Нойфельдом основал организацию Innocence Project, которая использовала анализ ДНК и другие научные методы для реабилитации людей, ошибочно осужденных за совершение насильственных преступлений. Перед казнью Кэмерона Тодда Уиллингема в Техасе он упорно старался внедрить новый научный анализ в проведение расследований. Эта попытка не увенчалась успехом, однако в ходе проекта удалось добиться отмены более двухсот неправомерно вынесенных приговоров и освободить многих приговоренных к смертной казни.

Но я задавался вопросом, почему этот человек подключился к апелляции Элли на такой поздней стадии. Как и в случае с Симпсоном, я знал это дело «от и до». В отличие от Уиллингема или других людей, с которыми работали Шек и его команда, здесь с помощью сложной науки или анализа ДНК не собирались изменять выводы или предъявлять суду другого убийцу.

Организация Innocence Project делала огромную героическую работу, она защищала людей, по ошибке сидевших в тюрьме. Но Седли Элли не был одним из них, это было ясно любому опытному специалисту, внимательно изучившему исходное судебное разбирательство и доказательства или прочитавшему апелляционные решения, которые были вынесены с тех пор. Я знал много случаев ложных признаний, но здесь их явно не было. Все детали были оценены правильно, свидетелями полиция не руководила, а первоначальный рассказ Элли выглядел завершенным и обретал смысл в полном контексте.

Интересно, чего больше было в этих маневрах: желания установить невиновность или попытки помешать смертной казни. Если Шек всерьез решил доказать, что Седли Элли невиновен и Сюзанну Коллинз зверски убил кто-то другой, то хотел ли он, чтобы этого другого потенциально виновного доставили в камеру смертников в Теннесси, или он бы и тогда попытался остановить казнь? Я переживал за семью Коллинз, ведь перед ними возник новый камень преткновения. Я переживал за обвинителей и генерального прокурора штата Пола Саммерса, чьи сотрудники

так много и долго работали над этим делом, больше двух десятилетий. И, как ни странно, я переживал даже за участников организации Innocence Project, они доверились тому, кто явно не был невиновным и не проявил ни капли раскаяния в самом ужасном преступлении изо всех, что мне довелось расследовать.

Когда Джек и Труди узнали о слушании, то поехали в Нэшвилл за свой счет. На этот раз Стивен отправился с ними. Джек и Труди пытались уберечь его от этого процесса как можно дольше, но Стив страдал из-за потери сестры не меньше, чем родители, и его обычная серьезность переросла в мрачность и напряженность. Он женился и развелся, друзья считали, что причина развода заключалась в его безуспешных попытках найти женщину, способную заменить собой все, что для него значила Сюзанна. Ситуация стала меняться, когда он встретил девушку по имени Кассандра и женился на ней в 2002 году. Она была сильной, решительной и красивой женщиной, сталкивалась с собственными трудностями и понимала, какие пропасти пришлось преодолеть Стивену. Теперь он был успешным исполнительным директором в сфере телекоммуникаций и жил за пределами города Денвер. Вскоре он и Кассандра удочерят маленькую девочку и назовут ее Сиенной. Ее второе имя будет Сюзанна.

Через члена команды генерального прокурора Барри Шэк попросил о встрече с Джеком, он хотел пожать ему руку. Джек отказался, заявив, что не подаст руки тому, кто пытается помешать исполнить приговор, назначенный присяжными убийце его дочери больше двадцати лет назад. Для него, Труди и Стивена каждый, кто встал на пути приведения приговора в исполнение, стоял на пути справедливости для Сюзанны.

Команда защиты представила свое дело, которое, по сути, повторяло аргументы, то и дело безуспешно приводившиеся ей в судебных и апелляционных судах. Затем Коллинзы зачитали написанное ими заявление. На председателя, похоже, особенное впечатление произвел Стивен, и он попросил его кратко изложить точку зрения семьи.

Затем участники группы слушания покинули комнату. Когда они вернулись, председатель объявил раздельное голосование за предоставление Седли Элли пятнадцатидневной отсрочки, которая позволяла совершить еще одну попытку представить его дело в суде для проведения анализа ДНК.

Коллинзов сопровождала на слушание Лиза Хелтон – чуткий, уважаемый и эффективный сотрудник по связям с жертвами в Генеральной прокуратуре. Когда Джек сказал, что хочет убедиться, все ли факты есть у губернатора, Лиза предложила им

пройти в офис губернатора, чтобы проверить, на месте ли он.

Они добрались до здания в столице штата и зашли в офис губернатора Филипа Бредесена. Администратор, как и следовало ожидать, сказал, что губернатор недоступен. Но вскоре после этого губернатор Бредесен вышел из личного кабинета, направляясь на встречу, и сердечно пригласил их зайти на короткий разговор. К этому моменту, как сказал Джек, он так утомился и переволновался, что не имел сил убедительно изложить свои аргументы губернатору.

Стивен взял инициативу на себя, изложил анализ всего случившегося и выразил надежду, что после пятнадцатидневной отсрочки губернатор позволит правосудию пойти своим чередом. Стивен говорил сильно и убедительно, и, хотя Бредесен не давал никаких обещаний и ничего не предлагал, было ясно, что он принял страстную речь Стивена близко к сердцу.

Тридцать первого мая суд первой инстанции отклонил новое ходатайство о тестировании ДНК, фактически подтвердив все предыдущие решения суда. К этому времени пятнадцатидневная отсрочка губернатора Бредесена истекла. Верховный суд штата удовлетворил ходатайство об установлении новой даты исполнения приговора: 28 июня 2006 года.

Седьмого июня Элли подал апелляцию, и апелляционный суд ускорил движение. Просматривая еще раз всю более чем 20-летнюю историю – с точки зрения фактов и процедур – и принимая запросы на тестирование ДНК, судья Дэвид Хейс написал решение на тридцати одной странице, подтверждающее отказ суда первой инстанции.

Двадцать шестого июня в верховный суд штата отправилась последняя апелляция. И снова адвокаты Элли представили свои аргументы. Офис окружного прокурора возразил: «Заявитель не привел дополнительных аргументов, способных доказать, что возможно иное судебное постановление, чем то, что ранее уже было вынесено судом первой инстанции и подтверждено Апелляционным судом Теннесси по уголовным делам в 2004 году».

Суд согласился, отклонив апелляцию. Механизм подготовки к процессу казни был запущен.

В течение долгого времени Джек и Труди Коллинз готовились к этому моменту. Все обдумав, они уже давно приняли решение, что если Седли Элли когда-либо казнят и это случится при их жизни, то они будут присутствовать на этой казни. Они не могли быть рядом с Сюзанной, когда она умирала, поэтому чувствовали, что если увидят, как убийца расплачивается за свое злодеяние, то они сделают последние шаги по этому пути вместе с ней.

Однако по мере того, как процесс затягивался, год за годом их мысли и чувства менялись. У них никогда не было ненависти к Элли, они считали, что это чувство только разрушает. Все, чего они хотели – увидеть, как весы правосудия, наконец, придут к равновесию, как система сможет доказать, что жизнь Сюзанны важнее, чем жизнь ее убийцы. С человеческой точки зрения Элли был просто ниже их презрения. И в итоге родители жертвы решили не удостаивать убийцу своим присутствием на казни.

«Нам пора домой, а штату пора делать свое дело», – объяснил Джек.

Как они и надеялись, губернатор Бредесен отказался вмешиваться в процесс подготовки к казни. Лидия Ленкер, пресс-секретарь губернатора, заявила: «Он считает, что вопрос был тщательно и правильно рассмотрен судом, поэтому отказал осужденному в помиловании».

Последнее обращение в верховный суд США также было отклонено. Во второй половине дня 27 июня Элли перевели в камеру строгого режима тюрьмы Ривербенд в городе Нэшвилл. Казнь назначили на 1:00 28 июня 2006 года.

В приступе лихорадочной активности, которая, кажется, всегда сопровождает подготовку к казни в Соединенных Штатах, адвокаты Элли уже в который раз (если вы заметили, этот оборот и его аналоги чересчур часто приводятся при описании этого дела) обратились в Шестой окружной апелляционный суд, на этот раз в ходе слушания, проведенного в Нэшвилле в доме судьи Гилберта С. Мерритта – младшего. Около 23:00 судья Мэрритт поразительным образом удовлетворил ходатайство о хабеас корпус на основании заявления о фактической невиновности и тестировании ДНК. В приказе, частично напечатанном и частично написанном от руки, было объявлено о слушании 7 июля для определения юрисдикции по делу и *обещано вынести заключение в течение следующих трех дней с подробным описанием причин появления этого приказа*.

Все представители обвинения, члены семьи Сюзанны и друзья понимали, что это означает. Любой вопрос об определении юрисдикции превратился бы в правовое болото и положил начало новому циклу процедур. Бог знает, что еще придумает группа защиты, как только у них появится шанс. Возможно, на этот раз Элли заявит, что его похитили инопланетяне, и именно они совершили убийство. Поскольку до казни оставалось два часа, впереди замаячила перспектива еще нескольких лет того же испытания.

В тот же момент аппарат генерального прокурора Саммерса начал действовать и подал ходатайство об отмене права

приговоренного присутствовать в суде. Его подписали сам Саммерс, генеральный солиситор (поверенный генерального прокурора) Майкл Мур и младший заместитель генерального прокурора Дженнифер Смит. Они назвали процедуру, вызванную обращением адвокатов Элли, *крайне сомнительной и даже вопиющим нарушением всех правил, применимых к данной ситуации. А так как приказ судьи Мерритта о приостановлении исполнения приговора незаконен, то суд должен немедленно отменить отсрочку казни.* Затем они пояснили, почему судья Мерритт, не входивший в число судей, слушавших дело изначально, не имел никакого права участвовать в нем и принимать какие-либо приказы.

В 1:18 Леонард Грин, секретарь суда, отправил факс. Это было распоряжение на двух страницах, написанное председателем окружного суда Дэнни Дж. Боггсом и судьей Джеймсом Л. Райаном. Они настаивали на отмене решения о месте пребывания осужденного.

В 1:46 Седли Элли перевели в камеру смерти тюрьмы Ривербенд. Через смотровое стекло он попрощался со своими выросшими сыном и дочерью, и ему сделали смертельную инъекцию. Он дважды выдохнул и за пределами этого казался умиротворенным. Его объявили мертвым в 2:12 по Североамериканскому центральному дневному времени. На тот момент ему было 50 лет. После убийства Сюзанны прошло уже 20 лет, 11 месяцев и 14 дней. Ей было всего 19 лет, один месяц и четыре дня, когда она умерла.

Верна Уайатт, глава организации «У тебя есть сила», которую основала Андреа Конте, жена губернатора Бредесена, зачитала заявление от семьи Коллинз. Заявление начиналось словами: «Покойся с миром, Сюзанна. Приговор присяжных приведен в исполнение».

Глава 12. «Я не могу не думать о них»

История двух с лишним десятилетий, которую мы только что рассказали, невероятно грустная. И тем не менее, судя по мрачной статистике убийств, у нее «счастливый конец». По крайней мере, по нашим понятиям, с точки зрения семьи и друзей жертвы, а также многих тех, кто ее любил. Если есть страна высшей справедливости за пределами нашего человеческого понимания, то Седли Элли теперь отправился туда. А в нашей человеческой реальности весы уравновесились настолько, насколько это позволяет судебная система.

После того как дело окончательно разрешилось, мы получили известия от двух женщин, на первый взгляд имеющих мало общего между собой. Однако они обе стали жертвами и явно пострадали, каждая по-своему.

Меня удивило и несколько разочаровало, что жена губернатора Бредесена не откликнулась на мое письмо. Но произошло то, что произошло. Примерно через две недели после казни Элли я получил письмо, датированное 11 июля и написанное в канцелярии первой леди штата Теннесси.

Она подтвердила получение моего письма и сказала, что хочет сообщить: мой голос, а также голоса адвокатов семьи Коллинз и жертв других преступлений услышаны.

Из всего послания, очень доброго, меня зацепило такое высказывание: «*Мое сердце оставалось с семьей Коллинз в испытаниях, непосильных для человеческого терпения. Нет слов, чтобы облегчить боль и страдание, пережитые ими за этот 21 год*».

Теперь я понял, почему сразу не получил ответа от Андреа Конте. Так вышло не потому, что она меня проигнорировала или отвергла, а наоборот, потому что она слишком серьезно это восприняла. Она могла легко отделаться от меня, отправив вежливую записку с благодарностью за мое неравнодушие, и сообщить, что мое послание прочитано.

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, что заставило губернатора Бредесена разрешить смертную казнь в штате, где убийц приговаривают к высшей мере, но почти никогда не приводят этот приговор в исполнение. Я уверен, что он изучил материалы дела и прочел отчет Совета Теннесси по пробации и условно-досрочному освобождению. Но я бы удивился, если бы праведная, основанная на собственных переживаниях, симпатия его жены к Стиву Коллинзу не привела к этому результату.

В начале мая 2010 года мне позвонил наш адвокат Стивен Марк и сказал, что некая особа по имени Линн хочет связаться со мной. На нашем веб-сайте Стив указан как контактное лицо по вопросам книг и СМИ. Она не выразила никакой заинтересованности в издательских или медийных делах, ее имя мне ни о чем не говорило. Поэтому я попросил Стива перезвонить ей и узнать, о чем она хотела со мной переговорить.

– Я была замужем за Седли Элли, – объяснила она.

«*Ого*», – подумал я. Лишь однажды я мельком видел ее в здании суда и никогда не имел возможности поговорить с ней. Поэтому я захотел услышать все, что она скажет.

Я отправил ей электронное письмо с согласием, затем позвонил Марку Олшейкеру. Мы решили, что будет лучше поговорить с ней вместе, и тогда мы ничего не пропустим. Договорились о встрече, через несколько дней получили номера в гостинице. Я позвонил по телефону, который назвала эта женщина. Она предложила называть ее «Линн С.».

Она жила в Южной Индиане, у нее было четверо детей. Линн откровенно призналась, что она в прошлом алкоголичка и наркоманка, сейчас находится в стадии ремиссии, много лет пытается привести свою жизнь в порядок. С учетом обстоятельств ее жизни можно понять и объяснить этот путь преодоления трудностей, путь прискорбный и разрушительный.

Эта беседа в качестве подведения итогов стала для нас очень ценной и важной. Она подтвердила поведенческий профиль, который я составил для убийцы Сюзанны – Элли был злой, жестокий, неадекватный маньяк, манипулирующий другими. Это дополнило детали, недостающие в большом судебном протоколе. Тот разговор коснулся многого, о чем я размышлял двадцать лет. Он показал историю с точки зрения другого персонажа. И это помогло понять, каково жить с человеком подобного типа личности.

Первое, что я всегда спешу узнать в любой ситуации: почему? Почему она вдруг связалась со мной почти через четыре года после казни Седли? Чего она хотела от этой встречи?

Я спросил, почему она обратилась ко мне в этот момент. Она объяснила, что примерно за год до этого искала в Google имя «Седли Элли» и так узнала о нашей книге «*Путешествие во тьму*». Она не слышала о ней раньше, а теперь прочитала и узнала то, о чем никогда не догадывалась.

Как бы мне ни хотелось представить это событие как похвалу самому себе, необычным его точно не назовешь. Тяжкое преступление во многом похоже на битву. Как в тумане войны, у каждого участника этой битвы свой угол обзора, и лишь

немногим, если они вообще есть, открывается вся картина. Свидетели видят все лишь с ограниченного ракурса и в определенный момент времени. Вещественные доказательства, волосы и волокна, даже отпечатки пальцев могут показывать лишь одну сторону картины. Не только команды обвинения и защиты выдвигают противоположные версии и стараются уйти от описания всего того, что случилось на самом деле. Чаще всего даже ведущий детектив и окружной прокурор смотрят на вещи по-разному. Жюри присяжных редко получает все факты и полную историю, например, послужной список обвиняемого. Если добавить к этому, что Линн как потенциальную свидетельницу не допускали на большую часть судебных слушаний, вполне понятно, что ей захотелось хоть чуть-чуть приподнять занавес над главным событием своей жизни.

Она хотела знать, как поживают Коллинзы. Мы сказали, что уже лучше, поскольку ее бывшего мужа казнили. «Я не могу не думать о них», – призналась она.

Я знал, что Линн не присутствовала на казни, и спросил, как она узнала об этом событии. «Из газеты Луисвилла», – ответила она, и стало ясно, в чем заключается ее сочувствие.

– Сначала на мгновение мне стало грустно. Я позвонила своему брату и сказала: «Мне плохо из-за этого». Мне сообщили, что он был образцовым заключенным, а я подумала: «По крайней мере, он жил. А его жертва – нет».

Линн проделала свой собственный путь за последние двадцать лет.

Меня интересовали ее воспоминания об 11 июля 1985 года и о следующем дне.

Если бы я описывал это дело без известного подозреваемого, то поведенческие свидетельства в мгновение ока привели бы меня к одному из двух правильных направлений. Учитывая степень ярости, жестокости и излишеств, которую продемонстрировали доказательства на месте преступления, неизвестный субъект мог быть кем-то, кто: (1) хорошо знал жертву, либо (2) видел в ней образ другой молодой белой женщины, кого он хотел бы убить, но по каким-то причинам не мог и понимал это.

Следующим шагом расследования стало бы обращение к виктимологии, чтобы определить, с каким из двух типов мы имеем дело. Если тщательное обследование не выявит плохих, или даже подозрительных, отношений мужчины с Сюзанной, значит, наш подозреваемый подходит под второе описание. Чтобы столь жестоко убить незнакомку, нужно пережить эмоциональное замещение.

Я много раз наблюдал работу этого механизма психики.

Когда я вел длительную беседу в тюрьме Калифорнии с Эдмундом Кемпером, которого прозвали «Убийца студентов», он в конце концов признался мне, что молодые женщины из Калифорнийского университета в городе Санта-Крус, выбранные и убитые им, стали ему в некотором роде заменой его ненавистной матери. Когда он, наконец, набрался смелости и забил свою мать до смерти молотком в кровати, то сдался полиции. Он выполнил то, что давно собирался сделать.

Точно так же было и с Гэри Хейдником, это еще один убийца, с которым я работал. Этот парень – и я должен добавить, очень умный парень, который сделал себе состояние на фондовом рынке – держал женщин в яме в подвале своего дома в Филадельфии, насиловал их, когда хотел, и наказывал по мере необходимости. В конце концов он убил нескольких из них. Когда я беседовал с ним в тюрьме после осуждения, он как ни в чем не бывало, абсолютно рационально разговаривал о своих деяниях, пока я не упомянул его мать. Тогда он на моих глазах сошел с ума. В его случае ярость против женщин появилась из-за странной матери, которая покончила с собой и за свою жизнь никогда не баловала сына любовью и заботой, о чем Гэри всегда мечтал.

Однако в случае с Элли я не думал, что убийство может быть связано с матерью преступника. Все в преступлении указывало на любовницу или партнершу, вызвавшую его ярость, а возможно, целый ряд любовниц и партнерш. Это явно был человек, хотевший наказать женщин не ради сексуального удовлетворения от их страданий, как сделал бы садист, а чтобы дать выход нарастающим в себе злобе и разочарованию.

Другим фактором, я почти уверен, стал провоцирующий стресс или серия событий, породивших в субъекте желание нанести кому-либо ответный удар. Часто источником стресса бывает потеря работы, но по сексуальному характеру преступления, хотя и без проникновения одного тела в другое, я решил, что это, скорее всего, спровоцировал разрыв отношений, пренебрежение или ненадлежащее поведение жены или девушки.

Линн подтвердила, что была на вечеринке компании Tupperware той ночью. «Когда я вернулась домой, его не было и машины не было, зазвонил телефон, это была полиция базы, они спросили: „Где твой муж?“

Я ответила: „Вы должны знать, где он, иначе не стали бы звонить мне“. И они сказали, что он здесь, и, возможно, совершил похищение. Спросили: „Можете ли вы приехать сюда?“

И я пояснила: „Как вы знаете, у меня нет машины“.

Ну, они пришли, забрали меня и отвезли туда, я поняла, что

что-то произошло, просто взглянув на него. Он дышал быстро и тяжело, и я помню, что его носки были наизнанку или что-то еще было наизнанку, и повсюду на нем следы скошенной травы. Я поняла: что-то случилось».

Полиция базы, как ни странно, этого не поняла. Седли смог убедить полицейских, что свидетели увидели всего лишь ссору любовников, что это Линн находилась в машине рядом с ним, и вообще все это легко разрешимое недоразумение. Так что его отпустили, она села с ним в машину, они вместе вернулись домой. Линн тогда было двадцать – она на год старше Сюзанны Коллинз.

«Я помню, у него на заднем сиденье лежал какой-то компрессор, и я спросила: „Что это?“

И он ответил: „Я украл его из дома капитана“.

Меня это поразило. Я спросила его: „Ты с ума сошел?“ Затем сказала: „Мы поговорим об этом завтра“. Я не хотела ничего слышать, не хотела иметь к этому никакого отношения».

Линн записалась на получение жилья на базе для себя и Седли. Хотя она признавалась, что даже в то время не знала точно, хочет ли жить там вместе с ним. Когда квартира появилась, и они снова сошлись, он устроился на работу в круглосуточный магазин в Миллингтоне. Но его уволили, когда владелец увидел существенную пропажу товаров. Через несколько дней ее муж устроился на неполный рабочий день в компанию по установке и обслуживанию систем кондиционирования, а теперь рисковал всем своим положением ради кражи.

«Я пошла спать. Проснулась раньше обычного. Он не приходил в постель, ходил по дому взад-вперед и пил кофе».

Рассказанная история о ее встрече и сближении с Седли Элли типична для отношений многих маньяков.

Они познакомились в ее родном штате Мичиган, когда она была 15-летней школьницей, невысокой, ниже 160 сантиметров. Она была родом, как сама выразилась, из «неблагополучной семьи». Линн тогда соседствовала с сотрудницей приюта, в котором она недолго находилась. Не так давно, до встречи с Элли, ее парень опустился на самое дно и совершил «полицейское самоубийство»[15], его сбили выстрелом с крыши в Детройте.

Элли был почти на десять лет старше Линн, более чем на сорок сантиметров выше и весил как минимум вдвое больше. Он приехал из Кентукки в город Ипсиланти, штат Мичиган, после трагической и жалкой смерти своей первой жены, Дебры. Как он сказал Линн, у 20-летней покойницы были проблемы с алкоголем, и однажды ночью в ванной она захлебнулась собственной рвотой. В судебно-медицинском заключении это классифицировали как

случайное утопление и асфиксию из-за застрявшего в горле жареного картофеля.

«Он мог быть забавным и внешне очаровательным, – рассказывала Линн. – Но странное дело, куда бы я ни шла, то везде натыкалась на него. Он всегда был где-то рядом. Я иду в прачечную постирать одежду, и вот он уже тоже здесь. Я не осознавала тогда, что он меня все время преследовал».

Все это укладывается в схему маньяков. И уезжать из города сразу после смерти кого-то, с кем полиция может тебя связать, также очень предсказуемая форма поведения после совершения преступления.

У подавляющего большинства маньяков, с которыми я имел дело и которых изучал, есть две эмоциональные картины самих себя, эти эмоции постоянно находятся в состоянии войны друг с другом. Первая – чувство силы и величия, ощущение, что эти люди особенные и не связаны правилами обычного общества. Второе – это чувство бессилия и неполноценности, которое часто имеет корни гораздо глубже, чем такие люди могут запомнить. Единственный способ преодолеть второе ощущение – это реализовать в реальное первое. В отделении ФБР меня научили, что есть три метода, которые обычно применяют такие маньяки: *манипуляция, доминирование* и *контроль.*

Помните, что маньяки тоже в своем роде криминалистические психологи. Понятно, что таким ребятам это нравится – и, как мы уже отметили, они почти все тяготеют к тем женщинам, на ком им легче всего практиковать эти три метода. Женщины низкорослые, незаметные, бедные, потерянные, с низкой самооценкой или эмоционально уязвимые из-за недавней трагедии или жестокой потери в жизни – все являются подходящими кандидатками для маньяков. У Линн был как раз тот профиль, который ищет неадекватный, злой маньяк, подобный Элли. Она подходила под его психологическую установку по многим пунктам.

«Я начала проводить с ним время и перестала ходить в школу».

Вцепившись в нее своими крючьями, он отвез ее обратно в город Ашленд, штат Кентукки, то есть в свою зону комфорта, лишив ее собственной. Это типичный ход маньяков – они пытаются изолировать своих жен или подруг, удалить их от любых доступных систем поддержки, делают их эмоционально и физически зависимыми от себя. *Манипуляция. Доминирование. Контроль.*

Он использовал различные техники, чтобы сломать ее защиту, уменьшить ее чувствительность к своим отклонениям. «Я

помню, как однажды он рассказал мне, что когда жил в Мичигане, то участвовал в конкурсе по оральному сексу между мужчинами в баре и выиграл. Даже при том что я была молода, это выглядело весьма отталкивающе».

Часто, по ее словам, он занимался с ней сексом после того, как она теряла сознание от выпивки. Тогда он делал с ней то, на что она никогда не соглашалась добровольно. Это прекрасно демонстрирует потребность маньяка доминировать и унижать, но в то же время показывает и его неадекватность, убежденность, что для того, чтобы действительно поступать по-своему, его партнера (жертву) надо каким-либо образом отключить.

«Мне не нравилось заниматься с ним сексом трезвой, – прокомментировала она. – Я возненавидела это. Он был отталкивающим и тошнотворным, и мне приходилось выпить, прежде чем я могла пойти на секс. Но даже это не срабатывало».

Чем больше сопротивлялась Линн, тем больше росла обида у Седли.

«Я проявила некоторую твердость и оттолкнула его, а он толкнул меня в ответ. Мы дошли до того, что вообще перестали заниматься сексом». Это, должно быть, представляло собой огромную угрозу и оскорбление для осознания Элли своей собственной силы и потенции. Когда маньяки не могут эффективно контролировать своих жертв, они видят в этом вызов их самооценке.

Иногда Линн нужно было на какое-то время уйти от него, но у нее было всего несколько вариантов скрыться. Она несколько раз ходила погостить к своему брату. Раз или два она ходила к своей матери и к пожилому мужчине, о котором та заботилась.

Мы убеждены, что столь ужасное преступление, которое было совершено против Сюзанны Коллинз, не могло возникнуть на пустом месте. В прошлом убийца, несомненно, уже прибегал к серьезному насилию.

– Линн, ты когда-нибудь боялась всерьез за свою жизнь? – спросил Марк.

– О да, – ответила она. – Однажды ночью мы отправились к ресторану для автомобилистов с ним и его другом. Мы выпивали, и я сидела посередине, накрывшись одеялом. Его друг как будто дотронулся до моей ноги, стал меня щупать, и вдруг я потеряла сознание. Следующее, что я помню, – я уже пришла в себя. Я лежу в своей постели, а Седли оседлал меня всем своим весом и сдавливает мне горло, я пытаюсь оттолкнуть его от себя и понимаю, что не могу. Я говорю себе: «Боже, прости мне мои грехи. Я иду к тебе».

– Вы думали, он пытался убить вас? – спросил я. – Вы

действительно подумали, что умираете?

– Я *знала*, что умираю. Уже перестала сопротивляться. И тогда он остановился. Наконец-то он остановился. На следующий день мне пришлось завесить все зеркала в доме, потому что я впадала в истерику, когда смотрела в зеркало. Мое лицо опухло, как баскетбольный мяч. Один глаз распух и закрылся. Другой превратился в узкую щелочку. Мое лицо стало багровым. Белки глаз покраснели, я даже не могла ничего есть.

Повреждение глаз, о котором она говорила, называется петехиальным кровотечением, мы ищем его в случаях подозрения на убийство удушением. С той силой, на которую был способен Элли, ей повезло, что он не убил ее. Но и дальнейшие действия его стали типичными для насильников.

– На следующий день он раскаялся во всем – говорил «прости» и «я ухожу». И я сказала ему: «Никуда ты не пойдешь. Ты будешь смотреть мне в лицо!»

Она действительно позвонила в центр супружеского насилия. «Но они сказали, что я не могу взять к ним с собой свою собаку, а эта собака была для меня как ребенок». Опять же, в этой ситуации нет ничего странного. Женщины или дети, подвергшиеся насилию, будут цепляться за кого угодно и за что угодно, приносящее им любовь или утешение.

Когда прокурор Хэнк Уильямс получил дело об убийстве Сюзанны Коллинз и изучил прошлое Седли Элли, он был убежден, как и говорил нам, что для обвиняемого это не первое убийство. Прокурор испытал досаду из-за того, что смерть Дебры, первой жены Элли, в Кентукки признали случайностью. Уильямс чувствовал, что, если бы тот случай должным образом расследовали и возбудили уголовное дело, убийство Коллинз уже никогда бы не произошло. Поэтому нас очень интересовало, что Седли когда-либо говорил Линн о Дебре, помимо своей первоначальной игры в сострадание, принимая роль скорбящего вдовца, когда они впервые встретились в Мичигане.

– Со временем он признался мне, что убил ее. Он рассказал мне, как ему это удалось, – рассказала Линн.

Я подумал, что если он убил Дебру, возможно, сказал об этом Линн не потому, что доверял ей или чувствовал необходимость снять тяжесть с души. Рассказать ей об этом означало достичь двойной цели: позволить себе заново пережить и подтвердить свою силу и чувство, что он не желает подчиняться общепринятым правилам жизни, а также завуалированно предупредить, что именно может ожидать и ее, если она перейдет черту. В конце концов, он уже душил ее почти до смерти.

– Если судить по тому, как он рассказал эту историю, он как бы убеждал меня, что Дебра чуть ли не сама этого хотела. По крайней мере, мне стало очень плохо, когда я подумала, что это произошло по его вине.

Если вы живете с кем-то вроде этого типа, значит, вы должны эмоционально перенять его извращенный взгляд на реальность.

– Он сказал, что снимал с нее одежду так же, как если бы сдирал собственную одежду, а там, где нижнее белье, как бы внутри штанов наизнанку, – продолжила Линн. – И он сказал, что он сначала душил ее, а потом держал под водой. Он опустил ее в ванну и сделал воду горячее, чем обычно, чтобы скрыть время смерти. Он говорил мне, что ее мама подумала, будто это сделал он.

Несмотря на серию тяжелых испытаний в своей жизни, Линн всегда искала способы наладить свою жизнь. Она получила аттестат GED, но смогла устроиться только в магазин пончиков. Недовольная этим, она сдала вступительный экзамен в морпехи и получила хорошие баллы. Ее отправили на базовое обучение в Орландо, на специализированное обучение в Сан-Диего, а затем назначили на военно-морскую авиабазу Мемфис в Миллингтоне. Как только она приехала, то пошла в жилищную контору, чтобы попытаться закрепить за собой место, где они с Седли смогли бы жить вместе.

– Мне было весело на флоте, – сообщила она.

Учитывая все, что она пережила с Элли, мне было интересно, что заставило ее приложить усилия, чтобы позволить Седли жить с ней на базе.

– У него была моя собака, – объяснила она. – Я не хотела с ней расставаться.

Но вскоре она начала сомневаться, нужно ли было приводить его в Миллингтон, о чем размышляла и до его приезда туда.

– Как только он приехал, интуиция говорила мне: «О-о-о, что я наделала?» Но я не обращала на это внимания. Он знал, что наш брак распадется, как только он окажется там. Я часто приходила с работы, а он был пьян. Я не хотела обижать его чувства, поэтому молилась Богу, чтобы он позволил ему встретить кого-то и уйти. Может быть, к этому подвигало меня чувство вины.

Некоторые друзья и сослуживцы Линн тревожились из-за Седли. Ее близкая подруга Тэмми пришла в квартиру через день после его приезда. «Она сказала мне, что Седли пугает ее. От него у нее просто мурашки по коже».

Мы всегда говорим, что если какой-то человек доставляет вам внутренний дискомфорт, вероятно, для этого есть реальная

причина, и вам следует обратить внимание на это чувство.

Пока Седли работал неполный рабочий день в магазине города Миллингтон, она справлялась, делая все больше и больше без его участия.

– Я нашла подработку в театре на базе. Он заставил меня бросить ее.

Поскольку Седли внутренне боролся со своими противоречивыми чувствами права и несоответствия, Линн, как и большинство подобных жертв, носила в себе свои внутренние конфликты между желаниями самоутвердиться и закончить отношения, а также винила себя в сложившей ситуации. Когда полиция базы привела ее и Седли на допрос после того, как было найдено тело Сюзанны Коллинз, она сначала вела себя вызывающе.

– Они держали меня в одной комнате, а его – в другой, и я ничего не знала. Поэтому я сказала: «Мне нужен адвокат». А потом они вытащили ее фотографию с торчащей веткой. И вот тогда я сломалась. Я сказала им все, что знала, а этого было немного.

Они уже бывали вместе в парке Эдмунда Оргилла, она и Седли. И после этого увидеть фотографии этого избитого и изувеченного мертвого тела, лежащего на той самой траве, на которой они пускали побегать своего щенка немецкого дога, оказалось для нее чересчур невыносимым.

Даже после того, как Седли обвинили и посадили в тюрьму в ожидании суда, Линн оставалась эмоционально сбитой с толку:

– Он так сильно манипулировал мной, у меня даже оставались письма, в которых я извинялась перед ним и говорила: «Мне очень жаль, что такое случилось», как будто именно я заставила его это сделать. И он сказал: «Это не только твоя вина».

Какая странная, но, к сожалению, предсказуемая реакция! Вообразите себе эту абсолютную, беспредельную наглость великодушного снисхождения к *разделению ответственности* за столь ужасное преступление со своей невиновной и уже не раз пострадавшей от него женой. Только из этого заявления можно ясно понять, почему за более чем двадцать лет он ни разу не признал своей вины или ответственности за убийство. Наоборот, он продолжал сначала оправдываться, что это был несчастный случай, затем перекладывал вину на других, а в итоге полностью отрицал свою причастность к преступлению. Седли не мог отрицать этого перед женой, поскольку она знала, что он это сделал, но позволял ей взять на себя эмоциональный удар. *Кто угодно, кроме него самого.* На мой взгляд, он являлся чистейшим примером труса.

Когда начался судебный процесс, она увидела, что манипуляции продолжаются.

– Адвокаты посоветовали Седли носить одежду светло-голубого цвета, – вспоминает она, – потому что это «цвет невинности».

Несколько раз в суде она хотела подойти к Джеку и Труди Коллинз, чтобы сказать им, как она сожалеет. «Я хотела обнять их». Но она не чувствовала, что вправе вторгаться в их горе, вмешиваться в их беду.

Она несколько раз навещала Седли в тюрьме до, во время и после суда. Сначала она давала ему небольшие суммы денег для покупок в тюремном магазине. Даже тогда она продолжала проявлять доброту, хотя к ней в ответ он не проявлял ничего подобного. Через некоторое время она стала ходить к мужу только вдвоем с сестрой, потому что боялась оставаться наедине с ним в комнате для свиданий. У двух женщин был план на случай, если он «что-нибудь попытается сделать».

Жизнь Линн покатилась вниз.

– Никто не хотел со мной разговаривать, так как они не знали, что мне сказать, – делилась Линн. Она не могла смириться с фактом, что жила с монстром. – Я начала принимать самые тяжелые наркотики. Прежде чем пойти к нему, я нюхала кокаин или напивалась. Я помню, когда он лежал в больнице для душевнобольных в Нэшвилле (для досудебной экспертизы), я просто не просыхала. Я ушла в самоволку. Полностью потеряла контроль.

Карьера на флоте, прежде так ее манившая и приносившая наслаждение, теперь стала невыносимой.

– Я хотела уйти из флота, но меня не отпускали. Я продолжала уходить в самоволки. Я стала наркоманкой и попала в ужасную аварию. Я врезалась в машину, остановившуюся на светофоре, когда была под кайфом. У меня был шанс сбежать, но я сказала себе: «Нет, я хочу покончить с этим», поэтому просто ждала, пока появится полиция.

В конце концов ее отдали под трибунал, но Линн не винит в этом флот.

– Они на самом деле пытались спасти меня. Я вспоминаю все, что было в прошлом, и понимаю – да, пытались. Они были очень добры ко мне.

Она поехала в Луисвилл и остановилась у сестры Седли. Нашла работу по ведению базы данных. Затем поступила в колледж и продолжила учебу с отличной успеваемостью, ее средний годовой балл составлял 4,0.

В последний раз она видела Седли примерно через год после

суда.

– В последний раз, помню, я пришла, просто смотрела на его руки и думала: «Вот этими руками он сделал с ней такое».

Это было, когда она уже достаточно отошла от его токсичного присутствия, смогла начать ясно мыслить, чтобы эмоционально отделять свою жизнь от него.

Примерно в 2004 году, когда Элли изменил свою стратегию защиты, перешел от симуляции невменяемости к полному отрицанию своей причастности к убийству, Линн вспоминает, что ее посетили две женщины из государственной защиты и попросили помочь им с апелляционными делами.

– Они вели себя очень мило, поэтому я пригласила их, и они пробыли у меня пару часов.

Но она сказала им, что не может им помочь, поскольку знает: именно Элли убил Сюзанну Коллинз.

Они заверили, что не отрицают этого, но она может оказаться полезной в любом случае, если даст или подпишет показания о том, как просила адвоката во время первоначального допроса и ей отказали. Они объясняли, что, кроме доказательств фактической невиновности, добиться отмены или отсрочки приговора можно, если доказать факт нарушений в судебном процессе.

Вежливо, но твердо она ответила, что ничего не может сделать ни для них, ни для своего бывшего мужа.

Жизнь Линн была нелегка. Она выходила замуж еще дважды после Седли Элли. У нее появилось по двое детей от каждого из мужей. Но при всем пережитом с наркотиками и алкоголем, она никогда не теряла надежды и не прекращала думать, как стать лучше. Она снова поступила в колледж, намереваясь стать сестрой милосердия или научиться еще чему-то в медицине. Хотя в программе восстановления из двенадцати шагов[16] она рассказывала, что продолжает бороться с зависимостью. Невозможно не восхищаться мужеством и стойкостью того, кто так много пережил и все еще борется. Она сказала нам, что готова сделать все, чтобы помочь другим жертвам всем, чем только возможно.

Все годы после той ужасной июльской ночи 1985 года в Миллингтоне ее преследовала одна мысль.

– Когда он делал это с ней, я лично уверена, что он думал обо мне – вспоминал мои слова, сказанные после того, как душил меня в тот раз: «Если ты когда-нибудь сделаешь это снова, тебе лучше убить меня, потому что иначе я убью тебя». И в ту ночь он убил ту девушку, зная, что не сможет убить меня, ведь его тогда обязательно поймают. – Линн добавила с тоской и грустью. – Я

посмотрела на ее фотографии. Она была прекрасна.

Я спросил Линн, хочет ли она передать что-то Коллинзам, когда мы будем еще с ними разговаривать.

– Пусть знают, что я тоже жертва, – ответила она, не в силах справиться с эмоциями, – но теперь я в порядке и живу каждый день так, как хочет от меня Бог. И скажите им, что я не могу перестать думать об их дочери.

Люди склонны забывать, что каждое убийство оставляет много жертв на разных уровнях. Чудовищность Седли Элли забрала у родных Сюзанну Коллинз и разрушила Линн.

Линн С. твердо верила, что Сюзанна умерла вместо нее. Я согласен с этим. Хотя, как мы уже отмечали, она тоже оказалась жертвой, спасение за счет чьей-то смерти – тяжкое бремя, его приходится нести по жизни. Но это тот случай, когда надежды и молитвы Линн подарили Сюзанне особое место на небесах.

Глава 13. Кого надо казнить?

В предыдущих главах мы описали процесс смертной казни с точки зрения обвиняемого и, в частности, бесполезные попытки Кэмерона Тодда Уиллингема добиться справедливости. Так как же, если судить по справедливости, мы можем поддерживать затяжной апелляционный процесс в одном случае и осуждать его в другом?

Факт в том, что мы этого не можем делать и не делаем.

Правомерно и необходимо рассматривать все разумные апелляции – изучать все факты и процедуры, чтобы эффективно решать все вопросы надлежащей судебной практики и возможности фактической невиновности. Если за это время появятся какие-либо доказательства, как в случае с Уиллингемом, их надо учитывать и принимать соответствующие меры. Это несложно, хотя почему-то так бывает не всегда. Но бесконечное повторение каждого элемента, а затем обжалование любого из слушаний – это абсурд, отрицание справедливости и насмешка над системой.

Недостаток дела Седли Элли заключался в том, что оно затянулось слишком надолго, чертовски надолго по любым разумным причинам. Недостаток дела Кэмерона Тодда Уиллингема в том, что, когда всплыло доказательство фактической невиновности, его проигнорировали.

Увы, если бы Уиллингема казнили раньше, скажем, через три или четыре года после его осуждения, то доклад доктора Джеральда Херста никогда не появился бы. Это правда. А как насчет всех других случаев, где анализ ДНК реабилитировал заключенных, сидящих в камерах смертников в ожидании казни? Это тоже хороший момент. Некоторые будут утверждать, что если бы этих заключенных *не* приговорили к смерти, никто не стал бы рассматривать их дела и освобождать. Но это весьма слабый аргумент в пользу сохранения смертной казни.

И дело Уиллингема, и дело Элли действительно затрагивают самую суть моего личного взгляда на правильное применение смертной казни. Другими словами, вопрос о том, кого следует казнить, а кого нет?

Аргументы за и против смертной казни сложны и разнообразны. Есть претензия в том, что такое наказание несоразмерно падает на представителей меньшинств и на бедных, они не имеют высокого положения в обществе и не могут позволить себе лучших адвокатов. И в этом аргументе есть свой

смысл.

Известно, что США – одна из немногих цивилизованных стран, где все еще сохраняется смертная казнь. Это тоже правда, но, я думаю, это обстоятельство не имеет большого значения. Мы также являемся одной из немногих цивилизованных наций, до сих пор разрешающей почти безграничный доступ к ношению пистолета. Мы можем аргументировать значение и относительные достоинства Второй поправки (гарантирующей право на хранение и ношение оружия). Но как профессиональный юрист и владелец оружия, я заявляю: если вы разрешаете носить пистолеты, вы получите больше убийств, несчастных случаев – и еще многого другого. Пока мы писали эту книгу, массовые расстрелы произошли в Аризоне, Колорадо и Висконсине, и это далеко не полный список.

Легкий доступ к оружию – не единственная причина того, что у нас намного больше убийств, чем в других развитых странах. Причины, почему мы это делаем, столь же сложны и спорны, как сама смертная казнь. Они связаны с нашей относительной свободой по сравнению с другими обществами, количеством и разнообразием населения, а также наследием нашей, зачастую уродливой, истории отношений между различными расами. Но я думаю, можно привести аргумент о том, что нация, больше других страдающая от насильственных преступлений, по сравнению с прочими, казалось бы, похожими нациями, имеет особые потребности в отношении уголовного правосудия.

Итак, с учетом этих двух факторов, какова реальная динамика ситуации и какой ей нужно быть?

Во-первых, я, конечно, не оправдываю того факта, что смертная казнь, судя по всему, в самом деле применяется произвольно, однако мы считаем, что это стимул для реформы в целях более справедливого применения этой меры, а не причина для ее полной отмены.

Во-вторых, даже если один человек приговорен к смертной казни, а второй за такое же или похожее преступление – не приговорен, то этот факт не означает, что первый человек не заслужил своего приговора.

А теперь давайте посмотрим, кто и за какое преступление действительно заслуживает такого наказания.

Если вы убеждены – за счет непоколебимой религиозной или этической веры, – что государство ни в коем случае не имеет права лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах, включая войну или любые события, кроме неотложной самообороны, то я не собираюсь убеждать вас в обратном. Я думаю, у этой точки зрения есть некоторые практические

нестыковки, но я уважаю вас за это, если вы полностью последовательны, как и этичные вегетарианцы, которые отказываются носить кожаные ремни и кожаную обувь. Однако обзоры и опросы регулярно показывают, что это не мнение большинства; большинство людей поддерживает смертную казнь при определенных обстоятельствах. Итак, что мы хотим сделать, так это разобраться в некоторых важных моментах применения смертной казни и попытаться выяснить, действительно ли она служит какой-либо полезной моральной или общественной цели.

Мы рассмотрели дела в двух штатах с наибольшим количеством казней с момента решения Верховного суда США 1976 года: это Техас и Вирджиния. Следующие два в этом списке – Оклахома и Флорида.

До своих трех выдающихся сроков в кресле сенатора Соединенных Штатов демократ Боб Грэм два срока был губернатором Флориды, с 1979 по 1987 год. Он был выпускником Гарвардской школы права и очень популярным политиком, считающимся умеренно либеральным, его глубоко уважали члены обеих партий в его родном штате и на Капитолийском холме. Грэм поддерживал смертную казнь с тех пор, как ему впервые пришлось отдать свой голос за это в качестве члена Законодательного собрания Флориды. Но его *конкретные* взгляды на смертную казнь довольно поучительны.

Больше, чем любое другое выборное должностное лицо, губернатор одного из 34 штатов со смертной казнью обязан думать об этом на личном уровне. В большинстве этих штатов за этим губернатором остается последнее решающее слово – жить или умереть осужденному заключенному. Большинство из них относятся к такой ответственности со всей серьезностью, и Боб Грэм, глубоко нравственный человек, является ярким примером этому.

За два срока пребывания в особняке губернатора Таллахасси Грэму предъявили множество смертных приговоров, и все из них, кроме одного, он подписал. Мы спросили его, как часто у него возникали сомнения, стоит ли такое подписывать.

«Возникают каждый раз, – сухо ответил он, объяснив, что рассматривает любой случай индивидуально и серьезно. – Чтобы я не подписал смертный приговор, нужен какой-то изъян в длительном процессе рассмотрения. К тому времени, когда персональные дела попадают на губернаторский уровень, они проходят очень большой и сложный путь. Если бы мне представили факты настоящей невиновности, я бы принял соответствующие меры».

Это не означает, что по каждому из приказов состоялась

казнь. Для примера Грэм разъяснил: «Я подписал первоначальный смертный приговор Теду Банди. Но он не был казнен в течение моего срока. На самом деле, я не могу вспомнить ни одного случая, когда смертный приговор исполнили сразу же. Обычно его исполнение затягивается на годы».

Грэм не испытывает моральных терзаний по поводу смертной казни в надлежащих обстоятельствах, но он считает, что длительное время, проходящее до большинства казней, «превращает процесс в болото».

Он отмечает, что «система предназначена для защиты невиновных». «Это включает в себя множество проверок для защиты как раз таки виновных. Иногда возникает вопрос о казни совершенно другого человека, вместо того, с кого начиналось дело».

Эта проблема, на которую указывает бывший губернатор Грэм, возникала несколько раз за мою карьеру. В начале 1998 года штат Техас готовился казнить Карлу Фэй Такер за убийство ее знакомой, Джерри Линн Дин, и еще одной женщины по имени Дебора Торнтон в 1983 году. Волна международных протестов покатилась по миру с первого дня этого процесса. Ситуация была необычной во многих отношениях. Во-первых, для женщины необычно отправляться на смертную казнь, и это обещало стать первой казнью женщины в Техасе с 1863 года. Во-вторых, кроме традиционной толпы противников казней в принципе, смягчение вынесенного ей приговора лоббировали самые разные и влиятельные силы. Не только папа римский и несколько нобелевских лауреатов, но и такие жесткие консерваторы, как спикер палаты представителей Ньют Гингрич и телеевангелист Пэт Робертсон, умоляли сохранить ей жизнь, клялись, что она пришла к Богу и обратилась в христианство за время длительного нахождения в камере смертников.

Множество репортеров и других представителей СМИ обратились ко мне, желая узнать мою реакцию на происходящее, и я всем им говорил следующее: «Хотелось бы надеяться, что все эти годы в тюрьме, где ничего другого делать нельзя, она, по крайней мере, обрела Бога в душе и какое-то чувство морали. Но это не отменяет ни закона, ни юридической и моральной обязанности исполнить вердикт присяжных».

Я продолжал объяснять, что всегда лучше встретить смерть, обретя единство с Богом или, для неверующих, с собственным моральным кодексом. Но то, что процесс затянулся так надолго, совершенно не отменило преступления мисс Такер, она зарубила киркой двух невиновных людей, когда провалилась ее попытка ограбления. Если она приняла Бога и искренне раскаялась в своих

действиях – и я не сомневаюсь, что она это сделала, – то она должна быть готова заплатить за них своей жизнью на земле и встретиться с высшей справедливостью и окончательным искуплением в любом существовании, последующем за этим. Ее последние слова предполагают, что она приняла эту идею, и поэтому для меня нет проблемы помолиться за ее бессмертную душу.

За то время, что Кен Лайт фотографировал камеру смертников в Техасе, он задокументировал последние часы Ричарда Биверса перед казнью. «Биверс был героиновым наркоманом, – рассказывает Кен. – Он ограбил своих ближайших соседей в Хьюстоне, ну а потом расстрелял обоих в упор. Один из них умер, другой выжил и дал против него показания. Фундаменталист-проповедник убедил Биверса, что если тот откажется от своей апелляции, то попадет на небеса. Другие заключенные говорили: “Ой, да он просто устал сидеть здесь так долго”. Они очень разозлились, потому как чувствовали, что его отказ от апелляции их всех ставит под угрозу: “Ты должен бороться. Ты просто не можешь сдаться”».

Это же отражается в деле Гэри Марка Гилмора из Юты, первого человека, казненного в Соединенных Штатах после того, как Верховный суд оставил в силе новые законы о смертной казни в 1976 году. Это дело стало известным благодаря роману лауреата Пулитцеровской премии Нормана Мейлера «*Песня палача» (The Executioner's Song)*. Как и Биверс, почти двадцать лет спустя Гилмор принял свой приговор и ушел от так называемых соратников, которые пытались удержать его от входа в камеру казни.

В обоих случаях это выглядело так, будто тот, кого признали убийцей, совершил еще какое-то безобразие тем, что не сопротивлялся своей казни. Для меня это показывает ошибочность некоторых взглядов и ценностей в отношении смертной казни.

Но это приводит к еще более основополагающему вопросу. Считать ли Карлу Фэй Такер, несмотря на жестокость ее преступления, тем типом убийцы, кого нужно казнить? Ее приговор *следовало* исполнить?

Боб Грэм сказал бы, что это *не обязательно.*

«Я не столько наказываю, сколько сдерживаю, – объясняет он. – Смертная казнь имеет смысл, если способна удержать людей от совершения такого типа криминальных действий, что к ней приводят. Например, смертная казнь не работает в делах о семейных убийствах. Они чаще всего настолько эмоциональны, что убийцу вряд ли отпугнет угроза наказания, если его

поймают».

Тот же аргумент подходит для такого преступника, как Карла Такер: она тусовалась с неуправляемой толпой байкеров и принимала тяжелые наркотики, когда вместе со своим парнем пошла в квартиру Дин. Хотя я не считаю, что приговор, вынесенный Карле, не соответствует тому, что она сделала, однако я не думаю, будто ее широко разрекламированная казнь удержала кого-либо от совершения другого такого же преступления. И на мой взгляд, если бы ее приговорили к пожизненному заключению, и она провела бы время в тюрьме в духовном служении другим заключенным, такое альтернативное наказание тоже вполне приемлемо.

Но что, если бы после суда и приговора она или Ричард Биверс продолжали заявлять о невиновности, как Кэмерон Тодд Уиллингем и Роджер Кит Коулман? Это не совсем то же самое – им пришлось бы доказывать, что их личности были опознаны ошибочно и что у них железное алиби на время и место совершения преступления. Но предположим, что появились сомнения в их невиновности (хотя они не возникали).

Тогда я бы не стал выступать за их казнь. Я бы не стал допускать даже малейшего шанса на ошибку.

Для искренних сторонников и противников смертной казни возможна одна яростная общность – абсолютное отвращение к возможности казни невинного человека. Когда мы писали эту книгу, в деле Троя Энтони Дэвиса в Джорджии разыгрывался заключительный акт.

В ночь на 19 августа 1989 года полицейский Марк Макфэйл подрабатывал охранником в ресторане Burger King в городе Саванна. Увидев ограбление на парковке, Макфэйл сделал то, что сделал бы любой верный своему долгу полицейский, не важно, на дежурстве он при этом или нет. Он выбежал на улицу, чтобы помочь жертве и задержать нападавшего. В разгоревшейся схватке Макфэйл получил смертельную рану, и семь очевидцев опознали Дэвиса как человека, который стоял над упавшим полицейским и стрелял в него перед тем, как сбежать с места происшествия. Веских доказательств почти не было, и орудие убийства не нашли. Дэвис признал, что находился на месте происшествия, но отрицал, что стрелял. Двое других свидетелей опровергли это, заявив, что Дэвис признался им в убийстве. Его осудили и приговорили к смертной казни в 1991 году.

Хотя Дэвис афроамериканец, сомнительно, что раса сыграла тут значительную роль в вердикте или приговоре. Жюри было смешанным: в нем было семь черных и пять белых присяжных.

В течение двух десятилетий теми же способами, которые мы уже описывали, по этому делу продолжался апелляционный процесс, включая три встречи с Верховным судом США. Завершающая из них стала последней отчаянной попыткой избежать казни. За это время несколько свидетелей полностью или частично отказались от своих показаний, утверждая, что в некоторых случаях они ошибались, а в других полиция вынуждала их или оказывала влияние на их ответы. Во время проверки в августе 2009 года Верховный суд США разрешил отсрочить исполнение приговора на основании «существенного риска подвергнуть невиновного человека смерти» и поручил Окружному суду США в Саванне пересмотреть дело в слушаниях с видеозаписью. В отличие от первоначального процесса, на этот раз Дэвис предпочел не защищать себя. Его адвокаты также не вызвали двух свидетелей, которые отказались от показаний, и того человека, на кого защита указывала как на подлинного стрелка.

В постановлении на 172 страницах, опубликованном в августе 2010 года, главный судья Уильям Т. Мур поддержал вердикт суда первой инстанции и не нашел убедительных доказательств фактической невиновности: «*В конечном итоге, хотя новые доказательства мистера Дэвиса вызывают дополнительные минимальные сомнения в его осуждении, это в основном лишь пускает пыль в глаза. Подавляющее большинство доказательств судебного разбирательства остается в значительной степени нетронутым, и новые доказательства в значительной степени не заслуживают доверия или не имеют доказательной ценности*», – написал Мур.

Некоторым наблюдателям этого показалось недостаточно. Как и у многих подсудимых, столкнувшихся с приговором к высшей мере наказания, у Дэвиса появились многочисленные сочувствующие из высших кругов общества, включая бывшего президента Джимми Картера, моего бывшего начальника, экс-директора ФБР и судью федерального окружного суда Уильяма Сешнса и бывшего конгрессмена-республиканца от штата Джорджия, прокурора США Роберта Л. Барра-младшего. Я не думаю, что кто-то обвинит судью Сешнса или конгрессмена Барра в мягком отношении к преступникам.

В письме Совету штата Джорджия по помилованию и условно-досрочному освобождению, частично перепечатанном в *Washington Post*, Барр написал, что хотя он и поддерживает смертную казнь, но эта поддержка основана на «уверенности в изначальной справедливости» и «точности». Он не думает, что такая уверенность присутствовала в отношении Троя Дэвиса.

Дэвиса, которому было на тот момент 42 года, казнили посредством смертельной инъекции 21 сентября 2011 года. В своем последнем слове он настаивал на своей невиновности.

Я здесь не для того, чтобы переосмысливать решение жюри присяжных или судьи Мура, которые, очевидно, тщательным образом и во всех деталях проанализировали дело. Но это и другие громкие дела меня сильно беспокоят. В то время как доказательства по этим делам выглядят достаточно убедительно, похоже, никто не уверен в абсолютной виновности подсудимого. Я знаю, что такой «абсолют» часто выглядит практически недостижимым критерием, но, если мы собираемся отнять у кого-то жизнь за то, что он отнял чью-то, *лучше, черт возьми, обладать этой уверенностью.*

Итак, кроме настаивания ответчика на своей невиновности, *какие еще аспекты* заставляют меня проявлять особую щепетильность перед перспективой применения смертной казни?

Во-первых, это разовые события в том или ином деле, не укладывающиеся в схему или серию преступлений, которые затрудняют установление связи с предыдущим поведением подозреваемого при попытках следователей установить его мотив или разглядеть в нем склонность к насилию.

Во-вторых, это чисто уголовное убийство – то есть убийство, совершенное во время другого преступления. Большинство чисто уголовных убийств являются спонтанными реакциями на ситуацию, а не запланированными событиями. У меня нет претензий к принципу о том, что человек, который отнял жизнь во время совершения другого преступления, точно так же виновен, как и тот, кто заранее спланировал хладнокровное убийство. Однако на практике часто нелегко определить, случайное это убийство или спланированное. В ходе своих расследований я часто сталкивался с такими вопросами: что же на самом деле произошло? Оружие случайно сработало в бою или рукопашной схватке? Кто настоящий убийца?

Уголовное убийство, как правило, происходит очень быстро, поэтому даже когда есть очевидцы, они не всегда могут точно сказать, что видели. Самое верное доказательство такого убийства – когда у подозреваемого обнаруживается огнестрельное оружие, и оно совпадает с данными пуль, извлеченных из тела жертвы. Но с Дэвисом получилось не так.

В декабре 2011 года Майкла Мортона реабилитировали по делу о смертельном избиении его жены Кристины в городе Остин, штат Техас, в 1986 году, после почти 25 лет его заключения в тюрьме. Анализ ДНК в итоге показал, что настоящий убийца – Марк Норвуд, осужденный преступник с длительной

криминальной историей. Хотя причиной реабилитации оказалась ДНК, защита обнаружила давно скрываемые следственные доказательства, что дало новый поворот делу. Организация Innocence Project Барри Шека подала прошение в следственный суд, чтобы определить, скрыла ли сторона обвинения эти доказательства в ходе первоначального судебного разбирательства, нарушив закон.

В деле Мортона вызывает глубокое беспокойство не только прошедшая четверть века, в течение которой человека держали в тюрьме и считали виновным, но и тот факт, что в Техасе этот случай стал уже 45-м по счету, когда заключенного или даже узника камеры смертников оправдали на основании анализа ДНК. Если добавить сюда все дела об убийствах, где ДНК не является определяющим фактором, то вы получите такую допустимую погрешность, что станет просто невозможно поддерживать решение о смертном приговоре за уголовные убийства или за единичные бытовые убийства без огромного количества доказательств в каждом отдельном случае.

По крайней мере, нужна какая-то независимая система проверки.

Когда Боб Грэм занимал пост губернатора Флориды, он учредил еще один, более высокий уровень защиты для тех, кто приговорен к смертной казни. Этот уровень не затягивал процесс и давал возможность избежать казней по ошибке. Частные адвокаты назначались специальными советниками на полгода вне обычной бюрократии правоохранительной и политической системы. В их обязанности на этот период входило рассмотрение и исследование всех процессов с правом требования изменить приговор. Специальный советник мог докладывать напрямую губернатору.

Будь такая система в Техасе во время апелляционного процесса Кэмерона Тодда Уиллингема, и будь у губернатора такой же открытый подход, как у Грэма, то весьма сомнительно, что казнь бы состоялась.

Но, как снова и снова признают многие из нас, происходят такие преступления, при которых кажется, что выбрать наказание меньше, чем казнь, с моральной точки зрения будет просто недостойно для добропорядочного и гуманного общества.

В ту же ночь, когда Троя Дэвиса казнили в Джорджии, Лоуренса Рассела Брюэра казнили в Техасе за убийство Джеймса Бёрда – младшего.

Седьмого июня 1998 года Бёрда, 49-летнего афроамериканца, подобрали на грузовом пикапе трое мужчин, они познакомились с

ним в окрестностях города Джаспер, штат Техас, к северо-востоку от Хьюстона.

Машину вел 24-летний Шон Берри, а с ним ехали 31-летний Лоуренс Брюэр и 23-летний Джон Кинг. Вместо того чтобы отвезти Бёрда домой, трое мужчин увезли его далеко за город; там они его избили, помочились на него, а потом приковали за лодыжки к пикапу. На таком прицепе они тянули тело три мили по ухабистому асфальту, пока у него не оторвались голова и рука. Затем они бросили чудовищно изуродованное тело перед афроамериканской церковью и отправились на барбекю. Несмотря на то что полиция обнаружила 81 отдельный кусок тела Бёрда, медицинское обследование его головы и мозга указывали на то, что он оставался живым большую часть этой долгой и мучительной пытки.

Сегодня мы уделяем большое внимание призраку внутреннего терроризма. Однако линчевание было общепринятым и для многих приемлемым методом террора против чернокожих по всему Югу в течение сотни лет и поэтому представляет, пожалуй, самый уродливый и отвратительный аспект нашей национальной истории со времен, собственно, самого рабства. И это преступление вошло в ряд событий, наиболее заслуживающих общественного осуждения, после ужасного убийства 14-летнего Эммета Тилля в городе Мани, штат Миссисипи, в 1955 году, которое шокировало и возмутило нацию и вдохновило движение за гражданские права.

Разница здесь заключалась в том, что, в отличие от постыдного соучастия сообщества города Мани, полиция штата Техас, прокуратура и добрые граждане города Джаспер требовали справедливости. Причастность троих мужчин к этому убийству быстро установили на основе улик с места преступления. Поскольку Брюэра и Кинга хорошо знали как сторонников превосходства белой расы, полиция и окружной прокурор назвали это преступлением на почве расовой ненависти и вызвали ФБР.

Всех троих признали виновными в убийстве первой степени. Брюэру и Кингу вынесли смертные приговоры. Берри был приговорен к пожизненному заключению, он не выражал античерных настроений, то есть его действия нельзя было квалифицировать конкретно как преступление на почве ненависти. Я считаю это весьма эзотерическим различием, учитывая, что все трое участвовали в убийстве, но суд решил по-другому.

За день до своей казни Брюэр дал интервью Хьюстонскому телеканалу и там прокомментировал случившееся: «Что касается каких-либо сожалений, то нет, я не сожалею. Да, я бы сделал это

снова, если говорить по правде».

Нет ничего более порочного, чем это. Тут не возникал вопрос ни о виновности Лоуренса Брюэра, ни об отвратительном зле совершенного преступления, ни о его отношении к своему поступку. По моему мнению, за такое преступление как раз и надо назначать смертную казнь.

Люди часто спрашивают меня, учитывая мою позицию по поводу смертной казни: готов ли я сам дернуть за ручку рубильника, нажать кнопку или какие там еще существуют приспособления, чтобы лично положить конец жизни другого человека. В таких случаях, как с Лоуренсом Брюэром и Джоном Кингом, или с Седли Элли, или с любым из тех, чье зло ощутимо в их деяниях, я был бы счастлив сделать это. Полагаю, общество может совершить не так много столь же справедливых деяний, как отправить такого монстра прямо в ад.

За несколько месяцев до казни Брюэра большинство граждан испытывало шок от результатов первого судебного процесса по делу об убийстве трех членов семьи Пети в городе Чешир, штат Коннектикут, в июле 2007 года.

Рано утром 23 июля 44-летний Стивен Хейс и Джошуа Комисаржевский, которому меньше чем за месяц до того исполнилось 27 лет, подошли к дому на Сорум Милл Драйв, где жили Уильям и Дженнифер Пети с двумя дочерями, Микаэлой и Хейли. Уильям был известным эндокринологом, а Дженнифер – медсестрой и вторым руководителем центра здоровья Чеширской академии, городской школы-интерната. Семнадцатилетняя Хейли только что окончила престижную школу мисс Портер и поступила в колледж Дартмут, собираясь специализироваться на биологии, чтобы последовать примеру своего отца и стать медиком. Одиннадцатилетняя Микаэла училась в школе Чейза при университете. Хейс и Комисаржевский выбрали дом для ограбления и собирались совершить его, когда все семья будет спать.

Однако когда они прибыли на место, то обнаружили, что доктор Пети спит на кушетке на крыльце. Комисаржевский заметил во дворе бейсбольную биту, схватил ее и ударил ею Уильяма, а затем под дулом пистолета загнал в подвал, где вместе с Хейсом связал его. Затем они поднялись наверх, схватили Дженнифер и двух девочек, связали их и оставили запертыми в собственных спальнях. Можем только представить себе ужас семьи в тот момент.

Двое злоумышленников обыскали дом в поисках денег и ценностей, но добыча их разочаровала. Зато они нашли

банковскую книжку. Хейс отыскал в гараже две канистры для бензина и пошел с ними к ближайшей станции. Записи показали, что он купил на десять долларов бензина и принес его с собой обратно в дом. Затем он заставил Дженнифер поехать с ним в банк, чтобы снять 15 000 долларов с кредитной карты. Дженнифер удалось шепнуть кассиру, что происходит. Кассир позвонил в службу 911, в то время как Дженнифер вышла из банка к Хейсу в ужасе от того, что случится с ее семьей, если она не будет выполнять приказы грабителя.

Когда они вернулись в дом Пети, начался настоящий ужас. Комисаржевский изнасиловал Микаэлу, засняв это на камеру своего мобильного телефона. Затем он стал подстрекать Хейса изнасиловать Дженнифер.

Вдруг Комисаржевский понял, что доктор Пети, несмотря на свои тяжелые травмы, смог освободиться и сбежал. Джошуа сказал об этом Хейсу, тот задушил Дженнифер и облил купленным в то утро бензином ее, Микаэлу и Хейли, а также их комнаты. Двое злоумышленников подожгли горючее, скрылись с места происшествия и проникли в автомобиль Пети, «Крайслер Пацифика».

Пока все это происходило, Уильяму Пети удалось освободиться и выбраться. Он говорил, что почувствовал «всплеск адреналина», когда услышал, как один из злоумышленников говорит его жене или дочери: «Не волнуйтесь. Это все через пару минут закончится». Он добрался до дома своего соседа, тот сначала даже не узнал его, потому что доктор был очень сильно избит.

После звонка в службу экстренной помощи 911 полиция установила оцепление вокруг дома, пытаясь оценить ситуацию, прежде чем принимать меры, чтобы избежать лишнего кровопролития. Они и понятия не имели, что на самом деле происходило внутри. Но когда Хейс и Комисаржевский поехали прочь, их задержали всего в квартале от дома, где они столкнулись с полицейской машиной.

Судмедэксперт подтвердил, что Дженнифер Пети умерла от удушения руками. Хейли и Микаэла задохнулись от дыма.

Теперь давайте детально рассмотрим динамику этого преступления. Все началось с того, что мы классифицируем дело как «преступное предприятие», преступление с целью наживы. Для совершения такого преступления необходимы определенные методики. В совокупности все это называется modus operandi (MO, или образ действия). Все известные детективы из полицейских драм ссылаются на это понятие. Для этого конкретного преступления образ действия включает в себя способ безопасного

входа и выхода из дома, а также время на поиск ценных вещей и способ незаметно сбежать.

«Умные» грабители стараются достичь этих целей максимально гладко и при минимальном взаимодействии с жертвами. Не надо быть криминальным гением, чтобы понять: лучше всего это делать, когда никого нет дома. Но ясно, что план Комисаржевского и Хейса был не таков. Их образ действия предполагал нейтрализацию жильцов. Кроме того, хотя Хейс позднее делал жалкие заявления, будто «все просто вышло из-под контроля», тот факт, что они купили бензин, явно указывает на их намерение сжечь дом вместе с семьей хозяев, чтобы замести следы.

Затем, конечно, налицо жестокие нападения грабителей на членов семьи Пети. Можно расширить определение *modus operandi*, включить туда избиение доктора Пети, когда злоумышленники удивились, увидев его спящим на крыльце. Но нападения на Дженнифер и двух девочек можно списать исключительно на сексуальную жестокость, желание доминировать и контролировать. Мы называем эти аспекты преступления «почерком» и отличаем их от образа действия. Они не нужны для выполнения основного преступления – в данном случае, преступного предприятия, – но эти действия преступник совершает, поскольку они позволяют ему лучше себя почувствовать или удовлетворить свои эмоциональные желания. Другими словами, истязание семьи не входило в изначальный замысел преступного предприятия. Злоумышленники сделали это, потому что *так захотели*, и это многое говорит нам о них как о личностях.

В число огромнейших индивидуальных трагедий, случившихся в этом ужасном преступлении вошло и то, что полиция, вызванная кассиром банка, не вмешалась вовремя, поэтому не смогла спасти трех женщин семьи Пети. Я уверен, полицейские делали то, что считали лучшим, не желая рисковать безопасностью заложников; однако они не знали точно, что происходит внутри дома, пока не стало слишком поздно. Я также уверен, этот вопрос еще долго будет рассматриваться и пересматриваться. Но независимо от того, допустила ли полиция ошибку, ничто не умаляет чудовищность злодейства этих двух преступников.

Двое подозреваемых предстали перед судом по отдельности. Защита каждого обвиняла другого как лидера и подстрекателя. Два разных жюри присяжных признали их виновными в убийстве, тяжком уголовном преступлении и сексуальном насилии, помимо прочих обвинений. Хейса приговорили к смертной казни плюс

106 лет заключения. Свидетельства и вещественные доказательства на суде выглядели настолько ужасно, что впервые в истории штата судебная власть предлагала присяжным консультации на тему снятия посттравматического стресса.

Комисаржевский предстал перед судом 19 сентября 2011 года. Его команда защиты обвинила более старшего Хейса в преступлении, «вышедшем из-под контроля», и предположила, что Хейс являлся преступным вдохновителем. Своего клиента адвокаты представили только лишь невольным соучастником. Конечно, именно это и сделал бы любой невольный соучастник: изнасиловал голую 11-летнюю девочку и заснял половой акт на камеру своего мобильного телефона. Я не могу подобрать слов, способных адекватно выразить мое презрение к такому типу личности.

Комисаржевского осудили по 17 пунктам обвинения. После шести недель дачи показаний на этапе вынесения приговора, в декабре, присяжные вновь собрались для обсуждения приговора по самому серьезному из этих пунктов. После пяти дней работы члены жюри решили, что он заслуживает смертной казни. Двадцать седьмого января 2012 года Джон Блю, судья Верховного суда Коннектикута, официально приговорил его к смерти по шести пунктам. Я говорю: «Да благословит Бог судью Блю и всех остальных присяжных!»

После убийств и мучительного судебного разбирательства доктор Уильям Пети не вернулся к своей медицинской практике. Вместо этого он основал и возглавил Фонд семьи Пети и стипендиальные фонды памяти обеих своих дочерей. Один из парадоксов виктимизации заключается в том, что люди, с самого начала бывшие добрыми, заботливыми и продуктивными, зачастую еще больше проявляют эти качества после встречи с нечеловеческим ужасом.

В деле Пети не оспаривается, что именно произошло и кто это сделал. Преступления говорят сами за себя. Вопрос только в том, что делать с преступниками. Как и в случае с Брюэром и Кингом, тут нет рисков, что полиция задержала не тех людей или что присяжные вынесли неверный вердикт. Будь вы за или против смертной казни, я готов поспорить с любым порядочным человеком, который заявит, что эти люди *не заслуживают смерти* за то, что совершили.

Самим подсудимым я хотел бы сказать: «Учитывая то, что вы сделали, ту жесточайшую боль, которую вы умышленно причинили, по какому праву вы можете вообще стремиться к жизни, умышленно отказав в этом праве другим?»

А тем, кто так же потрясен, как и я, но при этом говорит, что

цивилизованное государство обязано быть выше действий извращенных и бессовестных убийц, я отвечу: «Они отказываются вести себя на нашем уровне, поэтому мы должны вести себя на их уровне. Это простой вопрос самообороны для нашего общества».

Те из нас, кто долгое время работает в правоохранительных органах, легко приведут собственные подходящие примеры идеальных кандидатов на смертную казнь.

«Тед Банди стал классическим случаем, при котором смертная казнь была уместна», – заявил бывший губернатор Грэм.

Я не могу не согласиться с этим.

Между 1974 и 1978 годами Теодор Роберт Банди, более известный как «Тед», убил не менее тридцати женщин в семи штатах. А возможно, намного больше, хотя мы этого никогда не узнаем. Его жертвами становились симпатичные девушки студенческого возраста с длинными прямыми волосами. А если волосы были разделены на пробор, то еще лучше. Он был весьма симпатичным, бойким, обаятельным и утонченным и часто мог найти нужных ему жертв, притворившись, что у него сломана рука со съемным гипсом, и попросив о помощи, подбирая попутчиков или просто подходя к ним. Оказавшись внутри его VW Beetle, они понимали, что ручка пассажирской двери снята и выхода нет.

Несмотря на его высшее образование, полученное в юридическом колледже при Университете штата Юта, и прежнее участие как в горячей линии для самоубийц кризисного центра в Сиэтле, так и в организации «Молодые республиканцы», главная жизненная мотивация Банди заключалась в том, чтобы захватывать красивых молодых женщин, причинять им боль, насиловать их, а потом резать, словно мясник. Доказательства с мест преступлений показывают, что он продолжал совершать сексуальные действия со многими из них, даже когда жертвы были уже мертвы.

После побега из тюрьмы в Колорадо, где Банди ожидал суда по обвинению в убийстве, он добрался до Флориды, перемещаясь то на автобусах, то на краденых машинах, и снял комнату возле Университета штата Флорида в Таллахасси, чтобы оказаться как можно ближе к своим выбранным жертвам. В ночь на субботу, 14 января 1978 года, или рано утром 15-го, он ворвался в общежитие Чи Омега, потому что слышал, будто там самые красивые девушки в кампусе. Всего через пятнадцать минут он скрылся, и две девушки в этом общежитии остались мертвыми в своих кроватях – избитые, искромсанные и сексуально изуродованные. Он пробежал несколько кварталов и ворвался в другую квартиру,

где напал на привлекательную женщину, оставив ее в луже крови и с пробитым в пяти местах черепом. Чудом она выжила, но тяжелые травмы разрушили ее мечту стать профессиональной танцовщицей.

Его последней жертвой, менее чем через месяц, стала красивая темноволосая 12-летняя девочка по имени Кимберли Лич. В последний раз ее видели во дворе неполной средней школы Лейк-Сити, она говорила с незнакомцем, и тот вел ее к белому фургону. Ее тело нашли два месяца спустя в заброшенном сарае для свиней, ее шея разрезана насквозь, а в области таза была обширная травма. Положение тела подтверждало, что выбор свинарника неслучаен. Преступник зарезал ее, как свинью.

Полиция города Пенсакола наконец добралась до него 12 февраля 1978 года, когда сотрудник полиции пробил по базе номера на его украденном VW (он и машины воровал согласно собственным предпочтениям). Даже тогда Тед пытался сбежать, но его скрутили.

На суде Банди высокомерно решил выступать в роли собственного адвоката и, возможно, даже удивился, когда его признали виновным. Лишь в день казни – 24 января 1989 года – на электрическом стуле тюрьмы штата Флорида в городе Старк он, наконец, понял, что ему не стоит манипулировать или торговаться, чтобы избежать приговора. Я лишь надеюсь, что в часы, предшествовавшие его встрече с собственной судьбой, он перенес хотя бы один крошечный процент от тех страданий, каким подвергал своих жертв. И после того как я изучил это дело и получил консультации по нему, я могу сказать вам: хоть он и просидел в тюрьме больше десяти лет, но услышав о его казни, я впервые успокоился, поняв, что этот монстр точно больше никого не убьет.

Мы можем говорить о плохом прошлом Банди и социальных потрясениях его юности. Можем предположить, что кто-то замечал его раннюю жестокость, отсутствие сочувствия к людям и антисоциальное поведение. Возможно, какое-то вмешательство смогло бы направить его на верный путь или, по крайней мере, помогло бы сообщить о нем властям. И если бы его посадили в тюрьму за первые квартирные кражи со взломом и похищения автомобилей, возможно, он не смог бы перейти к убийствам тех женщин.

Однако у многих людей плохое прошлое – причем намного хуже, чем у Теда Банди, – и они не становятся серийными убийцами. Банди сделал то, что он сделал, потому что он так хотел, это доставляло ему большее удовольствие и наслаждение, чем любой другой жизненный опыт или стремление. Я готов

спорить со всеми, кто скажет мне, что такого человека можно реабилитировать. Даже одна из его собственных защитниц, Полли Нельсон, заявила: «Тед был олицетворением бессердечного зла».

К жестоким серийным сексуальным маньякам, таким как Тед Банди, нормальные правила неприменимы. У них нет совести, их нельзя перевоспитать с помощью любых известных нам средств терапии, коррекции или модификации поведения. По самому определению своих преступлений эти люди убивали неоднократно и действовали по определенной схеме, поэтому мы практически никогда не беспокоимся о том, что случайно поймали или осудили не того человека. Потому что их мотив заключается в том, чтобы совершить преступление с эмоциональным удовлетворением от манипулирования, господства и контроля, поэтому эти преступления обычно квалифицируются как «особые обстоятельства», они бывают особенно жестокими и садистскими, рассчитаными на максимальное количество страданий со стороны жертвы. И сегодня мы знаем достаточно о патологии этих маньяков, чтобы понимать: подавляющее большинство из них, если когда-либо будут освобождены или смогут сбежать из тюрьмы, снова начнут убивать.

Какой смысл держать таких личностей в тюрьме оставшуюся часть их жизни – людей очевидно виновных и способных убить еще раз, если появится возможность – за исключением абстрактной морали о том, что государство не должно отнимать жизнь? Если мы не собираемся их выпускать, если мы знаем, что не сможем изменить их жизненную позицию, зачем нам содержать и охранять их тридцать-сорок лет?

Конечно, это не общепринятое мнение. В ноябре 2011 года Джон Китцхабер, губернатор штата Орегон, объявил временную отсрочку казни Гэри Хогена, дважды осужденного убийцы. Китцхабер – врач, эксперт по политике в области здравоохранения, хорошо известный своей глубокой нравственностью – заявил: «Орегону пора подумать о другом подходе. Я отказываюсь в дальнейшем быть частью этой скомпрометированной и несправедливой системы, и я не допущу впредь казней, пока я на посту губернатора».

Далее он сказал, что две казни, проведенные во время его первого срока, «стали самыми мучительными и трудными решениями, которые я принимал как губернатор, и я возвращался мыслями к этому снова и снова в течение последних 14 лет. Я не верю, что эти казни сделали нашу жизнь безопаснее и, конечно же, они не сделали наше общество благороднее. Я просто не могу

снова участвовать в том, что считаю неправильным с моральной точки зрения».

Это прямое отражение действий Джорджа Райана, республиканского губернатора штата Иллинойс. В 2000 году он ввел мораторий на казнь в своем штате, заявив: «Сейчас мы освободили больше людей, чем отправили на смерть по правилам принятой системы. Несомненно, в системе есть изъян, и его необходимо изучить». Прежде чем покинуть свой кабинет в январе 2003 года, он отменил смертные приговоры 167 осужденным, находившимся в камере смертников штата. «Я по-прежнему верю, что смертная казнь является правильным ответом на чудовищные преступления, – пояснил он. – Но я считаю, что она оправдана лишь там, где мы не лишаем жизни ни в чем не повинных людей».

К несчастью для него и жителей Иллинойса, Райана впоследствии осудили за политическую коррупцию, и не его одного среди губернаторов Иллинойса. Однако я не сомневаюсь в искренности его отношения к смертной казни. И без всяких сомнений, как институт смертную казнь необходимо реформировать.

Я согласен с губернатором Райаном в том, что все еще существует опасность казнить невиновного человека. И с губернатором Китцхабером я тоже согласен в том, что пока казни исполняются так спорадически и непоследовательно, как сейчас, то их наличие, с одной стороны, не обеспечивает нам безопасность. Однако, с другой стороны, все-таки обеспечивает. Как говорят у нас в правоохранительных органах: смертная казнь может быть, а может и не быть *общим средством сдерживания* насильственных преступлений, но она, конечно, является *специфическим сдерживающим фактором*. Ведь согласно нашей статистике, никто из казненных не смог убить снова. Ни у одного другого средства наказания или исправления нет такой последовательной и предсказуемой истории.

Но что касается другой точки зрения, хотя я ценю это намерение и сообщение, при всем уважении я выражаю несогласие с губернатором Китцхабером. Полагаю, мы должны поддерживать определенные стандарты и говорить, что есть преступления настолько отвратительные, что самое благородное, что мы можем сделать, это навсегда удалить таких преступников из общества.

В 1960 году сотрудники «Моссада», секретной службы Израиля, захватили Адольфа Эйхмана, одного из ключевых нацистских деятелей, управлявших «окончательным решением

еврейского вопроса». Его задержали в Аргентине и привезли в Израиль для суда. Перед началом судебного разбирательства Израиль ввел смертную казнь среди гражданского населения, хотя народ до этого не чувствовал необходимости во введении такой высшей меры наказания. Однако для чудовища, творившего то, что творил Эйхман, никакое другое наказание не казалось подходящим. Мало кто из рациональных и сострадательных людей во всем мире не согласился с этим решением.

Моральное равенство часто ведет на скользкую философскую дорожку. Но нужно спросить себя: является ли человек менее виновным с моральной точки зрения, если он по своей воле замучил до смерти *только* одного, двух или пятерых невинных людей, чем если бы он курировал уничтожение целой этнической группы, направил на это все свои силы? Нет – вот как я отвечаю на этот вопрос. Безусловно, такой акт геноцида, подобный преступлениям Эйхмана, оказывает большее влияние на общество и человечество и поэтому является более опасным с социально-политической точки зрения во всем мире. Но Талмуд, многовековой сборник еврейских законов и нравоучений, утверждает, что спасти одну-единственную жизнь – все равно что спасти мир, и забрать одну-единственную жизнь все равно что уничтожить весь мир.

В своем историческом философском трактате «*Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме*» Ханна Арендт резко критиковала суд и то, как его провели «победители», точно так же, как и пятнадцатью годами ранее, когда она участвовала в Нюрнбергском процессе. Однако она не стала критиковать вынесенный приговор. По ее ощущениям, было естественно и понятно, что люди, с которыми Эйхман не хотел жить на одной земле, не захотели жить на одной земле с ним.

Любой, кто совершил ужасное умышленное убийство другого человека, как мне кажется, в равной степени несет ответственность за это, если следовать логике профессора Арендт.

Вы, наверное, заметили, что большинство обвиняемых, примеры которых мы приводим в этой книге – и те, кого мы называем невиновными, а также те, о ком мы говорим противоположное, – белые. Но это не означает, что большой процент несправедливых и несоответствующих деяниям смертных приговоров не достается афроамериканцам, латиноамериканцам и представителям других меньшинств. Мы только указываем на то, что тип преступника, которого мы считаем заслуживающим смертной казни, наиболее подходит белым мужчинам. Несмотря

на то что непропорционально большое количество уголовных убийц могут быть чернокожими, преступления маниакального типа, с сексуальным насилием, совершают преимущественно белые. Это не дискриминационное заявление, а просто статистическое наблюдение. Однако цифры для меня не абстракция. Я испытывал абсолютный ужас от того, на что способны эти злобные маньяки. Из-за таких людей я считаю, что эту высшую меру наказания необходимо сохранить.

Есть серьезный аргумент против этого: раз мы не обладаем божественной уверенностью, значит не должны брать на себя и божественную силу даровать и отнимать жизнь. Но раз только что описанные мной типы людей продолжают существовать среди нас, нам нужен эффективный способ очищения общества от них, а также способ выносить окончательное моральное суждение и его демонстрацию.

В итоге: система не идеальна и никогда не будет совершенна, несмотря на достижения в науке и любые наши усилия. Но есть определенные преступления – определенные умышленные действия людей, настолько гнусные, отвратительные и безжалостные, – что никакой другой ответ общества не может быть должным образом адресован людям, совершившим подобное.

Даже если мы когда-нибудь сможем разработать систему, которая будет с уверенностью определять, являются ли «обычные» обвиняемые в одно- или двукратном убийстве точно виновными, а также сможет с уверенностью психиатра оценивать, что они действовали по своей воле, которую не смогло полностью нейтрализовать их ужасное детство, то я буду поддерживать смертную казнь за множество умышленных убийств. А пока что я поддерживаю ее применение к тем маньякам, чья вина неоспорима, чьи намерения безошибочно доказаны, чья жестокость презренна и чьи ценности – плевок в лицо самому понятию «жизнь в цивилизованном обществе».

Седли Элли, Лоуренс Рассел Брюэр, Джон Кинг, Стивен Хейс, Джошуа Комисаржевский – если вы намерены сохранить смертную казнь для списка худших из худших, то я думаю, мы только что перечислили его представителей. И лично я, например, не желаю жить на одной земле ни с одним из этих людей.

Часть четвертая. Обвинение против гонения, или Как подобраться к правде о Рэмси

Глава 14. Рождественский кошмар

ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ:
отрицательное суждение или мнение, сформированное заранее, или без знания или изучения фактов.

Словарь английского языка American Heritage

За время своей работы я привык к тому, что мои действия критикуют, и всегда расценивал это как необходимую цену за продвижение тех идей, которые я считал верными и хотел реализовать. Но я оказался совершенно не готов к шквалу осуждения, который обрушился на меня после того, как я уже ушел из Бюро и оказался вовлеченным в дело об убийстве Джонбенет Рэмси. Меня обвиняли в предательстве, в подрыве системы правосудия, в том, что я добивался известности за счет убитого ребенка. Некоторые из моих бывших коллег из ФБР сказали, что я «перешел на темную сторону».

В деле Рэмси и в реакции на него – у многих в обществе, у СМИ и у правоохранительных органов – было продемонстрировано практически все, что мы здесь критиковали: чрезмерное доверие к статистике в ущерб специфике, впечатления и теория, стоящие превыше доказательств, а также неустанная погоня за *хорошей* историей вместо *правдивой* истории.

Даниэль Канеман, психолог из Принстона, получивший в 2002 году Нобелевскую мемориальную премию по экономическим наукам за работу над теорией перспектив, кратко изложил ее в своей блестящей книге «*Мыслить, быстро и медленно*» *(Thinking, Fast and Slow):* «*Когда люди верят в то, что вывод верен, они также очень верят аргументам, которые, как им кажется, поддерживают этот вывод, даже если эти аргументы не являются обоснованными*».

Как показывают случаи из моей книги и из книги Марка, выяснение, *кто не совершал преступления*, может оказаться столь же важным, как и определение, кто это все-таки сделал. Дело Рэмси хорошо иллюстрирует эту мысль.

По какой-то причине некоторые дела об убийствах, как мы уже видели, обретают «собственную жизнь». Что же в том конкретном случае настолько захватило воображение публики и внимание средств массовой информации? Маленькая жертва-

ангелочек? Незабываемые снимки с конкурсов, на которых она танцует тустеп в костюме пастушки со стразами, трясется и выставляет напоказ свою еще не оформившуюся фигурку, как танцовщица в миниатюрном Вегасе? Состоятельные и известные родители, поспешившие вызвать адвоката, как только дела не задались? Намек на сексуальное насилие со стороны отца и едва подавляемую ревность и насилие со стороны матери? Тот факт, что это случилось на Рождество?

Да, все вышеперечисленное и многое другое. Возможно, самый элементарный фактор заключается в том, что Джонбенет, с ее светлыми локонами, сияющими голубыми глазами и яркой личностью, стала «всеобщим» ребенком, идеализированной «маленькой девочкой, живущей по соседству». Смерть этой очаровательной, волшебной маленькой мисс напомнила всем нам об уязвимости счастья и хрупкости детства.

Об этом случае написано довольно много, поэтому нет необходимости повторять здесь все детали. Важно лишь показать моменты, когда критические ошибки суждений или интерпретаций полностью сбили расследование с пути и едва не испортили судьбу двух невиновных и скорбящих жертв.

Чтобы вы поняли мою точку зрения, мы начнем с того момента, когда в это дело включился я.

В понедельник 6 января 1997 года я находился в городе Прово, штат Юта, с шефом местной полиции по имени Грег Купер. Он был одним из лучших криминалистов моего подразделения в Куантико, и я работал с ним над подготовкой обучающего семинара для полицейских. Я завершил работу в Бюро и вышел на пенсию за полтора года до этого.

Некоторые бывшие спецагенты из моего подразделения, такие как Грег, остались служить в официальных правоохранительных органах. Ряд других присоединились к таким организациям, как Academy Group – судебно-медицинская консалтинговая и обучающая фирма, построенная вокруг ветеранов из Академии ФБР. Помимо написания книг с Марком я решил поработать в одиночку, полагая, что так у меня будет больше свободы и гибкости, чтобы расследовать, выполнять исследования и говорить при этом то, что я пожелаю. Как и все спецагенты, я построил свою карьеру в ФБР, работая в группах, посвящая большое количество времени обучению других и контролю за ними. Теперь же мне пришлась по душе идея работать самостоятельно, выбирать проекты, значимые лично для меня, как, например, данный семинар с Грегом.

Я проверил свою голосовую почту, и там оказалось

сообщение от мужчины, он представился частным детективом из Денвера по имени Х. Эллис Армистед. Он сказал, что его наняли Джон и Патриция «Пэтси» Рэмси по поводу убийства их дочери, и спросил, готов ли я оказать помощь в расследовании. Я ответил, что еще несколько дней буду находиться здесь, в Прово, но если они все еще будут не против увидеть меня неделей позже, то думаю, что смогу приехать. Как и все, я слышал об убийстве этой маленькой девочки, но за период праздников, поездок и подготовки к семинару упустил многие детали.

Позже я узнал, что к другому бывшему участнику моего подразделения они также обращались, но он отказался, исходя из своего предположения, что родители Рэмси виновны. Он не хотел работать от имени убийц. По тем отрывочным деталям, что были у всех на слуху, напрашивалась мысль, будто один или оба родителя несут ответственность за это убийство, но я не считал себя достаточно осведомленным, чтобы выносить такое суждение на основе всем известных фактов. По статистике, большинство убийств детей, происходящих в доме, совершается родителями или другими их родными и близкими; однако в нашем деле статистика – это только лишь отправная точка. Каждый случай уникален и требует отдельного рассмотрения. Кроме того, я не хотел завоевать репутацию человека, принимающего решение прежде, чем изучит все доказательства. Пока шло согласование предложенных мной условий, я ответил, что займусь этим делом.

Мне позвонил Ли Форман, член-адвокат нанятой Джоном Рэмси фирмы «Хэддон, Морган и Форман», и сказал, что я буду иметь дело с ними и перед ними отчитываться. В течение 8 января, во время перелета из Солт-Лейк-Сити в Денвер, я сделал несколько общих записей, чтобы уложить это дело в своей голове. Мне было интересно узнать следующее.

1. Основные факты по делу: кто находился в доме во время убийства, что стало причиной смерти, как было найдено тело и кем, много ли было крови, есть ли какие-либо доказательства сексуального насилия?

2. Где нашли записку с требованием выкупа и что в ней говорилось?

3. Каковы психологические профили членов семьи, есть ли у них известные враги?

4. Кто имел доступ в их дом?

5. Сколько людей знало о выступлениях этого ребенка на шоу талантов?

Прибыв в Денвер, я встретился с Ли Форманом и Брайаном Морганом в их офисах. Как частный консультант я понимал, что

правила моей работы отличаются от правил, принятых в Бюро. Там я работал только на одну «сторону», на правоохранительные органы. Я объяснил, что, как и мои клиенты из ФБР, проведу независимое изучение предоставленных мне фактов и доказательств. Что бы я ни озвучил в результате, они смогут это использовать или проигнорировать по своему усмотрению, но я не изменю своих выводов и не буду подстраиваться под чьи-либо цели или теории вокруг этого дела.

Я сказал Форману и Моргану, что они вполне могут купить мое время и опыт, и я буду докладывать им о ходе работы, поначалу устно. Если же они решат использовать полученные мной данные – хорошо. В любом случае всем участникам происходившего диалога нужно было иметь в виду, что раз я перестал быть сотрудником ФБР, то меня может вызвать повесткой в суд любая из сторон этого процесса. Если они не захотят воспользоваться этой возможностью, то я не буду выступать публично или раскрывать то, что я узнал, но оставляю за собой право высказаться относительно общедоступной информации. И в любом случае я не собираюсь скрывать или изменять какое-либо свое мнение по усмотрению клиента.

Большая часть той первой встречи оказалась посвящена тому, чтобы разубедить меня в некоторых моих предвзятых представлениях о деле, о котором я все еще знал очень мало.

Например, у меня создалось впечатление, что Джонбенет выступала как профессиональная модель, а не просто как участница детского конкурса красоты. Во-вторых, я думал, что в полицию обратились с большой задержкой. Но по факту это произошло, как только Пэтси увидела записку о выкупе внизу винтовой лестницы, несмотря на предупреждение в записке не связываться с правоохранительными органами. В-третьих, у меня сложилось впечатление, что Джон и Пэтси отказывались сотрудничать и препятствовали полиции в проведении расследования. Морган сообщил мне, что родители выразили полную готовность к сотрудничеству, охотно согласились на тщательный обыск своего дома, ответили на все вопросы и предложили свои образцы крови и почерка.

Джон и Пэтси только тогда «обратились в суд», как сказали мне адвокаты, когда заметили, что полицейское управление и окружная прокуратура города Боулдер сочли их основными подозреваемыми в убийстве.

Когда я спросил, как именно было найдено тело, адвокаты рассказали мне, что с ведома и согласия офицера полиции на месте происшествия Джон Рэмси и его близкий друг Флит Уайт

обыскали дом, и в итоге сам Джон обнаружил тело своей дочери, связанное и с кляпом во рту, на полу комнаты отдаленного подвального хранилища, которое они называли «винным погребом».

Этот факт заинтриговал меня больше, чем что-либо другое. Давний и обширный опыт работы с похищениями и убийствами детей, полученный в моем подразделении, подсказывал, что если преступление совершил член семьи, то он стремится выдать его за что-либо другое, например, похищение или кражу со взломом, или даже изнасилование. Вы не можете просто сообщить в полицию, что вашего ребенка загадочным образом убили, потому что подозрение, естественно, падет непосредственно на вас, если нет доказательств того, что кто-либо другой совершил это преступление. В результате убийца почти всегда «устраивает» дело таким образом, что тело обнаруживает кто-нибудь еще. В таком случае Джон Рэмси мог легко предложить Флиту Уайту осмотреть винный погреб, но вместо этого он сам провел этот осмотр.

Когда тело обнаружили, вокруг торса девочки было обернуто одеяло, но руки и ноги торчали наружу. Это тоже показалось мне непохожим на убийство от рук родителей. Обычно, когда родитель убивает своего ребенка, он старается позаботиться о том, чтобы прикрыть тело и сделать его вид достойным и защищенным. Иногда мы называем это «смягчением» внешнего вида, в котором найдут тело. Независимо от того, какой ты родитель, трудно убить своего ребенка без чувства вины или раскаяния.

Крови почти не оказалось на всем участке, вошедшем в развернутый план места убийства – начиная со спальни Джонбенет на втором этаже, потом вниз по круговой лестнице на кухню, затем вниз по еще одной лестнице на цокольную площадку, через котельную и в винный погреб. Немного крови оказалось на трусиках в ее промежности, там же обнаружилось еще одно пятно, по словам адвокатов, оно оказалось спермой. Если это сперма и соответствует ДНК Джона Рэмси, тогда все произошло именно так.

Однако я сомневался, что это сперма – Джона или кого-то еще, – и я написал это в своих заметках, которые вел в то время. Джонбенет нанесли большую травму головы тупым предметом, и наш коллективный опыт подсказывал, что преступнику, который склонен к изнасилованию половым членом, не свойственны такая ярость и агрессия. Другой формы жестокого сексуального обращения – с помощью пальца или постороннего предмета – стоило бы ожидать, если бы убийца хотел показать свое

презрение или ощутить чувство контроля, именно об этом, как я полагал, свидетельствовала кровь на трусиках. Речь шла о гневе и возмездии, которое было направлено, вероятно, против Джона и просто перенесено на его невинную и беззащитную дочь. Но это не похоже на результат действий человека, одержимого сексом с маленькой девочкой.

Позже мы узнаем про ошибочность отчета о семенной жидкости.

Вечером в день моего прибытия Брайан Морган и Эллис Армистед привели меня в дом Рэмси в городе Боулдер. Район был явно респектабельный, из тех, на которые бы нацелился опытный грабитель. Мне также сказали, что дом недавно поучаствовал в благотворительном туре открытых дверей, а это является самым простым способом для злоумышленников выбрать себе потенциальные цели. Мне не понравилось, что кто-то подобным образом мог узнать планировку места. И не понравилось, что, хотя в доме имелась работающая система сигнализации, Рэмси прекратили ее использовать, потому что Джонбенет и ее девятилетний брат Берк все время случайно ее включали.

Дом построили сами Рэмси, у него необычная планировка, и это наводит на мысль: кем бы ни был убийца, он, вероятно, знаком с интерьером, что давало ему свободу маневра: он мог исследовать окрестности, войти в спальню Джонбенет и в итоге найти винный погреб.

Я поставил несколько экспериментов, чтобы выяснить, что слышно в родительской спальне на третьем этаже из другого места в доме. Услышать можно было немного. С другой стороны, учитывая сложную планировку дома и местонахождение тела, это преступление было выполнено с высокой степенью риска для преступника. Если бы он промедлил, находясь в винном погребе, у него бы не осталось возможности выйти из дома. Он оказался бы в ловушке.

Также на первом этаже находилось около шести входных дверей и балкон рядом с комнатой Джонбенет, не составило бы труда дотянуться до стремянки или залезть на мусорный бак. Итак, насколько можно судить по планировке дома, преступление могло быть совершено как знакомым семьи, так и злоумышленником-грабителем.

На следующий день я встретился с обоими Рэмси в кабинете фирмы «Хэддон, Морган и Форман». Сначала я попросил возможности пообщаться с Джоном Рэмси наедине. Он выглядел грустным и подавленным, что неудивительно. Пятью годами ранее его старшая дочь от первого брака, Элизабет («Бет»),

погибла в автомобильной катастрофе в Чикаго вместе со своим другом Мэттом Даррингтоном. Бет было 22 года, и Джон тогда погрузился в длительный траур. Вот почему я заметил в его доме книги о скорби и утрате. И примерно через два года после аварии у Пэтси диагностировали рак яичника третьей стадии, вскоре перешедший в четвертую. Она пережила месяцы строгого и изнурительного лечения в Национальном институте рака в городе Бетесда, штат Мэриленд. В тот период, когда состоялся наш разговор, у нее была ремиссия от этого призрака смерти. (К сожалению, рак в конце концов снова обострился, и она скончалась в 2006 году.)

Джон руководил компанией по распространению компьютеров в Атланте под названием Microsouth. Он был разведенным мужчиной со взрослыми детьми, когда познакомился с Патрицией По, и они поженились. Отец Пэтси, Дональд, бывший член Союза исполнительных директоров Carbide, работал в компании Джона. Их компания слилась с двумя другими, образовав Access Graphics. Джон переехал с Пэтси, сыном Берком, дочерью Джонбенет и тестем Дональдом в Колорадо, чтобы стать исполнительным директором. Компания достигла миллиарда долларов в годовом объеме продаж, и ее купил концерн Lockheed Martin. Джон остался начальником. На тот момент он и Пэтси прожили в браке уже шестнадцать лет.

Джон провел меня через весь рождественский день: дети рано проснулись и поспешили открыть подарки, пока он и Пэтси фотографировали их. Ужин всей семьи начался в 16:00 в доме Флита и Присциллы Уайт, в шести кварталах от дома Рэмси. Еще случились две короткие остановки для обмена подарками с другими друзьями. Потом они вернулись домой, где он отнес спящую Джонбенет наверх в спальню, поиграл с Берком и поставил будильник на 5:30. Супруги собирались забрать двух старших детей Джона и его будущего зятя в аэропорту, а те намеревались присоединиться к ним в семейной поездке в Мичиган. После этого супруги Рэмси планировали отправиться во Флориду с Берком и Джонбенет, совершив круиз на *Большой красной лодке* Диснея. Джон описал весь ужас и панику, которые вызвало у него обнаружение записки с требованием выкупа, упомянул о прибытии офицера Рика Френча. Затем откликнулись другие сотрудники полиции, а также Уайты и прочие друзья семьи, Джон и Барбара Ферни, которые приехали к ним домой. Затем Джон вспомнил, как нашел тело Джонбенет, сорвал черную клейкую ленту, закрывавшую ее рот, и отнес тело наверх в гостиную.

Эта деталь интересовала меня не меньше, чем то, как Джон

нашел тело. Если бы он сам или они вместе с Пэтси убили свою дочь, а затем инсценировали это как другое преступление, то зачем ему *разрушать эту картину* до того, как ее увидят власти? Он не только сорвал изоленту, он изо всех сил пытался ослабить шнур, связывающий запястья дочери.

Чем больше я узнавал об этом деле и главных подозреваемых, тем меньше мне хотелось придерживаться полицейской теории.

Примерно через два часа нашего разговора Джон Рэмси извинился и вышел в туалет. Я повернулся к Брайану Моргану и сказал: «Я ему верю».

«Боже мой, какое облегчение!» – ответил Морган.

Личная беседа не расскажет вам всего, что вы хотите узнать о человеке, но если бы успели поговорить со столькими подозреваемыми и осужденными, сколько успел я за годы работы – разбираясь столь же глубоко, как приходилось мне, – то вы довольно хорошо бы представляли, когда вам говорят правду, а когда – *всю правду целиком*. Иногда это можно понять по особенностям речи и колебаний, иногда – по языку тела, а иногда – просто по взгляду в их глаза. На самом деле, когда звучат вопросы о наших родительских навыках, большинство моих сотрудников из ФБР и коллеги-детективы признают, что мы, скорее всего, не лучше других мам и пап в воспитании наших детей, однако мы на целую голову выше их, когда задаем вопросы. Обычно мы можем довольно быстро добраться до правды в разговоре с нашими детьми и их друзьями.

«Посмотри мне в глаза и расскажи», – этой фразы обычно хватает, чтобы заставить подростка вам исповедоваться, а наши дочери-подростки часто жалуются, что их ровесники не имеют против нас шансов на вранье.

Что касается Джона Рэмси, то я не увидел никаких признаков, что он врет или недоговаривает, или что его откровенное горе не вполне искренно. Особенно в свете его реакции на смерть Бет мне казалось невероятным, что он мог принять участие в убийстве Джонбенет путем удушения или травмы тупым предметом, или даже прикрыть такое преступление со стороны его жены, не проговорясь в долгом разговоре со мной.

Кроме того, имейте в виду, что этот человек не привык лгать, как обычный преступник. Если бы он тогда пытался прибегнуть ко лжи о столь чудовищном случае, как убийство его дочери, то, вероятно, допустил бы в своей речи ряд «подсказок», хорошо заметных любому опытному следователю. Этого не случилось.

Я знаю: то, о чем я только что сказал, не является прямым доказательством чего-либо, однако та беседа стала для меня

переломным моментом. Когда у хорошего и ответственного следователя есть информированное мнение по делу, он или она постарается найти как можно больше противоположных доказательств и логических связей, насколько это возможно. То есть я исходил из предположения, что родители, вероятно, виноваты, а поэтому искал что-нибудь, способное доказать мне обратное. Теперь, когда я подумал, что они, вероятно, невиновны, то начал искать доказательства, которые помогли бы мне убедиться в том, что я ошибся с выводом.

Брайан Морган спросил, буду ли я участвовать в запланированной на середину дня встрече с Томом Коби, шефом полиции Боулдера, и другими людьми, непосредственно связанными с этим делом. Я согласился.

Встретили они меня достаточно сердечно, но полиция, похоже, мало интересовалась моими умозаключениями. Несколько раз шеф Коби выходил, оставляя за главного Джона Эллера, начальника детективного подразделения. Эллер, похоже, не хотел, чтобы его беспокоило любое внешнее влияние. Это мое предположение подтвердилось, когда он остался безразличен к моему предложению о том, чтобы полиция Боулдера связалась с Роном Уокером, специальным агентом полевого офиса ФБР в Денвере. Я не ставил перед собой цель раздробить расследование этого дела и привлечь еще больше людей. Хотя я работал с адвокатами Рэмси, единственное, что меня действительно волновало, так это то, чтобы дело раскрыли, и убийца маленькой девочки предстал перед судом. Я думал, что подключение Рона Уокера придаст работе полиции необходимый импульс.

Рон был моим давним коллегой и, по сути, спас мне жизнь. В декабре 1983 года, в период сильнейшего профессионального и личного стресса, я находился в Сиэтле, работая по делу «Убийцы с Грин-Ривер». После общения с полицейскими и региональной целевой группой я плохо себя почувствовал и попросил двух молодых агентов, работавших со мной, Рона Уокера и Блейна Макилвейна, прикрыть меня в работе с полицией в четверг. Я пошел в свою комнату в отеле Hilton, повесил табличку НЕ БЕСПОКОИТЬ и лег спать, надеясь отоспаться.

Когда я не пришел к завтраку в пятницу и не ответил на звонки агентов, они потребовали у менеджера ключ от номера. Они открыли замок, но там оказалась закрытой дверная цепочка. Недолго думая, они взломали дверь. Они нашли меня на полу в коматозном состоянии и на грани смерти. Оказалось, что я заразился вирусным энцефалитом. Несколько раз на той неделе в шведской больнице я чуть не умер. Я не мог вернуться к работе

до мая следующего года, и последствия болезни не прошли до сих пор.

Я не связывался с Роном и не разговаривал с ним о деле Рэмси, но думал, что его вклад может оказаться чрезвычайно ценным. В медицине мы используем аналогию с редкими или необычными заболеваниями. Допустим, у вас обычное заболевание. Лечащий врач – высококвалифицированный и эффективный специалист общего профиля – хорошо знает вашу ситуацию и историю, он способен оказать вам превосходную медицинскую помощь. Но если ему или ей преподносят то, что происходит только раз в пару лет или, возможно, никогда раньше не происходило, стандартная забота заключается в привлечении специалиста по этой конкретной узкой дисциплине. Если вам нужна сложная операция на сердце, вы захотите привлечь высококвалифицированного кардиохирурга.

Таким же образом, большинство правоохранительных органов низшего и среднего уровня не занимаются многими убийствами, особенно теми, которые связаны с похищениями людей и сексуальным насилием. Но мы в Отделе поведенческой науки и те, кого мы обучили, являемся специалистами по таким делам. Мы сталкиваемся с такими случаями каждый день. Мы знаем, как их исследовать. Мы знаем, как уберечь эти расследования от того, чтобы они увязли, сбились с пути или оказались серьезным образом скомпрометированы.

Если бы тело не нашли и дело по-прежнему классифицировалось как похищение, то Федеральный закон о похищении людей 1932 года вступил бы в силу, и ФБР получило бы преимущественную юрисдикцию. Этот статут, неофициально известный как «Закон Линдберга», приняли после похищения маленького сына Чарльза и Анны Морроу Линдберг из их дома в городе Хопуэлл, штат Нью-Джерси. Это означает, что по прошествии суток существует юридическая презумпция того, что похититель пересек границу штата. Таким образом, происшествие становится федеральным, а не местным преступлением. Но как только тело обнаружено, то речь идет об убийстве, а убийство – уже дело штата. Только в случае запроса ФБР или другое федеральное агентство может вмешаться в такое дело.

В Боулдере в среднем совершалось всего одно убийство в год, и поэтому там даже не было специального штата детективов такого профиля. Хотя полицейское управление все-таки получило некоторую информацию от Рона Уокера и ФБР, а также предложения от полицейского управления Денвера и Бюро расследований Колорадо, его сотрудники, по сути, решили действовать в одиночку. Обычно небольшой отдел делает так,

когда есть уверенность в том, что подозреваемый уже находится в центре внимания.

На мой взгляд, в этом заключалась их первая критическая ошибка.

В 9:00 пятницы мы с Брайаном Морганом встретились с детективами Стивом Томасом и Томасом Трухильо в комнате для допросов полицейского управления. Томас и Морган согласились, что нам не поможет враждебность, и мы будем обмениваться информацией. Мы встретились, чтобы увидеть, могу ли я предложить что-нибудь полезное детективам по проведению расследования.

Я сказал им, что после осмотра дома убедился в следующем: неизвестный субъект бывал в нем раньше и знал дорогу к дому. Иначе преступление стало бы слишком рискованным, чтобы почувствовать уверенность в возможности его совершить. Я сказал им, что, по моим ощущениям, это, в первую очередь, убийство по личным мотивам, направленное против Джона Рэмси, и это подтверждается степенью обнаруженных излишеств.

Я сказал, что, скорее всего, преступник действовал один, потому что двое или больше смогли бы контролировать ребенка, и план бы не провалился, как это произошло в реальности.

Как только девочка умерла, преступник быстро накрыл ее и оставил там, где она находилась, наполовину прикрыв одеялом. Это также свидетельствует против убийства родителями. Не видно никакой заботы о теле, что почти всегда налицо, когда ребенка убивает его родитель.

Наиболее плодотворным направлением расследования, по моему мнению, стал бы для начала осмотр всех, кто мог иметь доступ в дом, – включая уборщиков и вплоть до сотрудников компании Джона. Преступление продемонстрировало сокрушительную ярость. Кто может испытывать такой гнев по отношению к Джону или ко всей его семье?

Я дал им несколько советов по проведению допроса, но не буду их здесь разглашать, потому что они могут быть использованы в самых разных случаях. Я также сказал, что будет полезно, если шеф полиции опишет поведение после правонарушения, которое мы ожидали, и попросит любого, кто заметил признаки такого поведения в своем друге, члене семьи или знакомом, связаться со следователями. Несомненно, неизвестный субъект будет внимательно следить за освещением преступления в средствах массовой информации; и чем больше напряжения и беспокойства вы вызовете в нем, тем лучше.

Глава 15. Что мы знаем и как мы это узнаём

Исходя из описанного ранее, давайте проанализируем дело точно так же, как и я, элемент за элементом. Это факторы, которые повлияли на развитие дела и что-то в нем изменили. Если по пути мы обнаружим не вписывающиеся в картину преступления детали, то мы постараемся разобраться с ними по мере их появления.

Звонок в службу 911 и записка о выкупе

В 5:52 утра 26 декабря 1996 года полицейский диспетчер в городе Боулдер, штат Колорадо, принял следующий звонок от Патрисии Энн Рэмси:

Пэтси Рэмси: (неразборчиво) Полиция.

Диспетчер: (неразборчиво)

Пэтси Рэмси: 755, Пятнадцатая улица.

Диспетчер: Что у вас происходит, мэм?

Пэтси Рэмси: У нас похищение. Поторопитесь, пожалуйста.

Диспетчер: Объясните мне, что происходит, хорошо?

Пэтси Рэмси: У нас есть… Осталась записка, а наша дочь пропала.

Диспетчер: Осталась записка, а ваша дочь пропала?

Пэтси Рэмси: Да.

Диспетчер: Сколько лет вашей дочери?

Пэтси Рэмси: Ей шесть лет. Светлые волосы… возраст шесть лет.

Диспетчер: Как давно это случилось?

Пэтси Рэмси: Не знаю. Я только что нашла записку о моей дочери (неразборчиво).

Диспетчер: Там сказано, кто ее забрал?

Пэтси Рэмси: Нет, я не знаю… Это… записка о выкупе.

Диспетчер: О выкупе?

Пэтси Рэмси: Там написано: «S.B.T.C. Победа». Прошу вас…

Диспетчер: Хорошо, как вас зовут? Вы…?

Пэтси Рэмси: Пэтси Рэмси. Я ее мать. Боже мой, пожалуйста…

Диспетчер: Я… Хорошо, я пришлю сотрудника, ладно?

Пэтси Рэмси: Пожалуйста.

Диспетчер: Вы знаете, как давно она пропала?

Пэтси Рэмси: Нет, не знаю. Прошу вас, мы только что встали, а ее здесь нет. Боже мой, пожалуйста.

Диспетчер: Хорошо.

Пэтси Рэмси: Прошу вас, пришлите кого-нибудь.

Диспетчер: Конечно пришлю, не волнуйтесь.

Пэтси Рэмси: Пожалуйста.

Диспетчер: Сделайте глубокий вдох (неразборчиво).

Пэтси Рэмси: Поторопитесь, поспешите, поспешите (неразборчиво).

Диспетчер: Пэтси? Пэтси? Пэтси? Пэтси? Пэтси?

Что мы можем узнать из этого звонка?

Ну, во-первых, понятно, что звонившая очень расстроена и взволнована. Но это само по себе ничего не говорит нам о ее возможном участии в преступлении или его инсценировке. Для этого мы должны перейти на более глубокий уровень, который мы при составлении профиля называем «психолингвистическим анализом» – это фактический выбор и использование слов.

Первое, что мы замечаем: она дает диспетчеру разрозненные, случайные фрагменты информации, которые не имеют смысла вне контекста, например: «там написано „S.B.T.C. Победа“», как будто она просто просматривает место происшествия в первый или второй раз, открывая в нем новые элементы. Она объявляет о похищении, но не сразу сообщает полезные факты. Ее приходится подталкивать к информации, но речь остается бессвязной: «Ей шесть лет. Светлые волосы… возраст шесть лет». Она пытается выложить все как можно быстрее, а не в обдуманном последовательном повествовании.

Если бы Пэтси написала записку сама, как решили многие следователи и большая часть публики, то по телефону она говорила бы более четко. Информация доносилась бы более последовательно, Пэтси бы предоставила лучшее и более организованное описание своей дочери. Здесь она даже не называет имя дочери, а это основная часть информации.

Удивительно, но сильное эмоциональное потрясение крайне сложно подделать. Попробуйте как-нибудь в беседе с другом, если вы мне не верите, и увидите, насколько фальшиво и отрепетированно будет звучать ваша речь.

Офицер Рик Френч прибыл через несколько минут к красному

кирпичному дому в стиле Тюдоров в фешенебельном районе Юниверсити-Хилл, где его встретила Пэтси Рэмси. Через три дня ей исполнялось 40 лет. Она выглядела явно взволнованной и растерянной. Ее муж, 53-летний Джон Беннетт Рэмси, вышел в коридор. Он выглядел напряженным, но держал себя в руках.

Пэтси сказала, что спустилась из спальни на третьем этаже примерно в 5:45 утра, чтобы разбудить шестилетнюю Джонбенет и девятилетнего Берка и подготовить их к полету на частном самолете в их загородный дом в городе Шарлевой, штат Мичиган. Когда она вошла в комнату Джонбенет, там было пусто. В поисках дочери она спустилась по винтовой лестнице на второй этаж. На одной из нижних ступенек она нашла три листа линованной белой бумаги, лежащих рядом. На них была написана, ставшая теперь знаменитой, записка о выкупе.

Написанная черным фломастером, записка выглядела так, будто писавший очень нервничал или пытался изменить свой почерк.

Записка была написана бессвязно, слова не везде согласованы, адресована мистеру Рэмси, а отправили ее некие S.B.T.C., якобы *группа лиц, представляющих небольшую иностранную фракцию.* Они заявляли, что у них его дочь «*безопасная*» и «*невредимый*» [*оригинал пестрил ошибками*], и просили 118 тысяч долларов сотнями и двадцатками. Там были все обычные угрозы о невмешательстве полиции или ФБР, они предупреждали: *[Мы] знакомы с контрмерами и тактикой правоохранительных органов. У вас 99 % шансов убить свою дочь, если вы попытаетесь перехитрить нас. Следуйте нашим инструкциям, и у вас будет 100 % шансов вернуть ее.*

Если оценивать ее по стандартам формулирования записок о выкупе, то она очень своеобразна. Сначала я предложил адвокатам Рэмси и полиции свою версию, что неизвестный субъект – это белый мужчина в возрасте от тридцати до сорока пяти лет. Но когда у меня появилась возможность внимательно изучить записку, я исправил возраст, предположив меньшее число. Это то, что мы называем смешанным представлением – оно содержит в себе как организованные, так и неорганизованные элементы – и обычно предполагает автора более молодого и менее искушенного преступника.

То же самое и с требуемой суммой денег: 118 тысяч долларов. Обычно мы ожидаем увидеть гораздо большую сумму, запрошенную у кого-то с реальным или предполагаемым богатством Рэмси, поэтому полиция правильно зафиксировала сумму как ключ к разгадке.

Есть несколько возможных объяснений этой суммы. Во-

первых, это составляет один миллион мексиканских песо по тогдашнему обменному курсу, и это позволяет предположить, будто злоумышленник или злоумышленники планировали бежать в Мексику. Более распространенная теория заключается в том, что подразумевалась сумма денег, полученная Джоном Рэмси в качестве бонуса за выступление. Если это правда, то преступник обладает знанием таких личных подробностей. Полицейское управление Боулдера определило Пэтси как единственную, кто мог бы знать подобную информацию.

Я не согласился с этим объяснением. Мне сказали, что сумма была указана в нескольких документах, включая налоговую декларацию, которая находилась в доме, и некоторые люди из его компании могли знать об этой сумме. Более того, учитывая, что Рэмси не слишком активно занимались домом и позволяли разным вещам валяться везде, то более чем возможно, что кто-либо в доме мог увидеть корешок квитанции и заключить, что у хозяина такая сумма, по крайней мере, наличными. В записке не говорилось просто «принесите нам эти деньги». Там предписывалось мистеру Рэмси «снять 118 тысяч долларов *с вашего счета*» (курсив добавлен автором, чтобы выделить определенные фрагменты). Опять же, это подчеркивает возможность того, что автор записки был кем-то из близкого круга, либо благодаря бизнесу, либо благодаря простому наблюдению.

Также возможно, исходя из моего опыта, что это просто отвлекающий маневр, случайное число, названное наугад – хотя тогда я так не думал и до сих пор не думаю. Но некруглая сумма – определенно свидетельство того, что если это преступное предприятие – другими словами, преступление, совершенное в основном с целью получения прибыли или организованное с целью *создать видимость похищения,* значит, это дело рук более молодого или неискушенного в преступных делах человека.

Сама записка нам это подтверждает. Вспомните, что мы говорили о *modus operandi* (MO), сравнивая его с почерком злоумышленника. Чтобы попытаться завершить успешное преступное предприятие, похитителю нужно только сказать, как много он хочет, в какой форме и как это должно быть доставлено. Дальше они добавляют все эти декоративные требования: не контактировать с полицией или ФБР, не наблюдать за местом сброса выкупа, этому почти никто не следует. Даже похититель не ожидает, что вы выполните эту часть условий.

Такая же двусмысленность наблюдается и в подписи: S.B.T.C. Кое-кто предположил, что это была внутренняя отсылка на военно-морскую службу Джона Рэмси на Филиппинах и

расшифровывалась как «Учебный центр Субик-Бей», хотя учреждения с таким специфическим именем не существует. Другие, ссылаясь на религиозность Пэтси, думали, что это означает «Спасенная крестом» (Saved By the Cross) и относится к ее ремиссии рака. «Победа» означала победу над сатаной. Это трудно согласовать с предполагаемой инсценировкой другого преступления, если не считать убийство своего рода ритуальным жертвоприношением со стороны Пэтси. Однако чтобы поверить в это, вы должны предположить, что она совершенно сумасшедшая, – эта гипотеза не имела абсолютно никаких доказательств.

Кто бы знал, что означает S.B.T.C.? Конечно, неплохо бы выяснить, но это может и не иметь никакого значения. В любом сложном случае всегда есть аномалии – детали, которые не складываются в картину. Люди потратили бесконечные часы на обсуждение этого вопроса, но мы, возможно, никогда не узнаем истину.

Однако это еще не все. Называть себя во множественном числе – стандартный прием; вы хотите, чтобы ваши жертвы почувствовали, что вас много и вы более могущественны, чем на самом деле. Объявление себя «иностранной фракцией» делает вас еще страшнее и загадочнее.

Как мы уже говорили, в записке были перечислены все стандартные предупреждения, но в насмешливой и повторяющейся манере, очевидно, чтобы поднять уровень страданий Джона Рэмси до максимума. Также обратите внимание на непреднамеренный переход от множественного числа к единственному в этих замечаниях:

> **Любое отклонение от моих указаний приведет к немедленной казни вашей дочери. Вам также будет отказано в получении ее останков для надлежащего захоронения. Два джентльмена, присматривающие за вашей дочерью, не особо любят тебя, так что советую не провоцировать их. Разговор с кем угодно о вашей ситуации, например, с полицией, ФБР и т. д., приведет к обезглавливанию вашей дочери. Если мы тебя поймаем разговаривающим с легавыми, она умрет. Если вы предупредите руководство банка, она умрет. Если деньги каким-либо образом будут помечены или подделаны, она умрет. Вас просканируют на предмет электронных устройств, и если они найдутся, она умрет.**

Автор продолжает. *Не пытайся умничать, Джон. Ты не*

единственный толстосум в округе, так что не думай, что убить будет сложно. Не стоит недооценивать нас, Джон. Используй свой добрый южный здравый смысл.

Эта ссылка на южное происхождение Джона также указывает на кого-то, кто либо хорошо его знает, либо много знает о нем.

Тут есть и ряд ссылок на современные фильмы, например, фраза «*Не пытайся умничать, Джон*». Кажется, это взято из фильма «*Скорость*», триллера Сандры Баллок и Киану Ривза, где вымогатель Деннис Хоппер говорит на видео: «Вы знаете, что я круче вас. Не пытайтесь умничать».

«*Разговор с кем угодно о вашей ситуации, например, с полицией, ФБР, и т. д., приведет к обезглавливанию вашей дочери*» – это из фильма Мела Гибсона и Рене Руссо «*Выкуп*», который шел тогда в кинотеатрах. Похититель и подкупленный полицейский Гэри Синиз предупреждает: «Не привлекайте полицию или ФБР. Если вы это сделаете, я убью его».

Любопытно и то, как начинается записка: «*Слушай внимательно!*», что легко могло произойти из бессмертного фильма «*Грязный Гарри*» с Клинтом Иствудом.

Может быть, все это совпадения, но когда рядом звучат сразу три такие фразы, для меня это выглядит как закономерность. Я не думаю, что Джон или Пэтси обязательно узнали эти ссылки; и даже если допустить, что они сидели в состоянии дикого стресса, пытаясь придумать, как, по их мнению, должна выглядеть записка с требованием выкупа, вряд ли они бы смогли вспомнить все эти отсылки. Так что это тоже заставило меня думать о более молодом преступнике.

В одной вещи я был абсолютно уверен, как только увидел записку и узнал об обстоятельствах ее появления. Записка была написана *перед убийством*, а не после, как предполагают некоторые, в качестве поспешной и отчаянной попытки инсценировать другое преступление. Ни у кого не нашлось бы такого терпения, смелости и присутствия духа, чтобы потом сесть и написать это в доме. Сам язык письма кажется более подходящим для мужчины, чем для женщины.

В свое время я видел много записок о выкупе, и эта явно попадает в одну из двух возможных категорий. Первая заключается в том, что это настоящая записка с требованием выкупа с целью вымогательства денег у Джона Рэмси. Вторая – это часть тщательно продуманной постановки, чтобы увести следователей от подлинного умышленного преступления, то есть убийства ребенка по какой-либо причине.

Если мы примем первое намерение за истину, то мы должны сделать вывод, что это убийство непреднамеренное, по крайней

мере, изначально. И тогда мы можем в своих предположениях шагнуть дальше: контролировать шестилетнего ребенка оказалось труднее, чем предполагалось, поэтому девочку случайно убили при попытке усмирить ее, или что какая-то сексуальная извращенность или парафилия привели неизвестного субъекта к какому-то знаковому поведению – например, аутоэротическое удушье – и это закончилось смертью жертвы.

Если предположить реалистичным второй сценарий, то каковы возможные причины для постановки? Наиболее разумные из них связаны с попыткой сделать так, чтобы смерть этого ребенка выглядела, будто это произошло по причинам, отличным от реальных. У кого будет мотив для подобных действий?

Мы можем привести множество надуманных сценариев, где злоумышленник инсценирует преступление, выдавая то, что на самом деле, за нечто другое. Авторы детективов и криминальных сериалов любят такие упражнения. Но в реальной жизни этого не происходит. Собственно говоря, если бы преступление было инсценировано таким образом, чтобы выглядеть попыткой похищения, хотя на самом деле происходило нечто иное, то в этом практически непременно участвовали бы родители или еще кто-то в доме. Ни у кого другого не было бы разумных мотивов направлять расследование в другое русло.

Но психолингвистика указывает куда-то в сторону от матери Джонбенет. Мама, находящаяся в таком стрессе, не станет думать о смерти дочери как о «казни». Если бы она пыталась отправить сообщение Джону – другими словами, чтобы «прицепиться к нему» за какие-то реальные или воображаемые домашние оскорбления, – то вполне возможно, что она могла бы угрожать ему смертью любимого ребенка. Однако почти невероятно, чтобы она стала говорить о том, что дочь останется без надлежащего захоронения. Для нее слишком больно было бы даже подумать об этом.

Аналогично я отношусь к таким словам, как «обезглавлена». Независимо от мотивов, кажется маловероятным, что родителям в голову могло прийти отрезать голову своему ребенку или даже использовать такой относительно архаичный термин. Когда мы с Марком обсуждали записку с некоторыми следователями, нанятыми Рэмси, то Марк предположил, что текст мог написать подросток, насмотревшийся сериала про *Геракла* или «*Зену – королеву воинов*», либо играющий в Dungeons & Dragons, что снова указывает на более молодого преступника.

Если бы Пэтси на самом деле пыталась отомстить Джону при помощи этой записки и самого преступления, то ожидалось бы, что ее поведение после совершения преступления будет

выглядеть последовательно в самых разных аспектах. Но нет абсолютно никаких доказательств, что она сделала это, ни в записке, ни в том, как девочка была убита. Да, можно предположить, что настоящее убийство вырвало ее из соответствующего образа мыслей и заставило опасаться за свою безопасность, но теперь мы снова попадаем в эти логические стереотипы.

Я также считаю важным, что, как бы яростно и подробно ни выглядела записка, пестрящая ссылками на все ужасные вещи, которые хочет автор сделать с маленькой девочкой, *нигде* эта девочка не упоминается по имени. Возможно, автор записки не знал, как ее зовут или не знал, как пишется это имя, взятое по имени ее отца.

Если один из родителей убил ребенка, ни намеренно, ни случайно, то разыгранная сцена поможет им отвлечь от себя внимание. В семейных убийствах мы часто такое видим. Но остается вопрос: *зачем?*

Вскоре стало ясно, откуда взялся материал для записки о выкупе. В день после убийства детектив Томас Трухильо пришел с бланком согласия на обыск. Джон подписал его без вопросов. Полиция попросила обоих Рэмси предоставить образцы крови, волос и биологических образцов. Они охотно подчинились. Их также просили дать образцы почерка, чтобы сверить его с запиской о выкупе. Джон дал им два белых блокнотика для записей. Один с кухонной столешницы с заметками Пэтси, списками покупок и прочими каракулями. Другой со стола в коридоре возле винтовой лестницы, с исписанными рукой Джона страницами. Сержант Роберт Уитсон пометил эти вещи как «Джон» и «Пэтси» и передал детективу Джеффу Киткарту, эксперту по подделкам и мошенничеству.

Изучая блокноты, Киткарт заметил что-то, написанное в середине планшета Пэтси. Вверху страницы тем же черным фломастером кто-то написал: «Мистер и миссис». А потом вниз шла линия, похожая на начало заглавной буквы R, если ее завершить. Эксперт пришел к выводу, что это первый набросок записки с требованием выкупа, и что автор впоследствии решил адресовать записку только мистеру Рэмси.

Это стало критически важным открытием. Оно означало либо то, что злоумышленник или злоумышленники находились в доме в течение значительного периода времени, либо что Джонбенет была убита кем-то, кто, как известно, находился в доме, – это ее мать, отец или девятилетний брат Берк.

Возникает неизбежный вопрос: если это не тот, кто жил в

доме, зачем злоумышленнику ждать, чтобы написать запутанную записку в доме и на бумаге, которую он там нашел? Я не думаю, что мы отыщем идеальный ответ. В этом поиске не больше смысла, чем в самой записке о выкупе. Можно предположить, что злоумышленник был молод и бесхитростен, и поэтому не подумал взять с собой записку. Возможно, у него был какой-то вариант в уме, но оказавшись один в доме, он решил написать еще лучше, тем более что готовый материал попался под руку. Может быть, он хотел вовлечь родителей, используя их собственный блокнот. Или он, возможно, хотел показать, какой он смелый. Или, возможно, ничего из этого не было. Но делает ли это более вероятным предположение о том, что записку написали либо Джон, либо Пэтси?

Полицейское управление Боулдера пригласило четырех экспертов для изучения записки и сопоставления ее с образцами почерка Джона и Пэтси. Все четыре исключили Джона как ее автора. Трое из четырех отвергли Пэтси; четвертый сказал, что он не думает, будто это ее почерк, но наверняка сказать не может. Это и стало источником для мифа о том, что почерк Пэтси совпал с запиской.

Указывает ли записка на то, что все началось как похищение для выкупа, или же записка просто отвлекала внимание от истинной цели – в любом случае неизвестный субъект планировал вынести жертву из дома. Не было никакого смысла в этой вычурной записке, если бы изначально предполагалось, что кто-то в доме найдет тело девочки в подвале.

Так что опять мы возвращаемся к вопросу: *зачем Пэтси это делать?*

Еще одним популярным в то время фильмом был «*Джерри Магуайер*». Большинство из нас помнят классическую строчку оттуда, когда Куба Гудинг-младший говорит Тому Крузу: «Покажи мне деньги!»

Мы работаем по схожей мантре: *Покажи мне мотив!* Сохраним в уме все другие факты и свидетельства, в то время как пытаемся выполнить это требование.

Люди в доме

Как только стало известно, что Джонбенет пропала, друзья и сторонники семьи начали прибывать в дом вместе с растущим числом сотрудников правоохранительных органов. Помимо офицера Рика Френча и друзей Рэмси Флит и Присциллы Уайт, а также Джона и Барбары Ферни, туда прибыл сержант Пол

Райхенбах. Он попросил телефонную компанию установить жучок, чтобы проследить за линией Рэмси, и дал приказ прекратить переговоры полицейских по рации, касающиеся преступления, на случай, если похититель прослушивает полицейскую волну. Оба эти решения были правильными.

Флит Уайт хотел помочь, поэтому сам начал поиск по всему дому. В подвале он обнаружил маленькое разбитое окно. Если бы Джон Рэмси намеревался отвлечь внимание от себя и Пэтси, то тут он получил бы прекрасную возможность отвертеться. Вместо этого он объяснил, что несколько месяцев назад вернулся домой без ключа и сам разбил окно, чтобы войти.

Незадолго до 8:00 Берк проснулся. Джон и Пэтси рассказали ему о пропаже сестры, одели его, а затем отправили в дом Уайтов, чтобы он не присутствовал во время напряженной сцены. Сразу после этого сержант Уитсон связался с Джоном Эллером, главой детективного отдела в полицейском управлении. Эллер находился в отпуске во Флориде со своей семьей, но вскоре детективы Линда Арндт и Фред Паттерсон прибыли на место происшествия, быстро ознакомившись с деталями дела, выясненными к этому моменту.

Арндт старалась по возможности успокоить Пэтси и всех собравшихся. В отчетах говорится, что она отнеслась к обоим родителям с огромным состраданием. Она репетировала с Джоном, что ему делать, если позвонит похититель. Важнее всего в этом случае было заставить похитителя разговаривать по телефону как можно дольше, чтобы отследить звонок.

К этому моменту, хотя никто не был намерен совершать ошибки, расследование уже оказалось скомпрометировано до критической степени. Насколько могла судить полиция, это было похищение, и поэтому местом преступления являлся весь дом. И при этом здесь, в данной ситуации, все эти люди оставались в доме, блуждали повсюду, вели самостоятельные поиски, затаптывали любые доказательства, которые могли оказаться полезными для идентификации злоумышленника или злоумышленников. Полиция еще не обратила пристального внимания на Джона и Пэтси. Как только место преступления было таким образом потревожено, мелкие и неуловимые улики исчезли навсегда.

Я уверен, что полиция преследовала те же интересы, что и Рэмси, когда позволила Берку уйти из дома в незащищенное место, чтоб не доставлять мальчику лишних страданий и стресса, в то время как неизвестный субъект не был обнаружен, однако это плохая практика. Можно допустить, что если похититель не добрался до мальчика с самого начала, то возможно, он не был

целью и, следовательно, теоретически находится в безопасности, однако это не то решение, которое я бы хотел принять в роли офицера полиции.

К полудню похититель не позвонил. Многочисленный полицейский персонал и сторонники потерпевших ушли, оставив Линду Арндт единственным сотрудником на месте происшествия, вместе с Рэмси, Ферни, Уайтами, которые вернулись после того, как отвели Берка под присмотром в свой дом, а также епископальный пастор Рэмси, преподобный Рол Ховерсток.

Около часа дня, возможно, чтобы занять чем-нибудь Джона, пока они впустую дожидались телефонного звонка, Арндт предложила ему еще раз осмотреть дом, поискать что-нибудь, что раньше скрылось из вида, но может оказаться полезным. Он согласился и взял с собой Флита Уайта. Именно тогда он обнаружил окоченевшее тело Джонбенет в подвале, в винном погребе.

Здесь наступает одно из самых странных событий в этом деле, по крайней мере с одной точки зрения. Никто не оспаривает доброту и чуткое отношение Арндт к обоим Рэмси. В последующие дни несколько других детективов злились на то, что Пэтси соглашалась разговаривать только с детективом Арндт, чувствуя к ней доверие. Тем не менее через три года после убийства и после того, как она покинула ряды полиции Боулдера, Арндт появилась в национальной телевизионной программе и описала момент, когда они с Джоном стояли на коленях над телом. Она напрасно пыталась нащупать пульс Джонбенет и вынуждена была сказать Джону, что его дочь мертва. Джон застонал от боли.

«И когда мы посмотрели друг на друга, – вспоминала она, – я поправила наплечную кобуру, подвинув пистолет поближе к себе, специально подсчитывая: „У меня 18 пуль“, – потому что не знала, все ли мы будем живы, когда придут другие люди».

Далее она пояснила: «В этом случае все имело смысл. И я знала, что произошло».

Что она имела в виду под этим? Очевидно, она подумала, что Джон Рэмси способен на убийство и как раз убил свою дочь в одиночку или с помощью жены. Но почему? Что в его взгляде сказало ей об этом? А что насчет восемнадцати пуль? Он собирался попытаться убить ее прямо сейчас? Чем – голыми руками? Он настолько опасен, что потребовалась бы целая обойма, чтобы нейтрализовать его? Или она думала, что все остальные в комнате заодно с ним, и их тоже придется расстрелять? В этом просто нет никакого смысла и, боюсь, указывает на путаницу и отсутствие надлежащего владения

ситуацией, которые полицейское управление Боулдера ярко продемонстрировало во время этого дела. Арндт была просто в стрессе от того, что тело найдено в доме гражданскими лицами, тогда как полиция его не обнаружила? Ее беспокоило превращение похищения в убийство? Ее комментарии кажутся особенно странными, учитывая, что все отчеты в то время указывали на образцовое поведение детектива Арндт по отношению к семье Рэмси.

Случившееся указывает на фундаментальный раскол – расхождение между фокусом и перспективой, – который вскоре вовсю проявится в полиции Боулдера. Полицейское управление и, в некоторой степени, окружная прокуратура считали, что родители виновны в смерти Джонбенет.

Но они не могли решить, кто именно!

Линда Арндт, очевидно, считала Джона опасным, в то время как детектив Стив Томас, который в итоге взял на себя дело, полагал, что виновна Пэтси. Эти разногласия, возникшие в ходе расследования, чрезвычайно усложняли дело для представления в суде. И, насколько я мог видеть, не существовало никаких веских доказательств, которые бы подтвердили любое из тревожных предположений об одном из родителей. Наиболее близким к реальным доказательствам, связанным с Рэмси, считался тот факт, что записка о выкупе написана в блокноте Пэтси. Однако эксперты по почерку установили, что Джон не автор записки, и обнаружили лишь самую косвенную возможность того, что это могла написать Пэтси.

Я все ждал, пока появятся более убедительные доказательства виновности родителей, но так их и не увидел.

Видео с конкурса

Если можно выбрать единственный фактор, из-за которого к этому делу было приковано внимание всего мира, а общественное мнение оказалось настроено против родителей, то это видеоролики с конкурсных выступлений, наводнившие СМИ и только что ставший массовым интернет. Образ юной танцовщицы из Вегаса дополняли красно-бело-синий наряд, в котором Джонбенет пела «Боже, благослови Америку», наряд пастушки со стразами в сценке «Возлюбленная ковбоя» (Cowboy Sweetheart), украшенная блестками снежная принцесса, утонченная мини-модель королевы Верхнего Ист-Сайда, с ее причудливой шляпой с перьями, и многое другое.

Конкурсы носили громкие названия, как «Конкурс всех звезд»

(All Star Pageant) и Национальный конкурс «Солнечный взрыв» (National Sunburst Pageant), и «Королевская Мисс» (Royal Miss), они взбудоражили множество людей. Резкий разрыв связи между очаровательным невинным ребенком и взрослыми нарядами, которые она носила, а также поражавшими многих взрослыми позами, с имитацией взрослых причесок и взрослого макияжа. Все это накладывалось на подразумеваемую сексуальность образов, и казалось в лучшем случае неуместностью, а в худшем – откровенной эксплуатацией. Некоторые следователи и многие в обществе пришли к выводу, что обычное ночное недержание мочи у Джонбенет явилось результатом давления и конфликтов, возникавших из-за требования участвовать в конкурсах. Признаюсь, что у моей жены Пэм и у меня, как у родителей двух дочерей, эти видео вызвали чувство дискомфорта.

Но что эти видео с конкурсов на самом деле рассказывают нам о Джоне и Пэтси Рэмси? Супружеская пара сказала бы, что эти конкурсы красоты ничем не отличаются от любых других организованных видов детской активности, будь то бейсбол малой лиги или футбол юношеской лиги, скаутское движение для мальчиков и девочек, занятия музыкой или танцами, уроки катания на коньках или что-нибудь еще. Таково общее увлечение жителей всего юго-востока страны, этим интересом наслаждаются поколения маленьких девочек и их семей. Пэтси принимала участие в конкурсах, когда была маленькой девочкой, и это подготовило ее к взрослым конкурсам, в том числе к роли мисс Западная Вирджиния в конкурсе «Мисс Америка». Она также может сказать, что участие в таких конкурсах развивает самообладание, талант, дисциплину и уверенность в себе – все это большое преимущество для маленьких девочек в период взросления.

Как оказалось, почти все это видео было снято на небольшом количестве конкурсов, и Джонбенет участвовала в них в течение очень ограниченного периода времени. Сами видеоролики не являлись какими-то сложными постановками, их делали для продажи родителям, бабушкам и дедушкам. Самое главное, Джонбенет очень хорошо держалась на сцене, что и подтолкнуло ее мать разрешить участие девочки в конкурсах. Дома она играла, расхаживая по подиуму, а Пэтси играла роль ведущей, которая представляет ее и объявляет победительницей.

Независимо от того, одобряем ли мы эти конкурсы и хотим ли, чтобы наши дочери в них участвовали, нет никаких указаний на то, что эти конкурсы способствовали какой-либо личной или семейной патологии, и уж точно они не являлись никаким мотивом для убийства. Тогда в обществе возникли спекуляции на

тему того, что Джонбенет внезапно решила больше не принимать участие в конкурсах, и ее мать, привыкшая контролировать все в жизни дочери, ужасно расстроилась от такого решения и ударила ее в момент безумного отчаяния и ярости. Эта идея явно выглядит нелепой, и нет никаких психологических или физических доказательств, которые ее подтверждают.

Тем не менее как только видео с конкурса получили вирусную популярность, большое число представителей правоохранительных органов, СМИ и общественности решили, что Джон и Патрисия Рэмси наверняка *в чем-то* виноваты.

Подрабатываю адвокатом

Был и еще один элемент, серьезно повредивший общественному восприятию супругов Рэмси.

Около двух часов дня полиция решила, что дом следует избавить от посторонних. После того, как прибыли сын и дочь Джона – Джон Эндрю и Мелинда – а также Стюарт Лонг, жених Мелинды (они первоначально собирались встретиться с семьей для того, чтобы вместе полететь в Шарлевой, штат Мичиган), Рэмси решили, что отправятся в дом семьи Ферни, где полиция обеспечит им круглосуточную охрану. Они не знали, что офицерам было приказано прослушивать все, что говорят Джон или Пэтси.

На следующий день детективы Линда Арндт и Ларри Мейсон пришли в дом Ферни, чтобы поговорить с Рэмси. В какой-то момент Арндт попросила супругов явиться в полицейский участок на официальную беседу. Джон молча пытался взять себя в руки, а Пэтси пребывала в почти самоубийственном расстройстве, понятно, что они были нерешительны.

Все это наблюдал адвокат Майкл Байнум, друг Рэмси, который пришел к Ферни, чтобы выразить соболезнования. На тот момент он занимался частной практикой, а когда-то раньше занимал должность прокурора в окружной прокуратуре округа Боулдер и был прекрасно знаком с методами обхода системы уголовного правосудия. Заметив, как полиция, скорее всего, сосредоточилась на Рэмси, вместо того чтобы искать другие зацепки и подозреваемых, Байнум отвел Джона в сторону для личного разговора и попросил позволить ему принимать за супругов Рэмси некоторые юридические решения. Джон был благодарен любому, кто мог снять хоть какой-то груз с его плеч, а особенно своему надежному другу и опытному юристу.

Байнум объявил детективам, что Рэмси не в силах перенести

допрос и не поедут в участок. Затем он позвонил двум известным ему адвокатам, Хэлу Хэддону и Патрику Берку. Он попросил Хэддона представлять интересы Джона, а Берка – Пэтси.

Этот шаг сразу же вызвал подозрения со стороны полиции. Но если вы дочитали книгу до этого места, то уже знаете из предыдущих случаев, которые мы с вами обсуждали, что это был очень оправданный и разумный ход со стороны Майкла Байнума и Джона Рэмси. У следователей полиции есть определенные юридические обязательства в отношении подозреваемых, но они не предназначены в первую очередь для защиты прав этих подозреваемых. Следователи прежде всего пытаются выяснить, кто совершил преступление, и собрать доказательства, способные убедить судью и присяжных. При всем моем опыте, если я окажусь подозреваемым, то я вас уверяю, что подберу лучших юридических представителей моей стороны, каких только смогу найти.

Задача адвоката – принимать решения для защиты своего клиента, независимо от того, виновен клиент или нет. Хотя этот факт не имел законного или процедурного влияния на дело, но протоколом подтверждено, что адвокаты супругов Рэмси действительно считали их невиновными. И также записано, что супруги следовали советам своих адвокатов, а не принимали самостоятельных решений. Во время нашей встречи с детективами Брайан Морган заявил: «Я говорил вам [Джону Рэмси], чтобы вы не разговаривали с полицией. Хотите вы это признать или нет, но я хочу сейчас это подчеркнуть. Это я своим решением остановил процесс».

Еще одной горячей точкой, которая только обострилась при вступлении в борьбу большого юридического таланта, стал тянувшийся конфликт между полицией и офисом окружного прокурора.

Не забывайте и о контексте происходившего. Джон Рэмси был руководителем корпорации, его компанию объединили, а затем продали, Джону постоянно приходилось взаимодействовать с акционерами, регуляторами и другими сторонами. Он привык делать все через юристов. Именно так все происходило в его мире.

По иронии судьбы, Джон и Пэтси не видели проблем в сотрудничестве с полицией. «Мы были вполне готовы поговорить с ними и не понимали, почему наши юристы не хотели, чтобы мы разговаривали, – сказал недавно Джон. – Оглядываясь назад, из того, что я узнал, я бы посоветовал каждому, кто незаслуженно обвиняется в убийстве, убедиться, что у него есть лучший адвокат, которого он только может найти».

Но полиция восприняла этот шаг так же, как и большая часть общественности: любой, кому нужен адвокат, наверняка виновен. Эти юристы якобы служат не для того, чтобы докопаться до правды, а для того, чтобы уберечь полицию от правды о своих клиентах. Такое восприятие дополнительно ускоряло ход спирали недоверия Рэмси, которая и без того уже вовсю раскручивалась.

Рэмси хотели как можно скорее забрать Джонбенет обратно в Атланту, чтобы похоронить ее на семейном участке рядом с Бет. Старшего детектива Джона Эллера раздражала толпа адвокатов, стоявшая между полицейским управлением и теми, кого он считал двумя своими главными подозреваемыми. Более того, ему, очевидно, не нравились тесные связи фирмы «Хэддон, Морган и Форман» со служащими в офисе окружного прокурора Алекса Хантера. В поисках уловки, стремясь получить рычаги воздействия и заставить супругов Рэмси сотрудничать, Эллер сказал помощнику окружного прокурора Питу Хофстрему, главе отдела уголовных преступлений, чтобы судмедэксперт задержал выдачу тела убитой девочки на неопределенное время для проведения дальнейших экспертиз.

Это объявление вызвало бурную реакцию, потому что напомнило об угрозах, приведенных в записке о выкупе: ее автор пугал тем, что не отдаст семье останки жертвы для надлежащего захоронения. Помощник окружного прокурора Хофстрем возмутился этим требованием, как и адвокаты Рэмси. Полиции пришлось отступить и выдать тело для захоронения в Атланте.

Дело выходило на ложный путь, приближаясь к своей точке невозврата. Как после этого у полиции могло возникнуть хоть какое-то подобие объективности? Как полицейские смогли бы отделить подлинные поведенческие свидетельства от возмущения тем, что их предполагаемым подозреваемым сошло убийство с рук?

Мы спросили у Джона, как он и Пэтси отреагировали в самый разгар своего глубокого горя на то, что многие решили, будто сами родители сделали это. «Откровенно говоря, – ответил Джон Рэмси, – для нас это был в основном фоновый шум. Мы занимались похоронами нашей дочери и защитой нашего сына. Я не думаю, что мы действительно понимали, почему все это происходит именно так, но в любом случае не уделяли этому факту достаточно времени».

В поисках мотива

Один из руководящих принципов анализа уголовных

расследований гласит: прошлое поведение предполагает будущее поведение. Другими словами, *люди не действуют вразрез со складом своего характера*. Если вам кажется по-другому, то это лишь потому, что вы не до конца знаете или не понимаете должным образом их истинный характер.

Начнем с того, что мы знаем или можем выяснить о Джоне и Патриции Рэмси. Это начало процесса составления психологического профиля.

В прошлом у обоих родителей нет ничего, из чего можно было бы сделать вывод, что они способны хладнокровно убить своего ребенка. Никаких признаков сексуальной аберрации или парафилии, особенно в отношении детей. Никаких указаний не только на сексуальное, но и на физическое или эмоциональное насилие. Даже первая жена и старшие дети Джона не могли сказать о нем ничего плохого или подозрительного.

Педиатру Джонбенет прямо задали вопрос, наблюдал ли он в ходе любого осмотра хотя бы какие-то, самые отдаленные признаки любого насилия. Он ответил, что не видел никаких подобных признаков. Как раз наоборот, Джон и Пэтси очень любящие и заботливые родители.

Полиция охотилась за любой зацепкой или уликой, еще активнее это делала бульварная пресса, с большей мотивацией и с меньшими сомнениями при поиске информации.

Но никто ничего не нашел.

Если вы даже не шлепаете своего ребенка, то вряд ли вышибете ему мозги, даже в момент крайней ярости (а нет абсолютно никаких указаний, что такой момент вообще когда-то у них возникал).

Вы не можете внезапно превратиться в убийцу ни с того ни с сего. Даже у людей, которые убивали без каких-либо криминальных эпизодов в прошлом, всегда есть конкретная причина для убийства. Самый частый сценарий, который мы обычно видим в СМИ: мама-одиночка просто еле сводит концы с концами, финансово и эмоционально, тут она встречает какого-то парня, и он как-то дает ей понять, что хотел бы впустить ее в свою жизнь, но там нет места для ее детей. Может, он хочет завести совместных детей, а может, вообще не хочет брать на себя обузу в виде детей. В любом случае, если эта женщина хочет изменить свою жизнь, она должна избавиться от своих детей.

Другая вариация этого сценария – та же самая женщина, даже без появления мужчины в своей жизни, все еще хочет начать с чистого листа и стремится к лучшему, но чувствует, что ничего не сможет, если будет связана детьми по рукам и ногам. Определенно, именно этот случай рассматривался на судебном

процессе 2011 года над Кейси Энтони в городе Орландо, штат Флорида, которая обвинялась в убийстве своей почти трехлетней дочери Кейли. Хотя жюри присяжных после мучительных дискуссий ее оправдало, это впечатление навсегда осталось в общественном сознании.

Не думайте, что столь ужасное решение способна принять лишь отчаявшаяся женщина, аналог этому явлению – мужчина, который убивает свою жену или подругу на восьмом месяце беременности. До некоторых пор перспектива рождения ребенка, после чего вся жизнь изменится, кажется абстракцией. Но как только такой мужчина осознает неизбежность появления в своей жизни ребенка, его захлестывает паника. Он чувствует, что если не сделает что-нибудь как можно скорее, то окажется в ловушке. Этот образ мыслей выглядит мотивом для убийства Лейси Петерсон и ее будущего сына в 2002 году от рук ее мужа Скотта.

Однако ни один из этих сценариев не имел ничего общего с внутренней ситуацией семьи Рэмси. Так что если мы хотим продолжить дело против Джона или Пэтси, то нам все равно нужно найти правдоподобный мотив.

Из пункта А в пункт Б

Чтобы сделать правдоподобной идею, что каждый из родителей мог или хотел убить свою дочь, мы должны показать, *как они могли прийти к этому*. Другими словами, если только они не планировали убивать свою дочь заранее, должно было что-то случиться между тем, когда они проснулись утром, до того момента, когда Джонбенет умерла, превратив их из обычных родителей в убийц.

Начнем с пункта А, заметив, что Рождество – это счастливое время для семьи Рэмси. Они с нетерпением ждали его каждый год как традиционный период радости и семейного единения. Старшие дети Джона – сын, дочь и ее жених – собирались к нему в город, и все они планировали полететь в любимый загородный летний дом, чтобы побыть вместе. После этого Джон и Пэтси собирались во Флориду, взяв младших детей в диснеевский круиз, которого все ждали с большим волнением. День у этой семьи начался с открытия подарков, после чего Рэмси пошли в гости к хорошим друзьям на обед. Они останавливались в доме у других друзей, чтобы обменяться поздравлениями и подарками. Джонбенет заснула в машине по дороге домой. Джон отнес ее наверх, а Пэтси уложила ее спать, пока Джон играл с Берком, прежде чем тот тоже уснул. Бизнес Джона развивался хорошо. Рак

Пэтси находился в стадии ремиссии. Жизнь была прекрасна, и день выдался под стать. Пункт Б – это связанное, задушенное и избитое тело Джонбенет, лежащее в винном погребе, самом удаленном помещении подвала. Я сказал детективам во время нашей встречи 10 января: «Нельзя просто вести себя на вечеринке одним образом, а потом совсем внезапно повести себя абсолютно по-другому и совершить подобное преступление».

Итак, как нам добраться из пункта А в пункт Б с помощью одного или обоих родителей Рэмси в роли убийцы?

Прежде чем мы это сделаем, давайте вкратце рассмотрим другую возможность, которая – хотите верьте, хотите нет – стала популярной теорией этого преступления. Предположим, убийца – это девятилетний Берк.

Мы можем довольно быстро отказаться от этой версии. Во-первых, тут нет мотива, однако у детей иные мотивы и понимание длительных последствий, чем у взрослых. Вполне возможно, что брат и сестра поссорились, он ее ударил, а потом родителям пришлось с этим как-то справляться. Но пошли бы они при этом на продуманные шаги: инсценировать похищение, написать записку о выкупе, а затем придумать странный сценарий удушения в подвале? Это не имеет никакого смысла, поскольку девятилетний ребенок не подвергнется тем же юридическим санкциям, что и взрослый.

У Берка не хватило бы сил и на то, чтобы нанести смертельный удар в голову, закрутить удавку или сдвинуть свою сестру с места. И родители никогда бы не отправили его в дом Уайтов, зная склонность детей рассказывать обо всем, что приходит им в голову. Так что давайте забудем об этом и просто пойдем дальше.

Теория полиции

После некоторой перестановки детектив полицейского управления Боулдера Стив Томас взял на себя функции главного следователя по делу. Как мы отметили, в Боулдере, по счастью, происходило не много убийств, так что в редких случаях убийства к делу привлекали детектива из другого района или подразделения. Томас обладал совсем небольшим опытом работы по расследованию убийств, однако в свое время посвятил много времени преступлениям с наркотиками.

Проведя собственное расследование, Томас пришел к выводу, что счастливое предвкушение Рождества, только что нами описанное, было на самом деле прикрытием для сильного

напряжения, которое ощущала Пэтси все каникулы в целом, плюс у нее уже возникали стычки с Джонбенет. По словам детектива Томаса, Пэтси не хотела совершать слишком беспокойную поездку в Мичиган и была расстроена из-за упорного отказа дочери надеть платье, которое выбрала Пэтси для их обеда у Уайтов.

Все это окончательно обострилось ночью, когда Джонбенет проснулась в мокрой постели. В ванной нашли красную водолазку, из чего детектив делает вывод, что в ней девочка спала, и Пэтси сердито стянула ее с дочери, когда у той случилась ночная неприятность.

Из его дальнейших предположений следует, что пока Пэтси раздевала дочь, затем отмывала, прежде чем снова одеть в ту же одежду, женщина взяла какой-то кусок ткани, а затем грубо и резко вытерла им маленькую девочку между ног. Другими словами, согласно этому выводу, ссадины в области ее влагалища появились не в результате пальцевого проникновения в ходе какой-то извращенной сексуальной игры злоумышленника, а стали формой преднамеренного или непреднамеренного насилия по отношению к Джонбенет в качестве наказания за частые несчастные случаи с мочеиспусканием. Этим объясняется то небольшое количество крови на ее трусиках.

Я считаю эту теорию странной, но следующая часть сценария выглядит еще более надуманной. Томас представляет себе «некую взрывоопасную встречу в детской ванной». В момент неконтролируемой ярости Пэтси либо ударила Джонбенет по голове, либо даже швырнула ее через комнату. В любом случае ребенок упал на твердую поверхность, в результате чего получил обширный перелом черепа, описанный судмедэкспертом. Даже Томасу трудно было поверить, что Пэтси хотела так жестоко ударить или шлепнуть свою дочь. Поэтому она запаниковала, когда увидела, что сотворила с Джонбенет. Что ей делать дальше?

Разумно было бы позвонить в службу 911 и сказать, что произошел несчастный случай. Но Томас решил, что ее первым позывом, возможно, вместе с мужем, стало желание инсценировать получение травмы каким-то другим образом. Отсюда возникает следующее предположение: Пэтси поняла, что дочь умерла после первого удара. Или же она так испугалась ответственности за это, что позволила дочери умереть, не оказав ей помощи. Затем они с Джоном разыграли тщательно продуманную сцену с удавкой, изолентой и всем остальным, чтобы сбить полицию с толку. Они сразу же придумали трехстраничную записку с требованием выкупа, и Пэтси удалось озвучить все должным образом, достоверно сыграть изумление и

истерику, когда она, наконец, позвонила в службу 911 и сообщила о пропаже дочери. А также… а также… эти люди, никогда раньше не совершавшие преступлений, умудрились сделать все настолько реалистично, что обманули полицию, ведь там поначалу решили, будто это действительно похищение. Насколько логично или правдоподобно все это звучит?

Теперь давайте посмотрим на это с точки зрения Джона. Даже если между Джонбенет и Пэтси действительно произошло то, что предполагает Стив Томас, неужели Джон просто соглашается с этим? Он верит в безумный план своей жены? Что могло заставить Джона согласиться с этим? Может, причина в том, что он уже потерял сначала свою старшую дочь, а теперь и младшую, а потому не захотел терять жену? Я еще не видел родителей, способных предпочесть супруга убитому ребенку. Ни один из этих сценариев не является правдоподобным.

Но прежде, чем мы оставим этот пункт, надо вернуться к тому, что спровоцировало инцидент. Пэтси вышла из себя, когда узнала, что Джонбенет обмочилась, и в результате швырнула ее через ванную. Почему? Во-первых, мы даже не знаем, случилась ли у ребенка эта ночная неприятность. Пятна мочи на ее нижнем белье могли появиться из-за мочеиспускания в момент смерти. Но, допустим, девочка обмочила штанишки ночью. Кровать Джонбенет обычно была влажной. Это стало настолько привычным явлением, что Пэтси, как правило, снимала простыни утром, перед приходом экономки, и складывала их в стопку на стиральную машину рядом с сушилкой у спальни Джонбенет.

Так что же такого случилось?

В ту ночь из-за накопившегося стресса, связанного с Рождеством, организацией поездок, приездом старших детей Джона и прочими событиями, Джонбенет намочила постель слишком много раз и Пэтси сорвалась? Настолько сильно, что вытащила своего ребенка из постели и перебросила через комнату? Может ли быть такое, что мать, вполне спокойно перенесшая очень много случаев недержания мочи у своей дочери, вдруг проявила звериную жестокость и проломила ребенку череп? Разве это правдоподобнее того, что Джонбенет, когда ее укладывали спать, сказала, будто не хочет больше участвовать в конкурсах, а Пэтси пришла в неописуемую ярость и ударила дочь с такой силой, что оставила на правой стороне детского черепа рану диаметром около двадцати сантиметров?

По этому сценарию получается, что Пэтси, охваченная раскаянием от того, что случилась такая ужасная вещь – а возможно, и вместе с Джоном, – затащила маленькую девочку в самую дальнюю комнату подвала, заклеила ее рот липкой лентой,

связала шнуром шею и запястья. Потом они с мужем взяли кисточку из коробки, где лежали принадлежности Пэтси для рисования, отломили ручку, вставили ее в повязку на шее и сделали удавку, чтобы с силой сжать шею дочери. Хотя, возможно, это было своеобразное и причудливое ритуальное жертвоприношение.

Затем кто-то из них вернулся на кухню и сочинил странную записку о выкупе. «Давай вспомним, Джон, какие фильмы мы смотрели в последнее время, мы можем использовать их в этом тексте».

Но и это еще не все, им нужно было избавиться от рулонов клейкой ленты и от шнура так, чтобы в доме даже следов этих предметов не осталось. Но нет, без сомнения, в общей панике и неразберихе подобного процесса они забудут избавиться от остатков кисти и блокнота, на страницах которого была написана записка о выкупе, и тем самым оставить эти улики для полиции. (На самом деле, чтобы выглядеть еще более невинно, они передали сотрудникам блокнот с образцом почерка Пэтси и умело изобразили удивление при первой попытке сравнить его с почерком в записке.) Им также пришлось бы вернуться наверх, чтобы убрать всю кровь в ванной.

Ну или, допустим, Пэтси сделала все сама, без ведома Джона. Мы ведь точно знаем, что она хорошо умела отмывать следы мочи. Этот опыт пригодился ей в уборке всех следов крови, хлынувшей из такой большой раны на голове (подробнее об этом мы скажем чуть позже). В этом случае она повела себя по-настоящему хитроумно, поскольку отправила бы Джону записку о выкупе с завуалированным сообщением, со ссылкой на 118 тысяч долларов и на символ «*Спасенный крестом*» *(Saved By The Cross)*. Но она, должно быть, решила, что никто другой этого не поймет, и смогла замаскировать свой почерк в собственном блокноте. Это невероятно. Не могу представить, чтобы жена и мать без подобного предшествующего опыта могла бы проявить такую высокую степень преступной изощренности с самого начала, в тот момент, когда ей понадобилось это сделать. Она могла бы обставить сцену еще лучше, если бы додумалась открыть дверь наружу или разбить окно.

Это все хорошо работает в кино. А в реальной жизни все происходит намного сложнее.

Я видел, что сотрудники полицейского управления Боулдера и другие представители правоохранительных органов взяли за основу статистический факт – большинство убитых маленьких детей погибают дома от рук своих родственников, живущих в этом доме, – и пытались привязать конкретные доказательства к

статистике.

Кое-что из этого привело их на совсем странный путь, не имеющий при этом никакого значения. Например, на кухне стояла миска с нарезанным ананасом, и вскрытие обнаружило в желудке Джонбенет непереваренный ананас. Однако и Пэтси, и Джон отрицали, что давали ей ананас днем, а когда они вернулись домой вечером, то девочка уснула в пути. Детектив Томас придал этому большое значение, но что это могло в конце концов доказать? Может, один из родителей дал ей ананас и забыл об этом. Может, ночью она встала сама, спустилась вниз и поела. Может быть, злоумышленник дал ей фрукт. Ну и что?

Более того, окажись это существенным моментом в деле, способным вывести детективов на связь родителей с преступлением, Джон и Пэтси почувствовали бы опасность и постарались бы найти правдоподобное объяснение – а это очень легко сделать, – чем оставлять вопрос без ответа. Но они не пытались, поскольку это, похоже, ничего не значило. Такое предположение является типичной ошибкой неопытных следователей при столкновении со сложным делом. Я всегда говорил агентам, только поступившим ко мне на работу: «Не начинайте сразу рассматривать дело слишком близко. Сделайте шаг назад и посмотрите на него целиком, прежде чем сосредоточитесь на деталях». Здесь же полицейские выборочно подчеркнули те второстепенные аспекты, которые, по их мнению, подкрепляют выбранную теорию.

С другой стороны, они сразу отказались от неопознанной ДНК, найденной под ногтями Джонбенет, в ее трусиках и на длинных штанах – *а это ДНК, не совпадающая ни с кем в доме.* Полиция высказала мысль, что следы могли попасть туда при производстве и упаковке одежды, а значит, такая сомнительная улика увлечет дело в сторону.

Ну ладно, может, так и было. Возможно, Джонбенет играла в грязи, и ей под ногти попал органический материал. Не исключено, что она и другая маленькая девочка когда-то обменялись одеждой, и найденный генетический материал принадлежал ее подружке. Это маловероятно, но вполне допустимо. Но разве не странно выглядит подобная расстановка приоритетов? Вы придаете огромное значение ананасу, но не задумываетесь о том, что чужеродная ДНК *может* указать на реального преступника?

Еще на ее одеяле обнаружили лобковые волосы. Опять же, это может ничего не значить; перенос волос и волокон является обычным делом. Но так как они не совпали с волосами тех людей, кто находился в доме, не следовало ли хотя бы рассмотреть это

как *возможное* указание на постороннего?

А потом с учетом того, что детектив Линда Арндт почувствовала, будто Джон способен на насилие, вы совсем запутались и придумали не очень убедительную полицейскую теорию этого дела. Но есть один элемент доказательства, который, мне кажется, подтверждает мою мысль.

Заключение судмедэксперта

Доктор Джон Э. Мейер, судебно-медицинский эксперт округа Боулдер, сертифицированный в области анатомической, клинической и судебной патологии, признал Джонбенет мертвой, когда полиция вызвала его в дом. Тело доставили в лабораторию этого специалиста, и там, в подвале больницы Боулдер-Комьюнити, он провел полное вскрытие.

Веревка-удавка вокруг шеи девочки была затянута с помощью обломанной ручки кисти так, что образовалась борозда. Доктору Мейеру пришлось обрезать удавку ножницами. Золотой крестик на цепочке запутался в веревке. На правой щеке возле уха обнаружена ссадина, еще одна внизу слева на шее. Петехиальные кровоизлияния на внутренней стороне век и в других местах головы соответствовали удушению.

В момент смерти Джонбенет была в длинном нижнем белье – в пижаме – поверх трусиков с цветочным принтом, в их промежности, как мы уже говорили, осталось небольшое пятно крови и еще пятно мочи на пижамных штанишках. Вокруг входа во влагалище также была засохшая кровь и кровеносные сосуды с гиперемией – это могло указывать на травму внутри входа во влагалище. Имелись и другие ссадины вдоль стенки влагалища, девственная плева не была повреждена. Отмечалось петехиальное кровоизлияние, разбросанное по поверхности обоих легких и передней поверхности сердца.

Когда Мейер снял кожу с обширной раны на голове, справа он заметил кровоизлияние размером 17 на 10 сантиметров. Под областью кровоизлияния обнаружился еще больший перелом черепа, размером 21 сантиметр от одного края до другого. Дальнейшее кровоизлияние распространилось под паутинной оболочкой, которая покрывает мозг. Под оболочкой, на сером веществе самого мозга, виднелись значительные кровоподтеки.

Доктор Мейер назвал официальной причиной смерти асфиксию в результате удушения, связанную с черепно-мозговой травмой.

Эти открытия выдающегося специалиста по медицине в сочетании с находками на месте происшествия стали для меня самым убедительным доказательством по всему делу. Они отображают то, о чем писал доктор Лестер Адельсон, долгое

время занимавший в городе Кливленд, штат Огайо, пост главного заместителя судебно-медицинского эксперта, в своей книге «*Патология убийства*» *(The Pathology of Homicide),* известной как «диалог с мертвецом». Честно говоря, я не понял и не понимаю до сих пор, как полиция, окружная прокуратура, мое старое подразделение ФБР в Куантико и многие другие специалисты умудрились не интерпретировать эту информацию должным образом в отношении родителей жертвы. К сожалению, это типичный пример предпочтения теории реальным доказательствам, который мы наблюдали во всех делах, уже описанных в этой книге.

Тупая травма головы оказалась достаточно серьезной, чтобы убить кого угодно. Детали также указывают скорее на удар жестким и тяжелым предметом, чем на случайное столкновение с неподвижным твердым объектом. Следователи нашли в доме несколько предметов, способных вызвать такую рану. Наиболее заметными из них были большой металлический фонарик и клюшка для гольфа. Итак, начнем с предпосылки, что теория детектива Томаса о том, что жертва случайно ударилась о ванную или о другой предмет, менее вероятна с точки зрения судебной экспертизы, чем *умышленный* удар по голове импровизированным оружием.

Следует ли нам верить, что мать или отец, не совершавшие ранее насилия – бытового или любого другого – умышленно взяли бы тяжелый предмет и ударили им шестилетнюю девочку с такой силой, чтобы проломить ей череп и повредить мозг? И должны ли мы верить, что этот родитель *принес предмет в спальню дочери,* планируя ее ударить? Если нет, то можем ли мы поверить, что мать или отец забрали ребенка и отнесли в подвал, собираясь там наброситься на нее? Я не могу в это поверить.

Но вот что интересно! Местом преступления должна была считаться вся площадь дома и двора вокруг него. После того, как прошла первоначальная внутренняя неразбериха, следователи тщательно все осмотрели. В этих пределах основное место действия – путь от спальни Джонбенет в коридор и ванную, а затем в винный погреб – то есть от места, где ее в последний раз видели живой, до места, где нашли ее тело.

Так где же на этом пути вся кровь?

Это, пожалуй, самый важный вопрос всего следствия. На коже черепа много сосудов, поэтому раны на голове обычно обильно кровоточат, даже если они не очень серьезные. А нанесенные раны были серьезными, смертельными. Травма, разрывающая кожу головы, приводит к трещинам в черепе и субдуральному и субарахноидальному кровотечению, что, безусловно, также будет

видно и снаружи.

Так где же была вся кровь?

Пэтси смыла и вытерла ее? Даже если и так, куда она дела многочисленные полотенца и моющие средства, которые бы ей для этого понадобились? Вывезла на машине посреди ночи и выбросила где-то? Практически невозможно идеально убрать столько крови, сколько хлынуло бы из такой раны на голове, и не оставить следов, которые бы не смогли обнаружить специалисты на месте преступления или не показал бы люминол – средство для выявления следов крови. За все годы моего следственного опыта я ни разу не видел, чтобы обильные следы крови были абсолютно полностью устранены.

Учитывая все это, есть только одно разумное объяснение: крови не было, поскольку во время травмы от удара тупым предметом Джонбенет была либо мертва, либо при смерти. Чтобы она почти не истекла кровью на месте преступления, ее сердце должно было перестать биться совсем или же должно было остаться очень слабое сердцебиение. Перекачивание крови и кровяное давление было чрезвычайно низким или вовсе отсутствовало. Значит, удар по голове нанесли уже после удушения веревкой.

Итак, куда это нас приводит?

Даже если мы способны вообразить любящую мать, впавшую в ярость, можем ли мы вообразить мать, которая связывает свою маленькую дочь, заклеивает ей рот изолентой, натягивает ей шнур на шею и постепенно крутит самодельную ручку до тех пор, пока ребенок не умирает от удушья? При каких обстоятельствах это могло произойти? Было ли это суровым наказанием за годы ночного недержания мочи? Был ли это такой способ Пэтси отомстить мужу, который подвергает свою дочь сексуальному насилию или предпочитает дочь вместо жены? Были ли Джон или Пэтси тайными сатанистами, которые выполняли такой чудовищный рождественский ритуал? И как все это вписывается в контекст запланированной поездки в Мичиган и отпускного круиза?

Как ни крути, в этом нет никакого смысла. Медицинское исследование и доказательства на месте преступления ясно показывают, что причиной смерти стало удушение. Я никогда не встречал случая, чтобы родители сделали что-то подобное с ребенком. Могли ли Рэмси стать первыми такими людьми в мире? И могли ли они проявить такую ловкость и преступную изощренность, что их поведение после преступления ничем не выдало их? Все это можно представить, только если вы принимаете во внимание ощущение Линды Арндт, что

восемнадцати пуль может оказаться недостаточно, чтобы справиться со «скорбящим» отцом, который смотрит на неподвижное тело своей дочери.

В итоге

Здесь мы пытались подойти к убийству Джонбенет Рэмси под разными углами, точно так же, как мы это делали бы при консультировании по делу, когда я возглавлял группу поддержки расследований. Независимо от того, с какого угла мы приближаемся к расследованию, мы приходим к одному и тому же выводу: Джон и Патрисия Рэмси не убивали свою дочь ни вместе, ни по отдельности. А значит, где-то должен быть преступник.

Несмотря на все это, мое старое подразделение в Куантико продолжало убеждать меня, что родители – главные подозреваемые. Может ли быть такое, что один или оба родителя убили своего маленького ребенка, постепенно затягивая удавку на ее шее, пока руки девочки были связаны? Да, это возможно, но настолько маловероятно, что, учитывая контекст, это последняя возможность, которую только можно рассматривать. Такое сработало бы только тогда, если все остальное по делу удалось напрямую привязать к родителям. Но в этом случае, как мы уже отметили, помимо статистики о том, что большинство убийств детей в семье совершаются лицами, живущими в доме, – ничто не связывало Джона и Пэтси Рэмси с убийством их ребенка.

Однако это, похоже, ни для кого не имело значения.

Глава 16. Входит Лу Смит

Как только я оказался вовлеченным в дело Рэмси, мой общественный и профессиональный имидж, казалось, изменился в мгновение ока. Меня больше не воспринимали как агента Джека Кроуфорда – прямолинейного, ищущего справедливости персонажа в строгом черном костюме, которого изобразил Скотт Гленн в фильме «*Молчание ягнят*» и который, по общему мнению, был «списан» с меня. Теперь меня стали воспринимать как наемника, способного сказать что угодно за деньги. По иронии судьбы после того как я решил, что родители Рэмси не преступники, а выжившие родственники жертвы, я вообще перестал принимать от них деньги.

Нас с Марком такая реакция ошеломила. Почти все, что мы говорили об этом деле либо лично, либо в интервью, сразу же старались опровергнуть и показать, насколько мы наивны в своей вере в невиновность семьи Рэмси. Марк пообщался с несколькими агентами в Куантико и остался удивленным и сбитым с толку, не понимая, почему они не рассматривают все доказательства.

Оказалось, что никто с нами не согласился и даже не допустил, чтобы моя оценка могла быть правильной.

Никто до тех пор, пока не появился Лу Смит.

Если и был кто-то, кого я считал настоящим героем в этой истории, кому я полностью доверял, то это только детектив Эндрю Луи «Лу» Смит. К моменту начала расследования он уже стал легендой правоохранительных органов Колорадо, раскрыл более 90 % из более чем двухсот расследуемых им дел об убийствах. Он ощущал такую тесную личную связь с жертвами разрабатываемых им убийств, что держал маленькие фотографии некоторых из них в своем бумажнике.

В марте 1997 года, через три месяца после убийства, когда дело не двигалось, а Джон и Патрисия Рэмси все еще оставались под пристальным наблюдением как главные подозреваемые, офис окружного прокурора и полицейское управление находились в состоянии холодной войны. Окружной прокурор Алекс Хантер нанял Лу Смита, чтобы проконсультироваться по этому делу. В то время Смит уволился из аппарата шерифа округа Эль Пасо, района к югу от Денвера, который включает в себя Колорадо-Спрингс и Академию ВВС США. Хантер имел веские основания сделать так. Расследуемое дело привлекло к Боулдеру внимание всего мира, его нужно было изо всех сил двигать вперед. При этом мало кто сомневался в честности, объективности, таланте и опыте такого человека, как Смит.

Смит скрупулезно рассмотрел все доказательства, ставшие к тому времени довольно объемными, и пришел к выводу, что Джонбенет убита злоумышленником, незаконно вторгнувшимся на территорию дома.

Это напомнило ему одно из раскрытых им дел шестилетней давности – убийство в 1991 году 13-летней Хизер Доун Черч в своем доме недалеко от Колорадо-Спрингс. Четыре года общественность и полиция считали, что виноват кто-то из живущих в доме, и дело совершенно не двигалось. Смит проявил почти сверхчеловеческое внимание к деталям и нашел пропущенный всеми отпечаток пальца, который совпал с отпечатком подозреваемого, арестованного во Флориде. Роберт Чарльз Браун поначалу не признал себя виновным. Но понимая, что ему грозит смертная казнь, если результаты работы Смита будут рассмотрены в суде, он подписал явку с повинной. В целом он мог быть причастен к убийствам более сорока человек. Одному богу известно, сколько людей погибло бы, если бы не Лу Смит.

Рабочая теория Смита заключалась в том, что неизвестный субъект проник в подвал через неплотную решетку и смог передвигаться по всему дому. Хотя я считал, что злоумышленник затаил личную обиду на Джона Рэмси, Смит решил, что это мог быть педофил, случайно увидевший Джонбенет в городе, в школе или во время какого-то из конкурсов. Он использовал найденный на кухне блокнот, чтобы написать странную записку о выкупе, а затем спрятался, пока семья не вернулась домой и не легла спать.

Некоторые люди склонны отвергать эту теорию, потому что проскользнуть в дом и прятаться там так долго – слишком смелый и дерзкий шаг. Но важно помнить, что «нормальным» людям кажется невообразимым то, что взломщики и грабители делают просто для того, чтобы жить. Я не знаю, сколько случаев прошло через мои руки за эти годы, когда женщина просыпалась и видела незваного гостя, стоящего над ее кроватью и наблюдающего за ней. И я имел дело со многими парнями, совершавшими взломы и проникавшими в чужие дома – довольно часто безо всякого насилия, – для них нет никаких проблем долго находиться в доме, который они выбрали целью. Иногда они проникали туда, когда домочадцы еще не спали. Для некоторых из них в этом состоит главный кайф во время преступления.

Сделав весомый вклад в теорию о злоумышленнике, Смит внес еще один важный элемент в дело благодаря скрупулезному наблюдению. Изучая фотографии тела Джонбенет сантиметр за сантиметром, он заметил два странных повреждения – одно на правой стороне шеи, другое – в нижней левой части спины. Эти два следа выглядели практически одинаковыми, оба состояли из

параллельных красных рубцов на расстоянии примерно трех с половиной сантиметров друг от друга.

Смит проконсультировался на эту тему с несколькими своими коллегами, а затем обратился к доктору Майклу Доберсену, доктору медицины и философии, сертифицированному судебно-медицинскому эксперту и патологоанатому округа Арапахо в штате Колорадо. Доберсен не стал делать четкие выводы без возможности полностью осмотреть тело, однако все же согласился со Смитом, что поражения соответствовали следам от применения электрошокера. Дальнейшие консультации с экспертами помогли Смиту выявить определенный интервал между двумя отметками на каждой ране и предположить, что воздействие было произведено электрошокером Air Taser Model 34000. Смит также изучил последние фотографии живой Джонбенет. Он увидел, что на правой стороне ее лица и шеи не было никаких отметин.

Я мало что знал об электрошокерах, но теория меня крайне заинтересовала. Если электрошокер действительно применялся к этому шестилетнему ребенку, то причин могло быть лишь две: обездвижить и потом полностью контролировать девочку, или же мучить ее ради сексуального удовлетворения. Логично, что оба сценария исключают любого из родителей. Во-первых, они ранее не владели электрошокером, поэтому его пришлось бы специально купить и принести в дом, а этому нет доказательств. Кроме того, им не надо было бы контролировать жертву, как пришлось это делать незнакомцу. Для двух человек, не имевших в анамнезе сексуальных извращений или педофилии, сделать такое со своей дочерью было немыслимо.

В СМИ просочилась информация, что в доме Джона Рэмси есть книга об электрошокерах. Это типично для лжи и полуправды, которые узаконены и регулярно публикуются журналистами. На самом деле у него была книга по промышленной безопасности, где в качестве подобных мер упоминались электрошокеры. Это похоже на слух о том, что наша книга «*Охотник за разумом*» *(Mindhunter)* лежала на полке в спальне во время убийства. Это совершенно неверно. Джон Рэмси не знал, кто я, и никогда не слышал об этой книге. Лишь после того, как мы встретились, и я пришел к выводу, что не могу считать его законным подозреваемым, он получил и прочитал эту книгу, тем самым невольно запустив подобный слух.

Если электрошокер входил в сценарий преступления – и мне кажется, трудно считать случайным совпадением наличие двух отметок на теле, которые просто случайно соответствуют определенной модели пневматического элетрошокера, – тогда это

еще больше очерчивает круг доказательств. Блокнот, в котором была написана записка с требованием выкупа, ручка кисти, применявшаяся как импровизированная гаррота, и два наиболее вероятных тупых орудия (клюшка для гольфа и фонарик) оказались в доме на виду. Однако предметов, предназначенных для фиксации жертвы – рулона клейкой ленты, катушки для веревки и теперь уже, скорее всего, электрошокера, который мог ненадолго, но обездвижить жертву, – в доме не нашли, а следовательно, их туда кто-то принес. Все эти элементы большинство исследователей либо упускают из виду, либо, по необъяснимой причине, сразу же отклоняют.

Смит полагал, что злоумышленник выпустил в Джонбенет заряд из электрошокера, заклеил ей скотчем рот и таким образом обездвиженную и беззащитную отнес в подвал, собираясь оттуда вынести из дома. Он сделал удавку со шнуром, принесенным с собой, и с ручкой обломанной им кисти. Затягивая шнурок на шее, он, предаваясь своей эротической фантазии, сунул руку в штанишки девочки и совершил проникновение пальцами. Смит приписал неизвестному субъекту все неопознанные улики, обнаруженные на месте преступления: лобковые волоски, следы ДНК, отпечаток на полу от ботинок марки Hi-Tec, потертость на стене подвала возле окна.

Тот факт, что под ногтями Джонбенет нашлась ДНК, дал Смиту повод считать, что она в какой-то момент пришла в себя и боролась с преступником. Он также заметил несколько ссадин в форме полумесяца на ее шее вокруг шнура. Он объяснил их отчаянной попыткой Джонбенет снять или ослабить удавку, снова показывая, что шестилетняя девочка боролась, пытаясь спасти свою жизнь. Можете вы себе представить мать, которая борется со своим ребенком и затягивает петлю на ее шее? Из опыта своей работы я много знаю про всякие отклонения, но подобное я не в силах себе представить.

Смит решил, что поскольку Джонбенет боролась и не сдавалась, неизвестный субъект запаниковал и ударил ее первым попавшимся под руку предметом, скорее всего, фонариком. Полагая, что убил ее, он сбежал из дома со всеми предметами, которые принес с собой, а все остальное оставил.

Мы со Смитом придерживались разных вариантов толкования событий. Он верил, что мотивом преступления стало навязчивое влечение к ребенку, в то время как я думал, что причина в ненависти к отцу девочки. Марк полагал, что задумывалось похищение, но оно закончилось неудачей. В нем участвовали один или несколько молодых неискушенных преступников. В случае с требованием 118 тысяч долларов Марк больше

поддерживал мое толкование с точки зрения информированности злоумышленника о делах семьи. Но любая интерпретация событий выглядела куда более вероятным сценарием, чем раздражение из-за ночного недержания мочи, как это было сформулировано детективом Стивом Томасом. При любом из этих вариантов вы точно так же вели бы расследование и рассматривали поведение родителей после трагедии. Пока же следователи опросили сотни свидетелей и заинтересованных лиц и нашли несколько потенциально интересных зацепок, но при этом, как я мог видеть, не придавали значения этим сведениям о поведении и не отвлекались от версии о родителях-убийцах.

Расследование по-прежнему сопровождалось проблемами, внутренними разногласиями и продолжающимся конфликтом между полицейским управлением и офисом окружного прокурора Алекса Хантера. Полиция очень хотела созвать большое следственное жюри[17], так как оно может потребовать дачи показаний, которую не могли потребовать детективы.

Пятнадцатого сентября 1998 года, спустя два года после убийства, большое следственное жюри присяжных из четырех женщин и восьми мужчин приступила к работе. Хантер назначил адвоката Майкла Кейна возглавлять расследование. К тому времени детектив Стив Томас подал в отставку, сославшись на разногласия с полицией по поводу того, как ведется расследование, а также с офисом окружного прокурора из-за невозможности добиться обвинения Рэмси.

Через неделю после начала работы большого жюри Лу Смит заявил о своей собственной отставке, но по противоположным причинам. В письме Алексу Хантеру он указал: «*Я не могу с чистой совестью участвовать в преследовании невиновных людей. Для меня было бы в высшей степени неприлично и неэтично оставаться в расследовании, когда я так сильно верю в их невиновность*».

В марте следующего года, когда жюри присяжных все еще работало и проводило собственное расследование, Линда Арндт также подала в отставку. Теперь осталось слишком мало тех, кто был знаком с этим делом с самого начала.

Лу Смит и я дали показания перед большим жюри присяжных, и мы оказались в числе последних свидетелей. Он предстал перед собранием 11 марта 1999 года. Мои собственные показания заслушивались 26 и 27 апреля. Смит просил разрешить ему давать показания и в дальнейшем, но его участие было отвергнуто обвинителем Майклом Кейном, который также приказал ему сдать все собранные материалы. С помощью других

прокуроров, которые были знакомы с ним, уважали его и согласились с тем, что большое жюри не прислушивается к доказательствам по делу, Смит сумел отменить и то и другое решение обвинителя. У меня сложилось впечатление, что не прокуроры, а сами присяжные хотели услышать о деле от нас обоих.

Поскольку заседания большого жюри проводятся в закрытом режиме, то я не знаю, о чем свидетельствовал Смит, и соответствовало ли это тому, что я сказал. Но ряд источников в СМИ выразили общее мнение, что сказанное нами обоими сосредоточило присяжных на конечном результате.

Брайан Морган позвонил мне и сказал, что большое жюри хочет, чтобы я давал показания и принес любые записи, которые у меня были.

– Я сообщил им, что у вас нет записей, – сказал он.

– Но у меня есть записи, – возразил я.

– Да?

Я взял их с собой, и когда вошел в комнату большого жюри, то присяжные позволили мне прочитать мои записи в значительной степени дословно, включая и мои откровенные наблюдения за многими ключевыми игроками.

Двое из членов большого жюри имели опыт работы в научной сфере, о чем я знал, и мне важно было объяснить им, что именно мы делали и как развивали свою теорию. Я помню, как один из них меня спрашивал о чем-то, например: «А если бы мы сказали вам о наличии доказательств того, что два человека причастны к этому преступлению?»

«Я проводил расследование и давал показания по делам, где, как мне казалось, вовлечены два человека, – ответил я, – но я не вижу этого здесь». Затем я добавил: «Но если у вас действительно есть доказательства, которые вы упомянули, то почему же я здесь? Почему вы разговариваете со мной? Предоставьте свои доказательства».

Он отступил.

Тринадцатого октября 1999 года большое жюри и Алекс Хантер объявили, что они не нашли достаточных доказательств, чтобы обвинить кого-либо в убийстве Джонбенет Рэмси. Поскольку в законе штата Колорадо указано, что обвинительный акт следует подписывать как председательствующему присяжному, так и окружному прокурору, оставалось неясным, какая сторона будет предъявлять обвинение супругам Рэмси или кому-либо еще.

Мы с Лу Смитом официально встретились только после дачи

показаний перед большим жюри. Но мы быстро подружились на основе взаимного восхищения и уважения. После того как я завершил свое выступление перед большим жюри, адвокаты Рэмси сказали, что Смит хочет со мной встретиться. Мы поехали к нему домой в Колорадо-Спрингс.

Открыв дверь, он приветливо заявил мне: «Джон, мне потребовалось десять месяцев, чтобы сделать вывод, что Рэмси невиновны, а у тебя на это ушло всего четыре дня». Наши ситуации нельзя сопоставлять напрямую. Я проводил быстрое расследование уголовного дела, а он провел полномасштабное расследование полицейского типа. Однако для меня подобное заявление от человека уровня Лу Смита стало величайшим комплиментом.

Он признал, что, как и я, участвовал в расследовании, полагая, что Рэмси могут быть убийцами. Он пригласил меня пройти в дом и показал презентацию того, что собрал. Результаты проведенного Смитом расследования укрепили мою веру в невиновность Рэмси.

Когда он вместе со мной просматривал материалы дела и свою презентацию, я рассказал ему, какое впечатление произвела на меня его работа. Затем он поведал мне некоторые вещи, которые не стали особенным для меня сюрпризом. Сначала о том, как он, Стив Томас и Алекс Хантер отправились в Куантико, чтобы проконсультироваться с преемником моей старой группы, переименованной в Child Abduction and Serial Killer Unit (CASKU) [18].

Поскольку они собирали доказательства и выстраивали историю Рэмси как убийц, Смит заявил, что улики не соответствуют действительности. В этот момент, по его словам, начальник подразделения демонстративно швырнул на стол для переговоров папку с делом и сказал что-то вроде: «Если Рэмси этого не сделали, то я сложу свои полномочия!»

Это согласуется и с другим отчетом, который я получил от Кеннета Лэннинга из отдела поведенческих наук и ведущего специалиста по преступлениям против детей. Исследование Кена, записанное и включенное в обучение, стало новаторским в своей области, и его влияние на поле следствия оказалось значительным. В какой-то момент Кена попросили присутствовать на конференции по этому делу. Выслушав презентацию, он сказал другим агентам о том, что они не допускают возможности вторжения злоумышленника и что все ими представленное не позволяет считать Рэмси подозреваемыми.

«Кен, ты же не хочешь сказать, что Рэмси ни в чем не

виноваты?» – спросил один из специальных агентов.

Лэннинга так и не пригласили к участию в этом деле.

Расследование продолжалось, но так и не завершалось. В 2000 году и Стив Томас, и супруги Рэмси издали книги. В хронике Томаса «*Джонбенет. Внутри расследования убийства Рэмси*» *(JonBenet: Inside the Ramsey Murder Investigation)* Пэтси названа убийцей, а Джон – ее сообщником в сокрытии преступления. В книге «*Смерть невинности*» *(The Death of Innocence)* Рэмси высказали свою собственную точку зрения на историю.

В этой книге Рэмси упомянули местного журналиста по имени Роберт Кристиан «Крис» Вольф как возможного подозреваемого и заявили, что он «представил слишком много вопросов без ответа». Вольф писал об Access Graphics, компании Джона Рэмси, и, по словам своей бывшей подруги, он вел себя странно в день убийства, когда умчался из своего дома и вернулся на следующий день весь в грязи, а затем одержимо следил за ходом дела. Полиция допросила Вольфа и избавила его от подозрений. Он отрицал свою причастность, заявил, что даже не слышал о Джонбенет до ее убийства, и подал иск к Рэмси на 50 миллионов долларов за клевету в Окружной суд США в Атланте.

В жалобе Вольфа говорилось, будто Рэмси знали, что он не может считаться подозреваемым, поскольку Пэтси «случайно или намеренно» убила свою дочь, а затем предприняла «тщательно продуманную и прозрачную попытку скрыть свое преступление». Его сценарий, по сути, был таким же, как в книге Томаса.

Тридцать первого марта 2003 года судья Джули Э. Карнес, бывший федеральный прокурор, отклонила дело по ходатайству о вынесении решения в упрощенном порядке на основании того, что если Вольф не может привести ясных и убедительных доказательств (это стандарт в гражданских делах), что его теория об убийстве Джонбенет родителями Рэмси правдива, *то он не может демонстрировать, что их заявление о его статусе подозреваемого сделано со злым умыслом* (а это критический элемент клеветы).

В своем приказе об отказе в иске на девяносто трех страницах Карнес заявила, что книга Рэмси «занижает» интерес полицейского управления к Вольфу. Она взяла на себя оценку всех доказательств и резко раскритиковала полицию Боулдера и ФБР за попытку создать с помощью СМИ отрицательный образ родителей Рэмси в коллективном сознании. Особенно она критиковала Стива Томаса, сравнив его работу с работой Лу Смита:

В то время как краткие показания детектива Смита по расследованию основаны на доказательствах, теории детектива Томаса не покреплены существенной доказательной базой. Действительно, детектив Смит является опытным и уважаемым специалистом по расследованию убийств, а детектив Томас не имел опыта расследований убийств до этого дела. Проще говоря, доказательства истца, будто они [Рэмси] убили свою дочь и скрыли свое преступление, основаны лишь на том факте, что ответчики находились в доме во время убийства.

Она писала, что «*есть предостаточно доказательств того… что злоумышленник вошел в их [Рэмси] дом посреди ночи 25 декабря 1996 года и убил их дочь*».

По всем основным вопросам судья Карнес применяла веские правовые и следственные аргументы в своем заявлении, которое заходило в своем утверждении невиновности Рэмси дальше, чем любой официальный документ или мнение, существовавшие до этого. Она отвергла идею, будто Пэтси смогла устроить такую инсценировку, что вместо случайного убийства ею дочери появились признаки другого преступления, а также теорию о том, что она совершила преступление под влиянием депрессии из-за якобы своего неудачного брака.

«*Хотя истец представляет доказательства в поддержку своей теории,* – писала Карнес, – *если их принять как истину, то [это] будет противоречить его же теории о том, что мистер Рэмси помог своей жене в "сокрытии" убийства Джонбенет. Другими словами, если брак был на грани распада, маловероятно, что невиновный супруг поможет виновной супруге скрыть убийство их общего ребенка*».

Она также опровергла мнение, что Рэмси, при наличии у них адвоката, не сотрудничали с полицией: «*Несмотря на широко распространенную критику подозреваемых за отказ сотрудничать в расследовании убийства, ответчики отмечают, что они, по крайней мере, трижды соглашались на раздельное собеседование с представителями полиции и окружной прокуратуры округа Боулдер*».

Кроме того, она написала: «*В ходе расследования подозреваемые подписали более ста разрешений на получение информации, запрошенной полицией, и предоставили все доказательства и всю информацию по запросу полиции*».

Я счел это постановление весьма обнадеживающим, поскольку судья Карнес резюмировала то, что я пытался донести

в течение многих лет: чтобы найти какие-либо физические или поведенческие доказательства против Рэмси, вы должны перепрыгнуть через столько логических препятствий, что вся теория разваливается.

Пока разворачивалось дело, мне позвонил Брайан Морган и сказал, что новый прокурор округа Боулдер Мэри Кинан хочет поговорить со мной. Я вылетел и встретился с ней и ее сотрудниками. Впервые в моей карьере меня попросили провести анализ и защиты, и обвинения по одному и тому же делу.

В том же месяце, когда было вынесено решение судьи Карнес, Кинан сделала следующее заявление:

ОКРУЖНАЯ ПРОКУРАТУРА –
ДВАДЦАТЫЙ СУДЕБНОЙ ОКРУГ
МЭРИ И. КИНАН, ОКРУЖНОЙ ПРОКУРОР
7 апреля 2003 года

Я внимательно изучила постановление судьи окружного суда Соединенных Штатов Джули Карнес по гражданскому делу Вольф против Джона Рэмси и Патриции Рэмси. Я согласна с выводом суда о том, что «весомость доказательств больше согласуется с теорией, что злоумышленник убил Джонбенет, чем с теорией, что миссис Рэмси сделала это.

Обращаю внимание, что вынесенное в контексте гражданского дела решение – продуманное и аргументированное, основанное на доказательствах, представленных разными сторонами в этом деле. Его следует читать полностью.

Джон и Патрисия Рэмси находятся в фокусе тщательного расследования в связи с убийством их дочери, Джонбенет, уже более шести лет. Люди, обвиняемые в преступлении, считаются невиновными до тех пор, пока их вину не установит суд. Поскольку мистеру и миссис Рэмси даже не предъявляли обвинение, не говоря уже об осуждении, их следует считать невиновными и следует обращаться с ними соответствующим образом.

В течение нескольких месяцев мои штатные сотрудники исследовали новые и прежние нерассмотренные пути, большая часть которых связана с возможностью того, что это преступление совершил злоумышленник. Мы продолжаем работу

при тесном сотрудничестве с Рэмси, детективом Лу Смитом и полицейским управлением Боулдера. Мы все сосредоточены на задержании и успешном судебном преследовании убийцы Джонбенет.

К сожалению, ни Пэтси Рэмси, ни Лу Смит не дожили до этого. Через три года, в результате рецидива рака, 24 июня 2006 года, в возрасте 49 лет скончалась Пэтси. Она умерла в доме своего отца, Джон до конца оставался с ней. Ее похоронили в Джорджии, рядом с Джонбенет.

Испытав сильнейшую боль в животе, которая стала результатом метастазов рака толстой кишки, Лу Смит умер в возрасте 75 лет 11 августа 2010 года в хосписе Пайкс Пик в Колорадо Спрингс. Незадолго до смерти Лу к нему в хоспис приехал Джон Рэмси, провел с ним несколько часов и помолился у его постели. Джон сказал нам, что для него большая честь выступить на похоронах Лу.

Мы с Марком написали: наверное, худшее, что может случиться с человеком или парой – смерть ребенка от насилия. Благодаря случаю Рэмси мы понимаем, что есть нечто даже хуже: оказаться ложно обвиненным в этом преступлении.

В этом деле есть одна странная заключительная деталь, которая демонстрирует, насколько каждый человек, включая нас, может поддаться предположениям.

Шестнадцатого августа 2006 года власти Бангкока, столицы Таиланда, арестовали 41-летнего учителя начальной школы для иностранцев по имени Джон Марк Карр. Разведенный отец троих детей из Петалумы, Калифорния, он ранее обвинялся в хранении детской порнографии. Карр попал в поле зрения офиса окружного прокурора Боулдера, когда Майкл Трейси, профессор журналистики в Университете Колорадо, будучи очень ответственным человеком, передал копии электронных посланий из своей переписки с Карром, продолжавшейся в течение четырех лет. Тайские власти действовали на основании скрепленного печатью ордера на арест, подписанного судьей окружного суда округа Боулдер Роксанной Байлин.

Очевидно, в поведении Карра было нечто странное. Во время полицейского допроса в Бангкоке он сказал, что был с Джонбенет, когда та умерла. На последовавшей за этим пресс-конференции он заявил: «Я люблю Джонбенет», и добавил, что она умерла случайно. Когда его спросили, не виновен ли он, тот ответил: «Нет». Как сообщил генерал-лейтенант тайской иммиграционной полиции Суват Тумронгсискул, Карр признался, что пытался

похитить Джонбенет и задушил ее после того, как план сорвался.

Карра вернули в Лос-Анджелес, где он отказался от экстрадиции в Колорадо.

Как только мы с Марком узнали о Карре, решили, что дело наконец-то раскрыто и долгий поиск справедливости для Джонбенет близится к завершению. Карр казался достаточно странным и достаточно аморальным как раз для того, чтобы осуществить преступление. Он дважды женился, сначала на 13-летней, а затем на 16-летней девушке, и стал работать заменяющим учителем, чтобы у него была возможность ошиваться в кругу детей.

Однако больше всего нас убедили не доказательства. Откровенно говоря, мы даже не уделили им особого внимания. Мы рассуждали, что с учетом всех прискорбных ошибок и недоразумений, которые были связаны с этим делом, широко разрекламированным на весь мир, власти Боулдера должны быть абсолютно уверены, что взяли того самого парня, прежде чем отвезти его через полмира на суд.

И мы были шокированы, как мало кто другой, когда Мэри Лэйси, прокурор округа Боулдер, объявила, что образцы ДНК, взятые у подозреваемого, не соответствуют уликам, найденным на теле Джонбенет, и таким образом дело прекращено.

Мы не могли поверить в это! Они снова ошиблись, и мы попались на ту же удочку, что и другие, которых мы за это критиковали – мы тоже стали придерживаться предвзятой идеи, вместо того, чтобы позволить фактам и свидетельствам направлять ход нашего рассуждения. Несмотря на весь свой опыт, мы купились на ложное признание и почувствовали облегчение лишь от того, что ни один из нас не согласился на беседу с журналистами, когда впервые прозвучала история Карра.

Честно говоря, я думаю, что Мэри Лейси предпочла бы собрать сначала все доказательства, прежде чем действовать, но просочившаяся к репортерам информация заставила ее ускориться. Но мы не можем отрицать, что пришли к неправильному выводу, не имея полной информации. И мы хорошо усвоили этот урок.

Пока пишется эта книга, Карр живет под именем Алексис Валоран Райх и готовится поменять свой пол.

Кто же убил Джонбенет Рэмси в ночь на Рождество 1996 года? Я не знаю. Как психолог-криминалист со всей информацией и ресурсами, которые мне довелось проанализировать, я могу составить описание *типа личности*, сделавшего это, а также стратегии, помогающие идентифицировать его и привлечь к

ответственности. Что не менее важно, я могу высказать предположение, *кто этого точно не делал*, и мои взгляды на это совершенно не изменились с того дня, как я впервые встретил Джона и Патрицию Рэмси. Как я уже объяснил, роль психолога-криминалиста – перенаправить или переориентировать расследование, а также помочь полиции сузить и проанализировать свой список подозреваемых.

Будет ли дело когда-нибудь раскрыто? Никто не знает. На данный момент это маловероятно, так как пыл расследования давно уже остыл. В лучшем случае из возможных неизвестный субъект будет арестован из-за чего-то другого и некоторые критические точки двух преступлений соединятся. Когда мы в последний раз говорили с Джоном Рэмси, он чувствовал себя так же, как и я, считал, что сделавший это глубоко обиделся на него и мстил ему через ребенка. Он признал, что существовало несколько таких вариантов.

Можно ли было раскрыть дело, если бы над ним работали должным образом с самого начала? Я сказал полицейским детективам, что на тот момент, по моим предположениям, это наверняка было возможно. Если бы Лу Смит или кто-то с его опытом, статусом и мудростью руководил процессом с самого начала, я думаю, все бы разрешилось.

Каждое убийство оставляет за собой ужасный след, круги на воде, постоянно расходящиеся от жертвы. Оно оставило еще более широкий и глубокий след, чем большинство других, из-за усугубления несправедливости. Здесь не только два добрых и порядочных человека лишились своей любимой дочки, а еще из-за порочного и злонамеренного стремления к осуждению – оно подпитывалось средствами массовой информации, не способными им насытиться – их годами мучили и изолировали от других людей обвинениями в том, что именно они и есть убийцы, в то время как настоящий убийца все это время оставался на свободе. Как можно полностью и как следует переживать страшную утрату, находясь под таким чудовищным давлением?

Мы знаем, что последствия смерти ребенка – будь то болезнь, несчастный случай или преступление – могут либо разлучить пару, либо сблизить ее.

«На самом деле мы с Пэтси оказались против всего мира, – вспоминал Джон. – Мы всегда были близки, но это сблизило нас еще больше. И если во всем произошедшем есть какой-то урок, он заключается не в том, что убили невинного ребенка – потому что, к сожалению, такое тоже случается часто, – а в том, что полиция преследовала невинных людей».

Независимо от вашей веры или внутренней силы, когда что-

то подобное происходит, остаются раны, которые никогда не заживают. «Главная обязанность человека как отца – защищать своих детей, но я не смог этого сделать», – сокрушался Джон.

Как изменилась его жизнь после трагедии? «Прежде чем все это случилось, я то и дело беспокоился. Даже когда дела шли отлично, я тревожился, что будет, если я потеряю работу – как я поддержу свою семью? Я всегда мог найти повод для беспокойства. Сейчас я просто не обращаю внимания на подобные вещи. Я нахожусь за гранью таких переживаний».

Мы спросили его, не сделала ли из него потеря двух дочерей и жены – то есть переживание самого жестокого, что только могла бросить ему жизнь – «эмоционально неполноценного».

«Нет, я не чувствую эмоциональную неполноценность. После того как Джонбенет умерла, мне стало все равно, что случится дальше. Я бы не покончил с собой, но если бы что-то случилось со мной, это было бы не так страшно. Затем постепенно я пришел к выводу, что у меня еще остались другие дети, о которых нужно заботиться, да и прочие вещи, ради которых стоит жить. Я понял, что должен сделать все возможное, чтобы очистить свое имя – если не ради меня самого, то ради моих детей. И несмотря ни на что, я думаю, каждый из нас должен работать над идеей о том, что наши лучшие дни еще впереди».

Джон Рэмси со своей верой, силой характера и желанием заботиться о других вполне мог достичь этой цели. В 2011 году он женился на модельере Ян Руссо, и мы желаем им самого наилучшего.

Любое получившее широкую огласку дело об убийстве становится показательным и символическим – из-за наших собственных страхов, нашей увлеченности и отвращения к злым проявлениям, а также из-за нашего общения и взаимоотношений с нашими собратьями, людьми. Такие дела выступают в качестве реальных воплощений классических трагедий.

Зная Джона Рэмси так, как знаю его я, зная его покойную жену Пэтси, я могу воспринимать их только как отдельных людей, а не символов или знаменитостей поп-культуры. Как и многие другие, они были обычными, любящими, щедрыми людьми, и несмотря ни на что, Джон все еще остается таким человеком.

Надеюсь, вместе со всем, что представляет собой эта трагедия, мы не упустим из виду самого основного и очевидного элемента из всех: красивому и уникальному ребенку помешали вырасти, начать жить своей жизнью и выполнить свое особое предназначение. Семья, которая ее воспитала, вытерпела невыносимое, если не сказать больше. Это то, чему каждый порядочный человек не может не сострадать.

Часть пятая. Сатанинская паника

Глава 17. Робин Гуд Хиллз

– Здравствуйте, это Джон Дуглас. Как я понимаю, вы хотели поговорить со мной.

Это было в марте 2006 года. С моего сайта пришел запрос Стивену Марку, моему адвокату в Нью-Йорке, и он назвал мне имя и номер человека, который хотел со мной проконсультироваться по определенному делу. Номер телефона был из штата Арканзас.

– Да, спасибо, что позвонили. Меня зовут Лорри Дэвис, – у нее был приятный голос. У меня в уме мгновенно сложился ее профиль: чуть больше тридцати, образованная и опытная, возможно, профессионал в какой-то области. – Вы знакомы с делом троицы из Уэст-Мемфиса?

– Нет, – ответил я.

– Трех молодых людей осудили за убийство трех восьмилетних мальчиков в городе Уэст-Мемфис, штат Арканзас, в 1993 году. Но каждый из этих осужденных невиновен.

Ну конечно. Как будто ни один обвиняемый в убийстве не виновен.

– Влиятельные люди в Голливуде являются вашими поклонниками, они доверяют тому, что вы делаете, – продолжила она. – Не могли бы вы проанализировать это дело?

– Какое лично вы к этому имеете отношение? – поинтересовался я.

– Мой муж – Дэмиен Эколс, один из обвиняемых, – пояснила она. – Он уже сидел в тюрьме, когда мы поженились.

Так, хорошо, я составил неправильный профиль! Она, может быть, образованная и утонченная, но это еще одна сумасшедшая.

Я говорю «еще одна», потому что это явление хорошо известно всем нам – людям, вовлеченным в сферу уголовного правосудия. По разным причинам некоторые женщины склонны влюбляться в убийц, сидящих в тюрьме. Это часто начинается как дружеские отношения по переписке, либо из альтруизма, либо из простого любопытства. Затем это может перерасти в любовь, а то и в брак с полным пониманием того, что супруг, вероятно, навсегда останется за решеткой. И это хорошо, поскольку заключенный – жестокий преступник; если он выберется на свободу, то эта женщина, скорее всего, станет одной из его следующих жертв.

Всевозможные причины поведения этих женщин включают в себя одиночество и реальную или предполагаемую неспособность жить с «нормальными» мужчинами. Потаенное увлечение

возбуждением, насилием или запретами. Желание воспитывать или стать «матерью» тех, кто всегда был обделен достаточным вниманием или «пониманием». Это часто сочетается с на первый взгляд противоречивым чувством заниженной самооценки и нелогичной, самодовольной уверенности в своей способности «перевоспитать» убийцу, превратить его в мирного и полезного члена общества. Впрочем, конечно, некоторые из таких женщин выходят замуж, потому что это «безопасно» – они могут чувствовать себя замужними, даже не зная, каково, собственно, жить с мужем.

Встречаются и другие мотивы, но именно эти мы встречаем из раза в раз. Как бы меня это ни раздражало, ведь я считаю, что их жалость направлена совсем не в ту сторону, но я часто сочувствую этим женщинам. Они выглядят довольно жалко.

И кто эти «влиятельные люди в Голливуде», такие большие мои фанаты? Все это звучало очень странно.

Но чем больше она говорила, тем больше я чувствовал в Лорри Дэвис нечто другое, и это ощущение просто отказывалось соответствовать выстроенному шаблону. Она объяснила, что работала ландшафтным архитектором в Нью-Йорке, увидела документальный фильм канала HBO под названием «*Потерянный рай*» *(Paradise Lost: The Child Murders at Robin Hood)* и убедилась, что трое осужденных парней невиновны. Она начала переписываться с Дэмиеном Эколсом, так называемым главарем банды, приговоренным к смертной казни в Арканзасе. В конце концов они полюбили друг друга и решили пожениться, хотя их жизни, по сути, будут прожиты отдельно, а их отношения долго не продлятся.

– Я ничего не знаю об этом деле, – повторил я, – поэтому не представляю, какие выводы смогу сделать. Нам нужно будет привлечь адвоката, чтобы подписать договор.

Контракт был важен, потому что если я и мои выводы не понравятся клиенту, то ему нужно пояснить, что эти выводы не изменятся.

Я произнес стандартную речь о том, что, во-первых, я продаю свое время, но не свое мнение. Во-вторых, клиент волен свободно использовать или не использовать мои выводы, это его право. В-третьих, я не буду раскрывать негативную информацию, полученную через тайные источники, но прошу клиента помнить: все, что он попросит меня изложить в письменной форме, окажется доступным для вынесения обвинения в любом судебном разбирательстве. Я завершил эту свою речь, сказав, что в таких случаях всегда работаю в пользу потерпевших, независимо от того, какая сторона меня привлекла.

Лорри сказала, что ее все вроде бы устраивает.

– Соглашение мы будем заключать с вами? – спросил я.

– Нет, – ответила Лорри, – соглашение заключит главный адвокат апелляционной инстанции Деннис Риордан из компании «Риордан и Хорган» в Сан-Франциско.

– А кто эти влиятельные голливудские люди и каким образом они вовлечены?

– Я не могу сказать вам этого, пока вы не подпишете соглашение, – заявила она. И это было очень странно.

С того момента процесс пошел довольно быстро. Она поговорила со Стивом Марком, он подписал соглашение. «Они» оказались несколькими видными деятелями шоу-бизнеса. Эти люди, как и Лорри, посмотрели фильм «*Потерянный рай*» и пришли к выводу, что троица из Уэст-Мемфиса несправедливо обвинена и осуждена.

Я начал регулярно разговаривать с Лорри. Обычно, в соответствии со своими предположениями, я нахожу женщин, влюбляющихся в осужденных убийц, жутко и мучительно зависимыми. Но когда я слушал Лорри, то чувствовал, что там происходит нечто еще. Несмотря на кажущуюся нелогичность общения с тем, кто собирается провести остаток своей (скорее всего, короткой) жизни в тюрьме, казалось, у нее есть своя логическая система и критическое эго, причем в идеальном рабочем состоянии. Она не выглядела ни зависимой, ни нуждающейся. Скорее, чрезвычайно ориентированной на выполнение своей миссии, но при этом она не теряла чувства юмора и продолжала заботиться о нормальном течении повседневной жизни.

Я получил огромное количество материалов дела – отчеты судебно-медицинской экспертизы, протоколы допросов, фотографии, газетные вырезки, карты, диски, временные графики и все протоколы судебного разбирательства. Я принялся за работу, погрузившись в дело.

Лорри предложила мне взять интервью у Дэмиена в тюрьме, но я сказал ей, что мне это не поможет. На первом этапе я не хотел задействовать эмоции или попадать под влияние личных отношений, а собирался основывать свое мнение строго на фактах по делу.

Уэст-Мемфис, город с населением около 27 000 человек, находится к западу, или в сторону Арканзаса, от реки Миссисипи. Он связан со своим более крупным и явно более космополитическим тезкой – городом Мемфис, штат Теннесси – с

помощью двух шоссе 40 и 55, которые расходятся возле северо-восточной окраины города. Эти два шоссе проходят через страну от побережья до побережья и от озера Мичиган до Мексиканского залива. Фактически восток – запад I-40 и север – юг I-55 сближаются здесь на несколько километров, что делает Уэст-Мемфис привлекательным местом для бизнеса у всех, кто обслуживает транспортную отрасль.

Мойка для грузовиков Blue Beacon, входящая в сеть из сотни с лишним одноименных заведений в США и Канаде, выглядела именно таким заведением. В 2012 году ее закрыли, но в 1993 году она вовсю работала недалеко от шоссе Юг-Сервис-роуд между штатами. К югу от шоссе есть длинный канал, идущий примерно с востока на запад, он отходит от Тен Майл Байю, одного из многих аналогичных водных путей в этом районе. Она еще называется, вполне обоснованно, водозаборной канавой Тен Майл Байю. Ее функция – собирать дождевую воду, которая обычно впадает в Миссисипи из этой протоки, но блокируется системой дамб, предохраняющей реку от наводнения. Канава несет воду на юг, за дамбу.

Так вот, между шоссе и водозаборной канавой Тен Майл Байю был зажат густо заросший лесом участок земли, известный как «холмы Робина Гуда» (Робин Гуд Хиллз) или просто Робин Гуд. Дренажный канал, похожий на ручей, отходил от водозаборной канавы вглубь леса. Большая канализационная труба держалась на металлических балках поперек канала и позволяла смельчакам или тем, кто хочет похвастаться своей храбростью, пробраться к Робин Гуд Хиллз из окрестных скромных домиков на юге.

Родители старались не пускать детей в Робин Гуд Хиллз. Он считался прибежищем для потребителей наркотиков и неблагонадежных личностей, приезжающих с автомагистрали между штатами. Но ручей, пешеходные и велосипедные маршруты, веревка, качели и густая листва, где могло начинаться любое фантастическое приключение, представляли собой слишком большой соблазн для всех детей, кроме самых послушных или робких.

Пятого мая 1993 года Кристофер «Крис» Байерс, Майкл Мур и Стивен «Стиви» Брэнч, восьмилетние дети из соседнего района, пропали без вести. Они были лучшими друзьями и часто гуляли вместе. Все трое учились во втором классе в начальной школе Уивера, которая находилась неподалеку.

Джон Марк Байерс, отчим Кристофера, первым сообщил о случившемся в полицейское управление Уэст-Мемфиса (WMPJ) около 20:00. Он сказал, что ни он, ни его жена Мелисса, мать

Криса, не видели сына с 17:30, а опаздывать ему было не свойственно.

Офицер Регина Мик ответила на звонок Байерса в 20:08. Пока она записывала его информацию, в полицию пришла Дана Мур, которая жила через улицу от Байерсов, и сообщила, что ее сына Майкла тоже нет дома. Последний раз она видела его около 18:00, они со Стиви катались на велосипедах. Крис сидел на заднем сиденье велосипеда Стиви. Она потеряла мальчиков из виду и отправила свою девятилетнюю дочь Дэн искать их. Дэн пошла за ними, но не успела догнать. Дана Мур описала своего голубоглазого мальчика с каштановыми волосами в его обычном наряде: синяя форма новичка-скаута.

Мама Стиви Брэнча, Памела «Пэм» Хоббс, тоже волновалась. Они жили в нескольких кварталах от Байерсов и Муров, и она не видела сына с тех пор, как он вернулся из школы. Ее муж Терри – отчим Стиви – каждый раз рано вставал и уходил из дома утром на работу по развозу мороженого в розничные магазины. Он сказал, что не видел Стиви весь день. У мальчика были каштановые волосы и голубые глаза. Волосы у Криса тоже были светло-каштановые, а глаза голубые. Все трое являлись гордыми новичками-скаутами, хотя Крис и Стиви не везде носили форму, в отличие от Майкла.

Когда тревога распространилась среди местных жителей, родители и их друзья из соседей присоединились к полиции и начали поиски везде, где, по их мнению, могли оказаться мальчики. Некоторые даже рискнули забраться на Робин Гуд Хиллз, это место с заходом солнца приобрело явно зловещий и неприступный ореол. Ночью в густом лесу трудно было что-то увидеть, но поиск возобновился на рассвете. Никто ничего не нашел, даже малейших зацепок насчет того, в каком направлении могли бы пойти мальчики. К этому времени родители уже сходили с ума от волнения.

Между тем Гэри Гитчелл, главный инспектор детективного подразделения в полицейском управлении Уэст-Мемфиса, вызвал поисково-спасательную команду из офиса шерифа округа Криттенден. Полицейское управление города Мемфис, штат Теннесси, прислало собственный вертолет на поиски, но листва в районе Робин Гуда оказалась такой плотной, что сверху ничего нельзя было разглядеть.

К 13:30 следующего дня большинство искателей оставили Робин Гуд Хиллз. Но в это время Стив Джонс, окружной инспектор по делам несовершеннолетних, взглянул вниз с крутого склона ручья и возле мойки для грузовиков Blue Beacon увидел черную теннисную туфлю. Он вызвал подмогу по радио,

прежде чем вытащить ее. Сержант полиции Майк Аллен находился поблизости, на другой стороне леса. Он перелез по канализационной трубе через переливную канаву и бросился к ожидавшему его Джонсу.

Как только Джонс указал на увиденное, Аллен спустился к воде, чтобы достать кроссовку. При этом он потерял равновесие и упал. Позже он описывал это так: «Я поднял правую ногу, и на поверхность воды всплыло тело».

Это был ребенок. Обнаженный, спина его сильно прогнулась. Вскоре полиция оцепила территорию. Гэри Гитчелл установил периметр места преступления и его люди стали искать, нет ли поблизости еще двух тел.

Детектив Брин Ридж взял на себя неприятную обязанность спуститься по склонам в ручей и прочесывать его, метр за метром, передвигаясь на четвереньках. Вопреки разуму, он надеялся, что ничего не обнаружит, однако понимал, что может наткнуться на тела детей в любой момент. Но вместо этого наткнулся на палку, застрявшую в грязи. Когда детектив поднял ее, то увидел обернутую вокруг конца палки детскую белую рубашку, как будто кто-то пытался спрятать ее, бросив в русло ручья.

Полиции не следовало ничего трогать на месте преступления, хотя некоторые сотрудники и считали, что нельзя просто оставить тело в воде. Это было человечно и гуманно, однако неправильно. Жертва мертва, ей уже не нужна помощь. На месте преступления все должно оставаться неизменным до прибытия судмедэксперта и специальной техники.

Вместо этого Ридж отошел назад и осторожно поднял труп на берег ручья. По фотографиям, которые были представлены полицейским, они опознали покойника как Майкла Мура. Неестественный изгиб его спины возник из-за того, что его кто-то связал – левое запястье было привязано к левой лодыжке, а правое к правой, – но не веревкой и не шпагатом. Скорее, мальчика связали шнурками, видимо, его же собственными. Раны на голове показывали, что его сильно ударили, похоже, не один раз.

Мужчины и женщины в оперативной части правоохранительных органов ожесточаются, наблюдая ужасные вещи, но почти никто не может привыкнуть к виду чего-либо вроде этого.

Ридж вернулся в воду. Шаря руками по дну, он нашел другую одежду, в том числе скаутские кепку и рубашку Майкла и плюс две пары кроссовок – обе без шнурков. Вскоре у полицейских набрался почти полный набор всех вещей, которые носили мальчики, большая часть вещей оказалась закреплена палками на

дне ручья. *Что все это означало?* Я заинтересовался этим вопросом. Примечательно, что большая часть вещей была вывернута наизнанку. Можно предположить, что их поспешно снимали либо сами мальчики, либо нападавшие.

Теперь у полицейских не оставалось никакой надежды, лишь только ожидаемый ужас оттого, где обнаружится следующее тело. Ридж обнаружил его ниже по течению, прилипшим к мягкой грязи. Он сильным рывком вытащил тело на поверхность. Это был Стиви Брэнч, голый и связанный шнурками, как и Майкл.

Через несколько минут отыскали тело Кристофера Байерса, лежавшее лицом вниз в грязной воде. Тоже обнаженного и связанного, но в еще худшем виде: похоже, его кастрировали. На месте половых органов осталась только кожа и вокруг следы проколов, будто сделанные большим ножом.

Детективы достали из воды два велосипеда, красный и зеленый, неподалеку от того места, где большая водосточная труба выходила к Робин Гуду над водозаборной канавой. К тому времени был вызван Кен Хейли, главный судебно-медицинский эксперт округа. Он осмотрел все три тела и констатировал, что смерть наступила вчера, около четырех часов дня. Хотя на тот момент не удалось с уверенностью установить, в какое время мальчики на самом деле умерли.

Гитчелл приказал сфотографировать и заснять на видео все место преступления, а также завалить мешками с песком ручей выше того участка, где нашли тела и одежду, чтобы искать другие доказательства, а также отрезанные части тела Криса Байерса.

Во время чтения материалов я отметил, что следователи не вытащили из ручья палки, которыми были утоплены вещи в грязи, и не занесли их в каталог найденных предметов.

Отдав приказ, Гитчелл вернулся из леса, где за желтой полицейской лентой собралась встревоженная толпа. Первым он заговорил с Терри Хоббсом, отчимом Стиви Брэнча. Услышав страшную новость, мужчина рухнул на землю и заплакал, Пэм – его жена и мать Стиви – упала в обморок. Гитчелл коротко пообщался кое с кем из репортеров, а затем пошел к отчиму Кристофера, Джону Марку Байерсу. Байерс сказал, что он искал почти всю ночь и, видимо, вошел в ручей в трех или четырех метрах от того места, где обнаружили тела.

Население города погрузилось в траур. В начальную школу, где учились мальчики, отправили психотерапевтов, которые помогали справиться с горем. За информацию, способную помочь найти убийцу или убийц, назначили внушительную награду. Соседи и прихожане церкви объявили сбор средств на похороны и памятники. Гэри Гитчелл сказал, что его детективы

рассматривают широкий спектр версий, в том числе убийство могли совершить «члены банды или приверженцы культа» – хотя он не мог утверждать, есть ли какие-либо доказательства в поддержку такой гипотезы.

Весть об ужасном преступлении быстро распространилась. С Гитчеллом связался губернатор Джеймс «Джим» Гай Такер, предложив свою помощь. Готова была подключиться к расследованию и полиция штата Арканзас. Но точно так же, как это произошло спустя три года с делом Джонбенет Рэмси в Колорадо, Гитчелл отказался от помощи полиции штата. Допускаю, что как и в случае с полицейским управлением Боулдера, он был убежден, что его отдел самостоятельно справится с этим делом. Но возможна и другая причина. В то время в отношении полицейского управления Уэст-Мемфиса проводилось расследование, организованное полицией штата, по факту коррупции на основании заявлений о том, что один или несколько сотрудников брали конфискованные наркотики из комнаты для вещественных доказательств и незаконно их продавали. Если Гитчеллу пришло в голову именно это, то работать с полицией штата ему было бы крайне неловко.

Когда я читал первоначальные отчеты, то сначала представил, что здесь убийство смешанного сексуального характера, то есть преступление с целью сексуального удовлетворения. При этом его могли как планировать заранее, так и, наоборот, совершить спонтанно. Непонятно, входило ли убийство в первоначальные намерения злоумышленников, но мне показалось вероятным, что преступление вышло из-под контроля, поскольку погибших жертв оказалось целых три. Когда мы видим убийство, где задействованы гениталии, ягодицы, анус или, в первую очередь, женская грудь, мы чаще всего квалифицируем его как убийство из похоти. Поскольку произошла кастрация, плюс все трое мальчиков были раздеты и связаны, такое определение казалось подходящим. Но я хотел воздержаться от суждений, пока полностью не погружусь в дело.

Вскрытие проводил доктор Фрэнк Дж. Перетти, патологоанатом из государственной криминальной лаборатории Арканзаса. Он сообщил, что Крис Байерс умер от многочисленных ран, в то время как Стиви Брэнч и Майкл Мур утонули при меньшем количестве травм в воде глубиной 60 сантиметров. В отличие от Криса у них не обнаружили ран, полученных при попытках защититься, то есть они не сопротивлялись.

По мере того как по общине распространялись сведения о жутких подробностях убийства, жители стали рассуждать об оттенках зла и тьмы, присущих этому делу. Лейтенант Джеймс

Садбери из полиции Уэст-Мемфиса связался со Стивом Джонсом, офицером службы по надзору за несовершеннолетними, который первым увидел ужасную картину в Робин Гуд Хиллз. Оба они считали, что убийство выглядит как преступление культового типа, и Садбери хотел знать, есть ли способные на такое злодеяние среди молодых неблагополучных подопечных Джонса.

Начальником Джонса был старший инспектор по делам несовершеннолетних Джерри Драйвер. В прошлом он работал пилотом в авиакомпании, а выйдя на пенсию, открыл службу по уборке домов, но этот бизнес проработал недолго. После этого он пошел в службу профилактики с условно освобожденными. Бородатый, похожий на медведя Драйвер беспокоился из-за деятельности сатанинских культов и повсюду видел их знаки, приближающиеся к восточно-центральному Арканзасу. Когда убили трех мальчиков, он понял, что сбываются его худшие опасения. Он составил список из восьми молодых людей, которых счел способным совершить подобное преступление. Первым в этом списке оказался Дэмиен Уэйн Эколс и еще один мальчик, который был известен как его близкий друг, Чарльз Джейсон Болдуин. Мне стало интересно, почему он внес их в этот перечень, переданный местным органам полиции.

Дэмиену Эколсу было 18 лет, таких как он, обычно называют проблемными детьми. При рождении его зарегистрировали под именем Майкл Уэйн Хатчисон, и пока его родители Эдди Джо и Памела Хатчисон состояли в браке, его постоянно перевозили с места на место из-за работы Джо. «*К двенадцати-тринадцати годам,* – писал он в своих мемуарах “*Почти дома*” *(Almost Home)*, – *я уже решил, что жизнь безнадежна*». Из-за всего этого он превратился в одиночку, обратившись к чтению, к музыке и, очевидно, к долговременному поиску духовного смысла, куда вошел переход от своего пятидесятнического происхождения к буддизму, индуизму, исламу и в конечном счете к католицизму. По пути он обратил внимание и на неоязыческий религиозный культ «викка».

В какой-то момент семья лишилась дома и переехала к матери Памелы, по имени Фрэнсис, и ее новому мужу Айвену в Уэст-Мемфис, пока Джо искал для них постоянное жилье. Однако напряжение между Джо и Памелой годами росло, и брак распался. Майкл очень привязался к Айвену и почувствовал себя опустошенным, когда этот мужчина умер через несколько лет.

Памела после развода с Джо вышла замуж за Джека Эколса и переехала в его дом в Уэст-Мемфисе. В 1990 году Джек усыновил Майкла, и мальчик нехотя взял фамилию отчима. Поскольку он

менял фамилию, то решил сменить заодно и имя на Дэмиен. Его вдохновило чтение рассказа святого отца Дэмиена де Вустера – этот бельгийский католический священник посвятил свою жизнь прокаженным на гавайском острове Молокаи. По иронии судьбы, как только Дэмиена связали с убийствами в Робин Гуд Хиллз, распространилась история о том, что новое имя появилось из серии фильмов «*Знамение*» о земном появлении Антихриста.

Дэмиен описывает жизнь с Джеком, его матерью и своей сестрой Мишель как очень безрадостную. Джек присоединялся к маленьким пятидесятническим религиозным общинам и переселял семью в крошечные лачуги, каждая из которых опускала их все ниже и ниже по лестнице бедности. Когда у бабушки Дэмиена случился сердечный приступ, и ей стала необходима помощь, они переехали в ее жилье на стоянке трейлеров.

«*Я слышал много анекдотов о бедняках, живущих на стоянках трейлеров,* – писал Дэмиен. – *Но я больше не считал себя бедным. Теперь я жил в роскоши – мог принять душ, когда захочу, у меня было центральное отопление зимой и блок воздушного кондиционера летом. В туалете можно было спустить воду, никаких куч грязных тряпок вокруг, у нас были соседи. Это настоящий рай*».

В младших классах средней школы Дэмиен превратился в такого подростка, который в конце концов стал привлекать внимание властей. Позже он признал, что часто страдает депрессией, и это, разумеется, объяснимо, учитывая обстоятельства его жизни. Его оценки ухудшились, он стал нарушать порядок в классе. Увлекся хеви-металом, особенно группами Metallica, Iron Maiden, Megadeth, Slayer и Anthrax. Также ему нравилась популярная ирландская рок-группа U2. Он одевался во все черное, носил старый черный плащ даже во время жаркого арканзасского лета. Обрил наголо одну половину головы, на другой отпустил длинные волосы. В своем непрекращающемся духовном поиске он обратился к язычеству, мистицизму и оккультизму. Он стал викканом, следуя по пути, как ему казалось, природы и творческой силы жизни.

И он нашел себе нового лучшего друга.

Глава 18. Дэмиен и Джейсон

На первый взгляд Чарльз Джейсон Болдуин, известный под своим вторым именем, не имел ничего общего с Дэмиеном. На два года моложе, худощавого телосложения, с длинными светлыми кудрявыми волосами, Джейсон был прилежным учеником с признанным талантом к искусству. Некоторые учителя советовали ему начать карьеру в этой области. Но двое мальчиков нашли общий язык – они обсуждали глобальные идеи, обменивались информацией о модных контркультурных группах, чувствовали общность между собой, которая, по их мнению, отличала их от узколобой сельской общины. Джейсона большинство людей считало тихим и вежливым, он любил охоту и рыбалку, а также держал змей. Его мать, Анджела Гейл Гриннелл, страдала психическим заболеванием и злоупотребляла наркотиками. В какой-то момент ей пришлось лечиться в Региональном центре психического здоровья Восточного Арканзаса.

Джейсон происходил из той же среды, что и Дэмиен, да и многие другие в этой бедной, наполовину сельской общине, в том числе двое из убитых впоследствии мальчиков. Его родители разводились и вновь сходились несколько раз, поэтому трудно запомнить все их фамилии. Отец Джейсона, Ларри, жил в центральной части Арканзаса. Он и Гейл приходились друг другу троюродными братом и сестрой.

В среднем подростковом возрасте Дэмиен попадал в мелкие неприятности с законом. Однажды ночью он сбежал со своей подругой и забрался ночевать в заброшенный дом. Полиция арестовала его и передала органам по делам несовершеннолетних, чтобы там оценили его действия и его состояние. В госпитале Чартер, недалеко от города Литл-Рок, ему поставили диагноз «маниакально-депрессивный психоз» и прописали антидепрессант трофанил. Когда Дэмиена освободили и отправили обратно в Уэст-Мемфис, его поставили на учет под надзором сотрудника службы пробации несовершеннолетних Джерри Драйвера.

Он не в первый раз встретился с Джерри Драйвером. «Джерри Драйвер преследовал и мучил меня годами. Именно он затаскал меня по этим психиатрическим учреждениям», – говорил Дэмиен, добавляя, что Драйвер часто появлялся рядом с его жильем на стоянке трейлеров и высматривал там детей, попавших в беду. По каким-то причинам фигура Драйвера стала вызывать ненависть и страх в тех бедных кварталах, которые он патрулировал.

«Вот что в первую очередь привлекло ко мне внимание, – вспоминал Дэмиен. – У меня есть несовершеннолетняя девушка, ее родители узнали, что мы занимаемся сексом, и сказали: „Вам больше нельзя видеться“. Тогда мы придумали гениальный план: „Что ж, давай просто тогда сбежим отсюда прочь“. И так мы убежали. Ее родители вызвали копов, они нашли нас и задержали. Тогда мы встретились с Джерри Драйвером. А так как мы подростки, то он нами занялся. Именно тогда он увидел меня в первый раз и выбрал меня своей целью. Сразу же, в первый вечер, он начал расспрашивать меня обо всех этих сатанинских делах: „Ну, ты что-нибудь слышал? Ты знаешь что-нибудь о сатанинском культе в этом районе? О чем ты слышал? Ты видел, как творится что-нибудь странное? Знаешь, нам действительно нужна помощь с этими делами“. Это было за много лет до убийства. Мне было лет шестнадцать, семнадцать или вроде того».

Нестабильность в жизни Дэмиена продолжалась. Его мать Памела, наконец, развелась с Джеком Эколсом и снова вышла замуж за Джо Хатчисона, переехала с ним в город Портленд, штат Орегон, и получила разрешение бюро по условно-досрочному освобождению взять с собой Дэмиена. Психическое состояние Дэмиена ухудшилось, он стал много пить, его родители боялись, что он покончит жизнь самоубийством.

Дэмиен решил вернуться в Уэст-Мемфис. Желая остаться с другом, он подал заявление о восстановлении в средней школе, но ему сказали, что понадобятся письма от родителей. Как только он вышел из школьного кампуса, Джерри Драйвер арестовал его за то, что тот нарушил условно-досрочное освобождение, уйдя из-под опеки своих родителей в Орегоне.

«Я пошел регистрироваться в среднюю школу, а они говорят: „Ты не можешь зарегистрироваться без родителя или опекуна, потому что тебе меньше восемнадцати“. Так что я вернулся в дом моего друга. Вскоре, как вы знаете, я услышал стук в дверь. Это был Джерри Драйвер. Он сказал: „Мне придется тебя арестовать“. Я спрашиваю: „За что?“ Он говорит: „За то, что ты не живешь со своими родителями. А следовательно, ты нарушаешь закон“. Он арестовал меня и отправил на месяц в психиатрическое учреждение».

Дэмиена вернули в госпиталь Чартер. Пробыв там несколько недель, он почувствовал себя лучше. Возможно, из-за того, что доктор заставил его отключиться от своих внутренних переживаний, а у Дэмиена появилась возможность общаться с другими пациентами. Когда он вернулся в Уэст-Мемфис, то пошел в среднюю школу и сдал там выпускные экзамены. Затем

он переехал к своей девушке Домини Тир, очень милой, стройной, веснушчатой и рыжеволосой. Вскоре она забеременела. Когда его родители вернулись в Уэст-Мемфис, Дэмиен иногда жил у них.

Около полудня в пятницу, 7 мая 1993 года, лейтенант Джеймс Садбери и Стив Джонс зашли в дом Хатчисонов в трейлерном парке Бродвей и добились от них разрешения поговорить с Дэмиеном. Садбери с помощью полароида сделал снимок Дэмиена с татуировкой в виде пентаграммы на груди и с еще одной татуировкой на руке. Определить смысл рисунка они не смогли. Дэмиена спросили, участвует ли он в делах культа. Парень ответил отрицательно.

«Они стали спрашивать меня и рассказывать мне разные вещи, – вспоминал Дэмиен. – Завели меня в спальню моего дома и говорят: „Если тела нашли в воде, как ты думаешь, почему они там оказались?“ Я ответил, что, наверное, их хотели спрятать. „А как ты думаешь, если кто-то помочился в их рты и опустил в воду, чтобы смыть мочу, такое возможно?“»

Дэмиен вспоминал, что разговор его удивил.

«Ладно, – думаю я. – Чушь какая-то. Не знаю, почему вам пришло в голову спрашивать меня об этом, но ладно. Я не успел опомниться, как нас привели в суд, и эти люди говорят: „Он рассказал нам, что они затолкали тела в воду, чтобы смыть с них мочу“».

На следующий день инспектор Гитчелл побеседовал с Джоном Марком Байерсом, так поступают в каждом случае, связанном с убийством детей. Всегда в первую очередь проверяют самых близких людей, имеющих доступ к такой юной жертве. Интересно, что полицейские не стали проводить тщательное расследование в отношении его жены Мелиссы или других родителей, Пэм и Терри Хоббс или Даны и Тодда Мур, хотя всех их опрашивали для получения стандартной в таких ситуациях информации.

На следующий день после беседы с Байерсом полицейские добились разрешения на официальный допрос Дэмиена. Они также поговорили с Джейсоном Болдуином, зная, что это его близкий друг. Несмотря на отсутствие каких-либо прямых или косвенных улик, полиция твердо верила, что мальчиками стоит заниматься в связи с убийством детей и что надо установить за ними еще более пристальное наблюдение.

Полиция отслеживала различные зацепки, хотя относилась к ним неправильно с самого начала. Так получилось с неустановленным лицом, представляющим интерес, его условно назвали «мистер Боджанглс». По данным полиции, около 20:40 в

тот день, когда произошло убийство, Марти Кинг, менеджер ресторана «Боджанглс», находящегося примерно в полутора километрах от места преступления за Тен Майл Байю, позвонил в полицию. Он сообщил, что кто-то видел черного мужчину «взбудораженного вида, покрытого кровью и грязью». Неизвестно, была ли это его кровь, но остался отпечаток его руки на стене туалета. К тому же он испражнился на пол.

Примерно через сорок пять минут офицер Регина Мик прибыла на место для разбирательства. Но мужчины там уже не оказалось, поэтому она просто взяла отчет и ушла, не заглядывая внутрь.

Когда на следующий день стало известно об убийстве, Марти Кинг резонно посчитал, что здесь возможна связь, и снова вызвал полицию. Следователи прибыли в ресторан только после того, как закончили осмотр места преступления в Робин Гуд Хиллз, и принялись искать улики в дамской комнате ресторана «Боджанглс». При этом они не поменяли ни одежду, ни обувь, то есть стало невозможно определить, были в этих двух местах одинаковые следы, или нет. Кроме того, Кинг, как обычно, провел уборку в туалете, не понимая, что там могли оказаться важные для расследования убийства вещественные доказательства. Засохшая кровь на стене еще оставалась, следователи взяли напольные плитки и соскобы. Однако, когда подозреваемые предстали перед судом, никто не знал точно, что произошло с взятыми из туалета уликами.

На простыне, обернутой вокруг тела Криса Байера, когда его везли в патологоанатомическую лабораторию, обнаружился волос человека негроидного типа. Это сделало еще более вероятной возможную связь странного мужчины в дамской комнате с преступлением.

На такой ранней стадии расследования, пока не установлены точки соприкосновения, не удалось бы установить, кто такой «мистер Боджанглс»: вероятный убийца или запаниковавший бродяга, случайно наткнувшийся на место трагедии в неподходящее время, а может, вообще кто-то посторонний, не имеющий отношения к событиям. Но в любом случае, без поиска улик и без своевременной проверки информации одного из людей, представляющих интерес для расследования, просто упустили из виду.

Однако полицейские не проявляли сильного беспокойства по этому поводу. Они зациклились на Дэмиене Эколсе и его приятеле Джейсоне Болдуине. Как заметил Джерри Драйвер, Дэмиен подходил под образ убийцы трех мальчиков, так было решено сразу после того, как все узнали о совершенном

преступлении. Не имея ничего, кроме этой догадки, сотрудники стали внимательно следить за Эколсом, парковаться перед его домом, давить на него, отслеживать каждый его шаг. Дэмиен полагал, что они в конце концов устанут и оставят его в покое. Но этого не произошло. Потому что в полиции поверили, будто нашли настоящий мотив преступления:

Сатанинско-ритуальное убийство.

Глава 19. В поисках Люцифера

Я еще не знал всего о деле, но по фактам и доказательствам, которые успел рассмотреть, уже понимал: полиция и следователи ошибались. *Это преступление не имело ничего общего с сатанизмом или каким-либо другим темным ритуалом.* Там просто не нашлось никаких соответствующих признаков, и, честно говоря, идея выглядела надуманной с самого начала.

Но не только полиция верила в это извращенное ритуальное убийство. Многие видели пентаграммы и другие символы поклонения дьяволу, нарисованные на стенах и бетонных опорах мостов на окраине города. Фактически примерно в это же время истории о деятельности деструктивных культов всплывали по всей стране.

В телевизионных ток-шоу выступали так называемые эксперты по культам, а также молодые люди, якобы «спасенные» от проклятия и сошедшие с пути зла. Снова и снова публике сообщали о 50 000 похищений детей в год. Хотя эта цифра была относительно точной, она произвела совершенно неправильное впечатление, поскольку в основном касалась похищений родителями из-под опеки. Настоящее число похищений детей посторонними людьми составляло лишь около сотни.

Это не смутило местные правоохранительные органы в разных частях страны. Всюду стали проводиться курсы по борьбе с сатанизмом, эксперты рассказывали, как распознать истоки деструктивного культа и как противостоять ему, пока он не вышел из-под контроля. Некоторые говорили, что это явление существовало всегда, но только сейчас полиция и властные структуры обратили на него серьезное внимание. Другие считали, что сатанисты выросли из мятежных 60-х годов, эпохи под лозунгом «все дозволено», когда беззаконие и неуважение к божьим и человеческим законам считались нормой. Теперь же для общества пришло время расплаты, поскольку дети, воспитанные этим беспорядочным поколением, достигли подросткового возраста.

Многие люди не понимали или не хотели понимать, что озабоченность сатанизмом стала социальной модой, чья значимость внезапно достигла критической массы в общественном сознании. Через несколько лет следующим веянием моды станет память о пережитом когда-то насилии. Подростки и взрослые (чаще женщины, хотя и не только) под руководством психотерапевта или спонтанно «вспоминали» событие или схему жестокого обращения с ними, случившееся

когда-то давно и вызвавшее текущий эмоциональный стресс. Я уверен, что много таких воспоминаний подлинные, но, вполне возможно, что большинство их не соответствуют действительности. Они возникли под влиянием гласности и пристального внимания к обсуждаемому предмету. Мы всегда ищем способы понять и изменить себя, и если причина нашего несчастья или дискомфорта пришла извне, то, возможно, кому-то с этим легче справиться.

Есть и еще одно явление, хорошо известное тем из нас, кто занят в правоохранительных органах и медицине. Чем больше вы сосредотачиваетесь на чем-то, тем больше вы найдете то, что *хотите найти.* Так у студентов-медиков на первом курсе спонтанно развиваются симптомы любого заболевания, которое они изучают.

Мы в ФБР долго и упорно искали надежные подтверждения проявлений сатанинского культа, но почти ничего не нашли.

Когда Энн и Аллен Берджесс, Роберт Ресслер и я создавали *Руководство по классификации преступлений (Crime Classification Manual)* в начале 70-х годов вместе с многочисленной комиссией экспертов по конкретным предметам, мы глубоко погрузились в идею культового сатанинского убийства и связанного с ним насилия. *Но нам не удалось найти что-либо.* Когда мы опубликовали второе издание в 2006 году, все осталось без изменений, так будет и в третьем издании, которое мы сейчас готовим.

Ближе всего к этому подкатегория *экстремистского убийства* (входит в категорию *убийства по личным причинам*). Мы классифицировали его как «религиозное экстремистское убийство». Близка также подкатегория *убийство по причинам групповых соображений*, его мы определили как «культовое убийство». Религиозные убийства, однако, происходят, когда экстремисты от религии убивают, полагая, что так они защищают свою религию от нападений со стороны посторонних или неверующих. Культовые убийства отмечены в маленьких маргинальных группах, организованных вокруг харизматичного лидера со странными идеями, и практически никогда не имели ничего общего с религиозными ритуалами или символами. Описание, которое мы привели в *Руководстве*, рассказывает об убийстве каких-то бывших участников, отошедших от культа. Другой широко известный пример – убийства по делу «Тейт и Лабьянка» в Лос-Анджелесе в 1969 году, совершенные «семьей» Чарльза Мэнсона.

Фактически в разделе «*Убийства по групповым мотивам*» мы чувствовали себя обязанными вставить пояснение:

Национальный центр анализа насильственных преступлений (NCAVC) определяет настоящее оккультное/сатанинское убийство как убийство, совершенное двумя или более лицами, которые рационально спланировали преступление и чья основная мотивация – выполнить предписанный сатанинский ритуал, призывающий к убийству. Члены комитета подняли вопрос, существует ли в действительности оккультное/сатанинское убийство, как определено выше, помимо ажиотажа в СМИ, освещающего эту тему.

Популярность оккультизма/сатанизма в массмедиа только затуманивает проблему, а иногда мешает объективному расследованию преступления. Религиозные убеждения сотрудника правоохранительных органов могут еще больше усложнить процесс объективного расследования предполагаемого сатанинского убийства.

Мы пришли к такому выводу:

Что касается сатанинского убийства, NCAVC попытался запросить дела из нескольких источников, выступавших с такими заявлениями. Анализ фотографий с места преступления по некоторым делам, полученные сотрудниками NCVAC, не подтвердил состава оккультного/сатанинского убийства. Не позволил он также и дать определяющие характеристики показателей места преступления и результатов судебной экспертизы из материалов конференции по сатанинским преступлениям.

Мы рассмотрели множество случаев. Например, «Ночной охотник» Ричард Рамирес и «Сын Сэма» Дэвид Берковиц проявляли возможные признаки приверженности сатанизму. Однако основной мотив в каждом случае, как мы убедились, был связан с сексом, деньгами, межличностными конфликтами, под логическое определение оккультизма или сатанизма это не подходило. Пентаграмма, оставленная на месте преступления, делает его сатанинским не в большей мере, чем оставленная Библия – христианским. В любом случае это скорее указывает на дезорганизованного преступника с неустойчивой психикой.

В каждом проанализированном случае мы определили, что участие сатанизма оказалось вторичным, незначительным или его

вовсе не было. Это показали и судебные разбирательства, в которых именно защита пыталась отыскать след сатанизма, чтобы помочь своему клиенту уйти от наказания или сделать его минимальным. Это напомнило мне Джеральдину, героиню покойного блестящего комика Флипа Уилсона, и ее слова о своих проступках: «Дьявол заставил меня это сделать».

«*Руководство по классификации преступлений*» было издано и стало повсеместно доступно в 1992 году. Но оно не помешало людям и дальше верить в то, что преступные опасности сатанизма окружают их повсюду и что все они уязвимы, особенно дети.

Кен Лэннинг, мой коллега из Куантико, которого я уже здесь упоминал в связи с делом Рэмси, был одним из соавторов *руководства* и ведущим экспертом ФБР по преступлениям против детей. Примерно в то же время, когда мы опубликовали свое «*Руководство*», Кен написал новаторский трактат под названием «*Руководство исследователя по обвинениям в ритуальном жестоком обращении с детьми*», в котором заявил, что, хотя всегда существовала вера в связь между сатанизмом и преступностью, на самом деле она не имела никакого реального основания. *Ни в одном из случаев, о которых он знает, не нашлось каких-либо доказательств присутствия хорошо организованного сатанинского культа.* Он сравнил это явление с постоянными историями о похищениях инопланетянами на протяжении многих лет.

Полиция Уэст-Мемфиса получала достаточно подобных историй, чтобы Гэри Гитчелл и его сыщики уверовали, что они на правильном пути. Появился ряд странных или необычных свидетелей с информацией о Дэмиене и его предполагаемом соучастнике. На следующий день после убийства детектив Дональд Брей из полицейского управления Мариона, поселка рядом с Уэст-Мемфисом, проверял на полиграфе Вики Хатчесон, 32-летнюю официантку, ее обвиняли в краже денег у работодателя. (Не путайте с фамилией Дэмиена при рождении – Хатчисон.) Ее восьмилетний сын Аарон знал всех трех убитых мальчиков. Аарон рассказал Брею, что знает, где были убиты мальчики. Когда он правильно определил место, Брей обратил на него внимание и позвонил в полицию Уэст-Мемфиса.

Однако с этого момента история Аарона начала разваливаться. Сначала он сказал, что видел мужчин, одетых в костюмы и говорящих по-испански. Позже он сообщил, что видел, как Джон Марк Байерс убил своего пасынка и двух других мальчиков. Он не выбрал ни Дэмиена Эколса, ни Джейсона Болдуина из набора показанных фотографий. Но как только его

история просочилась в прессу, сатанинский угол зрения тем не менее стал набирать обороты.

Неспособность Аарона представить последовательную и убедительную историю явно разочаровала его маму Вики, она надеялась на получение денег в награду, а также на то, что полиция забудет об обвинении против нее. Она сказала им, что вскоре после убийства у нее появилось предчувствие о том, кто мог быть убийцей, и она захотела поиграть в детектива. Вики сказала, что позволит полицейским подключить ее к намеченному разговору с Дэмиеном, ее главным «подозреваемым». Единственная проблема заключалась в том, что она на самом деле не знала Дэмиена, поэтому попросила 17-летнего Джесси Мискелли – младшего, наемного работника, опекавшего Аарона, представить ее. Она воспользовалась предлогом, будто хочет с ним встречаться и интересуется оккультизмом.

Джесси в свое время бросил учебу, а теперь занимался починкой кровли и другой случайной работой. У этого медлительного, но послушного мальчишки, улыбчивого, но со вспыльчивым характером, IQ составлял всего 72 балла. Его невысокий рост стал одной из причин, по которой ему дали прозвище «Малыш Джесси». Другой было то, что его отца, мощного и крепкого автомеханика, называли «Большой Джесси». Его мать ушла из дома, когда он был маленьким. Джесси воспитывали Большой Джесси, несколько мачех, старших братьев и сестер, а также подруги отца. Он рассказал, что ему всегда приходилось постоять за себя, и это сделало его крутым. Несмотря на грубость Большого Джесси, они с сыном обожали друг друга. Джесси слушал его советы и наставления. Другой ключевой взрослой фигурой в его жизни стала Шелби Мискелли, бывшая жена Большого Джесси, эта женщина воспитывала его с четырех лет.

Джесси сказал Вики, что почти не знает самого Дэмиена, но попробует уговорить его прийти к ней домой.

Джесси жил рядом с Вики в трейлерном парке поселка Марион. Судя по заявлению Вики в полицию, Джесси подрабатывал для нее, и они подружились. Вики утверждала, будто Джесси заметил, каким странным кажется Дэмиен, и она подумала, что есть реальный шанс поймать Дэмиена в ловушку с помощью Джесси.

Позже подросток объяснил: «Она спросила меня, занимается ли он колдовством? Я ответил, что не знаю. Я только знал [!], что он странный человек».

Когда Вики спросила его о Джейсоне, Джесси сказал, что не

общался с ним с шестого класса, а раньше он казался ему хорошим парнем, и они всегда ладили.

В следующий раз, когда он увидел Джейсона и Дэмиена по соседству, он объяснил им, что Вики хочет с ними познакомиться и приглашает их в свой трейлерный дом. Позже Дэмиен говорил, что плохо знал Джесси, но когда тот попросил его встретиться с Вики, то не увидел причин отказываться

Еще Дэмиен сказал нам: «Я знал, кто он такой. Я видел его раньше. При этом я подумал: „Я даже толком не знаком с этим мальчишкой. Понятия не имею, кто эта женщина. Что, черт возьми, происходит“».

Джесси ушел, после того как представил их друг другу. Он также сообщил, что через пятнадцать минут пришла Памела, мать Дэмиена, и забрала обоих парней. О дальнейших их взаимоотношениях он ничего не знал.

Вики настраивалась на эту встречу, но смогла ли она записать разговор – спорный вопрос. Полицейские утверждали, что ничего не слышали, а Вики заявила, будто слышала, как воспроизводилась вся запись в штаб-квартире полицейского управления Уэст-Мемфиса. Видимо, из этого и в самом деле не вышло ничего толкового.

Второго июня она сообщила в полицию, что с этой первой встречи она завязала тесные, но не сексуальные отношения с Дэмиеном с единственной целью – получить от него информацию. По ее словам, примерно через две недели после убийства она отправилась с ним и Джесси на викканский *эсбат* в городе Террелл, штат Арканзас. Она объяснила, что *эсбат* — это языческий обряд в честь полнолуния. Вспомним слова Джесси о том, что он ничего не знал об отношениях Вики и Дэмиена после первой встречи. Странно звучит, если он был с ними на *эсбате.* Таким образом, тут у нас уже конфликт историй.

Дэмиен быстро пожалел о согласии встретиться с Вики, но оказалось уже поздно. «Когда видишь сумасшедшего, идущего по улице, перейди на другую сторону, – прокомментировал он. – Как видите, проблема всей моей жизни в том, что я видел, как сумасшедший идет по улице, и говорил: „Ну-ка, что там такое?“ То же самое и в этом случае. Возникает ситуация с Вики Хатчесон, я вижу приближение сумасшедшего и говорю: „Эй, что происходит?“»

Хотя Вики и не смогла опознать кого-либо еще на этом *эсбате* или указать, где именно он происходил, она уверенно заявила следователям, что Дэмиен возил их троих на своем красном «Форд Фиеста». Это как раз сигнал к тому, чтобы усомниться в ее правдивости, поскольку даже беглое

расследование показало бы, что Дэмиен не владел красным «Форд Фиеста» и не имел к нему доступа, как и к любой другой машине. В окрестностях также хорошо знали, что он вовсе не умеет водить машину и даже не имеет прав. Вместо этого Вики перестали обвинять в краже денег у своего босса, и ее рассказ вполне комфортно вписался в сатанинскую теорию этого дела.

Это же произошло и с заявлением подростка по имени Уильям Джонс. Он сказал своей матери, что в пьяном виде Дэмиен признался в убийствах, описывая, как он изнасиловал всех трех мальчиков, а затем убил их ножом. Мать Уильяма вызвали в полицию. Детективы записали его заявление. Кусочки мозаики вставали на свои места.

Третьего июня, на следующий день после того, как Вики выдала свою историю об *эсбате*, полиция Уэст-Мемфиса сделала такое, что перевернуло все дело, это сейчас хорошо видно, если обратиться к прошлому. Джесси доставили в штаб-квартиру полиции, и детектив Билл Дарем проверил его на полиграфе. Его спросили, знает ли он, кто убил трех мальчиков. Он ответил «нет». На вопрос, говорит ли он правду, подросток ответил «да». Затем ему сообщили – ошибочно, – что полиграф указывает на его ложь.

Это сбило Джесси с толку. Дэн Стидхэм, который станет одним из адвокатов Джесси, позже утверждал, что полицейские сказали ему, будто «они знали, что он лжет, потому что так им говорил его мозг». Джесси не мог понять, как такое возможно: он говорит правду, но машина, читающая его мозг, передает экзаменатору что-то иное.

Как позже выяснилось, единственный вопрос, по какому он, как предполагалось, лукавил, заключался в том, употреблял ли он когда-либо наркотики. Это было только начало того, что я – и далеко не я один – считаю недопустимым поведением полицейских.

Джесси согласился на предложение пойти в полицейский участок с детективом сержантом Майком Алленом, понимая, что, наверное, знает что-то, и за это его могут наградить деньгами. В простоте своей Джесси не понимал, что именно он может знать. Но раз полиция так думает, то он сделает, что от него хотят, и на полученные им деньги Большой Джесси сможет купить новый грузовик. Полицейские не обратились за разрешением на беседу к Большому Джесси, как это следует делать в случае с несовершеннолетними, и не добились от отца отказа от правила Миранды[19] для его сына.

Полиция продержала Джесси в блочном двухэтажном здании из серого кирпича около двенадцати часов, оказывая на

задержанного давление, чтобы заставить его признаться в убийстве и подтвердить причастность Дэмиена и Джейсона. По словам Джесси, Гэри Гитчелл и Брин Ридж все это время не переставали бить его, настаивая, что он имеет какое-то отношение к убийству, поскольку об этом рассказали люди. Очевидно – по всем признакам – что Джесси не понимал смысла происходящего. Часы шли, а у подростка было лишь две цели: получить немного денег в качестве вознаграждения, если это возможно, и поскорее убраться из этого здания в свой безопасный дом, к Большому Джесси.

В конце концов Джесси рассказал полицейским ту историю, которую они хотели услышать. Эта история началась с того, что рано утром 5 мая ему позвонил Джейсон и попросил пойти с ним и Дэмиеном в Робин Гуд Хиллз. Они втроем находились в районе ручья, когда подъехали трое мальчиков на велосипедах. Дэмиен и Джейсон подозвали их. Когда те подошли, они схватили и избили всех троих. Потом заставили двоих мальчиков заниматься с ними оральным сексом и изнасиловали всех троих анальным способом. В это время Майкл Мур пытался сбежать, но Джесси, до этого момента только наблюдавший, поймал его и притащил назад.

Джейсон вытащил нож и порезал лица жертв. Затем он изуродовал ножом гениталии Криса Байерса. Дэмиен ударил одного ребенка найденной им «большой старой палкой» и задушил другого. Затем они сняли с мальчиков одежду и связали их. Это было, когда Джесси, по его словам, уже ушел.

Позже, когда он вернулся домой, ему позвонил Джейсон и воскликнул: «Мы сделали это!» Но потом он забеспокоился, что делать, если их кто-то увидел.

Детективы спросили, было ли это как-то связано с культом. Джесси сказал, что он, Джейсон и Дэмиен создали культ около трех месяцев назад. Они встречались в лесу, устраивали оргии и участвовали в церемониях, включая убийство и поедание собак.

Из двенадцати часов допроса Джесси полиция записала лишь два фрагмента общей продолжительностью около сорока пяти минут. Это само по себе вызывает серьезные подозрения. То, что мы слышим, вызывает немало беспокойства. Для начала, вот в чем Джесси «ошибся» во время своего предполагаемого признания.

1. Он сказал, что преступление произошло утром, когда трое мальчиков и Джейсон находились в школе.

2. Он сказал, что мальчиков связали коричневой веревкой. На самом деле они были связаны

собственными шнурками.

3. Он описал, как пытался сбежать Майкл Мур, но на самом деле это физически было невозможно, ведь его и других мальчиков связали по рукам и по ногам.

4. Заключение судмедэксперта не подтвердило анальное проникновение, вопреки рассказу Джесси.

5. Не было никаких доказательств удушения, о котором говорил Джесси.

6. Джесси противоречил себе, утверждая, что Джейсон звонил ему то ли тем утром, то ли накануне вечером.

По таким «важным» моментам, как время и средства связывания жертв, следователи пытались «направить» Джесси и вернуть его к рассказу, который бы больше соответствовал уликам. Мало того, что Джесси не сказал полиции ничего, о чем они не знали, а это необычно для настоящего признания, так ему еще и сообщили о том, что он сам не знал, и заставили добавить к рассказу.

«Я подумал: что-то не так, – сказал он позже, – потому что если бы я убил их, я бы знал, как я это сделал».

Он знал, что утром 5 мая работал кровельщиком с другими приятелями, но если полицейские хотели, чтобы он рассказал другую историю, то он готов сделать это.

Закончив рассказывать то, что полицейские хотели услышать, Джесси предполагал, что его отпустят домой, и все еще надеялся получить небольшое денежное вознаграждение на новый грузовик для Большого Джесси. С его простой логикой ему и в голову не приходило, что он только что назвал себя причастным к тройному убийству. Заявление полицейских о том, что они не понимали уровня простоты и доверчивости, с которым имели дело, так же надуманно, как и та история, которую они заставили рассказать Джесси. Этих офицеров нельзя назвать глупыми или не подозревающими о том, что они делали, поэтому можно только сделать вывод: им требовалось признание от кого-то, и они намеревались получить его от этого простодушного парня.

Другой знак – полное ощущение невмешательства и эмоциональная отстраненность, с какой Джесси рассказывал историю. Абсолютно сухо, только факты, почти без аффекта – ни гнева, ни раскаяния, ни жалости, ни вожделения, ни попыток самозащиты. Ничего этого не чувствовалось. Следователям следовало быть такими же простодушными, как и он, чтобы не осознавать, насколько странным было его поведение. Но и здесь

теория сама породила доказательства. Такой опыт, как сорокалетнее погружение в систему уголовного правосудия, научил меня, что *если вы достаточно стараетесь, то получите любые нужные вам ответы.*

Если бы я был опытным следователем, то я смог бы получить от Джесси Мискелли – младшего признание в том, что он стал свидетелем и участником похищения трех мальчиков инопланетянами, а затем утопления их тел в дренажном ручье, когда завершились проводимые на них внеземные эксперименты. *Но от такого заявления это не стало бы правдой.*

Вместо того, чтобы получить денежное вознаграждение и пойти домой, Джесси Мискелли – младший получил арест и обвинение в убийстве.

Не успели они оформить Джесси, как Джон Фоглман, заместитель прокурора округа Криттенден, предстал перед муниципальным судьей Уильямом Рейни, утверждая, что у полиции, скорее всего, появились причины для ареста Дэмиена и Джейсона за убийство, а также для запроса ордера на обыск их домов, включая Джесси и Домини Тир, девушку Дэмиена. Одной из этих причин, видимо, стало переданное детективу Риджу заявление Уильяма Джонса о том, что Дэмиен ему признался. Как и другие участники этого странного дела, Джонс позже отказался от своих слов, но его высказывания против Дэмиена сработали.

Полиция не дождалась утра, чтобы приступить к действиям. Они нашли Дэмиена и Джейсона той ночью в вагончике Дэмиена, вместе с его сестрой Мишель и Домини. Дэмиен был одет в черную футболку баскетбольной команды Portland Trailblazers, а Джейсон в черную футболку с группой Metallica. Полицейские арестовали обоих мальчишек и надели на них наручники. Позже Джейсон сказал, что его это шокировало. Дэмиен отметил, что не удивился, потому что копы фактически разбили лагерь у его порога, и это продолжалось целую неделю. Они забрали из домов парней различную одежду, в том числе несколько черных футболок. В доме Дэмиена они нашли две тетради, где он делал всякие записи и рисунки, показавшиеся полиции сатанинскими и оккультными.

Дэмиен никогда не пытался отрицать свой интерес к оккультизму, как и причастность к культу «викка», в котором видел благотворную для себя жизненную силу. Но если посмотреть на его биографию, легко сделать вывод, что так он действительно искал способ убежать от неприятной ему банальной реальности жизни в Уэст-Мемфисе. Это также стало вероятной причиной его привязанности к Джейсону, кроткому и творческому ребенку, разделявшему его интерес к идеям,

выходившим за рамки нормы.

При обыске домов единственным доказательством какой-либо связи любого из мальчиков с убийствами, обнаруженным полицией, стали волокна на халате мамы Джейсона и на детской рубашке в доме Дэмиена, похожие на волокна рубашки Майкла Мура. Но это самые обычные волокна, которые часто встречаются в любой недорогой одежде. Ни в одном месте не обнаружили таких серьезных доказательств, как следы крови или биологического вещества.

(Недавно был опубликован новый анализ, представленный адвокатами Джейсона по апелляциям Джоном Филипсборном и Блейком Хендриксом, он опровергает показания свидетелей о том, что эти волокна имели что-то общее. Но это произошло почти двадцать лет спустя.)

Обоих мальчишек доставили в полицейский участок, проверили на полиграфе, допросили без адвокатов, не дав возможности связаться с их семьями. Затем их перевели в отдельные камеры окружной тюрьмы.

Дэмиену так и не сказали, успешно ли он прошел проверку на полиграфе, но это, судя по всему, не имело значения. Он признал, что в том возрасте был чересчур умен, что ему же и мешало.

«В то время я гордился тем, каким говнюком я был. Если они пришли бы ко мне и заявили: „О, мы только что получили результаты теста на детекторе лжи, и ты его не прошел“, то я бы ответил: „Ну и что?“ Если бы они сказали: „У нас проблемы с твоими ответами“, я сказал бы: „Так это ваши проблемы, ребят“».

Неудивительно, что полицейские не особо церемонятся с такими детьми.

Между тем как только Джесси понял, что натворил, он сразу отрекся от своего признания. Но уже оказалось слишком поздно.

В девять часов следующего дня, 4 июня 1993 года, инспектор Гитчелл провел пресс-конференцию. Публично сообщив об арестах, он сделал самое запоминающееся и провокационное высказывание во всем этом деле. Уверяя общественность, что подозреваемые изолированы и теперь абсолютно безопасны для общества, он на самом деле очень мало рассказал о деталях расследования. Отвечая на вопросы журналистов, он ушел от самого острого вопроса о том, являются ли арестованные членами культа. Репортерам, лишенным яркой цитаты для статьи, стало неуютно.

Но затем вожделенная цитата снизошла на них, словно манна небесная. Один из газетчиков спросил: «По десятибалльной

шкале, насколько вы уверены касательно этого дела?»

Гитчелл с очень серьезным видом кивнул, словно желая показать, что он понял суть вопроса. Затем уголки его рта слегка приподнялись, и он ответил: «На одиннадцать». Он оглянулся, увидел, что его ответ произвел фурор, и выдал достойную улыбку, граничащую с самолюбованием. Со временем он пожалеет об этом односложном высказывании, ставшем золотым перлом «театра правоохранительных органов». Но с этого момента общество прониклось убеждением, что дело против троих подростков уже в шляпе, не успев открыться.

Когда я просматривал дело, я еще не продумал психологический профиль и не приступил к анализу преступления, но связь с тремя подозреваемыми казалась чересчур хлипкой, больше похожей на «один» или «два», чем на «одиннадцать». Если только в этом не было чего-то большего, о чем я не знал, то «признание» Джесси Мискелли – младшего выглядело дырявым как решето. Рассказ Вики Хатчесон о Джесси и Дэмиене явно представлялся нелепо скроенным, тем более фактически было известно, что Дэмиен не умеет водить машину. Что еще там было: представление о том, что Джерри Драйвер считал этих детей способными сделать что-то плохое? В тех местах, где я работал, мы не называем это доказательством, мы это вообще никак не называем.

Должно было найтись что-то еще, чего мне не хватало, иначе это был бы истерический и неубедительный порыв полиции выдать свою версию за правду. Изучая фотографии с места преступления, я просто не заметил ничего, напоминавшего «сатанинский» культ или что-то хоть как-то относящееся к ритуалу.

Седьмого июня в газете *Memphis Commercial Appeal*, куда затем поступят многие статьи и эксклюзивные материалы по делу, были опубликованы отрывки из заявления Джесси в полицию. Сатанинская паника охватила Уэст-Мемфис. Разнесся слух, что Дэмиен сохранил яички Криса Байерса и держал их в своем трейлере в банке со спиртом. Одна соседка рассказала о том, что слышала, будто Дэмиен приносил в жертву младенцев и мазал их кровью свою подругу, пока занимался с ней любовью. Мать Домини, Дайана Тир, пыталась развеять слухи о том, что он пил кровь ее дочери и Джейсона.

Джерри Драйвер заявил, что заметил рост интереса подростков к оккультизму в течение последних нескольких лет, о чем свидетельствуют обугленные останки животных в кострах и тревожные граффити. Газета *Commercial Appeal* описала, как несколько подростков следовали за таинственным лидером,

известным под кличкой «Люцифер».

«Я искал Люцифера два с половиной года», – заявил Драйвер.

У Пэм Хоббс взял интервью местный тележурналист, который спросил: «Вы считаете, что люди, совершившие это, поклонялись…»

Прежде чем он успел завершить вопрос, она ответила: «Сатане? Да. Вы только посмотрите на этих уродов. Я серьезно, просто посмотрите на них. Они выглядят как, – и тут драматическая пауза, – панки!»

В тюремном интервью Дэмиен заметил: «Уэст-Мемфис удивительно похож на второй Салем, потому что все, что здесь происходит, буквально каждое преступление, рождает обвинение в сатанизме». Словно Бриджет Бишоп перед Салемским судом, Ойер и Терминер почти на 300 лет раньше, Дэмиен Эколс носил черное, вел себя странно и не признавал привычную церковь.

Он выглядел другим, чужаком. И хотя он жил в их обществе, на самом деле он не был одним из них. Идеальный тип, вызывающий страх.

«Очевидно, нас выбрали для обвинения, потому что мы отличались от всех остальных», – прокомментировал он. Он признался, что время от времени делал граффити на бетонных стенах подземных переходов, но сказал, что эти рисунки никогда не напоминали сатанинскую символику. Ему просто нравилось видеть свое имя.

В тот же день, когда газета *Commercial Appeal* опубликовала часть признания Джесси, в округе Криттенден проходило слушание дела. Суд шел в поселке Мэрион, местный судья Дэвид Гудсон назначил адвокатов, которые представляли ответчиков. Ими стали Вэл Прайс и Скотт Дэвидсон для Дэмиена Эколса, Пол Форд и Джордж Робин Уодли для Джейсона Болдуина и Дэн Стидхэм и Грег Кроу для Джесси Мискелли – младшего.

Еще одна вещь показалась мне странной и тревожной. Напомним, что место преступления представляло собой заброшенную лесную зону, где ежедневно могло что-то меняться. Четвертого июля, почти через два месяца после убийства, детектив Брин Ридж вернулся в этот район и забрал оттуда две палки, впоследствии они использовались обвинением в качестве вещественных доказательств. В правоохранительных органах существует старая поговорка, что «разница между доказательствами и мусором – в способе доставки». Как эти палки – настоящий мусор – оказались полноценными уликами, я не в силах понять.

И это не единственный пример сбора сомнительных доказательств по данному делу. Утром 17 ноября водолазы

полиции штата работали с детективами полицейского управления Уэст-Мемфиса, которые отправились осмотреть озеро в трейлер-парке Лейкшор, недалеко от того места, где Джейсон жил, когда произошли убийства. Неожиданно там появились тележурналисты и репортеры. Дайверы находились в воде лишь чуть больше часа, с 10:30 до 11:35. Тем не менее, им удалось обнаружить нож – большую зазубренную модель – и они сразу решили, что этим оружием как раз нанесены страшные раны на телах трех мальчиков. Почему его нашли тогда? Почему там? Единственный ли это нож лежал на дне озера? Откуда взялась их уверенность? Как они могли связать это с убийствами детей без каких-либо физических маркеров? И как им просто повезло найти его так быстро? Я участвовал во многих водных поисках на протяжении многих лет, и я никогда не видел, чтобы они проходили так успешно. Это что, еще один спектакль в театре правоохранительных органов? Как только я услышал о журналистах, работавших там, я понял, что это мероприятие организовали именно для них.

Как я уже сказал: *если вы будете достаточно упорны, вы получите любые ответы, которые вам нужны.*

Четвертого августа 1993 года Дэмиен, Джейсон и Джесси не признали себя виновными в убийстве. Каждый из них сказал полиции, что в ночь убийства они находились дома со своими семьями. Все члены их семей подтвердили это. Хотя, надо признать, такое алиби не всегда самое убедительное.

Для Джесси назначили отдельное судебное разбирательство, поскольку его признание касалось двух других фигурантов. По ходатайству его адвокатов, Дэна Стидхэма и Грега Кроу, чтобы избежать предвзятого отношения из-за местной огласки, судебный процесс перенесли на север в город Корнинг, штат Арканзас, рядом с границей штата Миссури.

К тому времени, как я рассматривал это дело, выяснилось, что Стидхэм изначально считал своего клиента Джесси виновным. Он не верил, что кто-либо способен дать столь подробные показания о преступлении, если сам не принимал в нем участия. Его стратегия заключалась в том, чтобы заключить как можно лучшую сделку для Джесси, а для этого надо убедить его дать показания против двух других. Но чем больше он исследовал материалы дела, тем больше убеждался, что Джесси не имеет ничего общего с убийством и с ним действительно заключили очень грубо состряпанную сделку.

Суд над Джесси начался в заснеженном Корнинге с подбора присяжных 19 января 1994 года. Ему предъявили обвинение по

одному пункту в убийстве первой степени Майкла Мура и двум пунктам обвинения в убийстве второй степени Кристофера Байерса и Стивена Брэнча. Судья окружного суда Дэвид Бернетт был председателем, а Джон Фоглман, подавший заявку на ордер для обыска, выступал главным обвинителем. Несмотря на смену места, казалось, что внимание всего региона приковано к этому убийству сатанинским культом.

Газета *Commercial Appeal* сообщила, что на суде *присутствовал сотрудник по делам несовершеннолетних из Миссури, надеясь узнать больше о подростках, увлекающихся оккультизмом,* потому что «*люди в сельской местности, которые считают, что этого не происходит, печально ошибаются*».

На протяжении всего судебного процесса Джесси Мискелли – младший в основном сидел, склонив голову вниз, глядя в пол, как будто он действительно не мог понять серьезности того, что происходило вокруг него. Репортер издания *Arkansas Times* Боб Ланкастер описал его так: «*Аура пассивности вокруг него настолько глубока, что подрывает к нему доверие. Он сидит весь день, отвернувшись от судьи и присяжных, разглядывая свои ноги, все больше и больше сползая на пол в своем кресле, как будто он мог просочиться вниз и превратиться в лужу между своими ботинками. Трудно увидеть адепта зла в этом подобии человека*». Различные люди, впоследствии рассказывавшие об этом, интерпретировали поведение Джесси так, будто он не хотел осознавать масштабы своего преступления.

Еще один необычный аспект поднял уровень безумия в общественном мнении и в СМИ. Двое опытных режиссеров-документалистов из Нью-Йорка, Джо Берлингер и Брюс Синофски, получили разрешение как на видеозапись судебных процессов, так и на интервью с обвиняемыми и многими ключевыми фигурами для будущего фильма, который снимали для HBO. Они пошли на различные сделки ради сотрудничества. Для того, чтобы завоевать доверие Дэмиена, Джейсона и Джесси, создатели фильма сделали крупный взнос в фонд их защиты.

Как мне сказали, режиссеры затеяли этот проект, полагая, что трое обвиняемых совершили сатанинское убийство. Такой сюжет казался им крайне привлекательным. Однако, как только они начали снимать судебный процесс, их акценты сместились, поскольку они поняли, что дело обстоит совсем не так.

В центре внимания судебного процесса, конечно же, было признание Джесси. При обычных обстоятельствах для обвинения хватило бы записанного признания. Но Дэн Стидхэм, к этому моменту убежденный в невиновности своего клиента, хотел показать присяжным, что в данном случае видимость обманчива.

Он пригласил доктора Ричарда Офше, профессора социологии Калифорнийского университета в Беркли и видного эксперта по ложным признаниям. Офше беседовал с Джесси в течение трех часов 15 декабря. Затем он присутствовал на слушаниях в январе, когда сотрудники полиции представили свою версию признательных показаний. Он пришел к выводу, что это «классический пример» признания по принуждению. При истинном признании дознавателям не пришлось бы наставлять, вести, исправлять и направлять рассказ подозреваемого. Он привел в качестве иллюстрации восемь отдельных полицейских подсказок о правильных временных рамках.

Это лишь один из большого количества тревожных сигналов. На этом и последующих судебных процессах судья Бернетт разрешит присяжным заслушивать только небольшую часть показаний Офше. Он аргументировал свое решение тем, что если у эксперта есть возможность рассказать присяжным, где правда, а где ложь, то это снимает с них ответственность за установление фактов. Я нахожу такую причину странной, как и Стидхэм, поскольку все свидетели-эксперты стараются убедить присяжных, что они знают и говорят только правду.

Еще одним свидетелем Стидхэма стал полиграфолог и бывший сержант полиции Майами по имени Уоррен Холмс. Он выразил готовность дать показания о том, что при допросе Джесси были допущены нарушения, так как подозреваемому внушили ложную информацию о детекторе лжи, что и спровоцировало признание. Холмс проводил проверки на полиграфе для ФБР, ЦРУ и Королевской канадской конной полиции. Он работал над такими делами, как убийства Джона Кеннеди и Мартина Лютера Кинга – младшего, а также над Уотергейтским скандалом. Но судья Бернетт не позволил ему дать показания, поскольку результаты полиграфа не принимаются в суде. Эти два решения фактически связали руки Дэну Стидхэму, не позволив поставить под сомнение единственный случай обвинения против Джесси Мискелли – младшего.

Даже привлечения четырех свидетелей, подтверждающих алиби Джесси на дату совершения убийства, оказалось недостаточным, чтобы преодолеть это препятствие. Фред Ревелл, 110-килограммовый спортсмен, выступавший под псевдонимом «Роуди Бунтарь Фред Джеймс», сказал, что Джесси был с ним в тот вечер на матче любительской борьбы в городе Дайесс, штат Арканзас.

«Это не гипотеза. Это настоящая правда, – засвидетельствовал Ревелл. – Я могу поклясться в этом своей

жизнью». И он поделился подробностями, о чем сообщалось на следующее утро в *Commercial Appeal*.

Ревель сказал присяжным, что Мискелли получил «большую шишку на голове» той ночью. За пределами зала суда Ревелл сообщил, что это случилось после того, как он перебросил Мискелли через канаты и кто-то, пытаясь вытолкнуть его обратно, нечаянно бросил Мискелли на твердую сторону ринга.

Четвертого февраля 1994 года, после девяти с половиной часов размышлений в течение двух дней, в процессе которых они дважды прослушивали запись признания, присяжные вынесли вердикт об убийстве первой степени по гибели Майкла Мура и убийстве второй степени по смерти Кристофера Байерса и Стиви Брэнча. Это соответствовало тому, что запрашивало обвинение. Судья Бернетт приговорил Джесси Мискелли – младшего к пожизненному заключению в тюрьме плюс к двум 20-летним срокам подряд.

Arkansas Democrat Gazette процитировала одного наблюдателя: «*Я не думаю, что обвинение доказало свою правоту над разумными сомнениями. Но и не думаю, что он признался бы, будучи невиновным*».

Судебное разбирательство по делу Эколса и Болдуина ожидалось позже в этом же месяце в городе Джонсборо, штат Арканзас, и большой вопрос заключался в том, будет ли Джесси Мискелли – младший свидетельствовать против них. Прокуроры знали, что они должны предложить ему в результате смягчение приговора, и намеревались сделать это, думая тем самым укрепить свои аргументы против других двух обвиняемых.

По городку ходили слухи, что Джесси погубит своих предполагаемых подельников. Но, несмотря на сильное давление со стороны обвинения, Джесси сказал Дэну Стидхэму, что не будет давать показания в суде против Дэмиена Эколса и Джейсона Болдуина. Его рассуждения, как обычно, выглядели простыми и понятными: это была бы неправда.

При этом прокуратура дважды предлагала Джейсону сделку, если он уличит Дэмиена. Он наотрез отказался по той же причине, что и Джесси. Сказал, что ничего не сделал, и Дэмиен тоже.

Теперь, когда Джесси заявил о своем отказе от дачи показаний, его признание не смогли представить на втором процессе. Без согласия это было бы голословное заявление, и у адвокатов не появилось свидетелей для перекрестного допроса. Однако на деле это не стало преимуществом для Дэмиена и Джейсона, хотя должно было. Все в округе знали о признании, и

никакие инструкции от судьи по выбору присяжных не могли этого скрыть от членов жюри. Неважно, что произошло на самом деле, если присяжные поверили признанию Джесси, то это лишало Дэмиена и Джейсона шансов на оправдание.

Глава 20. Государство против Дэмиена Уэйна Эколса и Чарльза Джейсона Болдуина

В пятницу, 25 февраля 1994 года, после нескольких дней отбора, жюри присяжных из восьми женщин и четырех мужчин заседало в главном зале судебного здания округа Крейгхед в городе Джонсборо по делу об обвинении Эколса и Болдуина в убийстве. Возле этого 132-летнего здания из красного кирпича собрались любопытные, желавшие увидеть то, что обещало стать самым ярким действом, когда-либо проходившим в городке. Несмотря на изменение места проведения, судья Бернетт все еще председательствовал, как и на суде над Джесси Мискелли – младшим.

Как и в городе Гранди, штат Вирджиния, когда Роджер Кит Коулман предстал перед судом, кто-то повесил на лужайке перед зданием суда плакат с изображением Мрачного Жнеца[20] в черном капюшоне. Знак гласил: «*ОН ПРИШЕЛ ЗА ТОБОЙ, ДЭМИЕН*».

За исключением некоторых сомнительных аспектов, у обвинения не имелось никаких вещественных доказательств, а также отсутствовали очевидцы, способные связать обвиняемых с убийством. Следовательно, Джону Фоглману и его команде пришлось полагаться на элементы выводов, рассуждений и утверждений, приписываемых либо Дэмиену, либо Джейсону. Об этом обвинитель сказал в своем вступительном слове, в то время как адвокат защиты Скотт Дэвидсон в своем вступительном слове признал: «Также вы увидите этого нашего клиента, Дэмиена Эколса… хорошо, я буду честен с вами. Он не типичный американский мальчишка. На самом деле он немного странный. Он не такой, как, может быть, мы с вами».

Интерес публики усилился, когда Домини принесла в суд маленького сына, отцом которого был Дэмиен. Младенец по имени Дэмиен Сет Азария Тир родился в сентябре, когда его отец Дэмиен уже находился за решеткой.

Один из первокурсников университета штата Арканзас, понаблюдав за началом судебного процесса, прокомментировал: «Дэмиен Эколс просто смотрел вокруг, глядя на всех. Он казался зловещим. У меня просто мурашки бегали по коже, становилось действительно плохо».

В первой части судебного разбирательства установили факты, связанные с убийством, и лиц, сыгравших в нем роль. Дана Мур,

Пэм Хоббс и Мелисса Байерс дали показания о том, когда в последний раз видели своих сыновей живыми. С учетом своего многолетнего опыта консультирования по вопросам стратегии обвинения, я считаю, что это хороший способ начать процесс. Персонализация жертв, членов их семей, а также причиненный ущерб, о котором часто забывают в судебном разбирательстве, где основное внимание уделяется подсудимым. Так что на месте Фоглмана я поступил бы точно так же.

Единственным существенным доказательством, которое получили люди, изучавшие дело, было то, что рассказ Пэм Хоббс о прошедшем дне не соответствовал тому, что рассказал следователям ее муж Терри. Но поскольку Терри не вызвали для дачи показаний, то это никак не повлияло на присяжных.

Офицер Регина Мик засвидетельствовала свой ответ на звонок от Джона Марка Байерса о пропавшем пасынке и заняла оборонительную позицию, описывая незавершенное расследование в ресторане «Боджанглс». Детектив сержант Майк Аллен описал, как обнаружили тела.

Атмосфера в суде стала мрачной, когда доктор Франк Перетти рассказал о результатах вскрытия тел мальчиков. Множественные травмы головы Майкла Мура и Стиви Брэнча. Легкие, наполненные водой. Резаные раны на бедре Криса Байерса, удаление его мошонки, яичек и головки пениса, снятая со стержня полового органа кожа. Перетти сказал, что время смерти определить сложно, но когда на этом настояли, неохотно предположил, что это произошло между 1:00 и 7:00 6 мая.

Он упомянул о разного рода царапинах и ушибах на всех трех телах, но, вопреки признанию Мискелли, не нашел доказательств сексуального посягательства.

Возможно, самая важная и ужасающая часть свидетельства Перетти прозвучала в ответ на вопросы о повреждении гениталий Криса. Он заявил, что, по его мнению, для этого потребовалось бы очень много времени и серьезные хирургические навыки работы со скальпелем или очень острым ножом. Чтобы причинить такое увечье, потребовались бы более приемлемые условия, например, хорошая лаборатория. В воде, в темноте, среди комариных туч сделать такое было очень трудно. Кроме того, поскольку Крис истек кровью, непонятно, как удалось убрать всю эту кровь с берега ручья или с любого другого твердого грунта. Единственный вариант: только если тело в это время находилось в воде. Но он не представлял, как такую сложную процедуру можно выполнить в воде. Его слова оставили после себя мучительную загадку. Если даже доктор Перетти не смог бы сделать это, как сумели справиться Дэмиен или Джейсон?

После показаний детективов о том, как нашли нож в озере при осмотре места преступления – хотя никаких доказательств связи этого ножа с любым из обвиняемых представлено не было – обвинение вызвало в качестве свидетеля Майкла Рэя Карсона. Майкл, 16-летний девятиклассник, в августе провел неделю в окружном изоляторе для несовершеннолетних за кражу со взломом – он ворвался в дом с целью украсть оружие. В те же дни там держали и Джейсона Болдуина. Майкл подтвердил, что на третий день пребывания в изоляторе встретил Джейсона, и они играли в карты с двумя другими подростками. Он сказал, что спрашивал Джейсона о его причастности к убийству, и тот все отрицал.

На следующий день они с Джейсоном вдвоем убирали карты, прежде чем вернуться в свои камеры на обед. Майкл снова задал Джейсону тот же вопрос.

На этот раз, по словам Майкла, Джейсон сознался. «Я сказал: „Только между нами. Ты это сделал?“ И он ответил: „Да“».

Майкл передал рассказ Джейсона о том, как он изуродовал Криса Байерса, высосал кровь из его пениса и мошонки, затолкал в рот яички. Джейсон якобы добавил, будто собирается надрать задницу Джесси за то, что тот все испортил, но все еще надеется выйти на свободу. Их разговор длился не более двух-трех минут.

Со свидетелем надо поступать так же, как с подозреваемым: необходимо составить его профиль. Оценить предысторию, ситуацию, когда сделано признание, учесть сопутствующие обстоятельства, например, хочет ли свидетель чего-то для себя добиться.

Этот свидетель появился не в августе, как следовало ожидать, а лишь 1 февраля, в последний день суда над Джесси Мискелли – младшим. Почему? Прокурор Брент Дэвис захотел это выяснить.

«Мой отец сказал мне, что я обязан кому-нибудь об этом рассказать. Но я только что вышел из тюрьмы и не хотел снова связываться с судебной системой», – ответил Майкл.

Но потом они с отцом смотрели телевизор, где увидели кадры со скорбящими родителями. «Я видел, как сильно они потрясены пропажей детей. Я очень чувствительный, – пояснил свидетель. – Я не мог этого вынести». Он сказал, что награды ему не предлагали, и он ни за что не взял бы ее.

Ой, да перестаньте! Я желаю всем подросткам, которые врываются в дома, чтобы украсть оружие, такой же честности.

Мысль о том, что этому мальчишке доверится виновный человек, настолько абсурдна, что даже трудно представить, что его кто-то подкупил. После суда Майкл признал, что все это придумал сам, но мы еще до этого дойдем. Я упоминаю об этом

здесь только для того, чтобы показать, насколько очевидной выглядела ситуация для обвинения, чья главная цель – добиться приговора. И только уже во вторую очередь – добиться убеждения присяжных. Все эти слабые доказательства выглядели подогнанными под шаблон. Я вижу только одну логику – обвинению оказался нужен такой свидетель. Но нам надо задаться вопросом, почему обвинители просто не признали, что у дела нет прочной доказательной базы.

Судья Бернетт не включил в протокол сведения о том, что Майкл Рэй Карсон являлся наркоманом с большим стажем, на том основании, что это не дает повода не верить его показаниям. *Что?* Он также запретил как обвинению, так и защите сообщать о том, что Дэнни Уильямс, советник, работавший в изоляторе для несовершеннолетних, рассказал Майклу подробности убийства, якобы услышанные от Джейсона, при этом он знал о том, что Майкл собирается выступать в суде. Судья отклонил это из-за конфиденциальности при консультации свидетеля.

В общем, казалось, что карты складывались не в пользу защиты.

К сожалению, мы видели такое отношение снова и снова, вплоть до Уильяма Хайренса в Чикаго, да и раньше. Когда стремление закрыть дело становится более важным, чем найти настоящих подозреваемых, выстроенная система разваливается и не приносит пользы. Пожалуй, хуже всего то, что убийца при этом остается на свободе и не получает наказания.

Проблема с ножом в озере усложнилась, когда режиссеры HBO Джо Берлингер и Брюс Синофски предъявили полиции складной нож, подаренный Джоном Марком Байерсом одному из операторов, Дугласу Куперу. Когда об этом узнали официальные представители HBO, они велели Синофски передать нож полиции. Гэри Гитчелл показал, что отправил нож в лабораторию генетического анализа в Северной Каролине, и там обнаружил следы человеческой крови возле основания лезвия. Кровь могла принадлежать как Байерсу, так и его пасынку Крису, но не Дэмиену и не Джейсону. Это было интересно, потому что ранее, до анализа, Байерс заявлял Гитчеллу при допросе, что этот нож никогда не использовался. Увидев, что его слова противоречат отчету лаборатории, он вспомнил, как порезал себе большой палец при разделывании оленины.

Тридцатишестилетний Байерс, известный под своим вторым именем Марк, был крупным персонажем – ростом около метра девяносто с длинными волнистыми светлыми волосами, часто носил бороду. Перед камерами он страстно требовал библейской мести убийцам «трех младенцев». У него был сын Райан от

первого брака. По профессии Байерс был ювелиром, но в разное время занимался многими другими делами. В обществе, где телесные наказания детей считались нормой, он нередко грубо обращался с Крисом, но казался привязанным к нему. Крис отличался гиперактивностью, часто агрессивно вел себя в классе и в других местах, а Марк и Мелисса пытались справиться с этим заболеванием с помощью врачей и рецептурных лекарств. Дэмиен публично заявлял, что Джон Марк Байерс – настоящий убийца. Марка Байерса, единственного из трех отцов убитых мальчиков, Гэри Гитчелл тщательно проверял, прежде чем пришел к выводу о виновности трех подростков.

Сразу несколько свидетелей утверждали, что видели одного или нескольких подсудимых в компрометирующих ситуациях. Джерри Драйвер якобы не менее трех раз видел Дэмиена, Джейсона и Джесси в длинных черных одеждах с посохами в руках, хотя никто больше не наблюдал их в такой одежде. Нарлин Холлингсворт ехала в своем красном Ford Escort 1982 года выпуска после того, как забрала свою мать с работы в прачечной, около 21:30 5 мая, и в этот момент заметила Дэмиена и Домини, идущих по Юг-Сервис-роуд рядом с мойкой для грузовиков Blue Beacon. Она сказала, что темная одежда Дэмиена выглядела грязной и неопрятной. Ее муж Рики сидел с ней на переднем сиденье, ее мать, сын Энтони и дочь Табита расположились на соседнем кресле, дочь Мария, сын «Маленький Рик» и его девушка Сомбра устроились сзади. «Большой Рики» сказал, что в темноте он лишь мельком видел идущих и опознать их не может. Энтони заявил, что видел идущих около 10:30. Обвинение предположило, что, возможно, они видели с Дэмиеном не Домини, а Джейсона, чьи волосы длинные и светлые.

Суд перешел к обсуждению конкретной специфики личности Дэмиена Эколса, когда детектив Брин Ридж рассказал о своем разговоре с Дэмиеном утром 10 мая. Как вы помните, Дэмиена и Джейсона арестовали почти месяц спустя, но в поле зрения полиции они попали сразу на основании подозрений Джерри Драйвера.

Стоит прочесть стенограмму судебного заседания, и становится ясно, что Ридж и Дэмиен действовали на двух совершенно разных уровнях. Дэмиен почувствовал, что его просили порассуждать о преступлении на основе его личных знаний и того, что он слышал об этом. Ридж понял, что раскрывает информацию и мотивацию, которой кроме убийцы никто не будет обладать.

Ридж заявил, что Дэмиен сказал ему, будто мальчики могли утонуть, и что их тела изрезали, чтобы напугать кого-нибудь. Восьмилетние дети еще не ведут себя, как взрослые, поэтому они легко управляемы. Тот, кто сделал это, вероятно, знал детей и убедил их пойти с ним. Возможно, задумывалось единичное убийство, но двух остальных пришлось убить, чтобы прекратить их крики.

Детектив также сообщил, как Дэмиен рассказал ему, что его любимая часть Библии – книга Откровения, его любимые писатели – Стивен Кинг и Антон Лавей, автор *Сатанинской Библии* и других работ про оккультизм. Исходя из этого, Дэмиен знал, что маленькие дети самые невинные, поэтому они дадут больше адской власти убившему их человеку. В каждом есть демонические силы, ему неподвластные, сказал Дэмиен и предположил, что тот, кто убил трех мальчиков, получил от этого удовольствие. В случае сатанинского убийства Дэмиен ожидал найти свечи, камни, кристаллы и нож на месте преступления. Дэмиен также сказал, что всякий раз, когда человек совершает что-то хорошее и плохое, это возвращается к нему трижды.

Ридж спросил Дэмиена, почему его отпечатки пальцев остались на месте происшествия. Это обычная методика допроса в полиции. Дэмиен ответил, что он никогда не ходил в этот лес, поэтому он и понятия не имеет, откуда взялись отпечатки. Ридж не сказал ему при этом, что не было обнаружено ничьих отпечатков пальцев.

Обвинение спросило Риджа, есть ли доказательства того, что убийство совершено сектой. Он ответил утвердительно, сославшись на уединенное место в лесу, признаки массовых убийств и пыток, увечье и кровавый ритуал с участием пениса Криса Байерса, на множественные раны, на то, что мальчиков связали «восьмеркой» – а это «число ведьмы», а также на тщательную очистку берега от крови и орудий преступления.

Откуда он узнал все это об оккультных практиках? По его словам, из книг и полицейских раздаточных материалов, недоступных для общественности, а также из записей, которые были взяты из его собственных исследований.

Ридж признал, что на протяжении всего допроса Дэмиен упорно отрицал, будто имеет какое-либо отношение к убийствам.

Помните палки, которые Ридж извлек с места преступления 4 июля? Адвокат Дэмиена Вэл Прайс спросил детектива, почему они ждали два месяца и насколько достоверными выглядят такие доказательства. «Вы все не воспринимали эту палку в качестве доказательства, когда извлекали тела из ручья?»

«Да, сэр, – ответил Ридж. – Я не воспринимал эту палку в

качестве доказательства до тех пор, пока не последовало заявление Джесси Мискелли».

Ого! Джесси не давал показаний на этом суде, так что информации о его заявлении представлено не было. Прайс немедленно стал ходатайствовать о неправомерном судебном разбирательстве. «Я задал офицеру вопрос, не ожидая, что он ляпнет о признании Джесси Мискелли. Наше судебное заседание отделено от суда над мистером Мискелли, но его исповедь вдруг заняла главное место».

Судья Бернетт допустил, что Риджу «не следовало разглашать» такую информацию. Однако, отвергая ходатайство Прайса о неправомерном судебном разбирательстве, он прокомментировал: «Я полагаю, джентльмены, что в этом жюри и в зале суда нет никого, кто не знает, что мистер Мискелли дал показания».

Другими словами, защите придется иметь дело с худшим в обоих вариантах: признание Джесси прозвучало, но нет возможности вызвать самого Джесси! Если присяжные поверили, но не поняли, как получено это признание, то участие Дэмиена и Джейсона в этом убийстве будет для них очевидно. И если Джесси отправили в тюрьму на всю жизнь, а он не убивал никого из детей, то тем хуже для тех двоих, о которых он сказал, что это они убийцы.

Следующий свидетель собирался объяснить мотивы этого ужасного преступления и в итоге дал, пожалуй, самые противоречивые показания на судебном процессе.

Дейл В. Гриффис, доктор философии, был самопровозглашенным экспертом по сатанизму и соответствующим культам. В прошлом он служил офицером полиции в городе Тиффин, штат Огайо. Гриффис сказал, что консультировал потерпевших, сотрудников правоохранительных органов, педагогов и специалистов по психическому здоровью. На допросе он признал, что его степени присуждены Колумбийским Тихоокеанским университетом, который не имел национальной сертификации и не требовал сдачи экзаменов ни по единому учебному предмету. Это учебное заведение закрыли по решению суда Калифорнии в 2000 году. Гриффис всего пять раз побывал в студенческом городке до окончания учебы. Он сказал, что его учебной аудиторией стала улица. Его диссертация называлась «*Культы контроля сознания и их влияние на задачи правоохранительных органов*».

Он признался, что никогда не разговаривал ни с Дэмиеном, ни с Джейсоном, и даже не смог узнать Джейсона в зале суда. Он

сказал, что осмотрел место преступления и фотографии вскрытия, а также поговорил с Джоном Фоглманом от десяти до двенадцати раз. Примерно за год до произошедшего убийства он проконсультировался с Джерри Драйвером и получил копии некоторых рисунков Дэмиена, чтобы определить, существует ли в Уэст-Мемфисе сатанинская или оккультная проблема в лице Дэмиена Эколса. Гриффис заявил, что считает это очень хорошей и ответственной работой правоохранительных органов. Этот обмен мнениями поможет объяснить, почему Дэмиен оказался первым в списке как возможный подозреваемый, когда трое мальчиков оказались убиты.

«Скажу от имени моего клиента, – возразил адвокат Дэмиена Вэл Прайс. – Наша позиция заключается в том, что кандидат наук всего лишь по почте, человек, который посещал уроки… в неаккредитованном учебном заведении, не соответствует требованиям как эксперт в штате Арканзас».

«Я не согласен, – ответил судья Бернетт. – Я позволю ему свидетельствовать в области оккультизма».

Адвокаты оспорили это постановление, заявив, что нет никакого научного обоснования у утверждения Гриффиса о причастности этих убийств к сатанинскому ритуалу. Но, опять же, Бернетт, похоже, добивался успехов в жизни, не замечая очевидного различия в квалификации как экспертов по защите, например, доктора Офше в суде по делу Мискелли, так и свидетелей обвинения, например, Гриффиса, получившего корочку «на основе своих знаний, опыта и обучения в области оккультизма или сатанизма».

Как только Гриффису позволили подробнее изложить суть его показаний, адвокат Джейсона Пол Форд спросил его, правда ли, что эти преступления «мотивированы оккультными верованиями».

«Да», – ответил Гриффис. Он объяснил, что убийства совершены под полной луной и на месте преступления не оказалось крови, потому что сатанисты приберегают ее, чтобы выпить или искупаться в ней, приобретя при этом «жизненную силу». Черные волосы, ногти и футболки были оккультным подтекстом или предполагали участие оккультных учений. Как и выбор места преступления у воды. Множество ран и увечье гениталий – тоже показатель. Пентаграмма на лицевой стороне конфискованной записной книжки Дэмиена определенно указывает на сатанинскую деятельность. Внутри пентаграмма окружена перевернутыми крестами, что символизирует слияние белого и черного колдовства – культа «викки» и сатанизма.

Это напоминает вам татуировки и постеры групп в стиле

хеви-метал на суде над Кэмероном Тоддом Уиллингемом?

Гриффис сказал, что никогда не видел жертв сексуального преступления, которых связали именно таким образом, и нет иной причины так их связывать, кроме оккультной.

Когда его прямо стали спрашивать об этом, он признался, что исследовал всего лишь два других сексуальных преступления, и ни в одном из них жертвы не были связаны таким образом. То есть по сути, он никогда не видел подобного бондажа, но знал, что это указывает на оккультизм. Он также признал, что, насколько ему известно, доказательств хранения крови в домах кого-либо из ответчиков не обнаружено. Обе команды защиты указали, что на месте преступления не найдено пентаграмм или каких-либо других конкретных указаний на сатанизм или оккультизм.

Дальше все происходило в том же духе. Гриффис не знал, были ли убийцы в курсе возраста мальчиков, но, по его словам, есть оккультное поверье, что если с мальчиком до исполнения девяти лет не занимались сексом, то он теряет свою магическую силу.

Когда адвокаты обоих ответчиков опротестовали использование доказательств, которые еще до совершения убийств были взяты из дома Дэмиена сотрудниками системы по делам несовершеннолетних, судья постановил, что факты или данные не нуждаются в рассмотрении на суде при формировании экспертного заключения. Поскольку обвинению необходимо доказать мотив, насколько это возможно, то его рассуждения стали вести к тому, что мотив перевешивает все другие негативные воздействия.

Хотя Гриффис признался защите, что многие признаки преступления можно интерпретировать по-разному, но сказал, будто они «демонстрируют атрибуты не только смутного оккультизма в целом, но и сатанинского поклонения в частности».

Обвинение закрыло дело показаниями двух девочек, одной было одиннадцать, другой пятнадцать лет. Обе подтвердили, что видели Дэмиена, одетого во все черное, на полях для софтбола в «Клубе богатых девочек» и подслушали, как он рассказывал группе друзей, что уже убил трех мальчиков и планирует убить еще двух – мол, «я уже выбрал одного из них», – еще до того, как он сдался полиции. По словам одной из свидетельниц, Джейсон находился рядом, когда Дэмиен делал это признание.

Они сказали, что стояли примерно в пяти-шести метрах от парней. Ни та ни другая юная леди не смогла ни вспомнить, что

он сказал до или после, ни опознать кого-либо из друзей, с которыми он разговаривал. На поле находился сотрудник полиции, но никто не подошел к нему рассказать об услышанном. Одна из девушек якобы сказала матери, другая вспомнила дату проведения игры на поле, но все это случилось уже после ареста Дэмиена. Может ли быть так, что между признанием Джесси и этим рассказом родители из Уэст-Мемфиса еще не научили своих детей, как узнавать время или определять дату по календарю?

Команда защиты Дэмиена Эколса позволила ему вернуться на место. Команда Джейсона Болдуина задержала своего клиента подальше. Насчет обоих вынесенных решений можно догадаться: именно так и случилось, хотя я всегда чувствовал, что оправданные обвиняемые – это заслуга общей эффективности системы уголовного правосудия, и то, что такие обвиняемые в меньшинстве – неплохое тому свидетельство.

В частности, Джейсон производил впечатление такого бесхитростного и прямолинейного парня, что, я думаю, он бы сам себе помог своим выступлением. Позже выяснилось, что он очень хотел дать показания в свою защиту, а также попросить своих адвокатов, чтобы они вызвали свидетелей его алиби. С другой стороны, атмосфера сатанинских ритуалов так сильно подействовала на всех, что один факт обнаружения в его доме одиннадцати черных футболок мог свести на нет все остальные впечатления. Как позже прокомментировал Джейсон: «Все, что имело значение, это то, что Дэмиена считали странным, а у меня нашли черные футболки». Никогда нельзя обвинять защитника в попытке защитить своего клиента.

По общему мнению, Дэмиен не помог себе, давая показания в течение двух дней в свою защиту. Читая расшифровку стенограммы и просматривая фильм с его показаниями, я думаю, что результат этих действий получился неоднозначным. Обвинение определенно указывало на то, что он увлекался оккультизмом, показывая изъятые записные книжки, а это имело разрушительный эффект.

С другой стороны, я думал, что он производит впечатление откровенного и беззащитного, и пытается отвечать на вопросы как можно честнее. Как стратег стороны обвинения, я всегда хотел, чтобы обвиняемые давали показания, поскольку понимал, что опытный прокурор, нажимая нужные кнопки, сможет заставить рассказчика ослабить бдительность и тем самым позволит присяжным рассмотреть истинное лицо обвиняемого.

При обвинении Уэйна Б. Уильямса после убийства детей в Атланте в начале 80-х годов мы сделали именно это. Я советовал

Джеку Малларду, чрезвычайно опытному прокурору, как можно ближе узнать Уильямса. Обвиняемый со свойственным ему самодовольством контролировал свое поведение до определенного момента. Со своим типичным протяжным выговором Южной Джорджии Маллард продолжал его высказывания, нарушая личное пространство Уильямса, и настаивал: «Как это происходило, Уэйн? Как вы себя чувствовали, когда обхватили пальцами горло жертвы? Вы запаниковали? Психанули?»

И слабым голосом Уильямс ответил: «Нет», – прежде чем внезапно поймал себя на слове. Он пришел в ярость, указал на меня пальцем и закричал: «Вы изо всех сил стараетесь, чтобы я соответствовал этому профилю ФБР, и я не собираюсь помогать вам в этом!»

Защита взорвалась, когда Уильямс потерял самоконтроль на трибуне и стал разглагольствовать о «головорезах ФБР», а также называть группу обвинения «дураками». Но этот прорыв удался. Впервые присяжные увидели перед собой человека, реально способного на убийство.

Такого рода взрывов никогда не происходило с Дэмиеном Эколсом. Здесь не наблюдалось похожей драмы. Ничто из того, что делало обвинение, не действовало ему на нервы. Казалось, что точки кипения у него просто не существует. Дэмиен отвечал на вопросы с легкой усталостью, как будто он просто дожидался, когда все закончится, и он сможет уйти.

Он сказал, что увлекается скейтбордом, музыкой, фильмами, смотрит телевизор и болтает по телефону. Он начнет читать любую книгу, которая попадется ему в руки. Он признался, что рассказывал Брину Риджу то, о чем свидетельствовал детектив – что у каждого человека есть хорошие и плохие стороны. Он сказал: «Я читал обо всех типах религий, потому что меня всегда интересовало, например, как мы узнаем, что наша религия правильная, как нам понять, что мы не ошибаемся в этом». После изучения католицизма он сосредоточился на культе «викка».

Когда Прайс спросил его мнение о показаниях Дейла Гриффиса, он ответил: «Отчасти это верно, но он не остановился, чтобы различить разные группы. Он просто соединил их всех в одну большую группу и назвал „культами“».

Дэмиен вел себя как обычно, а не защищался по тем вопросам, которые обвинение сочло главными для осуждения. По поводу ножа, найденного в озере, заметил: «У меня такой был, но без черной рукоятки. Рукоятка моего ножа в чехле под камуфляж. Лезвие черное, а не серебряное».

Когда его спросили, читал ли он когда-нибудь книги

Алистера Кроули, часто писавшего о черном колдовстве, чье имя записано в его блокноте, Дэмиен ответил: «Нет, но я бы прочел их, если бы увидел [!]».

Что касается того, будет ли убийца получать удовольствие от преступлений, он думал, что, если человек совершает преступление добровольно, ему, наверное, становится хорошо. Дэмиен просто проявлял здравый смысл, а не пытался продемонстрировать особое понимание разума убийцы.

Он также сказал о детективе Ридже: «Если он не получал ответа, то пытался заставить меня вернуться к вопросу и сказать что-нибудь еще».

«Расскажите судье, как вас допрашивали в этот период времени», – проинструктировал его Прайс.

«Во время первых вопросов [исходные стандартные вопросы] они вели себя нормально. Но потом, боже мой! После того, как я пробыл там некоторое время, они начали ругать меня, говоря, что знают, будто это сделал я. Они собирались поджарить мою задницу. С таким же успехом я мог пойти и признаться в тот же миг».

Чуть позже Прайс спросил: «В то время вы просили адвоката?»

«Трижды», – ответил Дэмиен, уточняя, что Ридж «сказал мне, что это не поможет, будет стоить больших денег и, в конце концов, адвокат все равно откажется».

Позже Дэмиен заметил, что не относился к суду слишком серьезно, поскольку не верил, что кто-то сможет доказать, будто он совершил убийство, когда он точно знал, что никого не убивал. Его рассуждения были похожи на более сложный, но столь же наивный образ мыслей Джесси.

После показаний Дэмиена защита попыталась вызвать к трибуне Кристофера Моргана, 20-летнего парня из Мемфиса с проблемами из-за наркотиков, который раньше признавался полиции в Калифорнии, что мог убить трех мальчиков в период наркотической ломки. Во время слушания в отсутствие присяжных он объяснил, что находился в этом же районе во время убийства, но теперь отрицал свою причастность и отрекся от того сделанного признания в полиции. Он описал ситуацию примерно как Джесси Мискелли – младший в своем признании в отчаянии после семнадцати часов допроса. Прокуроры Брент Дэвис и Джон Фоглман утверждали, что полиция Уэст-Мемфиса решила, что он ненадежен, и исключила его из числа подозреваемых. Пол Форд ответил, что Джесси тоже сразу отказался от своих слов и был так же ненадежен, поэтому показания Кристофера наверняка вызовут

обоснованные сомнения.

В конце концов назначенный судом адвокат Кристофера сказал, что его клиент не давал показаний. Если его вынудили это сделать, то он мог сослаться на Пятую поправку по каждому вопросу из предъявленных ему обвинений. Судья Бернетт согласился, и это не только освободило Моргана от выступления на суде, но и заткнуло рот всем адвокатам, теперь они не могли даже упомянуть Кристофера Моргана перед присяжными, чтобы предоставить им еще одно весьма сомнительное признание.

В качестве последнего свидетеля группа защиты Дэмиена вызвала Роберта Хикса, полицейского из Вирджинии, который изучал связь сатанинских культов с насильственными преступлениями. Как и мой коллега из ФБР Кен Лэннинг, он не нашел эмпирических доказательств того, что такой феномен действительно существовал или что слушание хеви-метала или ношение черной одежды как-то связано со склонностью к ритуальному насилию. Пункт за пунктом он опровергал идеи Гриффиса и говорил, что даже его фраза «атрибуты оккультизма» абсолютно бессмысленна при рассмотрении любого вида насильственного преступления.

Команда Джейсона была убеждена, что в протоколах нет ничего, способного повредить их клиенту, и поэтому расслабилась, не вызывая свидетелей. Джейсон вошел в суд, твердо веря в американскую систему правосудия. Несмотря на свой арест и тюремное заключение, он не верил, что его могут осудить. Когда прокуроры пришли к нему перед судом и предложили облегчить ему обвинение, если он выскажется против Дэмиена, то Джейсон отказался. Он еще раз отказался, когда ему предложили сократить срок с сорока до двадцати лет. Джейсон сказал, что даже если бы ему позволили уйти от наказания в обмен на свидетельские показания против Дэмиена, он не сделал бы этого, потому что они оба невиновны.

В своем заключительном заявлении прокурор Брент Дэвис указал на фотографии трех мертвых восьмилетних детей и сказал: «Обычные мотивы человеческого поведения здесь неприменимы. Нечто странное заставляет людей делать это».

Затем он процитировал высказывания Дэмиена в зале суда: «Вы можете судить о нем с места для свидетелей. Этот парень спокоен, как удав. Он почти лишен эмоций, и то, что он сделал с позиций сатанизма – это намного больше, чем просто баловство или поиск цели для интеллектуального упражнения.

Каким бы странным это ни казалось, здесь налицо оккультный набор верований Дэмиена, и его лучший друг, Джейсон, постоянно подвергался его влиянию – это набор убеждений, ставших мотивом или основанием для совершения этого безумного убийства».

Заключительные аргументы Джона Фоглмана выглядели одновременно странно и спорно. Он начал с признания того, что ничего конкретного не связывает подсудимых с преступлением. Однако, если присяжные оценивали все доказательства, то все они указывали в одном направлении и указывали на отсутствие обоснованных сомнений.

Он взял грейпфрут, а затем взял два ножа: тот, что был найден в озере, и тот, что принадлежал Марку Байерсу. Пол Форд возразил: это не научный эксперимент, и исследуемый грейпфрут не использовался в качестве доказательства. По своему обыкновению, повторявшемуся на протяжении обоих судебных процессов, судья Бернетт встал на сторону обвинения.

Фоглман ударил по грейпфруту каждым из ножей. Признавая, что это не решающий аргумент в отношении конкретного ножа, использованного в убийстве, он указал, что следы на кожице грейпфрута, оставленные ножом из озера, совпали с ранами на паху Кристофера Байерса. Другими словами, имелись небольшие порезы примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, соответствующие зубчатости ножа. Нож Марка Байерса орудию убийства не соответствовал.

Однако при просмотре записи аргументов Фоглмана я испытал удивление. По моему опыту, ни один преступник не прижимает нож к поверхности кожи жертвы. Нож используют, чтобы колоть или резать им. Таким образом, эта демонстрация не прибавила – и до сих пор не прибавляет – никакого смысла для меня. Это не имело отношения к реальной ситуации – просто стало еще больше странных предложений и намеков, которые ярко характеризовали весь этот процесс.

Когда подошла его очередь, адвокат Дэмиена Вэл Прайс взял фотографию, изъятую из спальни подзащитного. Фигура с козлиной головой держит два факела. Он признал, что это «странно, очень странно выглядящая картина, ну так и что? В Америке все еще нормально держать странные вещи у себя в комнате, это не значит, что вы виновны в убийстве, и это не создает никакого мотива.

Это не наша работа – доказывать то, что произошло 5 мая. Это работа государства, а оно этого не сделало».

Дело передали присяжным в пять часов дня 17 марта 1994 года. Они размышляли до 21:40, а затем вернулись на следующее утро в 9:30. Они вынесли свой вердикт в 15:30.

Мы спросили Дэмиена, ожидает ли он обвинительного или оправдательного приговора.

«Ты мечешься, – ответил он. – Вроде они всегда говорят: „Ты должен быть невиновным, пока твоя вина не будет *доказана*“. Что ж, на мой взгляд, невозможно, *физически невозможно*, чтобы кто-то доказал, что ты сделал то, чего не делал. В сознании подростка это нарушает законы физики. Но также люди, никогда не попадавшие в такую ситуацию, не могут понять состояние шока, в котором ты находишься, оценить твою травму. Как будто они взорвали бомбу на каждом уровне твоего существования. Они уничтожили тебя – психологически, эмоционально. Я имею в виду, во всех отношениях тебя только что опустошили, весь твой мир разрушен. *Ты не можешь думать так, как обычно думаешь*».

Когда присяжные вошли в зал суда, все, что запомнил Дэмиен, это то, что они «смотрели на меня так, будто во мне зияли дыры».

Когда все собрались в зале суда, пристав передал бланки присяжных судье Бернетту, он зачитал их вслух. Дэмиена Эколса и Джейсона Болдуина признали виновными в убийстве, которое карается смертной казнью.

Как позже выяснилось, присяжные действительно приняли во внимание признание Мискелли в своих обсуждениях и использовали его в качестве доказательства для осуждения двух подсудимых.

На следующий день присяжные вернулись и, выслушав мнение адвокатов с каждой стороны, потратили чуть больше двух часов на обсуждение рекомендаций по наказанию. Они обнаружили, что преступление совершено, говоря юридическим языком, «особо жестоким и извращенным способом». Нет ничего, что могло бы смягчить виновность подсудимых. Для Дэмиена Эколса, признанного главарем, рекомендована смерть от инъекции. Для Чарльза Джейсона Болдуина, не имевшего ранее конфликтов с законом или эпизодов плохого поведения, рекомендовано пожизненное заключение без права на досрочное освобождение.

Когда судья Бернетт сформулировал формальный вопрос – «Кто-нибудь из вас может указать суду законную причину, почему такой приговор не обоснован?» – Дэмиен ответил на это отрицательно.

Джейсон своим как всегда мягким и робким голосом сказал: «Потому что я невиновен».

«Что ж, – заявил судья, – жюри выслушало доказательства и пришло к иному выводу».

Судебный процесс и его результаты подтвердили худшие опасения жителей города. Об этом свидетельствует заголовок в *Arkansas Democrat Gazette*, появившийся в тот же день. Он гласил: МАТЕРИ УЭСТ-МЕМФИСА ВСЕ ЕЩЕ НАПУГАНЫ.

Газета *Commercial Appeal,* выполнившая большую часть ведущих репортажей по этому делу, опубликовала главную статью от редакции, начинавшуюся словами:

> **«Вам стоит узнать получше собственных детей».**
>
> **Это вывод, который, по словам инспектора полиции Уэст-Мемфиса Гэри В. Гитчелла, он вынес из своего 10-месячного погружения в одно из самых шокирующих и ужасных дел об убийстве, когда-либо происходивших в этом регионе.**

В редакционной статье говорилось, что отношения с сатаной исказили мышление трех подсудимых и лишили каждого из них совести.

Таким образом, через это и другие подобные описания восприятие стало реальностью.

Глава 21. Дэмиен и Лорри

«После того, как я попал в тюрьму, я целых две недели болел, – вспоминал в разговоре с нами Дэмиен. – Не мог есть. Не мог спать, меня мучила непрерывная рвота. В такой момент чувствуешь себя совсем подавленным…»

Его голос затих, потом он начал высказывать новую мысль. «Как вы знаете, раньше я получал письма, в которых говорилось: «Будь я на твоем месте, я бы пинался, кричал и твердил: „Я невиновен!“

Нет, ты бы не стал этого делать – после того, как тебя в первый раз избили бы. После избиения ты решаешь заткнуться и делать то, что тебе говорят».

Об этом Дэмиен, по его словам, узнал в начале своего пребывания в блоке Варнер тюрьмы строгого режима Департамента исправительных учреждений Арканзаса (DOC) возле города Пайн-Блафф, где находится государственная камера смертников. По его словам, тюремные охранники регулярно его избивали в течение восемнадцати дней. Не потому, что считали его детоубийцей. «Им было все равно, делал я что-то или не делал ничего. Это просто означало: “Добро пожаловать в нашу компанию“. Мне было очень плохо и больно, я думал, что умру».

Он охарактеризовал свое окружение как «живущее на бетоне круглые сутки».

В те первые дни его так много раз били по лицу, что повредили зубы. «После этого у вас есть два варианта – либо жить с постоянной болью, либо дать им вырвать вам зубы».

Он продолжил: «Всякий раз, когда я боялся за свою жизнь, угроза всегда исходила от охранника, а не от другого заключенного». А вы помните, ему исполнилось всего 18 лет.

В конце концов, у Дэмиена и двух других осужденных по этому делу появится большая и влиятельная сеть поддержки. Но как выяснилось, тогда ему никто не помог, включая меня.

Спустя годы, работая с Питером Джексоном над фильмом об этом случае, режиссер Эми Берг показала мне пачку писем. Эти письма обнаружил адвокат по апелляциям Стивен Брага, когда просматривал файлы Бюро по вопросам свободы информации. На них стоит дата 29 сентября 1994 года, а в графе адреса значится просто: Академия ФБР, поведенческий научный отдел, Куантико, Академия ФБР, [!] 22135. Орфография и синтаксис в письмах не идеальные, но напечатано аккуратно, смысл сообщения ясен:

Я получил ваш адрес от друга, он сказал, что вы

возможно сумеете мне помочь. Я был осужден за тройное тяжкое[21] [!] убийство, но не имею никакого отношения ни к одному из них. Меня посадило в тюрьму полицейское управление Уэст-Мемфиса. Они знают, кто действительно совершил преступление, но отказываются делать что-либо с этим. Меня казнят за преступление, а я его не совершал [!] и отчаянно нуждаюсь в помощи. Даже если вы не можете мне помочь, не могли бы вы рассказать мне о ком-нибудь, кто может?

Я очень ценю, что вы нашли время прочитать мое письмо. Спасибо.

С уважением,

Дэмиен Эколс SK 931

2501 Стейт-Фарм-роуд

Такер, Арк. 72168

Я не припомню, чтобы когда-либо видел это письмо, но вполне мог видеть, потому что мои рукописные инициалы стояли на машинописном ответе рядом с подписью Робина Монтгомери, специального агента, который отвечал за группу реагирования на критические инциденты, в ее составе работала моя группа поддержки расследований. Это означает, что мне следовало написать ответ, и я даже неправильно написал «капитолийское» вместо «тяжкого», как это сделал Дэмиен.

Уважаемый г-н Эколс:

Я ссылаюсь на ваше письмо, отправленное в службу поддержки расследований с датой 29 сентября 1994 года. В своем письме вы заявляете, что вас осудили за тройное «капитолийское» убийство, но вы не имеете к ним отношения. Я должен сообщить вам, что ФБР не уполномочено вмешиваться в уголовные дела, находящиеся под юрисдикцией штата Арканзас. Если вы считаете, что располагаете информацией, содержащей правовые основания для обжалования вашего осуждения или приговора, вам надо предоставить эту информацию своему адвокату, и он затем может подать вашу апелляцию в соответствующий суд в штате Арканзас.

С уважением,

Другими словами, это бюрократическая отмазка. *Мы помогаем только копам, а не плохим парням. Если вы так уверены, что невиновны, действуйте по обычным каналам.*

На самом деле, то, что я, скорее всего, подумал, выглядело гораздо более подробным, чем сказанное выше. С нашей невероятной рабочей нагрузкой я, вероятно, испытывал благодарность за то, что нам не разрешали принимать запросы заключенных. Но, что еще важнее, у меня, очевидно, возникла реакция, аналогичная моему первому неуместному впечатлению о Лорри. *Значит, ты невиновен, как и каждый второй осужденный убийца? Хорошо, становись в очередь.*

По сути, у нас просто нет механизма для работы по ту сторону улицы. Даже в такой ситуации, как дело Дэвида Васкеса в Вирджинии, сотрудник правоохранительных органов заподозрил его невиновность и *счел нужным* передать нам дело.

Если что-нибудь и поддерживало Дэмиена во время тех первых нескольких лет заключения в камере смертников, то лишь его собственная интроверсия, в прошлом часто создававшая ему проблемы. «Что ломало других людей? Одиночество. Я видел, как люди сходят с ума, потому что не могут находиться в одиночестве круглые сутки. Мне же, наоборот, *надо* побыть одному. Если у меня нет времени для себя, я не справляюсь».

Но, по большому счету, его наиболее эффективным механизмом выживания стало простое отключение.

«До Лорри моя жизнь шла ужасно. До того, как в нее вошла Лорри, я в самом деле покупал снотворное на черном рынке в тюрьме, чтобы просто спать по несколько дней и не думать».

К 2006 году, когда я включился в это дело, мы все знали, что есть только одна причина, почему Дэмиен Эколс еще не вошел в комнату исполнения смертных приговоров штата Арканзас. Это произошло не из-за так называемой «отказоустойчивой конструкции» в системе уголовного правосудия. Это не стало результатом работы преданных своему делу сотрудников правоохранительных органов или ученых судей. Этому помешал даже не предприимчивый репортер, детектив-любитель, годами стремящийся раскопать правду. Причина тому – массовое общественное возмущение, вызванное выходом в 1996 году документального фильма HBO длиной в два с половиной часа режиссеров Джо Берлингера и Брюса Синофски «*Потерянный рай*» *(Paradise Lost: The Child Murders at Robin Hood Hills)*. Этот фильм привел в дело Лорри, семью Питера Джексона и всех остальных.

«Без этого фильма, – говорит Стивен Марк, мой адвокат, ставший важнейшим исследователем этого дела, – Дэмиен Эколс давно уже оказался бы под землей с камнем над головой».

Или, как выразился сам Дэмиен: «Они думали: „Эти дети – белый мусор. Никто и никогда не расследует это дело. Никто никогда не начнет задавать никаких вопросов. Они выглядят сумасшедшими, поэтому люди проглотят все это“. Они думали, что арестуют нас, отправят в суд, казнят меня, и никто больше не станет задавать вопросов».

Лорри во время нашего первого телефонного разговора рассказала мне, что жила в бруклинском районе Парк-Слоуп и работала ландшафтным архитектором для фирмы на Манхэттене, когда друг привел ее на показ фильма «*Потерянный рай*», хотя до того она не проявляла особого интереса к документальным фильмам. Она стала одержима этой темой, убедилась в невиновности троицы из Уэст-Мемфиса и не могла не написать Дэмиену в камеру смертников. Когда Дэмиен ответил, она сразу же почувствовала связь с ним, несмотря на то что она на двенадцать лет старше него и вообще опытная женщина-профессионал, путешествовала по всему миру, пережила развод и была абсолютной горожанкой.

«Между нами возникла связь, и я никогда не смогу объяснить, почему. Это произошло сразу же, с того момента, как мы впервые начали писать друг другу. А потом, когда мы начали разговаривать, мы просто не могли наговориться – о том, что его интересовало…»

Ее посещения Дэмиена в тюрьме укрепили связь, которую она чувствовала. «Когда я только начала писать, он был молодым, но таким очаровательным человеком. С самого начала стало ясно: этот парень, который сидит в тюрьме в Арканзасе, обладает более впечатляющим умом, чем кто-либо из тех, кого я в жизни встречала. Ни о ком мне не хотелось так заботиться, как о нем. Мне оказался нужен кто-то с интеллектом, способным увлечь. Я помню, в первый раз, когда я пришла посмотреть на него, вернулась и сказала другу: „Я завершила свою прежнюю жизнь. Теперь я не могу на нее даже оглянуться“».

В 1998 году она покинула Нью-Йорк и переехала в город Литл-Рок, штат Арканзас, – это ближайшее к тюрьме место, где она смогла бы устроиться на работу по специальности. Она пошла работать в городское управление парками.

Дэмиену потребовалось время привыкнуть к тому, что в его жизни появился значимый человек. «В те первые дни я просыпался посреди ночи, скрипя зубами, и думал: „Я ненавижу тебя за то, что ты заставляешь меня так себя чувствовать”. Ведь

помимо всего прочего, что я переживаю, это последнее, что мне нужно сейчас в жизни. И это причиняло мне боль в некотором смысле потому, что возвращало меня к жизни.

На самом деле, за те два года, пока она не нашла меня, я начал умирать, засыхать, исчезать внутри себя. И она, похоже, заставляла меня вернуться к жизни, и это больно так же, как при физиотерапии».

В декабре 1999 года они с Дэмиеном поженились в тюрьме. Как его жене, ей разрешили контактировать с ним вместо того, чтобы разговаривать через оконное стекло.

Эти отношения, как можно догадаться, складывались напряженно. Она всецело сосредоточилась на том, как вытащить Дэмиена, Джейсона и Джесси из тюрьмы, но потеряла большую часть своей предыдущей жизни в Нью-Йорке. Бросила работу в области ландшафтной архитектуры, ей стало не хватать денег и, как Лорри писала Дэмиену, *она давно не жила посреди такой бедности.* Она знала, что им обоим нужна большая сеть сторонников, которая разрослась по всей стране, но в то же время Лорри стало трудно «делиться» с ними Дэмиеном. За несколько дней он получил сотни писем и чувствовал, что должен ответить на каждое из них.

Я никогда раньше не говорил этого о женщине, которая вышла замуж за осужденного, приговоренного к смертной казни, и не знаю, повторю ли когда-нибудь снова, но Лорри Дэвис – настоящая героиня. Из-за ее интереса, совести, страсти к справедливости и любви – именно в таком хронологическом порядке – она пожертвовала многообещающей карьерой, а также увлекательной культурной и общественной жизнью в одном из величайших городов мира. Вместо этого она посвятила пятнадцать своих самых продуктивных и драгоценных лет защите справедливости. Не удивительно, что Дэмиен, находясь в камере смертников более полутора десятилетий, никогда не переставал удивляться тому, что Лорри появилась в его жизни.

«Это то, что заставило меня бросить курить, – рассказывал он. – Когда Лорри вошла в мою жизнь, я решил, что не хочу, чтобы что-то отвлекало или каким-либо образом уменьшало этот опыт. Я не хочу, чтобы что-то могло нарушить эту связь. Я отложил сигареты и никогда их не брал больше в руки. Я отложил снотворное и больше никогда его не принимал».

Я всегда знал, что пенитенциарные учреждения строгого режима – жестокие места. Но большую часть своей заботы и сострадания я оставлял жертвам преступлений и их выжившим родственникам. В данном случае, однако, представление о бедном подростке, который подвергался избиениям и другим

видам узаконенной жестокости – не говоря уже о постоянно присутствующем призраке смертной казни за то, чего он не делал, – сводит мой желудок. Я честно не понимаю, как он жил изо дня в день.

«Я думаю, что люди, у которых это не получается, не могут найти другой мир для жизни, – заметил Дэмиен. – Нам пришлось построить мир, Лорри и мне, построить что-то, о чем мы даже и не думали в этой тюрьме. Практика медитации, выполнение художественных работ, письмо, физические упражнения, – я чувствовал необходимость в поиске способов заставить себя каждый божий день подталкивать свое “я” к будущему, поэтому я чувствовал, что делаю успехи. Я замечал, что становлюсь лучше. И это отвлекало меня от тюрьмы».

«Дэмиен – самый дисциплинированный человек изо всех, кого я когда-либо встречала», – сказала Лорри.

«Я дошел до того, что пять-семь часов в день занимался медитацией, делал более тысячи отжиманий каждый день, бегал на месте по паре часов за один раз».

Тем не менее тюремное освещение, питание и медицинское обслуживание, а также отсутствие солнечного света и прогулок на свежем воздухе сказались на зрении и здоровье Дэмиена. Лорри то и дело волновалась.

Ей также приходилось беспокоиться обо всех аспектах апелляционного дела. «У нас появилось финансирование. Но стоит его получить, как его уже нет», – поделилась она.

Причина появления денег и другой поддержки заключалась в том же факторе, что свел вместе ее и Дэмиена. Увидев фильм HBO, несколько человек собрались в Лос-Анджелесе, чтобы сформировать группу поддержки «Свободу троице из Уэст-Мемфиса». Среди них были Берк Солс, Кэти Баккен, Гроув Пэшли и Лиза Фэнчер. Группа собрала деньги, открыла сайт и распространила свое послание по США и миру. Ее участники искали сторонников со всего мира, звали их приезжать в Арканзас.

Их усилия поддержали знаменитости, вписав в это движение свои имена. Фактически они сделали гораздо больше, чем просто дали имена. Они проявляли активный интерес, вносили свой вклад деньгами, проводили благотворительные концерты и следили за тем, чтобы дело оставалось в общественном сознании. Актер Джонни Депп, вокалистка группы Dixie Chicks Натали Мэйнс, рок-гитарист и автор песен Pearl Jam Эдди Веддер, музыкант Генри Роллинз, помимо многих других людей, остаются близкими друзьями Дэмиена и Лорри по сей день.

И нашлись еще двое, чей вклад оказался решающим.

В Веллингтоне, Новая Зеландия, режиссер Питер Джексон и его жена писатель-продюсер Фрэн Уолш посмотрели этот документальный фильм в 2004 году и приехали в Штаты, чтобы принять участие в деле. Джексон добился всемирной известности благодаря своей версии фильма-блокбастера Дж. Р. Р. Толкиена «*Властелин колец*», но до этого он делал прекрасные работы, например, «*Небесные создания*» с Кейт Уинслет, для которого он и Фрэн писали сценарий. Этот фильм основан на захватывающей, ужасающей истории хладнокровного убийства Оноры Паркер в 1954 году ее 16-летней дочерью Полиной и 15-летней подругой Полины Джульеттой Халм. Это, наверное, самое громкое дело об убийстве в истории Новой Зеландии.

Питер и Фрэн отправили взнос через PayPal с запиской, где попросили ответить, могут ли они помочь еще чем-нибудь. Своим особым, интуитивно понятным способом Лорри почувствовала духовное родство с ними. Поблагодарив их за пожертвование, она написала длинное электронное письмо, выражая свои чувства и излагая то, что, по ее мнению, они могли бы сделать, начав борьбу за освобождение Дэмиена и остальных.

В декабре 2005 года Питер и Фрэн собирались приехать в Нью-Йорк на премьеру ремейка Питера «*Кинг-Конг*» и пригласили Лорри там побывать. Они встретились и еще больше сблизились.

«Я думаю, они оказались потрясены документальным фильмом “*Потерянный рай*”, – рассказывала Лорри. – Они подумали, что власть уже обо всем позаботилась и ребята выйдут из тюрьмы. Когда они узнали, что этого не произошло, то, по словам Фрэн, они с мужем были вдвоем в комнате, и она предложила Питеру: “Давай им поможем”. Значит, они уже думали об этом, увидев Дэмиена в фильме, и у них возникло желание помочь. Я считаю, этот факт доказывает, что я не сумасшедшая. Дэмиен – невинное и умное существо, и его так жестоко мучили. У Фрэн есть врожденное чутье, она любит эту работу, и у нее хорошо получается. Она села с нами в эту лодку. В тот момент я не знала, что делать. Я старалась понять, как нам двигаться вместе. Мы наняли несколько ужасных юристов, они украли у нас деньги».

Не будучи американцами, Питер и Фрэн не знали, как общественное мнение могло помочь или навредить усилиям группы поддержки троицы из Уэст-Мемфиса, поэтому они сохранили свое участие в тайне. Но, как оказалось, вместе со всеми другими усилиями их поддержка стала переломным моментом во всем процессе.

«К нам присоединились Фрэн и Пит – они режиссеры и

продюсеры, они знали, как запустить большой проект», – сказала Лорри.

Дэмиен добавил: «Они спросили: „Почему этого еще не происходит? Прямо сейчас? Почему никто не ответил в ту же секунду, когда мы заявили о невиновности?“ Питер страшно умен. Он может оценить ситуацию и понять, что люди собираются сделать через три или четыре шага в будущем. И он сказал: „Мы собираемся поступить так, потому что видим, что они собираются сделать вот как, и у нас все получится“. И каждый раз, что бы он ни говорил, все происходило именно так, как он говорит».

«И Фрэн такая же, – произнесла Лорри. – Величие ее интеллекта сложно описать. Итак, эти двое оказались там…»

Вскоре они с Фрэн стали активно переписываться. Лорри обсуждала всю главную стратегию с Фрэн и Питером, и в конце концов они превратились в группу поддержки, а Лорри могла на них положиться и, когда нужно, поплакаться им.

Стратегия и поддержка Питера и Фрэн привели меня в Уэст-Мемфис в 2007 году. Фрэн читала наши книги и много знала о психологической криминалистике и уголовно-следственном анализе.

«Фрэн непреклонна, она хочет, чтобы Джон Дуглас вошел в команду защиты», – сказала Лорри Марку Олшейкеру.

Я спросил ее: «Могу я упомянуть тебя и Пита?» Она сказала, что в какой-то момент смогу, и я согласился принять участие в этом деле.

«Я перезвонил Стиву Марку и упомянул Денниса Риордана, нашего главного адвоката по апелляциям. Они вместе учились в колледже в Колгейте, так что, думаю, Стив понял, что это что-то серьезное».

Примерно через год, когда мы все встречались в Нью-Йорке по поводу дела, Питер и я разговорились об изысканном и душераздирающем романе «*Милые кости*» Элис Сиболд, Питер готовился снять по нему фильм. Я обсудил с ним некоторые идеи о том, как поведет себя злодей, безжалостный убийца детей. Зная о моем участии в «*Молчании ягнят*», он попросил меня проконсультировать его по поводу фильма. В конце концов, я научил актера Стэнли Туччи тому, как играть это чудовище достоверно. Я почувствовал себя очень довольным, когда его номинировали на премию Оскар за лучшую мужскую роль второго плана.

Но до того как это случилось, мне пришлось заняться реальной историей.

Глава 22. Составление профиля

Джо Берлингер и Брюс Синофски выпустили второй фильм в 2000 году. «*Потерянный рай – 2: Откровение*» *(Paradise Lost 2: Revelations)*. Они подробно описали усилия группы поддержки троицы из Уэст-Мемфиса и показали до сих пор безуспешный апелляционный процесс. Берк Саулс, Кэти Баккен, Лиза Фэнчер и Гроув Пэшли занимают видное место в фильме, как и Лорри.

Там рассказывается о странной смерти Мелиссы Байерс в своем доме и в собственной постели 26 марта 1996 года. У Мелиссы была давняя проблема со злоупотреблением психоактивными веществами, еще до того, как она познакомилась со своим мужем Джоном Марком Байерсом. Ее смерть навлекла на него еще больше подозрений, и он, похоже, не понимал, почему группа агитаторов, в основном с Западного побережья, поддерживает троих людей, убивших его пасынка.

«Для меня это как фан-клуб Джеффри Дамера, Чарльза Мэнсона, Теда Банди – всех подобных людей, – сказал он репортерам. – Некоторые люди хотят прийти на помощь дикарям, возможно, чтобы получить свои пятнадцать минут дурной славы по телевизору».

Байерс, имевший уже раньше конфликты с законом, точно не оставался законопослушным за годы, прошедшие между двумя фильмами. Его обвиняли в присвоении имущества на сумму 20 000 долларов из дома соседа, которое он заложил. Как сообщается, он держал оружие против потенциальных нарушителей, в то время как двое подростков из его района избили друг друга. По обвинению в краже товаров позже он сказал, что так они с Мелиссой прикрыли своего сына Райана и его друзей.

В 1999 году, находясь на испытательном сроке после осуждения за это преступление, Байерс попал под арест за продажу двадцати таблеток рецептурного транквилизатора «Ксанакс» офицерам по борьбе с наркотиками, работавшим под прикрытием. Адвокат, назначенный ему судом, заключил сделку о признании вины, но в итоге Байерс провел пятнадцать тяжелых месяцев в учреждениях строгого режима, хотя никогда не являлся опасным преступником. В первый же его день в тюрьме трое сокамерников напали на него. После этой встречи он получил сотрясение мозга, сломанный нос, вывих плеча, четыре сломанных ребра и ушиб почек. Его описание того, как дойти до состояния, когда просто отключаешься от крика других заключенных, удивительно похоже на слова Дэмиена.

«*Потерянный рай – 2*» также показывает, как Дэн Стидхэм, адвокат Джесси Мискелли – младшего, задействовал Брента Тёрви, который называл себя криминальным специалистом и «судебно-медицинским экспертом». Стидхэм хотел, чтобы с самого начала в деле принимал участие психолог-криминалист, но он не мог себе этого позволить. Во время апелляционного процесса Кэти Баккен связалась с Тёрви, и тот согласился расследовать дело на безвозмездной основе. Изучив фотографии тел и другие улики с места преступления, Тёрви пришел к выводу, что убийства, скорее всего, произошли в другом месте, и что область ручья стала всего лишь местом, куда свалили трупы. Дав долгую и подробную консультацию, он также выразил несогласие с доктором Перетти по многим вопросам ран на телах, заявляя, что они нанесены не ножом, а похожи на следы укусов.

«Это самый ужасный случай сексуального увечья, который я когда-либо видел», – заявил Тёрви и предположил, что они могут приблизиться к истинному убийце или убийцам, если получат зубные оттиски от различных подозреваемых. Судебный одонтолог впоследствии исключил всех трех подсудимых по следам укусов.

Тёрви также считал, что одному преступнику сложно совершить тройное убийство в одиночку, так что, вероятно, действовали еще два неизвестных субъекта.

Когда я стал знакомиться с делом, то не согласился с результатами данного анализа. Прежде всего, я не увидел, чтобы где-то существовали отдельные похищения, убийства и места захоронения трупов. Я уверен, что все это произошло в одном месте. Практически невозможно похитить трех активных мальчиков, контролировать и держать их в тишине, пока их перемещают куда-то, жестоко убить их, а затем отнести истекающие кровью тела в лес – все это нельзя провернуть незаметно. Если было больше одного преступника, то сложность увеличивается. Любой, кто достаточно опытен в преступной сфере и достаточно искушен, чтобы такое осуществить, не пошел бы на столь рискованное предприятие.

Но если вдуматься, то я допускал лишь очень небольшую вероятность того, что преступников было больше одного. Когда я предполагал, что это преступление произошло на сексуальной почве, мне не показался возможным сценарий, при котором два извращенца действуют совместно и наблюдают друг за другом. Позже, когда я узнал больше о фактах и изменил свою оценку, мне показалось гораздо менее вероятным, что были задействованы два неизвестных субъекта.

Утверждение Тёрви, что место преступления находится в

стороне от места обнаружения тел, для меня не имело смысла. Я не мог представить себе преступника, несущего три изувеченных тела, одежду и велосипеды жертв. Он возвращается в Робин Гуд Хиллз, бросив велосипеды в воду в одном месте, разместив тела в другом, а затем спрятав одежду на дне ручья с помощью палок. Почему бы ему просто не сжечь или не выбросить вещи мальчиков? Сценарий Тёрви просто не просматривался.

Ни одна из этих экзотических теорий не имела для меня никакого смысла. Преступление должно было совершиться гораздо проще и понятнее.

Между 2000 годом, когда «*Потерянный рай – 2*» близился к выходу, и 2006 годом, когда Лорри связалась со мной, в некоторых отношениях произошло многое, а в других – почти ничего. В итоге жизнь не стала легче для некоторых ключевых фигур в деле.

С течением жизни, занимаясь воспитанием Сэта, сына Дэмиена, Домини Тир вышла замуж, развелась и снова вышла замуж. В итоге она стала жить в Аризоне.

Пэм Хоббс ушла от Терри в 2002 году и развелась с ним в 2004 году. Вики Хатчесон отказалась от своих показаний о том, что она сопровождала Дэмиена на *эсбат*, объяснив: «Он был таким же, как и любой нормальный парень его возраста».

Она предположила, что для нее это стало единственным способом преодолеть собственные трудности с законом, и, очевидно, эта уловка сработала. Она также сказала, будто полиция поставила вопрос о том, что власти отнимут ее сына, если она не будет сотрудничать. Обвинения в краже ей так и не предъявили, и она сохранила своего ребенка у себя. «Я свидетельствовала об этом, но я солгала на трибуне», – призналась Вики.

Дана и Тодд Мур развелись. Среди местных жителей давно велись разговоры о проблемах этой пары с алкоголем. Всего через год после убийств Дана сбила пешехода, проезжая по сельской дороге в графстве Криттенден. Ей предъявили обвинение в вождении под влиянием алкоголя, но ее адвокат снял это обвинение. Ее оштрафовали, назначили ей испытательный срок и обязали выплатить компенсацию.

Майкл Карсон переехал в Калифорнию, по-прежнему имел проблемы с законом и продолжал заниматься своим ремеслом тюремного стукача. В конце концов, он тоже поставил под сомнение свои показания о том, что Джейсон Болдуин признался ему в убийствах. «Я был в очень плохом состоянии, – размышлял он. – Они [прокуроры] знали о наркотиках, которые я принимал».

По сути, он сказал, что не может вспомнить, правда ли Джейсон признался, или просто озвучил Майклу то же, в чем обвиняли Джейсона, или Майкл вообще услышал это откуда-то еще. Поскольку его утверждения оказались такими странными, мой собственный вывод заключается в том, что он придумал их в наркотическом тумане.

Между тем апелляции ни к чему не привели. Судья Бернетт отказывал в каждом обращении, которое предъявляла ему защита, а Верховный суд Арканзаса последовательно поддерживал каждое из его постановлений.

Единственным лучом надежды стал новый статут штата, который был принят в 2001 году и позволял использовать новые научные возможности анализа ДНК при поддержке доказательства фактической невиновности.

Изучая жертв преступления, я не обнаружил в поведении всех этих трех жертв ничего, что могло бы отнести их к группе высокого риска.

С другой стороны, район Робин Гуд Хиллз сам по себе выглядел потенциально опасным, поскольку был изолирован от жилых районов и густо зарос деревьями. Крики о помощи оттуда трудно услышать. По той же причине можно говорить и об относительно низком уровне риска для преступника. Восьмилетние дети выглядели уязвимыми целями, хотя трое мальчиков, находясь вместе, уменьшали шанс причинить им вред. Сложно контролировать сразу трех жертв, если правонарушитель всего один, по мнению обвинения. Но, возможно, этот один преступник владел пистолетом или знал жертв и поэтому мог воздействовать на них словами.

Существенным поведенческим фактором стало местоположение, а также природа, тяжесть травм и предполагаемая летальность. Преступник очень методично подходил к убийствам. Он заставил всех трех жертв снять одежду. Эта тактика, как правило, наблюдалась в других случаях, когда преступник не только намеревался внушить страх жертвам, вынуждая их раздеться, но также вызывая сильное смущение и уязвимость, так как жертвы не хотели выбегать полностью голыми в общественное место. Преступник знал, что такой подход может стать эффективным средством контроля над малолетними жертвами.

Еще одна техника контроля, которую я никогда раньше не наблюдал в других насильственных преступлениях, заключалась в том, что жертв связали шнурками из их же кроссовок. Согласно показаниям, Крис Байерс был связан простыми и двойными узлами. Стиви Брэнч – похожим образом, причем все узлы

простые. Майкл Мур был связан морскими узлами на левых запястье и щиколотке, а простые узлы завязаны на его правом запястье и лодыжке.

Я видел несколько вариантов, как можно объяснить такую разницу в узлах для связывания Мура:

• преступников было несколько;

• сам преступник использовал два вида узлов, которые знал;

• преступник попросил одну из жертв помочь ему связать Майкла.

Известно несколько других случаев, в которых жертвы связывали друг друга. Только из этого аспекта нельзя делать вывод, там действовал один преступник или больше. А судебно-медицинский эксперт обвинения дал показания в ходе судебного заседания о типах узлов, использованных преступником, но никогда не давал заключения о значимости их разницы.

Преступник проявил злодейский ум, использовав шнурки в качестве наручников. Однако возникает вопрос, *зачем* он хотел связать своих жертв? Если его цель убить мальчиков, зачем связывать их?

Поведение отражает личность человека, а поведение преступника на месте преступления раскрывает его личностные характеристики. Метод и способ совершения преступления показывают, что это за человек. Совершение насильственного преступления связано с личными признаками того, что мы признаем «типичным» поведением человека. Такое типичное поведение уникально для конкретного субъекта.

Помимо уникальности, раскрывающейся в том, как и чем жертвы были связаны, другие поведенческие индикаторы тоже помогали раскрыть личность преступника. Его поведение после совершенного преступления отражало то, что он чувствовал необходимость спрятать одежду пострадавших. Он сделал это, воткнув небольшие найденные там же ветки в одежду, и запихнув ее вглубь мутной воды, убрав ее тем самым из поля зрения. Тела жертв он также спрятал. В качестве заключительного акта преступник почувствовал необходимость бросить два велосипеда в дренажную канаву и скрыться из виду.

После того как я изучил и усвоил все основные материалы дела, я смог приступить к составлению профиля и анализу.

Прежде чем вы сможете разобраться с конкретной личностью неизвестного субъекта, вы должны выяснить, *что это за убийство*. Мы разбиваем умышленные убийства на четыре большие категории.

1. *Преступное предприятие* влечет за собой убийство, совершенное с целью получения прибыли или материальной выгоды, такой как деньги, товары, территория или услуги.

2. *Групповое убийство*, когда два или более человека с общей идеологией санкционируют действие, совершенное одним или несколькими членами группы, которое приводит к смерти. Действия банд и религиозных общин попадают в эту же категорию.

3. *Сексуальное убийство* связано с сексуальным элементом или действием в качестве основы для последовательности действий, ведущих к смерти. Внешний вид и значение этого сексуального элемента зависит от правонарушителя. Действие может варьироваться от фактического изнасилования с проникновением – до или после смерти – к символическому сексуальному насилию, например, введению посторонних предметов в тело жертвы.

4. *Убийство по личным мотивам* — это акт межличностной агрессии, который приводит к смерти человека или лиц, известных или неизвестных обидчику. Убийство не мотивировано материальной выгодой или сексом, а также не санкционировано группой лиц. Это результат глубинного эмоционального конфликта, побуждающего преступника убить кого-то.

Конечно, эти категории могут пересекаться в зависимости от психопатологии преступника. Например, убийство Сюзанны Коллинз, совершенное Седли Элли, является неоднозначным. Это прежде всего личное убийство, потому что оно мотивировано гневом и агрессией, но оно определенно имело сексуальный подтекст, перенесенный на Сюзанну из других проблем в жизни преступника.

Изложив темы, подлежащие изучению, я всегда начинаю с объяснения, что такое анализ уголовных расследований. В своем отчете я написал так:

> **Уголовно-следственный анализ – это процесс, в котором преступления рассматриваются во всей их совокупности как с точки зрения поведения, так и с точки зрения расследования. Такой анализ предполагает рассмотрение и оценку фактов совершения преступного деяния, устный анализ поведения преступника до, во время и после совершения преступления, разработку стратегий,**

профиль неизвестного субъекта (одного или нескольких), оценку подозреваемых, стратегии интервью и допросов, информацию об ордере на обыск на основе исследовательской, прокурорской и судебной помощи, а также свидетельских показаний экспертов в области мотива, образа действия и анализ почерка преступника (особенности ритуала).

Целью уголовно-розыскного анализа является: определить потенциальные зацепки, а также подозреваемых, способных на основе прошлого опыта и исследований, с высокой долей вероятности совершить расследуемое преступление (т. е. убийство, изнасилование, поджог, похищение и т. д.). В большинстве случаев требуется анализ для проведения направления расследования, когда мотив и намерение преступника неизвестны. Анализ может «подкрепить» ход или направление расследования или же фактически «перенаправить» следствие, если выяснится, что расследование каким-то образом неправильно направлено или же затруднено. Из предыдущего следственного опыта, дела бывают неправильно направлены дезинформацией относительно показаний очевидцев, отсутствием следственного опыта, ложными признаниями, загрязнением на месте преступления, неправильным обращением с доказательствами во время их сбора и хранения.

Что касается дела Кэмерона Тодда Уиллингема о предполагаемом поджоге в Техасе, то я выразил обеспокоенность тем, что если бы мое подразделение ФБР анализировало факты, то оно могло бы прийти к неверному результату из-за неточной научной информации, полученной от местных практикующих врачей.

Другими словами, чтобы объяснить убийства трех жертв, нужно не только проанализировать преступление на тему того, что наблюдается в поведении, но и объединить этот анализ с известными фактами с помощью следственных интервью и судебно-медицинской оценки доказательств.

Похожая ситуация оказалась и здесь, в Уэст-Мемфисе.

При начальном просмотре материалов дела мое первое впечатление заключалось в том, что мы имеем дело с убийством из похоти, это подкатегория сексуального убийства, основной целью которого являлся Крис Байерс. Это было основано большей

частью на выводах судмедэксперта Фрэнка Перетти, который высказал мнение, что Криса кастрировали с помощью острого инструмента. Напомним, он засвидетельствовал, что кастрация была проведена настолько точно с хирургической точки зрения, что даже ему вряд ли удалось бы выполнить столь профессиональное хирургическое вмешательство, действуя даже в оптимальных условиях. Позже я узнал, что доктор Перетти не получил государственную сертификацию, и, как вскоре выяснилось, большая часть его анализа оказалась полностью ошибочной.

Мы определяем «убийство из похоти» как любой случай, при котором нападавший режет, наносит удары ножом, пронзает или калечит половые органы жертвы. Отличительной чертой убийства из похоти является нанесение тяжких телесных повреждений и расчленение тела. Эта атака на вид выглядит яростной, но в первую очередь преступник тут сосредоточен на половых органах жертвы. Убийца из похоти часто кусает жертв за грудь, ягодицы, живот, бедра и гениталии.

Самые распространенные методы убийства данного типа: удушение, нанесение ударов тупым или острым предметом. Для таких преступлений характерны чрезмерное травмирование или нанесение увечий сверх того, что необходимо для наступления смерти. Доктор Перетти описал, что раны имеют вид надрезов, следов укуса, порезов и травм тупым предметом. При этом он заявил, что режущие раны были нанесены ножом, но не обратил внимание на содранную кожу и следы укусов.

Чем больше я смотрел фотографии с места преступления и изучал отчеты, тем больше убеждался, что в этом что-то не так. Убийства из похоти имеют тенденцию к дезорганизованности, и почти в каждом случае преступник не знает потерпевшего или потерпевших. Но приведенные здесь доказательства говорят мне об обратном. Это преступление не только организованное, но и совершено с явным проявлением того, что мы называем преступным творчеством или гибкостью. То есть убийца не пришел на место происшествия с веревками, следовательно, он не планировал никого связывать. Далее, когда он решил сделать это, он использовал то, что нашел на месте происшествия – собственные шнурки мальчиков.

Кроме того, ему хватило присутствия духа – на самом деле, это было необходимо – спрятать одежду и велосипеды, а это ему не следовало бы делать, будь он незнакомцем, способным быстро скрыться с места преступления.

Далее, налицо факт, что гениталии изуродованы только у одной из трех жертв. Это также не соответствовало убийству из

похоти сразу трех человек. Ясно из связывания, что он хотел контролировать всех троих, но кастрирован был только один. Нет, это тоже имело мало смысла. И хотя тела нашли в воде, я ожидал увидеть следы крови в окрестностях. Нет, надо искать другую причину или объяснение кастрации.

Это не похоть. Это личная причина, возникшая между неизвестным субъектом и по крайней мере одним из трех мальчиков.

Не доверяя оценке доктора Фрэнка Перетти, команда защиты привлекла доктора Вернера Шпица, одного из ведущих американских судебных экспертов и патологоанатомов, автора основного руководства «*Судебно-медицинская экспертиза смерти*» *(Medicolegal Investigation of Death)*, вышедшего в четырех изданиях, а также Джона Нордби, доктора философии в области судебной медицины.

Они исследовали доказательства так же, как и я, пообещав провести лишь объективный и беспристрастный анализ, независимо от того, помогут или навредят этими действиями усилиям защиты. Их выводы стали ошеломляющими.

Оба эксперта независимо друг от друга пришли к выводу, что большинство травм, помимо травм тупым предметом, которые были нанесены всем трем телам, включая ужасающие генитальные раны Криса Байерса, явились результатом *не тщательно проведенной кастрации и снятия кожи с полового члена*, как утверждал доктор Перетти, и не рассечения с помощью стального зазубренного ножа, а *посмертного хищнического поедания животными.*

Фрэнк Перетти ошибался насчет ножевых ранений, а Брент Тёрви ошибался насчет следов человеческих укусов. Все произошедшее начинало приобретать более логичный вид.

Эксперименты убедительно доказали, что следы укусов на всех трех телах точно соответствовали тестовым укусам, взятым у аллигатора. Интересно, что наш личный поверенный Стив Марк первым обсудил эту возможность с Фрэн Уолш, просто размышляя об альтернативах свидетельским показаниям в суде и исследованиях типологии маньяков, обитающих в этом районе. Стив и Фрэн разработали свою идею в серии электронных писем.

Это подтвердило для меня, что на самом деле это не убийство из похоти или, как я уже говорил, не совершение ритуального сатанинского преступления. Кто бы ни убил этих трех мальчиков, сделано это было по причине особых отношений преступника хотя бы с одним из потерпевших.

Сначала преступление не планировалось как убийство. Оно совершено кем-то, кто первоначально хотел не убивать жертв, а скорее высмеять, наказать или «преподать им урок». Эта причина становится видна потому, что преступник не сразу убивал жертв. Они оставались живы какое-то время, когда их раздевали догола и связывали. На мой взгляд, преступник зашел слишком далеко в своих издевательствах и наказаниях, и понял, что он не уйдет от ответственности, если отпустит детей, *потому что знал жертв и жил в непосредственной близости от них.*

И это еще одна разумная и логичная преступная причина, которая заставила преступника спрятать тела жертв, их одежду и велосипеды в ручье и дренажной канаве. Преступник не хотел, чтобы тела нашли сразу же, потому что ему требовалось время, чтобы создать себе алиби. Это лишь одна из нескольких причин, почему я отказался от версии о связи с мистером «Боджанглсом» и счел появление этого бездомного человека случайным.

Я считаю, что трое мальчиков пришли в лес Робин Гуд Хиллз, как и большинство ребят, со стороны микрорайона, для этого они пересекли большую дренажную трубу. Невозможно представить, чтобы они перенесли свои велосипеды по этому очень узкому мосту. Также нет никаких свидетельств того, что они вошли в лес в другом месте или что их убили где-то еще и спрятали в Робин Гуд Хиллз. Это потребовало бы превосходного чувства равновесия при переходе через мост, риск падения при переноске велосипедов очень высок. Мальчики скорее оставили свои велосипеды спрятанными в высокой траве и сорняках перед тем, как прошли по мосту-трубе. Это важный для рассмотрения аспект преступления, потому что преступник, по всей вероятности, заметил велосипеды, перешел по трубе и совершил преступление. Тогда он бы бросил велосипеды в дренажную канаву, перейдя мост и двигаясь в том же направлении, где жили и он, и его жертвы.

Я считаю, что неизвестный субъект искал мальчиков или хотя бы одного из них, когда заметил велосипеды. Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что жертвы находились не там, где следовало, и когда он обнаружил их, то уже разозлился. Возможно даже, что когда он нашел их, они играли в какие-то сексуальные игры и поэтому оказались полностью или частично раздетыми, что вызвало еще больший его гнев. Также вполне возможно, что один или несколько из них просто неуважительно заговорили с ним, что усилило его желание наказать или унизить их.

В какой-то момент он потерял контроль над ситуацией или же понял, что зашел слишком далеко. Это могло произойти в

момент причинения травм тупым предметом по их головам. У него мог оказаться закрытый нож, приклад пистолета или другой предмет, и он бил им мальчишек. Если кто-то из них оттолкнул преступника, скорее всего, Крис Байерс, судя по тому, что его родители и соседи рассказывали о его дерзости и импульсивности, то он мог получить в ответ более сильный удар, и в результате точка невозврата оказалась пройдена. Убийцу этой жертвы легко бы опознали, поэтому, по мнению преступника, следовало уничтожить улики – то есть убить мальчиков. Незнакомец или бродяга легко бы выбрался оттуда и оказался в относительной безопасности. Но не так обстояло дело с кем-то, кого знали эти ребята.

Я бы классифицировал этого человека как «организованного» преступника и описал бы его как эгоцентричного, эгоистичного и нарциссического. Он обидчив, но не избегает социальных контактов. Во взаимодействии с социумом он ищет возможность манипулировать другими и использовать их ради своей личной выгоды. Организованный тип известен своим хитрым и методичным поведением в повседневной деятельности. Из-за его преступного интеллекта, основанного на предыдущем опыте незаконной деятельности, его воспринимают как адаптивного и гибкого в криминальной сфере; однако он предпочитает совершать преступления в непосредственной близости от места своего проживания или занятия – в его «зоне комфорта».

Организованный тип осведомлен о том, что не следует оставлять улики на месте, ведь суд может связать обнаруженное с ним. Раздевание жертв, связывание их, использование палок для погружения и сокрытия одежды жертв, бросание их велосипедов в воду – все это иллюстрация подобного преступного разума.

Организованный преступник нередко бывает чрезмерно сговорчивым после совершения преступления. Поскольку он жил в том же районе и знал жертв, он понял, что правоохранительные органы будут задавать ему вопросы относительно дела и его местонахождения в это время. Сотрудничество организованного преступника с полицией и следствием возможно, потребовалось для того, чтобы отвести от него подозрения.

Если судить по жестокости, проявленной преступником на месте происшествия, он может иметь дурную репутацию в прошлом, поведенческие «проблемы» и обладать характеристикой непредсказуемой, чрезвычайно взрывной и агрессивной личности. Вероятно, он родом из неблагополучной среды, где присутствовало насилие в семье, или где его физически унижали. Хотя это преступление на самом деле может стать первым, когда он убил кого-то, но это не первый раз, когда он на кого-то

жестоко напал.

В прошлом у Дэмиена и Джейсона не было характерного насилия. Хотя Джесси известен вспыльчивым характером, он направил свою агрессию на занятия борьбой. Его также знали как очень нежного с детьми, он часто присматривал за ними в своем районе. Хотя все трое выросли в социальной среде, допускавшей телесные наказания как обычное явление, никто из них не подвергался насилию.

Трудно предсказать возраст преступника на момент совершения преступления. Необходимо учитывать как хронологический, так и поведенческий возраст. Однако, исходя из метода и способа убийства трех потерпевших в сочетании с поведением правонарушителя после правонарушения, которое включало в себя сокрытие тел и избавление от одежды и велосипедов в воде, то можно сказать с высокой степенью уверенности, что тройное убийство не стало преступлением, которое совершил молодой правонарушитель или правонарушители, либо лицо, не имевшее в прошлом насильственного поведения. Для меня немыслимо, чтобы трое подростков могли совершить подобное преступление и не оставить за собой никаких улик. Я никогда не видел ничего подобного.

В то время как склонный к насилию неизвестный субъект, на котором лежит ответственность за эти убийства, мог и не убивать раньше. И все же он не просто так ни с того ни с сего 5 мая 1993 года явил себя в роли тройного убийцы. Он «работал» над этим, накапливал эту силу заранее, годами или десятилетиями. Он почти наверняка имел какие-то проблемы с насилием, жестокостью или управлением гневом в прошлом.

В любом случае, который связан с убийством детей, следователи сначала обращаются к семье и ближайшему взрослому кругу общения, как и в деле Джонбенет Рэмси. За все годы своей практики я ни разу не видел, что мать или другая женщина совершили подобное преступление. Так что если бы я был изначальным следователем этого дела, то я бы сначала внимательно изучил отца и двух отчимов жертв. Если бы ни одна из версий не сработала, я бы двигался дальше по концентрическим кругам близости к жертвам. В то же время я бы следил за всеми судебно-медицинскими доказательствами, возможными свидетелями и другими выводами.

Еще одна потенциальная область исследования – близлежащий район Мейфэр. Это был жилой комплекс, где останавливались временные жители, а иногда он становился местом для проживания наркопотребителей и наркоторговцев, а

также условно-досрочно освобожденных сексуальных преступников. Маловероятно, что трое мальчиков известны любому из его жителей, но все же это возможно. Один из жителей мог заметить одного или нескольких мальчиков и последовать за ними. Опытный сексуальный преступник разработал бы свои методы общения с потенциальными жертвами и управления ими. А так как он живет в этом районе и известен своим криминальным прошлым, ему необходимо как можно лучше скрыть преступление. Я бы попытался выяснить, не покинул ли кто-нибудь эту территорию сразу после убийств.

На основании того, что я узнал из отчетов патологоанатомов, я отказался от возможности такого развития событий. Не было обнаружено никаких доказательств сексуального телесного проникновения. Хотя обнаженный бондаж возможен в сексуальном контексте и тела мальчиков выглядели странно искривленными, казалось, что в результате связывания ничего не случилось.

Таким образом, ни одно из доказательств не указывает на нескольких преступников, подростков, ритуал или символизм, сатанизм или сексуальное насилие.

Словом, я не нашел ни малейшего доказательства и никаких тревожных признаков в поведенческом прошлом Дэмиена Эколса, Джейсона Болдуина или Джесси Мискелли – младшего, чтобы предположить, что кто-либо из них виновен в убийствах.

Глава 23. Жара Уэст-Мемфиса

Когда я отправил свой отчет Деннису Риордану, реакция оказалась драматичной. Как вспоминает Стив Марк, «Фрэн и Лорри особенно обрадовались, а также испытали облегчение от того, что передовой психолог-криминалист ФБР подтвердил три пункта: это не сатанинское убийство, трое обвиняемых-подростков не могли его совершить, и это убийство по личным мотивам, предположительно преступник знал по крайней мере одну из жертв. До сих пор это напоминало односторонний теннисный матч. Вдруг с отчетом Джона темп матча изменился, и все зрители подняли глаза и сказали: „Ого!“»

Участники команды Джексона и Уолш сказали мне, что главным результатом моего анализа и составления профиля стало понимание, что и они, и следователи полиции смотрели не в ту сторону и концентрировали внимание в неверном направлении, пытаясь выяснить, кто убил трех мальчиков. Если это не сатанинское убийство и, скорее всего, не убийство незнакомцем, то где им искать убийцу?

«Выполненный Джоном отчет, – говорит Стив, – переориентировал команду на конкретное направление: от поиска незнакомцев к тем, кто имел какое-либо отношение к жертвам. В частности, это заставило их уделить больше внимания Терри Хоббсу как потенциально заинтересованному человеку».

Я помню, что стояла чертовская жара, когда я приехал в Уэст-Мемфис в 2007 году по просьбе Лорри, Фрэн и Питера. От этой жары погибли пять человек. Я был рад, что в номере гостиницы «Холидей Инн» в Мемфисе, где я остановился, работал кондиционер.

Жара стала символом тяжелого повседневного бремени многих жителей этого города. Это общество суровых, трудолюбивых людей, большинство из которых не имело преимуществ высшего образования, влиятельных социальных контактов или возможностей для продвижения вперед. Большинство из тех, с кем я общался, курили – курили очень много – и лишь немногие имели доступ к хорошей медицинской или стоматологической помощи. Они жили в небольших домах или кооперативных трейлерных парках, а американская традиция восходящей мобильности выглядела сильно ограниченной в Уэст-Мемфисе. В их жизни было так много факторов стресса, что алкоголь, домашнее насилие, разводы и другие социальные проблемы становились безудержными.

Но я также заметил, что, с чем бы ни они столкнулись, эти люди сохраняли непоколебимую веру. Церкви различных конфессий стояли тут повсюду. Местные жители тоже вели себя доброжелательно и гостеприимно, и те, кто инстинктивно не опасался такого постороннего, ковыряющегося в их личных делах человека, как я, тепло приветствовали меня.

Одной из моих первых остановок в Уэст-Мемфисе стал полицейский участок. Я отправился туда с Лорри, следователем из Мемфиса по имени Рон Лакс, работавшим с защитой, и его соратницей Рэйчел Гейзер. Когда мы сидели в архивной комнате, просматривая дополнительные улики, сотрудники прошли мимо зала и с любопытством посмотрели на нас.

Проверка подтвердила то, что мне сказали следователи после того, как я представил мой письменный отчет. Представители полицейского управления Уэст-Мемфиса беседовали с Джоном Марком Байерсом и несколько раз изучали его биографию, но никогда не брали интервью у Тодда Мура или Терри Хоббса. Учитывая характер преступления, это выглядело просто ошеломляющей оплошностью.

Одна обнаруженная нами и удивившая меня вещь заключалась в том, что Дэмиен оказался не единственным, кто связался с моим подразделением в Куантико. Так поступило и полицейское управление Уэст-Мемфиса. В то время я возглавлял подразделение, но ничего не знал об этом.

Это была консультация по телефону. Мы проводили много таких консультаций, когда местный начальник или детектив звонил и описывал дело – так получалось быстрее, чем отправлять туда-сюда все материалы. Мы старались предоставить им указания, как лучше обращаться к людям определенного типа и какой стратегии придерживаться. В данном случае полицейские побеседовали с двумя другими агентами подразделения, и те дали советы, какие вопросы следует задавать во время обхода по домам. В то время там не велось никаких записей о каких-либо последующих действиях.

Когда я вернулся из поездки домой, мне позвонил Кен Лэннинг по другому делу. Кен давал консультацию по случаю Джонбенет Рэмси, когда еще работал в ФБР. Команде обвинения это не понравилось, и впоследствии эти рекомендации исключили из расследования. Я спросил Кена, имел ли он какое-либо отношение к расследованию убийств в Уэст-Мемфисе до того, как ушел на пенсию.

– О да, – ответил он. – Кто-то из прокуратуры позвонил мне на основании написанного мной руководства, описал тот случай и рассказал мне, что они расследовали это как сатанинское

убийство.

– Что ты им сказал? – спросил я.

– Я дал понять, что, по моему мнению, они позволяют теоретическим предположениям идти впереди расследования. Я сказал: «Если вы поднимете вопрос о том, что это сатанинское убийство, то вас поднимут на смех, не доводя дело до суда».

– Что случилось потом?

– Ничего такого. Мне так и не перезвонили. Вслед за этим я уже читал о деле в газетах, и его мотивом считался сатанинский ритуал.

За годы работы в Куантико я научился никогда не игнорировать то, что сказал Кен Лэннинг, – это урок, по крайней мере, для этих двух групп обвинения. Единственное, в чем Кен оказался неправ, так это то, что окружные прокуроры Уэст-Мемфиса *не* подняли эту версию на смех, а отправили ее в суд, и именно так трагедия убийства усугубилась трагедией судебной ошибки.

У Тодда Мура четкое алиби: он работал на своем месте за рулем грузового автомобиля, когда мальчики пропали без вести. После того, как он закончил работу, они с Марком Байерсом вместе отправились на их поиски. Другие люди видели их.

При этом Терри Хоббс находился с другими людьми большую часть дня, но вечером у него образовалось примерно двухчасовое окно – с 18:40 до 20:30 вечера – в это время его больше ни с кем не видели. Это обстоятельство не давало покоя и выглядело потенциальной зацепкой, так как Хоббс сказал, что был со своим другом Дэвидом Джейкоби весь день и весь вечер. Показания Джейкоби противоречили этому, он сказал, что они находились вместе всего около полутора часов. Более того, Терри утверждал, что не видел Стиви весь день, уйдя на работу до того, как остальная семья собралась вместе. Но соседка, Джейми Кларк Баллард, заявила, что видела, как Терри звал Стиви возле своего дома около 18:30 в день убийства. Стиви ехал на своем велосипеде, а Крис и Майкл бежали за ним. Все три мальчика смеялись.

Примерно через две недели после убийств Терри уехал из города. Он сказал, что ему слишком тяжело там оставаться, он не может справиться со своими переживаниями. Очевидно, нам требовалось получить о нем больше информации.

Дана и Майкл Мур наотрез отказались разговаривать со мной, а Джон Марк Байерс и Памела Хоббс тоже ничего не ответили. Но Терри Хоббс, к тому времени уже расставшийся с Пэм, согласился со мной встретиться. Я не имел возможности

подготовить и провести по этому человеку реальное расследование. Но я не хотел терять то, что могло быть моим единственным шансом встретиться с ним, поэтому я решил, что лучше приму это предложение, пока оно в силе.

Мы с Терри встретились в понедельник и пообщались примерно с восьми до десяти часов вечера в открытом ресторане в торговом центре за пределами Мемфиса. Он вел себя вежливо и внимательно, и у него находились разумные ответы на каждый вопрос, который я задавал. Он выглядел как отец, все еще скорбящий после всех этих лет. Он любил Пэм и Стиви и глубоко сожалел о причинах, которые привели к разводу. Я знаю, как потеря ребенка становится невыносимой нагрузкой в отношениях, и он подразумевал, что все в его браке пошло под откос после убийств.

Я упомянул, что знаю, какое у него было тяжелое детство, его отец относился к нему довольно жестоко. Терри пожал плечами и опустил глаза, как бы говоря, что эта ситуация не хуже, чем у большинства вокруг, и что он прошел через это. Мы дружелюбно закончили наш разговор, и я сказал, что, возможно, в какой-то момент захочу побеседовать с ним снова. В конце этого интервью я подумал, что, вероятно, мог лаять не на то дерево.

Я снова встретился с Роном и Рэйчел. Мы просмотрели каждую запись или ссылку, связанную с Терри, из тех, которые только смогли найти. Так как над этим делом работали два профессиональных частных детектива, то информации оказалось довольно много. Рэйчел взяла интервью у его бывшей жены и узнала о весьма тревожном инциденте с бывшей соседкой по имени Милдред Френч. Они с Роном собрали полное досье. У нас начал вырисовываться новый портрет Терри Хоббса.

Но прежде чем снова попытаться встретиться с ним, я хотел поговорить с его лучшим другом Дэвидом Джейкоби, а ведь именно он, по мнению полиции, обеспечил Терри алиби в ночь убийства.

Джейкоби жил в одноэтажном доме, отделанном белым сайдингом, а его двор был окружен забором из цепных звеньев. Когда я подошел к дому, то увидел, что Джейкоби сидит во дворе без рубашки под зонтиком, видимо, занимаясь бумажными делами. В то время он работал водителем в транспортной компании из Литл-Рока. Я оделся очень просто, не стал надевать темный пиджак и галстук. Тем не менее он выглядел гораздо лучше одетым для жары, чем я. Я уже чувствовал, как пот проступает у меня во всех известных местах.

Во дворе на цепи сидела самка питбуля, она выглядела так, будто недавно ощенилась. Изначально я хотел быть ветеринаром и до сих пор замечаю подобные вещи. Я также заметил, что если я сделаю пару шагов в неверном направлении, то у собаки появится физическая возможность показать, насколько я желанный гость.

К счастью, проблем не возникло. Дэвид Джейкоби выглядел, как цивилизованная версия традиционного горца, его морщинистое лицо обрамляла густая седовато-каштановая шевелюра и длинная неподстриженная седеющая борода. Его манеры тоже выглядели полностью цивилизованными. Когда я сказал ему, кто я и зачем здесь, он вежливо попросил меня присесть.

Я объяснил цель своего визита: хочу, чтобы он провел меня по всей хронологии дня убийств, 5 мая 1993 года. В начале возникла история, как Терри отвез Пэм в ресторан, в котором она работала, а потом пошел в дом Дэвида, чтобы поиграть с ним на гитаре. Вечером они вдвоем отправились искать Стиви. Но реальный вопрос был вот в чем: *весь ли вечер они были с Терри?* Он избегал общения с журналистами, но ответы, которые он давал следователям, включая Рэйчел, противоречили некоторым из более ранних его заявлений, в том числе о том, что они весь вечер провели вместе.

Так что я очень хотел узнать окончательный ответ на этот вопрос.

На момент убийства и Дэвид, и Терри работали в компании Memphis Ice Cream и жили недалеко друг от друга, поэтому часто собирались вместе. Он подтвердил, что Терри подошел к его дому вскоре после того, как отвез Пэм на работу, примерно около 17:15. С ним пришла его дочь Аманда, жена Дэвида Бобби была дома. Терри часто заходил в те дни поиграть на гитарах, чем они в тот вечер и занялись.

Я попросил Дэвида хорошенько вспомнить о том, что произошло после этого. Он сказал, что это случилось уже давно, и травма от трагедии затуманила его память о том вечере, отсюда и возникло некоторое замешательство. Но когда он стал думать об этом, то вспомнил, как Терри сказал, что ему лучше вернуться домой и посмотреть, там ли Стиви, потому что его не было дома, когда Терри ушел с Пэм. Он сказал Дэвиду, что Стиви знает о запрете выходить из дома после наступления темноты. Это происходило между 18:00 и 18:15. Дэвид не мог вспомнить, оставил ли Терри Аманду с ним, когда вернулся домой, но сейчас думает, что, вероятно, так и было, – именно это Дэвид сказал Рэйчел, когда она беседовала с ним.

Дэвид также вспомнил, что когда он открыл входную дверь

перед Терри, то увидел двух мальчиков на велосипедах и одного на скейтборде. Он почти уверен, что один из них был Стиви. Если это так, заметил я, то такое наблюдение противоречит давнему утверждению Терри о том, что тот ушел из дома на работу, когда Стиви еще спал, и потом не видел его весь день.

Терри вернулся примерно через час. Он спросил Дэвида и Бобби, заходил ли к ним Стиви. Когда они оба сказали «нет», Терри и Дэвид решили пойти и поискать его. Дэвид почти уверен, что тогда они взяли Аманду с собой.

Первой их остановкой стали апартаменты Мэйфэр, там они спросили, видел ли кто-нибудь Стиви или двух его друзей, Майкла и Криса. Затем они поехали в район к югу от канавы Тен Майл Байю, но ничего не обнаружили. После этого они направились к дому Дэвида, и там Терри его высадил. По мнению моего собеседника, они так ездили минут пятнадцать или двадцать.

Дэвид и Бобби находились одни в доме, пока не пришла Пэм, а значит, это произошло уже после девяти вечера, когда Терри забрал ее после смены в ресторане. Она приехала на своей машине, и сразу вслед за ней прибыл Терри на грузовике. Пэм в истерике кричала, что Стиви все еще нет дома, и она хочет отправиться на его поиски. Дэвид видел, что она не в состоянии вести машину, поэтому убедил женщину разрешить ему отвезти ее туда, где часто гулял Стиви, например, на место встречи скаутов у местной школы или у церкви. Они вернулись, не найдя мальчика.

Через некоторое время после этого Дэвид вернулся к поискам вместе с Терри и Джеки Хиксом – старшим, отцом Пэм. В какой-то момент они наткнулись на Марка Байерса и Дана Мура, они тоже искали своих мальчиков. Когда они подошли к переходу по водосточной трубе, он заметил велосипедные следы, а также грязные отпечатки ног, достаточно маленькие, скорее всего, детские, на самой трубе.

Когда они подходили туда, где позже обнаружат тела детей, Терри вдруг сказал Дэвиду, что у него плохое предчувствие по поводу этого места, поэтому он повернулся и пошел в другом направлении. Дэвид подумал, что это довольно странно, ведь тот искал Стиви, но при этом почему-то не хотел думать, что он в этом «злом» месте, но больше тот ничего не сказал.

Я отреагировал так же. Если ты боишься за сына и у тебя где-то возникает плохое предчувствие, естественным инстинктом родителей стало бы пойти именно туда и защитить ребенка, а не уйти в другую сторону, обойдя «злое» место.

Они искали до трех часов утра, после чего Дэвид пошел

домой, чтобы немного поспать.

К тому времени, как Дэвид вернулся домой на следующий день, около 15:30 были найдены тела мальчиков.

Я спокойно все это выслушал и изо всех сил постарался сделать так, чтобы мои жесты и мимика были адекватны течению беседы. Но все это время я думал: *боже мой, у Терри нет алиби на весь вечер!* Возможное расхождение во времени оказалось реальным, и действительно образовался временной промежуток, когда Терри ушел от Дэвида и оказался один. Дэвид вел себя со мной так же открыто, как и с Рэйчел, я мог только сделать вывод, что никто из полицейских не задавал ему подобных вопросов, иначе он бы им точно рассказал. Это вполне соответствовало тому, что никто не вызывал Терри на официальный допрос после преступления, как, например, Марка Байерса. Я не мог – и до сих пор не могу – понять, почему.

Я объяснил Дэвиду, как, по моим предположениям, было совершено преступление и почему я подумал, что преступник, судя по всему, знал убитых детей. Ему пришлось контролировать трех детей сразу и даже, угрожая оружием, он не смог бы удержать их от побега. Так что, скорее всего, они его просто сами по себе слушались, как знакомого старшего по возрасту. Я сказал Дэвиду, что, по моему мнению, преступник увидел велосипеды, перешел через холмы Робин Гуда и нашел детей. Его первой реакцией стал гнев, поэтому он попытался как-то наказать их. Когда он перестал владеть собой и ситуация вышла из-под контроля, он почувствовал, что ему не остается ничего другого, кроме как убить детей. В другом случае его жизнь и репутация будут разрушены.

Мы вместе обсудили подробности этой местности, и я показал своему собеседнику, что незнакомец, скорее всего, вышел бы из леса ближе к мойке для грузовиков, а не с другой стороны. По расположению велосипедов в воде мы поняли, что он либо входил, либо выходил там, а может быть, и то, и другое.

Когда я уходил, Дэвид явно был потрясен. Больше всего он расстроился из-за того, что сам раньше не разобрался в преступлении более внимательно.

В первый раз, когда я попытался поговорить с Пэм Хоббс, она меня не впустила. Потребовалось позвонить Рону Лаксу и убедить ее, что я не собираюсь «никого привлекать» или выставлять ее в плохом свете только ради того, чтобы заставить ее поговорить со мной. К тому времени, когда она согласилась встретиться со мной, нам со следственной группой удалось изучить прошлое ее бывшего мужа получше, и я почувствовал себя более

подготовленным.

Мы встретились в маленьком кирпичном домике ее мамы на угловом участке примерно в получасе езды от Уэст-Мемфиса. Табличка «ПРОДАЕТСЯ» стояла на лужайке перед домом. Несколько членов семьи Пэм присутствовали на этом разговоре за обеденным столом.

Я сказал им, что большую часть своей карьеры проработал на обвинение, но в данном случае обвинение ошибается. Сначала, как и Марк Байерс, они сопротивлялись, да и кто мог их винить? Рассказав этапы проведения своего анализа, я спросил:

– Напоминает ли вам кого-нибудь мое описание?

Казалось, будто все сидящие за столом переглянулись между собой, прежде чем пришли к единому выводу: Терри.

– Почему? – поинтересовался я.

Они описали физическое и эмоциональное насилие, которое Пэм терпела от Терри. Рассказали, что он избивал и свою первую жену Анджелу.

Пэм и ее родственники описали случаи, когда Терри бил Стиви, обращаясь с ним очень грубо, в отличие от Аманды, их с Пэм общей дочери. Пэм сказала, что за две недели до убийства Стиви попросил ее уйти от Терри. «Он любит Аманду, – процитировала она слова Стиви. – Но не любит меня».

Вся семья также предположила, что отношения Терри с девочкой не казались нормальными и, возможно, выглядели неуместными, а то и того хуже. Они подтвердили мою информацию о том, что отец Терри, который был священником-фундаменталистом, часто жестоко обращался с ним.

Наиболее значительным насилием в прошлом Терри стало насилие в семье. В ноябре 1994 года Пэм и Терри начали одну из своих частых ссор, и закончилась она тем, что Терри ударил Пэм по лицу тыльной стороной ладони. Пэм позвонила родным, и ее брат Джеки Хикс – младший, с ним Терри раньше ссорился, бросился ей на помощь. Когда Джеки начал драться с Терри, тот вытащил магнум 357 калибра, заряженный разрывными пулями, и выстрелил ему в живот. Терри заявил, что применил пистолет в целях самообороны. Он отбыл шесть месяцев в тюрьме за нападение при отягчающих обстоятельствах. Джеки перенес операцию и прожил еще десять лет, но умер от сгустка, образовавшегося во время той операции.

Я слушал, а родственники Пэм вспоминали другие случаи, пытаясь соединить их воедино. Например, они напомнили Пэм, что когда Терри высадил ее тем вечером в пять в ресторане Catfish Island, где она работала, то они понятия не имели, где он, пока он не забрал ее в 21:00. Его видели с детьми около 18:30, но

он это отрицал. Когда он забрал Пэм, то вел себя странно. Ничего не говоря, он прошел мимо нее в ресторан и вызвал полицию. Что он делал предыдущие четыре часа? Если он так беспокоился о Стиви, что пошел искать его в лесу, почему тогда он не позвонил Пэм на работу, чтобы поделиться своими опасениями? Пэм и ее родственники также рассказали мне, что считали, что стресс от убийства Стиви и стрельбы в Джеки – младшего стал причиной смерти Джеки – старшего.

Как выяснилось, одним из источников напряженности между Терри и Пэм стало то, что Терри продолжал настаивать на том, чтобы она «преодолела» память об убийстве и продолжала нормально жить дальше. Я стараюсь оставаться максимально объективным и беспристрастным в том, что я делаю, но когда я слышу, как *кто-нибудь*, пусть даже из лучших побуждений, говорит выжившим родственника жертвы, что надо просто пережить это, моя кровь начинает закипать.

К тому времени, как я уехал, Пэм больше не верила в то, что троица из Уэст-Мемфиса виновата в убийстве ее сына. И она была готова рассказать об этом публично.

Глава 24. Два отчима

Я намеренно не смотрел ни одну часть фильма «*Потерянный рай*» до тех пор, пока не завершил свой анализ, чтобы впечатление не повлияло на мои оценки. Но я посмотрел эти фильмы, прежде чем поехал в Арканзас, и знал, что Марк Байерс оказался главным альтернативным подозреваемым во второй части фильма. Первая часть заложила эту основу, в ней Байерс представлялся диким персонажем, будто бы из фильма «*Избавление*», готовым оторвать кому-нибудь голову или затеять драку при малейшей провокации. Но я уже понимал, что это иллюзия, карикатура.

Фактически к тому времени, когда я добрался до крыльца его трейлера в трейлер-парке города Миллингтон, штат Теннесси, в 22 километрах к северу от Мемфиса, у меня уже сложились довольно четкие представления о нем, которые не совпадали с моим профилем.

Байерс – экстраверт, не обладавший никакой историей личного насилия, если не считать наказания своих детей ремнем. Он нарушал закон, но без насилия, в основном в сфере криминального предпринимательства: мошенничество с ювелирными изделиями, наркотики, мелкие кражи. Он также имел некоторый опыт в качестве осведомителя о потребителях наркотиков. Но все знали, что он дружит с соседскими детьми и любит их. Когда вы слышите о таком человеке и в его семейных отношениях есть что-то неприличное, то на это обычно хотя бы намекают. Ничего подобного не обнаружилось в отчетах о Байерсе. Кроме того, я изучил хронологию ночи убийства и смог вычислить, где он находился все это время.

Когда он открыл дверь, я представился, перекрикивая лай собак. «*Этот парень действительно большой*», – подумал я. Марк выглядел устрашающе. Он казался очень настороженным и явно устал от юристов, даже отставных, вроде меня. Посмотрев фильм HBO, я также знал, что он понимает, как именно я могу его воспринять.

– Чего вы хотите? – потребовал он ответа. – Кто надоумил вас прийти сюда? Вы тот бывший парень из ФБР. Убирайтесь с моей частной территории!

Пока он стоял в дверном проеме, я сказал:

– Мистер Байерс, я здесь не для того, чтобы показывать на вас пальцем и обвинять. Я не считаю вас подозреваемым, но я бы хотел поговорить с вами, потому что я твердо убежден, что три человека, сидящие в тюрьме, не убивали вашего сына Криса.

– Там сидят те самые парни, черт побери! – настаивал он.

Он вышел на крыльцо, но в дом меня не пригласил. В своей белой рубашке и темных брюках я вспотел как сумасшедший в эту жару. Напряжение ощущалось при каждом вдохе.

Он заявил мне, что Дэмиен Эколс – главный убийца, и что мотив убийства – сатанизм.

– Вовсе нет, – ответил я. – И я бы хотел, чтобы вы дали мне возможность по шагам объяснить вам ход моих мыслей, которые привели к такому выводу.

Я слышал, как его жена Джеки встала у сетчатой двери.

– Марк, давай его послушаем.

Марк и Джеки познакомились в книжном магазине в 2001 году, через пять лет после смерти Мелиссы, матери Криса. Джеки споткнулась о собственный шнурок и упала. Марк оказался единственным, кто пришел ей на помощь.

В следующем году они поженились. Интересно, что она никогда о нем до этого не слышала и ничего не знала об этом деле. Поэтому, прежде чем они обручились, он настоял на том, чтобы она посмотрела оба фильма «*Потерянный рай*» и «узнала, во что ввязываешься».

Пока он стоял и скептически смотрел на меня, я объяснил, кем я был и чем занимался в ФБР. Джеки вышла на крыльцо и с интересом слушала, хотя сначала ничего не говорила. Они оба курили, и казалось, нехватка воздуха от этого стала еще более ощутимой.

Я провел их через шаги совершенного преступления и рассказал, почему я считал, что сатанизм или ритуальное насилие не подходят для такого сценария. Я попытался показать им, что если избавиться от предубеждений, абстрагироваться от эмоций и строго рассмотреть физические и поведенческие доказательства, остаются видны только личные мотивы, способные привести к убийству. И это был тот, кто даже не собирался применять нож – свой, Дэмиена или чей-нибудь еще. Я показал им, почему признание Джесси Мискелли – младшего не имело смысла, и что полиция должна была понимать это.

Я сказал ему, что убийца знал его пасынка.

Кажется, я пробыл там около получаса, когда Марк предложил мне сесть. Я подумал, что, наверное, в первый раз мне удается преодолеть такое сопротивление. Вскоре они пригласили меня в дом. Там я увидел несколько фотографий Кристофера. Вокруг мягкого дивана, на который я присел, кружили три дружелюбные собаки.

Почти сразу я понял, что этот парень не теряет самоконтроля и совсем не был похож на деревенщину, чей образ я увидел в двух

фильмах «*Потерянный рай*». Он был замкнут, явно умен и хорошо осведомлен. Джеки доказала, что неплохо разбирается в уголовном правосудии и в той работе, что я проделал. Я уже встречал в тех краях много неблагополучных пар, но эти двое – он в своем третьем браке, она во втором – казались искренней, эмоционально сильной и преданной командой.

– Она привнесла в мою жизнь немало стабильности, – прокомментировал Марк. – Я говорю людям, что она как клей, который удерживает нас вместе.

Я сразу поднял вопрос о том, как Марк появился в тех фильмах. Я спросил его, почему, по его мнению, он столкнулся с таким негативным отношением.

Он не уклонился от ответа на этот вопрос и позже подтвердил свои слова уже для Марка Олшейкера, как и для меня.

– Я пытался позаботиться о Мелиссе и о Райане. У меня действительно не хватало времени на то, чтобы печалиться и горевать, и я бесился из-за того, что кто-то убил моего сына. Но я пытался сохранить свою семью. Затем, когда снимали второй фильм, Мелисса скончалась, а Райан ушел. Я остался совсем один. Однажды я пытался покончить жизнь самоубийством. Дважды отправлялся в реабилитационный центр только потому, что больше не мог с этим справляться. У меня возникало много мыслей о самоубийстве, и я пребывал в глубокой депрессии.

Это важные слова, они помогают лучше понять суть ошибок в судебном деле, да и главную тему всей книги. Если мы будем судить людей по первым впечатлениям и внешнему виду, если начнем применять стереотипы и действовать согласно общепринятому мнению, то мы ужасно рискуем сделать о людях неверные выводы. Троице из Уэст-Мемфиса вынесла неверный приговор вся правовая система, а Марка Байерса позже неверно оценил более широкий суд общественного мнения. Несмотря на обилие самопровозглашенных экспертов, которые то и дело выступают в любом ток-шоу на телевидении, а также на высмеиваемые всеми клише по этому поводу, психологическая криминалистика работает на гораздо более глубоком уровне, чем эти поверхностные суждения, и предназначена для того, чтобы отыскать реальные факторы, заставляющие людей делать то, что они делают. Именно с ее помощью я смог пробраться от мультяшного изображения к реальному Джону Марку Байерсу.

– Я нервничал, просто находясь рядом с ним, – позже вспоминал Байерс о своей первой встрече со мной. – Думал, будто он составляет мой профиль. Он сказал на это, что уже сделал это давным-давно.

Когда я оказался в доме, мне стало еще труднее дышать в замкнутом пространстве. Но теперь Марк и Джеки, казалось, чувствовали себя более комфортно. Описывая место преступления и мотивацию неизвестного субъекта, я объяснил им ход своего анализа: убийства не стали делом рук совершенно незнакомого человека, бродяги или сексуального извращенца. Инцидент начался как попытка высмеять и наказать жертв, а не как преднамеренное убийство, но преступник потерял контроль над ситуацией и не мог рисковать, если его обнаружат. Оружие или орудия, применяемые для совершения преступления, никто не приносил с умыслом на место преступления, например, там не было веревки или шнура для связывания. Этот неизвестный субъект, может, и не совершал раньше убийство или любые другие серьезные преступления, но наверняка сталкивался с жестокостью в прошлом, и, если его не остановить, он продолжит действовать жестоко и в будущем. Тот факт, что он спрятал одежду с помощью палок и бросил велосипеды в воду, демонстрирует изощренность преступника гораздо выше подросткового уровня. Этот человек жил по соседству и отличался психопатическим складом личности. Он мог посмотреть вам прямо в глаза и сказать, что он этого не делал.

Как мог один человек связать троих детей? Джеки хотела знать это.

Я объяснил, что дети знали его и либо уважали, либо боялись его авторитета. Также может быть, что он заставил одного мальчика связать другого. Судя по тому, что я знал о личности Криса, он мог противостоять этому злобному хулигану-взрослому, и его неповиновение заставило ситуацию выйти из-под контроля.

Марк Байерс задумчиво слушал. Наконец он сказал:

– Вы описываете кого-то вроде Терри Хоббса.

Он признал, что с тех пор у него остались вопросы без ответа. Его подозрения насчет Терри оказались настолько сильными, что он решил провести эксперимент.

– Гитчелл сказал нам, что обнаружил портфель с несколькими фотографиями, в нем были нож, пистолет и немного наркотиков. Но он никогда не показывал этих фотографий. Ну так вот, я как-то сказал Терри: «Помнишь, ты видел фотографию, на которой Дэмиен сидел на твоем диване?» А он ответил: «Да, я помню, видел ее. Пэм, наверное, сфотографировала». И здесь, в нашем доме, он тогда сказал нам с Джеки о том, что всегда подозревал Пэм в сексуальной связи с Дэмиеном. То есть начал впутывать в это дело фотографию, которую я выдумал, ее не было.

Марк также описал, как поглядывал на Терри во время суда, когда Майкл Карсон выступал свидетелем по предполагаемому признанию Джейсона перед ним.

– Достаточно было взглянуть на него. Он выглядел так, будто это звучало для него слишком хорошо, чтобы быть правдой, – заметил Марк.

Думаю, поворотным моментом встречи стало то, что я сообщил им о словах Дэвида Джейкоби. Тот рассказал, что Терри видел детей в тот вечер, хотя сам Терри постоянно утверждал, что целый день не видел ни одного из них, включая Стиви.

– Вот тогда я испугался. Это стало самым ярким моментом прозрения для меня, – позже сказал нам Марк Байерс.

Я спросил его, думает ли он, что именно Кристофер мог оказать сопротивление обидчику и заставить его потерять контроль.

– Я думаю, есть большая вероятность, что это так, – ответил Марк. – Я потратил много часов, гадая, что именно там произошло. И пока дело остается непонятным, у меня все еще нет ответов.

Но он добавил:

– Кристофер первым заявил бы ему: «Вы не мой папа. Я не обязан слушать то, что вы мне говорите». А если что-то пошло не так, он бы сказал: «Я пойду и скажу своему папе!» Он бы первый сделал это.

Когда я уходил, Марк обнял меня. И теперь, когда мы побеседовали, я должен сказать, что из всех участников дела именно он вызвал во мне глубочайшее уважение среди всех остальных. Несмотря на все его недостатки и проблемы, он тот, кто хотел узнать правду с самого начала. Когда ему представили столько фактов, сколько мы смогли предоставить, он проявил честность и силу характера, чтобы принять их, помириться с молодыми людьми, хотя раньше считал их виноватыми, и впоследствии яростно сражался за их свободу и освобождение от ответственности. Если бы правоохранительная сторона имела широту взглядов и смелость Джона Марка Байерса, трем невинным молодым людям не пришлось бы так долго страдать. И справедливость для его сына Криса, а также Майкла и Стиви, не оказалась бы такой неуловимой.

– Джон Дуглас приехал навестить меня, – говорил Марк позже. – Он дал мне нужные ответы, и мои худшие опасения подтвердились. Я не думал, что власти так сильно все испортили. Я полагал, что они нужны, чтобы защищать и служить. Меня всегда так воспитывали.

Терри согласился на мою просьбу снова встретиться с ним, на этот раз в номере-люкс в отеле «Мемфис Холидей Инн», где я остановился. И теперь я был вооружен информацией относительно *настоящего* Терри Хоббса, я прямо сказал ему, что теперь чувствую себя лучше подготовленным. Я заметил, что Терри принес с собой запечатанную банку газировки. Я предложил ему сесть, но он предпочел стоять. Я видел это раньше, когда брал интервью у заключенных в пенитенциарных учреждениях. Стремление стоять может быть техникой для утверждения доминирующего положения над другим человеком.

– Вам удалось меня провести, Терри, – начал я. – Когда я разговаривал с вами в прошлый раз, я действительно не знал ничего о вашем происхождении. Но с тех пор у меня появилась возможность провести расследование и обнаружить, что вы действительно меня обманули. Многое из того, что вы мне сказали, неправда. Вы отменный лжец, Терри, но не настолько.

Он не отреагировал, только крепче сжал банку с газировкой.

– У вас жестокое прошлое, – продолжил я. Он посмотрел на меня, как будто я просто упомянул случайную деталь, например, цвет его волос.

Я применил технику, которую часто использовал раньше. Я называю ее «Это твоя жизнь» – рассказываю человеку о ключевых событиях, которые мне удалось узнать.

– Раньше вы подавляли это в себе, но я знаю, что ваш отец выбил из вас все дерьмо, и вы чертовски хотели выбить все дерьмо из Стиви. – Я узнал, что он яростно хлестал Стиви ремнем, заставляя его держать руки в воздухе подальше от тела. Другие члены семьи описали рубцы, оставленные подобными наказаниями. – Вы манипулировали и лгали…

Все, что я упомянул, привело к «серьезному» пожатию плечами и ответу в духе «Ну и что?». Когда я упомянул о ссоре с его зятем, Терри спокойно объяснил, что Джеки – младший душил его, и был единственный способ заставить его ослабить хватку – пригрозить ему пистолетом.

Я отметил, что вскоре после убийства он с Пэм переехали в дом семьи Пэм в городе Блайтвилл, штат Арканзас. Вскоре после этого Терри оставил там Пэм и отправился в город Харди, штат Арканзас, примерно в 290 километрах отсюда. Это означало, что его ни разу не допрашивали и не осматривали полицейские. Я снова услышал: «И что?» Он сказал, что оставаться в Уэст-Мемфисе для него стало чересчур.

Он не дрогнул, когда я рассказал об обвинениях в том, что он приставал к своей дочери Аманде. Обычно, когда вы предъявляете мужчине столь серьезное или возмутительное обвинение, не

соответствующее действительности, он срывается. Терри не признал обвинений, но и не стал их отрицать. Единственное, что я заметил: он все жестче сжимал банку в руках, как будто ее можно было в теории использовать как оружие. Он продолжал ходить туда-сюда.

Затем я рассказал о происшествии с его соседкой, 25 лет назад, задолго до тех убийств. Тут он наконец явно заволновался, как будто даже эти слова его шокировали, и я обратил на это внимание.

В 1982 году Терри, его первая жена Анджела и их ребенок жили в городе Хот-Спрингс, штат Арканзас. В то время ему было около 25 лет. Несколько раз его соседка Милдред Френч говорила, что видела, как Терри снаружи смотрел на нее через окно. Однажды она услышала детский плач, было похоже, будто ребенка или Анджелу бьют. Она подошла к соседской двери и позвонила. Терри открыл дверь и спросил презрительно, чего она хочет. Милдред, на тридцать лет старше его, сказала, что если он когда-нибудь еще раз посмеет ударить свою жену или ребенка, то она позвонит в полицию.

Она рассказала, как несколько месяцев спустя, 8 декабря 1982 года, выходила из душа после уборки во дворе, и вдруг Терри схватил ее сзади, а затем положил руки ей на грудь. Она заорала и несколько раз крикнула, чтобы он ушел. Наконец, когда он понял, что окно приоткрыто и ее крики можно услышать снаружи, он выбежал из дома. Милдред испугалась, что он собирался избить, изнасиловать или убить ее. Причем она была уверена, что заперла входную дверь.

В 2009 году Терри Хоббс подал гражданский иск против вокалистки группы Dixie Chicks, Натали Мэйнс, которая стала главной активисткой в пользу невиновности троицы из Уэст-Мемфиса. Терри утверждал, что она опорочила его на концерте, когда предположила, что он мог быть убийцей. В рамках этого иска Милдред Френч подробно описала вторжение Терри в своих показаниях под присягой:

> **В тот вечер, когда я рассказала своему домовладельцу о нападении, он назначил встречу, на которой я и Хоббс сели лицом к лицу перед домовладельцем. Свекор Терри тоже был там. Я сказала Терри: «Расскажи им, что ты со мной сделал». Терри ответил: «Я ничего не делал». После того как я подробно описала, что именно Хоббс сделал со мной, Терри посмотрел мне прямо в глаза и спокойно сказал: «Этого никогда не было». Он**

держался уверенно и собранно, когда заявлял мне об этом. Если бы вы не знали наверняка, что Терри лжет, то вы не смогли бы сделать такой вывод по его поведению. Мне стало тошно от страха из-за способности Терри отрицать любые свои ужасающие и извращенные действия и при этом выглядеть спокойным. Я посмотрела на Терри и сказала ему: «Ты лжец и больной». Терри посмотрел на меня в ответ холодным безжизненным взглядом и произнес: «Да, я больной».

Хозяин выселил Хоббсов, а Терри предъявили обвинение в нападении и преступном посягательстве. Дело было прекращено в обмен на его согласие отправиться на консультацию.

Мы продолжали с Терри ходить кругами. Я упоминал о разных инцидентах, а он либо отрицал их, либо не обращал на них внимания. Через некоторое время он заявил: «Мне надоело это дерьмо», – и вышел, все еще держа в руке неоткрытую банку с газировкой. Он не садился все это время.

Не моя работа и не моя роль – заявлять о том, думал ли я, что Терри Хоббс причастен к убийству собственного пасынка, а также Криса Байерса и Майкла Мура. Меня пригласили проанализировать случай с поведенческой точки зрения и высказать свое мнение о том, *какой тип личности или личностей* совершил преступление. Зная о биографии и алиби Тодда Мура, а также изучив жизнь Марка Байерса и опросив его, я понимал, что их следует исключить из списка подозреваемых, и на самом деле они оказались искренне скорбящими родителями и жертвами. Теперь же, выполнив свой анализ, внимательно изучив и поговорив с Терри Хоббсом, я мог сказать, что если бы я консультировал полицейское управление Уэст-Мемфиса по этому делу с самого начала, я бы выдвинул этого человека на передний план расследования.

Когда я вернулся домой, то получил очень приятное письмо от Фрэн и Питера. Вот что там говорилось, помимо прочего: «Чтобы очеловечить это дело и продвинуть версию о невиновности Дэмиена, вы в одиночку сделали больше, чем кто-либо из известных нам людей».

Я же просто надеялся, что мы приближаемся к свершению правосудия.

Глава 25. Возвращение в Арканзас

Я вернулся в Арканзас позже в том же году. Первого ноября 2007 года я участвовал в пресс-конференции Денниса Риордана и его официального партнера Дональда Хоргана, который руководил юридической школой Уильяма Х. Боуэна при Университете Арканзаса в городе Литл-Рок. Остальными участниками той конференции были: доктор Вернер Шпиц, доктор Рихард Сувирон, который с 1967 года является главным стоматологом-криминалистом Управления судебно-медицинской экспертизы округа Майами-Дейд, штат Флорида, а также экспертом по распознаванию следов укусов, и Томас Федор, криминалист, эксперт в области ДНК, аналитик крови и биологических жидкостей из Серологического исследовательского института Ричмонда в штате Калифорния. Как и я, каждый из них работал над этим делом, применяя навыки в своей области знаний.

Дело теперь называлось *Эколс против Норриса и других* и рассматривалось в федеральном Восточном округе Арканзаса. Ларри Норрис занимал должность директора Департамента исполнения наказаний (DOC) Арканзаса, такие как он часто выступают ответчиками в подобных уголовных делах. Риордан объяснил, что возглавляемая им федеральная апелляция хабеас корпус отличается от большинства апелляций, подаваемых после того, как все государственные средства правовой защиты исчерпаны, потому что она основана не на процессуальных недостатках на уровне суда первой или государственной апелляционной инстанции, а на подлинной невиновности. Если бы нам удалось перейти этот порог, то другие процедурные блоки для нового судебного разбирательства попросту исчезли бы.

«Фактическая невиновность в юридическом смысле в федеральном суде означает следующее, – заявил Риордан. – Есть ли новые доказательства, не учтенные на момент совершения преступления? Когда вы изучите их вместе со всеми доказательствами по делу, сможет ли федеральный судья сказать с уверенностью, что у любого разумного присяжного возникло бы обоснованное сомнение в виновности подсудимого? С другой стороны, предполагают ли новые доказательства, что ни один разумный присяжный заседатель не признает подсудимого виновным без справедливых сомнений? И третий момент: сможет ли судья поверить в то, что с этими новыми доказательствами подсудимого оправдают, если будут судить его сегодня? Мы собрались здесь сегодня, чтобы обсудить доказательства,

подтверждающие, что ни один разумный присяжный заседатель не осудит Дэмиена Эколса, зная, по сути, то, что нам известно на сегодняшний день».

Риордан рассмотрел вопросы с признанием Мискелли и проблемы с такой уликой, как нож. Он задал вопрос: «Как могли три подростка зверски убить троих детей и не оставить ни единой улики?» Затем он передал слово Дональду Хоргану, тот предъявил образцы ДНК, представленные в Bode Technology в штате Вирджиния – это ведущий судебно-медицинский анализатор и лучшая лаборатория по выбору обвинителей.

Хорган объявил, что в Bode передали образцы, взятые у трех потерпевших и трех обвиняемых, и попросили проанализировать любые возможные связи с образцами ДНК генетических материалов, собранных с тел жертв и с места преступления. Совпадений не нашлось.

Он сказал, что частные детективы получили образцы ДНК в виде выброшенных окурков от отчима Стиви Брэнча, Терри Хоббса, и добровольный образец мазка из полости рта Дэвида Джейкоби, друга Терри, который общался с ним в ночь исчезновения мальчиков. Томас Федор проанализировал образцы и сравнил полученные результаты.

«Результат этого анализа, проведенного в мае 2007 года, показал, что волосы из шнурка, использованного для связывания Майкла Мура, могут принадлежать Терри Хоббсу», – заявил Хорган.

Затем Федор объяснил, что волосы на шнурке можно протестировать лишь на митохондриальную ДНК – унаследованную от женщины, а следовательно, не исключительную, – это означает, что он может происходить от полутора процентов населения, включая Терри Хоббса, но ни от кого из обвиняемых. А волосы, найденные на ближайшем пне у места преступления, могли принадлежать 7 % населения, включая Терри или Дэвида Джейкоби, но ни одному из ответчиков.

Хорган подтвердил, что доктор Спитц, доктор Сувирон и несколько других уважаемых экспертов пришли к независимому выводу о том, что травмы, определенные доктором Перетти как ножевые ранения, а Брентом Тёрви как следы человеческих укусов, на самом деле были результатом посмертного хищничества животных, как мне и указывали раньше. К этим же действиям относилась и кастрация Криса Байерса.

Доктор Спитц, седой и все еще говорящий с израильским акцентом, усвоенным с детства, пояснил: «Когда эти фотографии попали ко мне, я не мог понять, в чем проблема, потому что было

совершенно очевидно – здесь явные следы животного происхождения». Как обычно, он авторитетно заключил: «Очевидные следы когтей. На всех жертвах никаких доказательств сексуального насилия. Никаких доказательств анального проникновения или нанесения увечий. На телах не обнаружилось никаких других аномалий, хоть как-то соответствовавших тому, что якобы произошло».

Шпиц также предположил, что медэксперт ошибался и в другой области. Он не считал, что Крис Байерс истек кровью из-за генитальной раны или какой-либо другой травмы. «Я думаю, их всех утопили. Травмы в паховой области почти бескровные и показывают следы разрывов от укусов большого хищного животного. Что доказывает: этого не произошло, когда мальчик еще был жив. А значит, и не могло возникнуть кровотечения из этого источника».

Доктор Сувирон согласился с этим, полностью опровергнув показания доктора Перетти. Анализ укусов привел Сувирона к появлению аргументов против Теда Банди, которые наконец-то навсегда упрятали за решетку одного из самых известных серийных убийц в истории, так что его мнение имело большой вес. Затем он разобрал заключительную демонстрацию прокурора Джона Фоглмана с ножом и грейпфрутом. «Это самое нелепое заявление изо всех, что я когда-либо слышал. И предъявить это присяжным – значит, поступить бессовестно, если хотите знать мое мнение».

Разнос Риорданом самопровозглашенного культового эксперта Дейла Гриффиса оказался столь же безжалостным. Изучив его документы доктора философии, полученные при дистанционном обучении, а также сумасшедшие сатанинские теории, Риордан продемонстрировал книгу под названием «*Секретное оружие*» *(Secret Weapons)*.

«Вот его новая книга 2001 года, где он подробно описывает, как обнаружил, что ЦРУ похитило двух 13-летних девочек. Они подверглись воздействию электрошоком, а в возрасте 14 лет стали военными летчицами и совершили убийства для ЦРУ, затем им промыли мозги, чтобы заставить забыть об этом. И только с помощью автора удалось восстановить воспоминания о жестоком обращении с этими 13-летними девочками со стороны ЦРУ. Этот человек стоит на одном уровне с теми, кто утверждает, что взрыв Всемирного торгового центра произошел от взрывчатки в подвале, а также что все евреи в здании получили предупреждение, чтобы выйти до того, как произойдет взрыв. Наверное, нет большего позора в истории судебных процессов о смертной казни в этой стране, чем то, что Дейлу Гриффису

предоставили трибуну для дачи показаний по такому делу и сочли его показания основанием для смертного приговора Дэмиену Эколсу. И с этим я хотел бы обратиться к тому, кто действительно что-то знает об анализе преступности – к Джону Дугласу, который 25 лет проработал в группе криминального анализа ФБР».

Я подробно изложил свои выводы о том, что убийства в Уэст-Мемфисе не совершены незнакомцем или подростком, это скорее дело рук относительно изощренного в преступных делах человека. О том, что его первоначальное намерение не состояло в том, чтобы убить мальчиков. О том, что раскаяния мы не увидим. Я заявил, что хотя неизвестный субъект мог знать одного из мальчиков лучше, чем двух других, предпочтения среди жертв не наблюдается, и наличие более тяжелых ран на теле одного мальчика стало результатом того, как этот мальчик на него отреагировал.

Я повторил то, что сказал Марку Байерсу: тот, кто мог бы совершить это преступление, является психопатической личностью и способен легко и без угрызений совести лгать о своей непричастности.

Я заявил, что это убийство совершено по личной причине кем-то, кто знал жертв и мог контролировать всех трех сразу с помощью устных команд. Он знаком с окрестностями и обладал криминальной изощренностью, основанной на возрасте и жестоком опыте. Когда он нашел мальчиков, его изначальным намерением стало унизить и наказать их, но ситуация вышла из-под контроля. Возможно, один из детей что-то сказал ему или попытался убежать, поэтому субъект потерял над собой контроль. В какой-то момент он быстро достиг точки, откуда нет возврата, и ему пришлось убить всех троих, чтобы скрыть свое первоначальное преступление. Затем ему пришлось предпринять действия, чтобы отложить поиски и опознание тел до тех пор, пока он не получит возможности вернуться и устроить алиби: отсюда и погружение тел в воду, и сокрытие одежды и велосипедов.

Я также отметил, что никогда не видел дела с участием более чем одного подростка, чтобы они при этом не попытались друг друга сдать. «Это выглядит очень необычно для виноватых подростков».

«Итак, глядя на это дело, – заключил я, – помимо того, что это просто пародия на справедливость, это еще и не сатанинское убийство».

На этой конференции присутствовали журналисты и задавали вопросы. Некоторые спрашивали, намерена ли команда защиты

переложить обвинение в убийстве Дэмиена Эколса и двух других на Терри Хоббса.

Риордан предельно прояснил вопрос: «Последнее, что мы, как защитники, намерены делать, так это предъявлять кому-либо обвинение и требовать осуждения вне разумных сомнений в этом деле. Не думаю, что стоит придавать много значения свидетельствам Хоббса и тем более Джейкоби. Но вот вопрос: смогут ли доказательства, предъявленные здесь, привести любого разумного присяжного к оправданию Дэмиена Эколса? Да, это так».

Я сделал многое из того, что собирался сделать после анализа этого дела. Я заявил, что это не ритуальное убийство и не преступление с участием нескольких лиц, что его совершили не подростки, и почти наверняка не чужой человек убил троих мальчиков. Возможно, что не менее важно, мне удалось убедить в этом Байерсов и Пэм Хоббс.

Мы все понимали, что причиной того, что Дэмиен еще жив, стало движение общественности – сначала через просмотр фильма «*Потерянный рай*», а затем через усилия многих людей, собравшихся вместе. И если мы верили, что Дэмиену, Джейсону и Джесси суждено когда-либо выбраться из тюрьмы, эти усилия нужно было продолжать на более высоком уровне.

Заставить родителей двух из трех жертв публично выразить сомнения или несогласие с первоначальным приговором стало частью стратегии по поддержанию общественного резонанса. Дэмиен всегда беспокоился, что его, Джейсона и Джесси социальный статус будет означать, что они окажутся «выброшенными и забытыми». Этого сейчас нельзя было допустить.

Пока команда защиты и сторонники троицы из Уэст-Мемфиса работали над тем, чтобы Верховный суд штата организовал слушание доказательств или новый судебный процесс, я вернулся в Арканзас.

Эми Берг находилась там и руководила документальным проектом под названием «*Запад Мемфиса*» *(West of Memphis)*. Она сказала, что я понравился Дэвиду Джейкоби, его очень впечатлила беспристрастность анализа. Я передал ему, что приехал, он согласился встретиться со мной и помочь нам с проработкой стратегии.

Мне стало ясно, что Дэвид всегда любил Стиви Брэнча, и смерть мальчика глубоко потрясла его. Он подумал, что справедливость восторжествовала, когда трех подростков арестовали, судили и признали виновными. Теперь он понял, что

ужасное убийство по-прежнему оставалось безнаказанным. Он не хотел верить, что Терри Хоббс принимал в этом какое-либо участие, но еще больше он хотел помочь добраться до истины.

Мы организовали серию так называемых «звонков под предлогом», я пришел в дом Дэвида и проинструктировал его, что сказать Терри по телефону. Мы хотели знать, как Терри отреагирует, если почувствует, что его «спасательный трос» перерезали. Другими словами, что он сделает, если ощутит крах своего единственного алиби.

Дэвид позвонил Терри, и голос его звучал очень нервно. Мол, приходил этот бывший сотрудник ФБР по имени Дуглас, шнырял вокруг, что-то вынюхивал, задавал неудобные вопросы. Он рассказал Терри о том, что я указывал на несоответствия во времени, показывающие, что они не весь вечер провели вместе и что их рассказы не совпадают.

«Но я его обломал», – заявил Дэвид своему собеседнику. Терри сразу же ответил, что ему не нужно было со мной разговаривать, и разразился целым залпом ругательств в духе: «Я бы не стал сообщать ему время суток», «Скажи ему, что он может убираться к черту», «Скажи ему, чтобы он шел куда подальше», «Скажи ему: „Лучше не приходи сюда снова“», «Я бы посоветовал ему сгинуть», «Джон Дуглас – тот еще придурок». Так звучали некоторые его советы.

Несмотря на то что эти звонки были совершены под присмотром, а я стоял рядом и слушал разговор, я мог сказать, что Дэвид говорил, исходя из своей собственной истины. «Я чувствовал себя так, будто я мог бы сделать больше той ночью», – сказал он Терри.

Хотя Терри не ответил ничего, что могло бы его прямо обвинить, он очень старался вселить в Дэвида уверенность, укрепить его веру в то, что все произошло хорошо и правильно между ними двумя той ночью, и успокаивал его, что все в порядке: «Мы не приближались к месту преступления».

Дэвид все повторял, как он боится нового суда, и что ему придется давать на нем показания. Терри посоветовал ему не разговаривать с кем попало, а если его спросят, просто сказать, что он не может вспомнить.

В любом случае, подчеркнул Терри, нового судебного процесса не будет.

«Полиция знает, кто это сделал. Они сидят в тюрьме».

Глава 26. Сделка с дьяволом?

События, которые произошли – и те, что не произошли – в 2007 и в 2011 годах – тяжело отразились на участниках процесса, но относительно несложно подвести их итоги.

Вскоре после пресс-конференции на митинге в поддержку троицы из Уэст-Мемфиса солистка группы Dixie Chicks Натали Мэйнс прокомментировала некоторые из недавних открытий и предположила, что Терри Хоббса следует считать подозреваемым. Она опубликовала аналогичный комментарий на сайте группы.

В сентябре 2008 года судья Дэвид Бернетт, сохранивший за свою карьеру почти идеальный послужной список, отклонил просьбу защиты троицы из Уэст-Мемфиса о проведении нового судебного разбирательства на основе анализа ДНК и сведений о хищничестве животных, которому подверглись тела мальчиков. Бернетт счел доказательства «неубедительными».

Двадцать пятого ноября 2008 года Терри Хоббс подал иск против Натали Мэйнс под ее фамилией по мужу Пасдар, заявив о клевете. Натали мужественно настояла на защите иска. В июле 2009 года участники процесса дали показания – в том числе и Милдред Френч, чьи слова заставили Терри понервничать во время моей с ним встречи. Он провел под присягой два дня и ни разу не сорвался. Также не сработали показания его бывшей жены Пэм и его друга Дэвида Джейкоби, которые опровергали его утверждение, что они вместе искали мальчиков весь вечер. Тетя Стиви Джо Линн Маккоги поклялась, что Терри изнасиловал Аманду, и что вскоре после убийства мальчиков она наблюдала, как он необычно тщательно отстирывал свою одежду. Другие родственники описали его постоянно жестокое обращение со Стиви.

В своих собственных показаниях по иску Пэм Хоббс сказала:

> **После убийства мы с сестрой Джо Линн Маккоги нашли в тумбочке Терри нож, тот самый, который Стиви постоянно носил с собой и, как я думаю, держал при себе, перед тем, как умер. Это перочинный нож, мой отец подарил его Стиви. Стиви любил этот нож, и я была в шоке от того, что полицейские не нашли его вместе с телом Стиви. Я всегда считала, что убийца сына отобрал у него этот нож во время преступления. И не могла поверить, что нож нашли среди вещей Терри. Он никогда мне об этом не говорил.**

Прояснившаяся картина, хотя и не доказывала факт убийства напрямую, выглядела весьма сокрушительной.

Первого декабря 2009 года Брайан Миллер, судья федерального округа по Восточному округу Арканзаса, вынес решение в порядке упрощенного производства в пользу Натали Мэйнс Пасдар и обязал Терри выплатить ей более 17 000 долларов за судебные издержки. Согласно изданию *Jonesboro Sun* Терри ответил: «*Мне плевать, что говорит судья, я не буду платить Dixie Chicks ничего*».

В ноябре 2010 года в ответ на апелляцию по постановлению судьи Бернетта Верховный суд Арканзаса приказал суду низшей инстанции провести слушание по доказательствам, чтобы определить, могут ли доказательства ДНК в настоящее время оправдать обвиняемых и следует ли проводить новое судебное разбирательство. Судья Дэвид Лейзер из Второго судебного округа заменил Бернетта, к тому времени избранного в сенат штата. К тому времени Дэмиена начал представлять Стивен Брага, видный и известный адвокат в Вашингтоне из крупной международной юридической фирмы Ropes & Gray.

И все это время Дэмиен Эколс, Чарльз Джейсон Болдуин и Джесси Мискелли – младший оставались за решеткой.

«Дело реально дошло до того, что я просидел в тюрьме половину своей жизни, – сказал Дэмиен. – Я действительно не мог вспомнить, что такое жить на свободе. Именно тогда я начал приходить в отчаяние, впадать в депрессию. Я больше не мог даже представить, каково это – выйти на волю. Дело доходило до того, что виделся только один способ жить дальше, и он тянулся *вечно*».

«Мне трудно слышать, как Дэмиен говорит такие вещи, – заметила Лорри. – Потому что я всегда видела конец этого пути. Каждый день я понимала, что это должно закончиться – не говоря уже о том, что в прошлом году, самом тяжелом году для меня, мы оба знали, что развязка уже близко, но ее отталкивают. Просто тебе и нам нужно стать сильнее».

Стивен Брага взял на себя ведущую роль в защите Дэмиена в декабре 2010 года. К тому моменту Дэмиен и Лорри почувствовали огромное уважение к нему – я это уважение, безусловно, разделял и продолжаю разделять по сей день.

В это же время Дэмиен Эколс и Марк Байерс обменялись письменными извинениями в том, что обвинили друг друга в убийстве. Марк начал носить бесплатные футболки с надписью FREE THE WM3 («Свободу троице из Уэст-Мемфиса») и ходить на митинги. Он хотел этим сказать, что всегда добивался справедливости для Криса и его близких друзей.

Слушание доказательств откладывалось несколько раз по административным причинам, и в результате Дэмиен, Лорри и остальные почувствовали себя в подвешенном состоянии, их надежда резко сменялась отчаянием. Каждый раз, когда свет в конце этого туннеля становился немного ярче, туннель вдруг намного удлинялся. Наконец-то слушание назначили на декабрь 2011 года, но всю команду беспокоило, что судебное расследование почему-то затянулось на неопределенный срок.

Возник и еще один повод для беспокойства. Здоровье Дэмиена неумолимо ухудшалось. Даже если они выиграют слушание, то перспектива в течение года или более готовиться к новому суду, искать непредвзятых присяжных, да и сам по себе процесс – все это казалось устрашающим.

Столкнувшись с непримиримостью обвинения и зная, что его клиенты правы в том, что Дэмиену грозит тюремное заключение в будущем, даже если они добьются успеха, Брага мучительно искал путь ухода от полного юридического фиаско. Главным лицом, принимающим итоговое решение на стороне обвинения, был Скотт Эллингтон, новый прокурор Второго судебного округа. Рассказ Стивена Браги о том, что произошло, – это увлекательная и информативная внутренняя история.

Пока защита готовилась к слушанию по делу о доказательствах, на что пришлось бы потратить значительные ресурсы, – Патрик Бенка, местный юрисконсульт Стива Браги, сказал, что скоро состоится ежегодный банкет с его одноклассником по юридической школе Дастином Макдэниелом, который становится генеральным прокурором штата. А что, если попробовать решить с ним вопрос по этому делу?

«Дело было не в Макдэниеле, а в том, что он помогал Скотту Эллингтону. И мы стратегически решили, что надо спросить Макдэниела, согласится ли он отказаться от декабрьского слушания по делу о доказательствах и просто перейти к новому судебному разбирательству. Почему штат Арканзас должен платить дважды? Почему обвиняемым приходится ждать вдвое дольше? Ясно же, что доказательств уже достаточно для запуска нового процесса. Почему бы нам просто не перейти прямо к делу?»

Макдэниел не согласился с таким предложением, но он был достаточно заинтересован и проницателен, чтобы спросить Патрика, в чем реальная выгода: какую цель он преследует на самом деле?

«И это заставило нас с Патриком задуматься о том, чего мы реально хотим, а нам действительно нужно было вытащить Дэмиена из тюрьмы. Я имею в виду, что он по-настоящему

страдал. И вряд ли многие люди понимают, что такое именно смертный приговор. Если мы получим твердую уверенность в том, что его не казнят, это будет большая победа».

С учетом очевидного стресса от долгого пребывания в камере смертников, где ты не знаешь, в какой момент тебе предстоит встретиться со смертельной инъекцией, здоровье Дэмиена значительно ухудшилось. Его зрение серьезно село из-за постоянного тусклого освещения и плохого питания, он не мог выходить на улицу при солнечном свете. Его челюсти сильно болели от плохо вылеченных травм, которые он получил от охранников во время избиения. У него появились тревожные симптомы сердечно-сосудистого заболевания.

«Так что мы через Патрика сказали Макдэниелу, что хотим вытащить нашего парня. Он ответил: „Ну, если они захотят признать себя виновными, я смогу заняться ими через две недели“».

Брага не хотел, чтобы Дэмиен и другие признавали себя виновными, ведь они невиновны. И даже если бы он согласился на такое, то вряд ли смог бы убедить ребят. «*Но как насчет „ноло“?*» – подумал он.

Nolo contendere – это альтернатива признанию себя виновным или невиновным. То есть это ни то и ни другое. Однако заявление «ноло» имеет тот же эффект, что и признание вины, обычно оно так и истолковывается.

И Брага, и Эллингтон не обращались к этому раньше и не накопили никакого негативного эмоционального опыта из прошлой истории дела, потому что не так давно им занимались. Стив надеялся найти таким образом место для компромисса.

«Мы получили ответ, что они примут поданное заявление „ноло“.

Когда я поговорил с Патриком и продумал этот вариант, то заявление „ноло“ выглядело довольно трудным для реализации. Но признание вины ради смягчения приговора, согласно заявлению Элфорда, могло бы стать лучшим шагом – правда? – потому что заявление “ноло” для меня выглядело почти так же, как и это признание, только вдобавок появлялось и положительное проявление невиновности. Этот аспект можно указать в заявлении, и так мир узнает, что вы заявляете о своей невиновности».

В 1970 году Верховный суд США рассмотрел дело «*Северная Каролина против Элфорда»,* в котором Генри Элфорд признал себя виновным в убийстве второй степени посредством расстрела, хотя твердо настаивал на своей невиновности. Объясняя свое необычное заявление, Элфорд заявил: «Я признал себя виновным

в убийстве второй степени, потому что мне сказали о том, что существует слишком много доказательств, но я не стрелял в человека, и тем не менее, я беру на себя вину за кого-то другого, кто на самом деле убийца. Мы никогда в жизни не ссорились с убитым. Я просто признал себя виновным, потому что мне сказали, что если я этого не сделаю, я отправлюсь в газовую камеру, вот и все… Я не виновен, но признаю себя виновным».

Суд высшей инстанции признал право подсудимого признать себя виновным, при этом не признаваясь и все еще продолжая утверждать свою невиновность. Это чрезвычайно хитрый юридический маневр.

«Я вообще-то не ожидаю, что они примут **заявление**, подобное заявлению Элфорда. Я занимаюсь этим в течение тридцати лет – и *никто не обращается к истории Элфорда*. Все говорят: «Если ты собираешься признать себя виновным, признавай себя виновным. Если ты не будешь признавать себя виновным, то предстань перед судом».

Это удивительно, но прокуратура ответила, что рассмотрит «заявление Элфорда», но только в том случае, если все трое подсудимых согласятся на это. Ясно, что власти искали таким образом способ выбраться из правовой трясины, но не хотели сдаваться в отношении двух осужденных, надеясь, что третий не пойдет на это.

Дэмиен согласился, затем согласился Джесси. Но Джейсон отказался.

Все годы, проведенные в тюрьме, Джейсон оставался непреклонным, он занимал ту же позицию, когда первоначально отклонил сделку о признании вины. Он сказал, что в случае необходимости останется в тюрьме до конца своей жизни, но не признается в том, чего не делал.

В конце концов, однако, Джейсон смягчил свою позицию, когда ему рассказали о здоровье Дэмиена и о том, что если он не согласится, то это разрушит дело всем троим. Проявив понимание и сострадание, Джейсон согласился принять просьбу с «заявлением Элфорда» ради своего друга.

«Для меня, – сказал Стивен Брага, – отказ Джейсона от “заявления Элфорда” буквально до последней минуты – это одно из самых ярких свидетельств, что эти парни невиновны, потому что любой по-настоящему виновный человек принял бы такое предложение не задумываясь».

Девятнадцатого августа 2011 года Дэмиен, Джейсон, Джесси и их адвокаты предстали перед судьей Лейзером в переполненном зале суда. Он освободил их от предыдущей

судимости за убийства, заслушал представителей обвинения и защиты, после чего назначил новое судебное разбирательство. Затем он попросил каждого из подсудимых встать и подтвердить, что каждый из них понимает ход разбирательства и его значение.

«Мистер Эколс, – спросил он, – как именно вы хотите выступить в этом деле?»

Размеренным и бесстрастным голосом Дэмиен ответил: «Ваша честь, я не виновен по этим обвинениям, но сегодня я подаю “заявление Элфорда” на основании совета моего адвоката и моего понимания, что это происходит в моих интересах, учитывая все данные по этому делу».

Судья Лейзер задал вопрос двум другим осужденным по очереди и получил аналогичные ответы. По договоренности сторон он приговорил их к сроку, уже проведенному ими в тюрьме, – 18 лет и 78 дней – а затем освободил их.

После этой высокой юридической драмы судья Лейзер изящно подвел итог делу, которое по-прежнему вызывало много разногласий. Возникло ощущение, что будь Лейзер судьей по этому делу с самого начала, итог получился бы другим, и всем удалось бы избежать почти двух десятилетий невообразимых страданий.

«Я в курсе существующих противоречий, – начал он. – Я осознаю причастность общества к этому делу. Я не думаю, что результат избавит от боли семьи жертв. Я не думаю, что это отнимет хотя бы одну минуту от восемнадцати лет, которые эти трое молодых людей провели в тюрьме Департамента исправительных учреждений Арканзаса. То, что я только что описал, это трагедия со всех сторон. И я выражаю признательность людям, принимавшим участие в этом деле, сумевшим помочь увидеть, что справедливость – это лучшее из того, что мы можем сделать. Иногда помощь извне оказывается большой силой, и тех, кто оказывал эту помощь здесь, я хвалю лично и публично за это».

Лорри улыбнулась с гордостью и облегчением.

Для Стивена Браги, Денниса Риордана и остальных участников команды защиты «заявление Элфорда» стало актом благодати, вдохновения и гуманного решения так долго длившейся и неразрешимой судебной ошибки, которая все еще могла отправить их клиента в могилу раньше отведенному ему времени.

Как сказал нам Брага, без этой сделки «могло пройти еще как минимум полтора-два года до аналогичного закрытия дела. Теперь же вам придется пройти через новые препятствия: впереди

декабрьское слушание. Если мы выиграем его, у государства появится возможность подать апелляцию в Верховный суд Арканзаса. Это потребует еще одного года или около того. Если мы выиграем, то дело достанется судье Лейзеру, и у нас начнется новый процесс. Мы должны выиграть это перед жюри присяжных Арканзаса, которые и по сей день придерживаются полярных точек зрения по отношению к этому делу. Мне понятно, что случилось с этими несчастными парнями, их несправедливо осудили и наказали. Но есть много людей, которые так не считают. Если во время суда над преступником вы не получите единогласного решения всех присяжных, то придется начинать все с начала. Так что риски слишком велики. То, что произошло, не могло произойти стремительно, и я не думал, что Дэмиен переживет это испытание временем».

Для обвинения, на мой взгляд, соглашение о признании вины стало сделкой с дьяволом: это сценарий, который позволил им сохранить лицо и, по сути, компенсировал почти два десятилетия страданий, перенесенных этими молодыми людьми, как и отказ в справедливости и правде трем убитым мальчикам и их выжившим любящим родным.

Скотт Эллингтон заявил: «У меня нет оснований полагать, что кто-то еще причастен к убийству трех детей, кроме трех обвиняемых, которые сегодня признали себя виновными». Можно только надеяться, что эти слова свидетельствовали только о неосведомленности и простодушии, а не о циничном двуличии.

Да я вас умоляю! Верит ли кто-нибудь хоть на одну наносекунду, что ответственный окружной прокурор *при любых обстоятельствах* разрешит трем мужчинам выйти из тюрьмы, если они, как он искренне считает, зверски убили трех восьмилетних мальчиков и отрицают это?

Как сказал нам Стив Брага: «Это часть расчета с “заявлением Элфорда” – и это относится к моей стратегии и дискуссии с Патриком, моей передаче этой стратегии Дэмиену. Обдумывая все это, я размышляю: если это сработает, как это будет выглядеть? Что скажет общество? Похоже, общество собирается сказать: “Они признали себя виновными, чтобы выйти на свободу, поэтому они виновны”, – чего я бы не хотел. Или же общество заявит: “Они явно невиновны, потому что их никто бы никогда не выпустил, если бы всерьез считал, что они виноваты”. Мы пришли к выводу, что произойдет именно второй случай, и именно так и случилось бы в 99,9 % случаев. И я верю, что ни один искренне верующий прокурор не позволил бы этим людям выйти из тюрьмы, если бы думал, что они убийцы троих детей».

Эллингтон дошел до сути дела немного позже, когда

откровенно заявил журналистам: «Когда Верховный суд [штата] этим решением от 4 ноября прошлого года возобновил работу по вопросам ненадлежащего поведения присяжных и всем другим вопросам на основании нового анализа ДНК, то это вызвало некоторые проблемы. И этот судья, скорее всего, собирается назначить новое расследование. И если будет новый суд, скорее всего, этих подсудимых смогут очень легко оправдать».

Несмотря на такое обоснование, надо отдать Эллингтону должное: он не превозносил технические причины в трех своих признаниях вины. Он объяснил свое решение как основание для: (1) прекращения длительного судебного разбирательства; (2) ухода от еще одного потенциально длительного процесса обжалования; и (3) предотвращения возможного «гражданского иска против государства, который мог привести к потере многих миллионов долларов».

Джон Марк Байерс не беспокоился о том, во что это может вылиться, когда сказал прессе за пределами зала суда: «Это неверно, и народ Арканзаса должен подняться и выразить протест, потому что сегодня трое невиновных вынуждены заявлять, что они виновны в преступлении, хотя они его не совершали. Они невиновны. Они не убивали моего сына, и то, что совершает штат Арканзас, неправильно. И мне это надоело, потому что настоящий убийца по-прежнему остается на свободе!»

После торжества и первого ощущения свободы Дэмиен, Джейсон и Джесси решили жить своей жизнью. Они никогда не жили как взрослые за пределами тюремных стен, поэтому для них это стало странным и непредсказуемым процессом.

Джесси вернулся к комфорту и заново познакомился со своей семьей в Уэст-Мемфисе.

На следующий день после освобождения Джейсон вылетел в Сиэтл – это был его первый полет в жизни, и его первый выезд из Арканзаса – в гости к другу. Ему так понравилось, что он решил остаться в Сиэтле. После нескольких поездок, обсудив дело и различные медиапроекты, связанные с ним, он поселился в своей первой квартире, чтобы поступить в местный колледж. Он надеется поступить в юридический институт, чтобы работать с несправедливо обвиненными и в результате стать профессором права. У него есть девушка Холли Баллард, уроженка Арканзаса, с которой он познакомился в 2008 году после того, как она писала ему в тюрьму четыре года. Они вместе выступили в качестве исполнительных продюсеров фильма «*Дьявольский узел*» *(Devil's Knot),* по одноименной книге репортера Мары Леверитт.

Дэмиен и Лорри сейчас также занимаются кинобизнесом,

помимо других творческих начинаний. Еще до его освобождения из тюрьмы они вместе с режиссером Эми Берг работали над продюсированием фильма «*Запад Мемфиса*» Питера Джексона, а также разоблачительного и содержательного полнометражного документального фильма Фрэн Уолш, который разошелся по кинотеатрам всего мира.

Большую часть этих восемнадцати лет Дэмиен сидел и смотрел на четыре бетонные стены, и из-за этого, по его словам, он даже не мог тренировать свое зрение для взгляда вдаль. Теперь, когда рядом с ним Лорри, а верные друзья помогают и поддерживают его, он способен исследовать совершенно новый для него мир.

Глава 27. Встреча с мистером Эколсом

Хотя я работал в тесном сотрудничестве с Лорри, Фрэн, Питером и остальными участниками команды защиты, я впервые встретил Дэмиена и Джейсона лишь в январе 2012 года на кинофестивале «Сандэнс» в городе Парк-Сити, штат Юта, где показали фильм «*Запад Мемфиса*». Я не стремился поговорить с кем-либо из подсудимых в тюрьме, чтобы это не повлияло на мою объективность, поэтому эта возможность стала первой. Зная теперь все доказательства и фотографии, все кадры судебного заседания и интервью в новостях, я понимал, что Дэмиен и Джейсон представляли собой странное сочетание подростковых личностей образца 1993 года вплоть до видеозаписей из освобождения из тюрьмы уже тридцатилетними мужчинами.

Так случилось, что это произошло на стоянке, когда мы с женой Пэм шли в кинотеатр на показ. Там я и увидел Дэмиена с Лорри. Она подошла поприветствовать нас и представила Дэмиена. Он обнял меня и поблагодарил за участие в своем деле. В тот момент мне показалось, что я знаю его так же давно и хорошо, как я знал Лорри. Видя его впервые, здорового и счастливого, я тут же представил ужас его почти двух десятилетий в камере смертников.

Зрители фестиваля «Сандэнс» очень хорошо приняли фильм. В вестибюле я заметил Марка и Джеки Байерс и помахал им. Они подошли, Марк обнял меня и поблагодарил. Затем подошла Пэм Хоббс и сделала то же самое. Давным-давно мне казалось, что они не хотели даже слышать, что я собирался им сказать, и Марк даже угрожал «выкинуть меня со своей собственной территории». Но это временной промежуток между этим «давным-давно» и сегодня составил всего лишь четверть срока, который все трое из Уэст-Мемфиса отбыли в тюрьме, хотя все трое были невиновными.

После просмотра Фрэн и Питер устроили обед для команды защиты в отеле. Джейсон и Холли там тоже присутствовали, и наше знакомство с ними вышло очень приятным. Питер посадил меня на один конец стола, а Денниса Риордана на другой. Это было нечто большее, чем просто вечеринка после выхода фильма. Первое, что Питер сказал, когда мы все сели: «Ну хорошо, чем займемся дальше?»

Стив Брага, который последним участвовал в «близкой встрече» с судебным процессом в Арканзасе, сказал, что, по его мнению, логично будет связаться со Скоттом Эллингтоном. Теперь, когда все трое ребят выпущены из тюрьмы и находятся в безопасности, то это самый первый человек, которого следует

убедить, что правосудие потребовало большой работы по снятию обвинительного приговора за убийство.

Я заметил, что это непросто, ведь избранные прокуроры – это политические создания, и их первая мысль в таких ситуациях: *что подумают избиратели?*

«Мы думаем, что Джону надо поговорить с ним, – предложил Стив. – Он вызывает доверие, потому что за свою карьеру работал как с обвинением, так и с защитой».

Он сказал мне, что Эллингтона пригласят на частный показ завтра – в воскресенье, 22 января. «Ему, наверное, это не понравится», – предположил Стив.

«Вы, наверное, правы», – согласился я. Стив сказал, что даст мне знать о следующем шаге после того, как они получат ответ от Эллингтона.

Пэм и я прилетели домой в воскресенье, и той же ночью Стив позвонил и сказал, что Эллингтон действительно согласился поговорить и позвонит мне на следующее утро в 9:00.

Моя беседа с окружным прокурором длилась около полутора часов. Я не могу описать всю специфику, потому что некоторые проблемы и пункты расследования остаются крайне конфиденциальными до тех пор, пока все дело не будет раскрыто окончательно. Зная, что именно Эллингтон думает о фильме, я решил, что он собирается вцепиться мне в глотку, но он вел себя вежливо, размеренно и внимательно.

Я удивился, что ему не было известно больше фактов и записей, чем те, которые он изложил. Стив предсказывал такую ситуацию и решил, что такая позиция сделает Эллингтона более открытым и объективным.

– Я не знаю, виноваты они или нет, – помню, как он сказал мне это в самом начале разговора.

Я прервал его, чтобы заявить:

– Скотт, я могу вас заверить: они не виноваты. Они не имели никакого отношения к этому преступлению.

Затем я провел его через все дело, как Питера и Фрэн, как Джеки и Марка Байерсов, как Пэм Хоббс и ее семью. Он по-прежнему слушал очень внимательно и, казалось, все понимал.

Когда я закончил говорить, он спросил:

– Так чего же хочет защита? Я уже удовлетворил их заявление Элфорда.

– Они хотят реабилитации, – ответил я. – Ребята вышли из тюрьмы, но их судили и приговорили к сроку за три убийства с сексуальным подтекстом, совершенные не ими.

Некоторое время мы возвращались к этому снова и снова, а Эллингтон отвечал уклончиво, пока, наконец, не сказал что-то

вроде: «Время сейчас неподходящее».

Я не совсем понял, что он имел в виду. Но подумал, что это может быть связано с тем, что он новичок на своем посту и желает завоевать доверие публики. Многие из его избирателей, возможно, уже недовольны им из-за того, что он удовлетворил заявление, так что стремление к реабилитации могло стать политическим самоубийством.

Три месяца спустя я узнал, что он планировал баллотироваться в Конгресс.

Мы продолжили пытаться. Но на момент написания этой книги случай с троицей из Уэст-Мемфиса все еще остается в юридической неопределенности. Дэмиен, Джейсон и Джесси, несмотря на то что они находятся на свободе, все еще являются осужденными убийцами по мнению закона. Появились новые свидетели, чьи показания под присягой проливают дополнительный свет на Терри Хоббса и на то, что он якобы сказал и сделал. Скотт Эллингтон пообещал Стиву Браге, покинувшему компанию Ropes and Gray, открыть свою собственную фирму, чтобы он мог продолжать дело. Однако после почти двух десятилетий настоящий убийца Майкла Мура, Криса Байерса и Стиви Брэнча продолжает ускользать от правосудия.

Дэмиен и Лорри продолжали тесно общаться и дружить с Фрэн и Питером. В тюрьме Дэмиен написал и опубликовал первый том автобиографии «*Почти как дома*» *(Almost Home)* – эта книга стала сейчас ценным экспонатом для коллекционеров.

Его литературное понимание жизни и писательский талант поразительны, Дэмиен – самоучка. Когда я и Марк встретились с ним и Лорри, чтобы обсудить дело, он рассуждал так: «Моя мама родила меня, когда ей исполнилось 15 лет. Папе было 16. Я бросил школу в девятом классе, и это все образование, которое получила моя семья. Мой отчим не мог прочитать или написать ни единого слова, кроме своего имени».

К тому времени, как он несколько месяцев находился на свободе, посреди напряженного графика поездок и выступлений, организованных Джейсоном, Дэмиен завершил работу над вторым томом – это душераздирающие, вдохновляющие и красиво написанные мемуары его жизни до и во время тюремного срока под названием «*Жизнь после смерти*» *(Life After Death).* Он и Лорри вместе с Фрэн и Питером снимают художественный фильм по этой книге. Главную роль там сыграет их сторонник и уже близкий друг Джонни Депп. Эми Берг работает консультантом на этом проекте. Дэмиен завершил книгу, живя в недавно купленной Фрэн и Питером американской квартире. Пока Дэмиен писал,

Лорри руководила отделочными работами и украшением жилья для Фрэн. Лорри мечтает вернуться к своей карьере архитектора и ландшафтного дизайнера, а Дэмиен изучает различные формы искусства и самовыражения, пока продолжает приспосабливаться к новому миру.

Как заметила Лорри, «Дэмиен перестал жить в полной нищете в трейлере, в камере смертников в тюрьме, и теперь он находится в этом удивительном городе и в месте, где мы остановились. Чтобы я смогла посмотреть, как он научится двигаться в этом мире, моим самым большим делом стало просто перестать возиться с ним и позволить ему сделать это».

Однако не все проходило легко, очаровательно или бесконечно удивительно. Самая обычная задача, которую большинство из нас принимает как данность, способна полностью выбить его из колеи.

«Однажды я решил пойти и просто побродить по городу. А Лорри спросила меня: „Сможешь взять этот чек и отнести его в банк?“ Я говорю, мол, ладно. Она дает мне чек, я иду в банк и прихожу в ужас – я не знаю, как выглядит депозитная квитанция. И целая очередь людей смотрит на меня, как на идиота, потому что я задерживаю людей. Я просто развернулся и выбрался оттуда.

И вот я думаю – меня забили почти до смерти, я голодал, меня пытали практически всеми способами, способными свести человека с ума. *Почему я волнуюсь из-за того, что не могу заполнить бланк банковского вклада?*»

Лорри сказала: «Пока мы так долго находились в разъездах после освобождения, процесс исцеления Дэмиена приостановился. Только сейчас он действительно исцеляется, умственно и физически».

И он готов двигаться дальше. «Это дело сожрало половину моей жизни. Я не хочу больше ею разбрасываться».

За шесть лет, что я провел с этим делом – намного меньше, чем многие другие его участники, – я осознал, сколько времени и сил потребовалось, чтобы многие сторонники, знаменитости и эксперты попросту освободили трех явно невинных молодых людей. Речь даже не идет о том, что их оправдают или предадут суду настоящего убийцу.

Конечно, некоторые до сих пор придерживаются мнения, что троица из Уэст-Мемфиса – детоубийцы, а попытки их вытащить являлись обманом. Такие люди могут оказаться среди тех, кто все еще считает, что Стиви, Криса и Майкла убили приверженцы сатанинского культа.

После того как все было сказано и сделано, один из самых

непристойных комментариев пришел от Джерри Драйвера – он первым втянул Дэмиена во всю эту неразбериху. Его комментарий прозвучал во время интервью, вошедшего в фильм «*Запад Мемфиса*». Самодовольно сидя в кресле, Драйвер сказал о Дэмиене: «Я думаю, что это сделал он. Скажу так – я знаю, что он мог. Не знаю точно, он это или не он, но я знаю, что он мог бы».

Дэмиен в некотором смысле более философски настроен, чем я. Через несколько месяцев после освобождения, размышляя о цепочке событий и людей, которые привели его к суду, приговору, тюрьме и ожиданию смертельной инъекции, он отметил: «Я даже не очень верю в слово „зло“. В большинстве случаев то, что люди называют злом, я воспринимаю как глупость или отсутствие сочувствия».

Брэндон Гарретт, профессор права Университета Вирджинии, опубликовал в 2011 году книгу, основанную на его обширном исследовании «*Осуждение невиновных: где уголовное преследование идет не так*» *(Convicting the Innocent: Where Criminal Prosecutions Go Wrong)*. Стив Брага рассказывал: «Гарретт выделяет пять общих недостатков, ведущих к противоправным осуждениям, – ложные признания, антинаучные данные, тюремные информаторы, неэффективная помощь адвоката и плохое судейство. И все они как раз есть в этом случае! Так что это дело – идеальный пример неправомерного осуждения».

Я хотел бы думать, что такого юридического кошмара никогда бы не случилось, если бы там работали лучшие сотрудники по делам несовершеннолетних, лучшие следователи, лучшие ученые, лучшие юристы, лучший судья, лучшие присяжные и даже более компетентные СМИ. Но так не вышло. Поэтому я надеюсь, что это дело послужит наглядным уроком и поучительной историей, за исключением того, что, как мы знаем, подобные ужасы все еще происходят повсюду.

Сам Дэмиен сказал, что их случай не стал чем-то необычным. Им просто повезло, что двое парней решили снять об этом деле фильм. Это заставляет вас осознать, насколько ненадежным стал путь его спасения и насколько серьезна проблема на пути создания более совершенной и надежной системы уголовного правосудия у нас в стране.

Ответчики изначально не соглашались на работу над этим фильмом, потому как не думали, что фильм их освободит. Они согласились, потому что создатели фильма заплатили им за участие, и эти деньги использовались для поддержки их защиты, сильно страдающей от нехватки средств. И это решение в конце концов привело к их спасению.

Сидя с Лорри, Марком Олшейкером и мной за обедом в

ресторане рядом с тем местом, где они жили, Дэмиен сказал: «Если отбросить одно-единственное звено в цепи событий, то я все еще был бы в тюрьме или уже был бы мертв. Отбросьте участие HBO, и никто бы не услышал об этом деле. Отбросьте Лорри, и никого бы не выпустили. Отбросьте людей из движения за наше освобождение, то все бы посмотрели фильм и сказали: „Это очень плохо“, – но никто ничего бы не сделал. Когда я смотрю на список – Питер и Фрэн, Джонни Депп, Эдди Веддер, Натали Мэйнс, Генри Роллинз, Стив Брага, Деннис Риордан, Дон Хорган, Джон Дуглас, Стив Марк, Берк Солс, Кэти Баккен, Лиза Фэнчер, Гроув Пэшли… Я имею в виду, черт возьми, каждого человека в этом случае… если убрать любого из них, весь этот успех рухнет, как карточный домик».

Глава 28. День мертвых

Осенью 2007 года 21-летняя Мередит Сусанна Кара Керчер, студентка университета Лидса из города Колсдон, графство Суррей, расположенного к югу от Лондона, отправилась в годовое приключение. Она проходила курс современной и политической истории по обмену в Университете Перуджи в прекрасном средневековом городе эпохи Возрождения, примерно в ста милях к северу от Рима. Она хотела пойти по стопам своего отца Джона и сделать карьеру в журналистике, а также работала в аэропорту Гатвик недалеко от своего дома, чтобы собрать денег на оплату зарубежной программы.

Ее многочисленные друзья называли ее «Мез». Мередит жила на верхнем этаже с четырьмя спальнями в коттедже из белого камня, с лепниной и черепичной крышей по адресу Виа делла Пергола, дом 7. Это жилье она делила с тремя другими девушками: 20-летней американской студенткой по обмену Амандой Мари Нокус из Сиэтла, штат Вашингтон, а также итальянками Филоменой Романелли и Лаурой Меццети. Филомена и Лаура только начинали работать адвокатами в местных фирмах. Аманда, отличница Вашингтонского университета, приехала примерно в то же время, что и Мередит. Она изучала итальянский язык в Университете Перуджи для иностранцев.

Мередит и Аманда были симпатичными, умными и располагающими к себе. Аманда была любительницей активного отдыха, общительной и веселой девушкой, любила играть на гитаре, что отражало ее свободный творческий дух. Она с отличием окончила Сиэтлский подготовительный колледж, элитную иезуитскую среднюю школу, где получала академическую стипендию. Она ездила в Японию по обмену, недавно побывала в Германии, познакомилась с немецкими родственниками и говорила, что хочет освоить как минимум семь языков. Она работала неполный рабочий день в баре Le Chic, которым управлял Дия «Патрик» Лумумба, иммигрант из Конго, хорошо известный и популярный в Перудже. Патрик приехал в Перуджу в 80-х годах, чтобы учиться политологии в том же Университете для иностранцев, где училась и Аманда, окончил свой курс, а после выпуска остался. В дополнение к работе в баре он выступал с концертами в университете. Когда Патрик встретил Аманду, он подумал, что ее внешность и личное обаяние привлекут в заведение больше платежеспособных посетителей.

Мередит, младшая из четырех соседок, была столь же яркой,

умной и изысканной девушкой. Как и Аманда, она была ребенком разведенных родителей. От отца-англичанина и матери-пакистанки, чьи национальные черты идеальным образом смешались в их дочери, она унаследовала экзотическую красоту. Она была более замкнутой и задумчивой, но с сумасшедшей, дурашливой жилкой, которая проявлялась, когда Мередит находилась в «своей» среде и могла расслабиться. Помимо соседей по квартире, она дружила еще с несколькими британскими девушками и тусовалась с ними, когда ее удавалось оторвать от учебы.

Из дома, где они жили, открывался панорамный вид на город, хотя некоторые местные жители считали, что дом стоит в неблагополучном районе. Лаура и Филомена, которым было за двадцать, нашли дом через риелтора, а затем разослали листовки, чтобы отыскать дополнительных арендаторов, которые были нужны для оплаты аренды. Их комнаты находились в передней части коттеджа, а комнаты Мередит и Аманды – в задней части, с выходом на овраг. На нижнем этаже жили четверо итальянских парней – Джакомо Силенци, Стефано Бонасси, Марко Марзан и Риккардо Лучани.

В четверг, 1 ноября 2007 года, на следующий день после Хеллоуина, наступил День Всех Святых, национальный праздник в Италии. В тот вечер Мередит осталась одна в коттедже после просмотра фильма в доме у друга. Аманда ночевала в квартире своего нового итальянского парня Раффаэле Соллечито. Это был 23-летний студент информатики и инженерного дела из Бари, сын известного уролога, напоминавший кучерявого Гарри Поттера. Она встретила его на концерте классической музыки 25 октября, и с тех пор их отношения стали весьма горячими и серьезными. Родители Раффаэле тоже развелись, когда он учился на втором курсе колледжа, и его любимая мама внезапно умерла от сердечного приступа. Он не мог смириться с тем, что его не было дома, когда она скончалась, и все еще оплакивал ее.

Во время тех суток, о которых идет речь, Филомена гостила у своего бойфренда Марко Зароли, а остальные пятеро итальянцев навещали свои семьи на праздничных выходных.

Аманда вернулась в дом около 10:30 2 ноября, и, по ее словам, обнаружила входную дверь приоткрытой. В двери не было пружинной защелки, поэтому ее приходилось запирать с помощью ключа. Дверь спальни Мередит оказалась закрытой. Аманда подумала, что та еще спит, и не стала ее беспокоить, а вместо этого пошла в душ в маленькой ванной, которую делили две девушки.

Когда она вышла из душа и собралась вытереться, то вдруг

заметила что-то, похожее на засохшие капли крови на раковине и коврике. Внезапно она поняла, что полотенец в ванной нет. Конечно, могло случиться так, что у Мередит начались болезненные месячные, но она всегда была настолько аккуратной и опрятной, что все это казалось слишком странным.

Аманда пошла в спальню, чтобы принести полотенце и вытереться. Она включила музыку на своем компьютере, пока одевалась. Потом она отправилась в большую ванную комнату рядом с кухней, которую делили Лаура и Филомена, чтобы воспользоваться их феном. Когда она сушила волосы, то внезапно заметила, что унитаз засорился и наполнен водой с калом и туалетной бумагой. Ни одна из ее соседок по комнатам не устроила бы ничего подобного, и Аманда настолько испугалась, что быстро вышла из дома и поспешила обратно в квартиру к Раффаэле, где рассказала ему о том, что увидела.

Она позвонила на британский мобильный телефон Мередит, но та не ответила. Затем она позвонила на свой итальянский мобильный телефон, зарегистрированный на имя Филомены. Тем не менее ответа тоже не было. Через несколько минут позвонила Филомена и сказала, что очень переживает, потому что тоже не может связаться с Мередит.

Взяв с собой Раффаэле, Аманда вернулась в коттедж и сначала отвела его в ванную комнату побольше. Затем они проверили комнату Филомены, там царил полный беспорядок. Выглядело так, будто кто-то перерыл все и оставил одежду разбросанной по полу. Самое тревожное, что возле ее стола лежал камень, а одно из окон спальни было разбито.

Несмотря на то, что компьютер Филомены стоял на столе, Аманда решила, что дом ограбили, и пошла осмотреть комнату Лауры. Там все осталось нетронутым. Это не укладывалось в общую картину. Она снова постучала в дверь Мередит: ответа не было.

Когда Филомена снова позвонила, Аманда рассказала ей о разбитом окне. Несколько минут спустя, в 12:47, Аманда запаниковала, позвонила своей матери, Эдде Меллас, в Сиэтл, где тогда было 4:47 утра, и рассказала ей, что случилось. Эдда велела ей позвонить в полицию. По-итальянски Аманда говорила еще не очень уверенно, и Раффаэле набрал свою старшую сестру Ванессу, которая работала в Риме с карабинерами, национальной полицией военного типа. Как и Эдда, она велела ему немедленно позвонить карабинерам, что он и сделал по номеру службы экстренной помощи 112.

Тем временем Polizia Postale – почтовая полиция – прибыла в этот дом. С сотрудниками этого ведомства связалась женщина,

которая нашла мобильные телефоны Мередит у себя в саду, примерно в 800 метрах вверх по дороге. Регулирование телефонной связи в Италии находится в юрисдикции почтового полицейского управления, и там выяснили, что оба телефона до этого находились на улице Виа делла Пергола. Два офицера в штатском – Микеле Баттистелли и Фабио Марци – застали Аманду и Раффаэле снаружи, те сказали, что ждут карабинеров. Ребята провели полицейских в дом, и Аманда показала им все, что обнаружила сама. Она не понимала различий в полицейских службах и решила, что это те самые офицеры, которым звонил Раффаэле.

Затем пришел сосед снизу, Марко Марзан, вместе с другом, Лукой Альтиери. Он объяснил, что Филомена попросила его прийти после тревожного звонка Аманды. Вскоре после этого приехала Филомена с лучшей подругой Паолой Гранде, девушкой Луки. Филомена осмотрела свою комнату и обнаружила, что оттуда ничего не взяли, даже наличных денег и драгоценностей.

Теперь все внимание было сосредоточено на Мередит и ее запертой двери, но почтовые полицейские не хотели предпринимать никаких действий до прибытия карабинеров. Наконец, около 13:15 Филомена попросила Луку выбить дверь. Он долбил по ней ногой, пока дверь не сорвалась с петель и не отлетела.

Комната была залита кровью. Бежевое пуховое одеяло Мередит валялось на полу. Филомена увидела торчащую снизу босую ногу.

Аманда бросилась на крик Филомены, но Раффаэле перехватил ее и увел. Инспектор Баттистелли приказал всем выйти из дома, а затем позвонил в штаб-квартиру полиции.

Это произошло в День Всех Святых, также известный многим христианам как День поминовения усопших или же День мертвых.

Я мало что знал об убийстве Мередит Керчер, пока Марк Олшейкер не принес мне материалы по нему, сказав, что видит удивительные отголоски истории о троице из Уэст-Мемфиса. Он был убежден, что точно так же, как Дэмиен, Джейсон и Джесси в Уэст-Мемфисе, студентка колледжа Сиэтла Аманда Нокс и ее итальянский парень Раффаэле Соллечито оказались приговорены к большим срокам заключения за убийство соседки Аманды по дому. Несколько продолжительных телефонных разговоров с Крисом Мелласом, отчимом Аманды, еще больше убедили Марка в том, что семья твердо верит в ее невиновность. Я не хочу делать каких-либо выводов, пока не смогу полностью изучить запись и

доказательства.

Когда я углубился в это дело, меня поразили как сходства, так и различия этого случая с делом троицы из Уэст-Мемфиса. В некотором смысле дело Нокс – это фотонегатив дела троицы, вызвавший такой же эффект.

Оба случая были связаны с ужасными, кровавыми убийствами безобидных молодых людей, которых могла ждать впереди вся жизнь.

Один из этих случаев произошел в неприглядном на вид южном городе на окраине автомагистрали между штатами, в том месте, которое многие дети называли «Западный Никудавиль», откуда они мечтали сбежать, как только достаточно вырастут. Другой случай произошел в историческом городе на холмах Умбрии, куда стекались продвинутые студенты со всего света.

В одном фигурантами стали обвиняемые, маргинальные чужаки из бедных и неполных семей, которых весь остальной мир считал неудачниками. Во втором – красивая девушка и благополучный молодой человек, оба определенно принадлежащие к среднему классу, с многообещающим будущим впереди.

И то и другое основывалось на сомнительном признании, полученном после многочасовых допросов в полиции без адвоката – в одном случае допрашивали испуганного и сбитого с толку 17-летнего мальчика, в другом – девушку, которая еще недавно была подростком, а также еще плохо говорила на языке тех людей, которые на нее кричали.

В обоих случаях суд прошел поспешно, с упором на обвинения в ритуальном сатанинском убийстве на основании страха и суеверий, а не веских доказательств и анализа.

Оба случая вызвали страстные, противоречивые обсуждения на международном уровне, а уверенность в приговоре нарушило несовпадение анализов ДНК, взятых у обвиняемых и из образцов, обнаруженных на месте преступления.

В деле Нокс также обнаружились сенсационные элементы, вызвавшие в воображении мирового сообщества ассоциации с делом Рэмси: там была красивая девочка и ее жестокое, бессмысленное убийство в том доме, где она жила. Однако здесь была уже взрослая красивая девушка, хотя на самом деле пострадали две девушки: одна стала жертвой, другая – подозреваемой.

Благодаря переговорам Марка с семьей Аманды я вышел на связь со Стивом Муром, бывшим агентом ФБР, который теперь работал заместителем директора по общественной безопасности в Университете Пеппердайн в городе Малибу, штат Калифорния, –

неплохая работа для того, кто столь же сильно любит пляжи и теплую погоду, как и я. Стив посещал мои занятия по поведенческой науке во время обучения агентов-новичков в Куантико. Хотя мы знали много таких людей и работали с ними, но я не помню, чтобы встречал его. Он никогда не видел Аманду, но его настолько тронуло ее дело, что он решил провести собственное расследование в сотрудничестве с ее семьей, но независимо от этой семьи.

Не всеми своими коллегами из ФБР я мог гордиться за предыдущие годы работы, но когда я увидел Стива Мура, то он показался мне подходящим человеком для сотрудничества. Всю свою карьеру в ФБР он имел дело с насильственными преступлениями, а в качестве своего последнего задания руководил «Экстратерриториальным отрядом» штаб-квартиры ФБР в Лос-Анджелесе. Задача этого отряда заключалась в том, чтобы реагировать на любые террористические акты против США в Азии и Пакистане. Он согласился организовать и предоставить мне все соответствующие материалы дела, включая записи, фотографии, видео и различные расшифровки стенограмм. Он сказал мне, что слишком сильно уважает мою работу и меня лично, чтобы пытаться влиять на меня каким-либо образом, и искренне хотел знать, почувствую ли я, что он нашел правильный путь в интерпретации доказательств.

Прежде чем дело разрешилось, Стив признавался мне: «Когда вы рассказывали мне о горе, которое испытывали после дела Рэмси, я правда не понимал, насколько мелочными и подлыми могут быть люди. За всю свою жизнь я никогда не подвергался такой критике со стороны многих людей, как теперь, когда я оказался вовлеченным в дело Нокс».

Я просмотрел все предоставленные мне материалы и прочитал как положительные, так и отрицательные отзывы. Все доказательства указывали в одном направлении: Аманда Нокс и Раффаэле Соллечито невиновны.

Очевидно, итальянские органы уголовного правосудия не нуждались в моей помощи. Что я мог сделать? Стив, Марк и я решили, что надо как можно больше рассказывать людям о том, что это на самом деле за случай – совсем не непристойная история о сексуальной одержимости, столь любимая и популярная в СМИ.

Как оказалось, Аманда и Раффаэле страдали не так долго, как троица из Уэст-Мемфиса, но они все равно провели в тюрьме четыре года – причем первый год вообще без официального обвинения. Их осудили в октябре 2008 года, а освободил

апелляционный суд в октябре 2011 года. Все в их деле демонстрирует аналогичные системные слабости и личные неудачи, что и дело в Арканзасе. По иронии судьбы единственное отличие состоит в том, что в Перудже настоящий убийца почти сразу попал в поле зрения полиции. Но это не остановило преследование двух других подсудимых.

Первое впечатление подавляющего большинства представителей общественности в этом широко разрекламированном деле заключалось в том, что красивая, соблазнительная «Фокси Нокси» виновата в жестоком убийстве своей соседки по комнате, совершенном в безумии сатанинской похоти. Опубликованы целые книги, заявляющие о ее вине, и даже сегодня мнение всего мира неоднозначно по поводу того, следовало ли Аманду выпускать из тюрьмы. Давайте рассмотрим этот случай и посмотрим, почему он быстро стал пародией на правосудие и почему итальянским властям *следовало* определить это с самого начала.

Глава 29. Факты по делу

Начнем с места преступления.

Мередит Керчер получила несколько ножевых ранений, в том числе три глубокие раны на шее.

Когда Лука Альтиери и Филомена Романелли, а затем Раффаэле Соллечито и полицейские впервые увидели ее залитое кровью обнаженное тело, глаза ее были распахнуты, на грудь натянута футболка, она лежала на полу с подушкой под бедрами и окровавленным пуховым одеялом сверху. В суде прокуроры Джулиано Миньини и Мануэла Комоди утверждали, что это свидетельство того, что преступление совершила женщина, и такое прикрытие убитого тела надо расценивать как признак сострадания или жалости.

Я не согласен с этим. По своей безнравственности это убийство совершенно ужасное. Как только я взглянул на фотографии с места преступления, у меня не осталось сомнений в том, что убийца не испытывал ни капли сострадания или жалости к Мередит. Я не сомневался, что убийца не испытывал сострадания ни к кому и ни к чему, просто не обладал тем качеством, которое могло бы сойти за совесть.

Когда мы видим реальные доказательства «мягкого убийства», например, удушение руками с использованием носового платка или полотенца, осторожно прикрытое или «удобно» завернутое тело, мы думаем об убийстве родителями или человеком из близкого круга. В этой сцене не было ни одного из подобных индикаторов. Одеяло, случайно наброшенное на тело, ничего не говорит о предполагаемом поле неизвестного субъекта. Во всяком случае, это свидетельствует о неуважении к жертве или, если голова убитого прикрыта, об обезличивании. Либо это может стать следствием нежелания преступника чувствовать дискомфорт при виде изуродованного тела, пока он совершает кражу или делает что-то еще.

Если размещение подушки под телом хоть что-то значит, это нападавший мог сделать, чтобы облегчить сексуальное насилие. Задранная футболка также соответствует образцу преступления на сексуальной почве. На убитой остался кровавый отпечаток руки, а на стене – полосы крови, как если бы злоумышленник пытался оттереть руки.

Два полотенца лежали под телом, а третье на кровати, тоже пропитанное кровью. На кровати отпечатался силуэт, напоминающий по форме нож. Несколько кровавых отпечатков обуви на плитке пола вели от кровати к входной двери. Позже их

идентифицировали как оставленные обувью фирмы Nike. Наконец, остался кровавый отпечаток босой ноги на коврике в ванной, которую делили Мередит и Аманда.

Сумочка Мередит лежала на кровати. Он была вывернута наизнанку. Помимо мобильных телефонов, пропали наличные деньги и кредитные карты. Хотя место преступления содержало явные признаки либо кражи со взломом, либо инсценированной кражи со взломом, прокуратура использовала эти доказательства против Аманды, утверждая, что она украла у Мередит деньги, чтобы заплатить за аренду. Если бы они всерьез посмотрели на ее прошлое, то они бы обнаружили, что она несколько лет работала неполный рабочий день, чтобы платить за учебу в Италии. Учитывая это поведение в прошлом, я бы заметил, что кражи совершенно не в характере этой девушки, не может быть и речи о том, что именно это стало поводом для такого ужасного убийства.

Почтовая полиция освободила дом и опечатала его. Около трех дня общественный министр (эта должность аналогична окружному прокурору, магистрату и старшему следователю) Джулиано Миньини прибыл с Лукой Лалли, судмедэкспертом и профессором патологии Университета Перуджи. Миньини был крупным лысеющим мужчиной тиранического типа лет пятидесяти. Лалли заметил три колотых раны на шее Мередит и определил, что причиной смерти стала потеря крови и удушье.

Ошибки уже начали накапливаться. Лалли не измерял температуру Мередит, это означало, как и в случае с Уэст-Мемфисом, что последующими методами уже не удастся установить точное время смерти.

С этого момента и началось публичное дело против Аманды Нокс. Когда она, Раффаэле и другие жильцы квартиры ожидали снаружи, то заметили, как она шепчется с Раффаэле, обнимает и целует его. Она позже сказала, что плакала, и он пытался ее утешить, но изображение этого поцелуя вскоре стало новостью во всем мире. Ее соседку по комнате только что зверски убили, а она засветилась в публичных проявлениях привязанности к своему красивому итальянскому парню. Моника Наполеони, начальник отдела убийств летучего отряда полиции, *мобильного отряда*, или группы быстрого реагирования, поговорила с парой и решила, что они кажутся бесстрастными и равнодушными к убийству.

То же самое произошло в случае Рэмси, и я наблюдал это снова и снова. Как только СМИ и общественность устанавливают мысленный образ подозреваемого или даже потенциального подозреваемого, позже этот образ резко изменить практически невозможно.

Когда полиция и команда на месте преступления закончили

работу, все соседи по квартире и их друзья согласились по просьбе полиции пойти в *квестуру* – это полицейский участок – для допроса. Спустя несколько часов после первого круга допроса несколько английских подруг Мередит случайно встретили Аманду в приемной. Они позже сообщили, что она рассказала им подробности убийства. В суде прокуроры обвинили ее в том, что эти факты мог знать только тот, кто видел тело с самого начала. *Ну или тот, кто находился рядом с полицейским участком в течение нескольких часов, пока все сосредоточились на убийстве!*

Аманда не уходила из участка до шести утра. Поступали противоречивые сообщения о том, что она «казалась спокойной, как будто ничего не произошло» и «нервно шагала». Если обратиться к моему опыту, то я не могу представить себе, чтобы двадцатилетняя женщина, никогда не имевшая проблем с законом, вдруг оказалась в участке иностранной полиции, где ее допрашивают об убийстве ее соседки, и при этом *не* нервничает и *не* боится, причем *без разницы, виновата она или невиновна.* Любой, кто в такой ситуации выглядит спокойным, как Джон Рэмси до того, как нашли тело Джонбенет, просто подавляет внешние эмоции. Я могу это гарантировать.

Позже в тот же день полиция вернулась с Амандой в дом. Сторона обвинения охарактеризовала ее как бесконтрольно рыдавшую снаружи, у дома. В конце концов ее слезы или их отсутствие стали главным аргументом разногласий по делу. Однако есть достаточно очевидцев в разное время, чтобы предположить, что она довольно много плакала в часы и дни после убийства.

После посещения дома ее отвезли обратно в участок, чтобы задать еще больше вопросов. Несмотря на интенсивные следственные действия в течение нескольких дней, она официально считалась свидетелем в этот момент, и ее ни разу не спросили, нужен ли ей адвокат.

По возвращении в Лондон в семье Керчер началась неописуемая истерика. Арлин, мать Мередит, страдала хронической болезнью, и Мередит привыкла звонить ей каждый день. Поэтому, когда Керчеры не услышали от нее звонка и не смогли дозвониться ей по мобильному телефону, они сразу забеспокоились. Ее муж, журналист по имени Джон, узнал какие-то новости об убийстве английского студента или студентки в Италии, но это произошло не раньше 17:30. На следующий день после убийства один из его источников в прессе подтвердил, что была убита его любимая дочь.

Он вернулся домой в Колсдон, чтобы побыть с другими

детьми, Стефани, Джоном – младшим и Лайлом. Арлин лежала в больнице, но она уже успела поговорить с кем-то в британском министерстве иностранных дел. Как только она вышла из больницы, и они с Джоном смогли все спланировать, то улетели вместе со Стефани в Перуджу. Примерно в это же время, находясь в Сиэтле, мать Аманды, Эдда Меллас, тоже планировала поездку в Перуджу, и вскоре к ней присоединился ее бывший муж Курт Нокс.

Всех соседей по квартире снова допросили в полицейском участке 4 ноября, затем вернулись с Джулиано Миньини в дом, чтобы проверить, не пропали ли какие-нибудь кухонные ножи. Казалось, что нет, но, когда осматривали ножи, у Аманды снова произошел неудержимый срыв.

Вечером 5 ноября полиция попросила Аманду и Раффаэле приехать в участок, чтобы обсудить очевидные несоответствия в своих отчетах. И тут произошел еще один инцидент, заставивший общество захлопнуть крышку гроба над Амандой. Пока Раффаэле допрашивали, Аманда сидела в приемной. Свободолюбивая, спортивная девушка с тихоокеанского северо-запада, Аманда увлекалась йогой. Когда она чувствовала напряженность, она часто прибегала к своим обычным занятиям йогой: делала растяжки и принимала асаны.

Поздно вечером мужчина-полицейский заметил, как она растягивается, восхитился ее гибкостью и спросил, может ли она сесть на шпагат. Без страха или из чувства открытости или гордости за свое тело, она выполнила эту просьбу к большому удовольствию офицера. Но из этого инцидента сотворили широко разрекламированную историю о том, что в полицейском участке она прыгала и кувыркалась, пока ждала допроса об убийстве Мередит.

Наполеони и другие детективы по расследованию убийств допрашивали Раффаэле более шести часов, до трех утра. За это время, согласно данным полиции, парень Аманды начал сомневаться в своем рассказе о том, что она спала тогда с ним и что они пробыли вместе всю ночь убийства. Может, она и ушла ненадолго – в 9 часов вечера или около того – и не возвращалась до 1:30, однако он не был уверен в этом.

Похоже, пребывая в страхе и усталости, Раффаэле в конце концов сбился с толку и перепутал ночи 31 октября и 1 ноября. В ночь на Хеллоуин Аманда действительно ушла гулять около девяти часов вечера, в образе сексуальной кошечки, с носиком и усами, которые Раффаэле нарисовал на ее лице. Празднование Хеллоуина для иностранных студентов значило много больше,

чем для итальянцев, поэтому Раффаэле в ту ночь остался дома и ждал ее. Она вернулась около часа ночи. Но он рассказал это в полиции, как нечто произошедшее на следующую ночь.

Это оказалось настоящим началом дела против них обоих, и параллели с Джесси Мискелли – младшим и многими другими случаями возникли совершенно жутким образом. Аманда и Раффаэле стали подозреваемыми, несмотря на тот факт, что прослушивание комнаты в *квестуре* и прослушивание телефонов с многочисленными частными разговорами между ними не выявили ни одного намека ни на какие секреты и заговоры.

Когда перешли к допросам Аманды, было уже далеко за полночь. Детективы привели ее в комнату для допросов и сказали ей, что Раффаэле признался, будто Аманда вышла из его квартиры около девяти часов вечера именно в тот трагический день, чтобы пойти в Le Chic, а вернулась только после часа ночи. Они проверили записи мобильного телефона Аманды. Среди последних было сообщение от Патрика Лумумбы, где говорилось, что ей не нужно приходить на работу в тот вечер, потому что дела идут вяло, и вот текстовый ответ от нее: «*Ci vediamo piu tardi, buona serata*», что переводится как «Увидимся позже. Приятного вечера». После этого и она, и Раффаэле отключили свои мобильные телефоны на ночь, что было нехарактерно для обоих. Когда ее спросили об этом, Аманда сказала, что она боялась, вдруг Патрик передумает и попросит ее вернуться на работу.

Ей уже становилось нелегко. Вступив в дискуссию с ней по поводу рассказа Раффаэле, следователи предположили, что фраза «Увидимся позже» была не обычной банальной репликой, а реальной договоренностью о встрече позже в ту ночь.

Кого она этим защищала? Они добивались ответа на этот вопрос. Кто это был? По словам Аманды, когда у нее не нашлось ответа, они стали давить на нее. Сотрудница полиции назвала ее «дурой» и «лгуньей» и шлепнула ее по затылку. Они повторяли этот удар каждый раз, когда она не отвечала. Полицейские не давали ей есть или пить и не разрешали ей сходить в уборную. Похоже, они собирались продолжать наказывать ее, пока она не вспомнит.

Когда она попросила адвоката, ей сказали, что если адвокат появится, то ей же будет хуже.

По словам Риты Фикарра и Лорены Зугарини, двух членов *мобильного отряда,* никто ни разу не ударил Аманду и не оскорбил ее. Девушке давали еду, воду и горячие напитки, разрешали сходить в туалет всякий раз, когда она хотела. Ее спросили, есть ли у нее адвокат или она хочет его получить, и она сказала «нет».

Допрос затянулся. Аманда оставалась под стражей в течение многих часов. Ее запугали, измучили, она ужасно нервничала. Они не могли заставить ее признаться в том, что она была с Патриком Лумумбой той ночью, поэтому один из полицейских попросил ее расслабиться и объяснил, что иногда тяжелые эмоциональные травмы вызывают ментальный блок. Поскольку она ничего не могла *вспомнить*, ей следует попробовать *представить,* что случилось в доме и каковы были роли ее и Патрика. Это упражнение часто снимает эмоциональный барьер.

Как бы возмутительно это ни звучало, уловка «давай притворимся» не является необычной техникой допроса. Я сам использовал ее, иногда с большим успехом, при допросе подозреваемых.

Во время особенно ужасного похищения, нападения и убийства в 1985 году школьницы по имени Шэрон «Шари» Фэй Смит из города Колумбия, штат Южная Каролина, я опросил подозреваемого, которого выследил с помощью составленного профиля, криминалистической экспертизы и первоклассной работы полицейских.

Его звали Ларри Джин Белл, и мы все знали, что он виновен в преступлении. Мы также знали, что его адвокат никогда не пустит его на скамью подсудимых для дачи показаний. Так что если мы собирались получить признание, этого следовало добиться в ближайшее время. Я рассказал ему о нашей программе профилирования и о том, как мы узнали, что эти преступления часто совершались людьми с двумя враждующими инстинктами в своей душе. Я сказал ему, что понимаю, как это могло происходить в тех ситуациях, и предложил попытаться представить, как могло состояться преступление.

В конце своего повествования он посмотрел на меня со слезами на глазах и сказал: «Все, что я знаю: сидящий здесь Ларри Джин Белл не мог этого сделать, но *плохой* Ларри Джин Белл мог».

Это звучало настолько близко, насколько мы когда-либо подходили к признанию, но этого оказалось достаточно. Ларри Джина Белла казнили электрическим током 4 октября 1996 года за убийство Шари Фэй Смит. Я радовался тому, что казнь состоялась.

Подобный метод расследования не отличается от всего остального в правоохранительных органах. Есть более чистые практики и более грязные. Вы должны выяснить, «разблокируете» вы разум подозреваемого, предлагая ему сценарий, который позволяет сохранить лицо и способ признаться – или же уведете

его в мир фантазий.

Когда вы имеете дело с истощенным субъектом, практически исчерпавшим свои силы, опустошенным и дезориентированным настолько, что он *буквально не может мыслить логически*, значит, вы неправильно применили практику. Как и у детективов, что допрашивали Джесси Мискелли – младшего, здесь не шло и речи о том, чтобы добраться до истины, когда они просили субъекта *представить*, или «помечтать», как на допросе Дэвида Васкеса в Вирджинии.

Стив Мур прокомментировал это так: «Если бы какие-либо агенты ФБР доложили мне, что они провели такой допрос, я бы привлек их к уголовной ответственности».

В целом Аманду допрашивали в течение сорока часов (это средняя продолжительность рабочей недели) с участием двенадцати детективов. Это известно под названием «объединение усилий». Следователи остаются свежими и находятся на вершине своей игры, в то время как подозреваемый становится все более измученным и изолированным. Все, что он (Джесси) или она (Аманда) хочет – это скорейшего окончания допроса.

В 1956 году директор ЦРУ Аллен Даллес отправил меморандум директору ФБР Джону Эдгару Гуверу, где рассказал об успешно используемых методах «промывания мозгов» коммунистам в Северной Корее. Документ с тех пор уже рассекречен. В нем перечисляются и объясняются такие техники, как приведение к усталости, навязывание чувства беспомощности при попытке иметь дело с безличным механизмом контроля и развитие чувства зависимости от дознавателя. Подобные техники использовались для допроса подозреваемых в терроризме в Гуантанамо.

Следователи не хотели позволять Аманде сохранять внимание и ясно мыслить, чтобы получить точный отчет. Они хотели сломать ее. И они сделали все, что могли, хотя это не оставило физических следов на ее теле.

Под этим давлением усталости и страха Аманда рассказывала о встрече с Патриком на баскетбольной площадке Пиацца Гримана через дорогу от ее дома около 20:30 и о совместном возвращении к ней домой. Хотя она сказала, что это похоже на сон, и не могла пояснить, как на самом деле все произошло, она «вспомнила», как Патрик занимался сексом с Мередит, но не помнила, приходилось ли ему принуждать ее. Но она смутно помнила, как он потом убил ее ножом, что подразумевало ее присутствие в комнате в то время.

Возможно, существовала и еще одна причина для полновесного прессования Аманды той ночью. Полиция могла подумать, что время у них на исходе. Поскольку они прослушивали телефоны Аманды и Раффаэле, они знали, что Эдда Меллас направлялась в Перуджу, чтобы поддержать свою дочь. Она никогда не позволила бы Аманде продолжать говорить без адвоката, что бы там ни утверждали следователи.

Джулиано Миньини пришел в 5:45, чтобы получить от нее официальное заявление. Все, что она говорила ранее, она делала в качестве свидетеля, так что это нельзя было использовать против нее. По сравнению с первоначальным «признанием» в официальном заявлении были изменены некоторые ключевые детали, такие как время, и добавлена деталь, что она слышала крик Мередит. Все опрошенные согласились, что после того, как она подписала заявление, ей дали поесть.

В полдень полиция официально арестовала Аманду в полицейском участке. Наконец-то они поймали убийцу.

Врач-лаборант Лука Лалли в сопровождении сотрудницы полиции провел медицинский осмотр Аманды Нокс, взял мазки ДНК, а также образцы слюны, мочи и волос на голове и лобке.

Когда Аманда пришла в себя достаточно, чтобы понять, как в свое время Джесси Миссkелли – младший, то, что с ней только что произошло, она была потрясена. Она сразу почувствовала, как полицейские провели ее по пути наименьшего сопротивления к обвинению в убийстве. До того момента она чувствовала себя уязвимой, думая, насколько близко она была к тому, чтобы стать еще одной жертвой убийцы.

Очевидно, что полицейским пришлось интенсивно допрашивать Аманду и Раффаэле в течение нескольких дней, пока они не добились от Раффаэле, чтобы он изменил свою историю и рассказал, что Аманда оставила его на несколько часов в ночь убийства. Их обоих заставили интерпретировать простое текстовое сообщение, придать ему самое необычное и диковинное значение. Сотрудники полиции систематически запутывали Аманду до такой степени, что лишали ее всякой способности логически мыслить, лишали эмоциональных ресурсов и, по сути, заставили ее сочинить историю, которая была им удобна. У кого-то уже должна была сложиться теория дела, и этот человек хотел, чтобы все факты укладывались в эту теорию. Помимо всех других навалившихся проблем, Аманда плохо владела итальянским, и переводчик, по сути, помогал полиции, а не облегчал ее возможности общаться.

Одержимая ведением дневника, Аманда в тот день написала

в своей зеленой тетради, что она уже сомневается в правдивости своих заявлений, потому что *сделала их под давлением стресса, шока и крайнего истощения.* Она отметила, что ее били по спине и по голове, когда она не давала следователям ответы, которых они добивались, и ей угрожали длительным тюремным заключением, если она откажется сотрудничать.

Она явно переволновалась и оказалась сбитой с толку. Виновный человек либо признается себе, что его поймали, либо, если думает, что дневник может быть обнародован, категорически отрицает обвинения, чтобы тем самым оправдать себя. Аманда не сделала ни того ни другого. Она очень *сомневалась* в том, что она сказала, и даже оправдывала сотрудников полиции, говоря, что она понимает причину такого их поведения.

Если бы Аманда принимала участие в убийстве, то она бы точно не стала уходить по своим делам и возвращаться в дом. У нее были средства и время, чтобы покинуть Италию до того, как власти поймают ее. Она не воспользовалась этой возможностью, потому что никогда не думала, будто это ей может понадобиться.

На пресс-конференции 6 ноября Артуро де Феличе, шеф полиции Перуджи, объявил об арестах Аманды Нокс, Раффаэле Соллечито и Патрика Лумумбы за убийство Мередит Керчер. Дело, как он заверил журналистов, «практически закрыто». Возмущенного Лумумбу, настаивающего на том, что понятия не имеет, в чем дело, арестовали дома и забрали из семьи ранее в тот день.

В этот же день *мобильный отряд*, или летучее подразделение, получил ордер на обыск. Офицер Армандо Финци обыскал квартиру Раффаэле и забрал, среди прочего, кухонный нож, найденный им в ящике среди других ножей. Как он узнал, что орудие убийства появилось на кухне Раффаэле, а не на самом месте преступления? И откуда он взял, что в деле фигурировал именно этот нож, а не какие-либо другие, лежавшие в ящике? «Инстинкт исследователя», – гордо провозгласил он, отвечая на эти вопросы.

Позже лаборатория сообщит, что нашла крошечное количество ДНК Аманды на ручке ДНК. На ручке – в чем тут логика, она же готовила Раффаэле еду на кухне – но также и такое же крошечное пятнышко ДНК Мередит возле наконечника. Поскольку ее не было в квартире Раффаэле, это выглядело как якобы реальное доказательство.

Но возникла пара нестыковок. Для начала, так и не было окончательно доказано, что кровь Мередит когда-либо попадала на лезвие ножа, как было признано в заключительном отчете по апелляциям. Уликами могли манипулировать, их могли

усиливать, чтобы указать на ДНК жертвы разными способами, которые никогда не бывают очевидными для других независимых исполнителей анализа. Более того, лезвие, выбранное исследователями, по сути, наугад, не совпадало с контуром крови на кровати и оказалось слишком большим, чтобы им можно было сделать два пореза на шее Мередит. Миньини не позволил этому остановить его, хотя это означало, что скорее всего ножа было два.

Цепочка подобных постановок выглядела бы смешной, если бы не была такой убогой. Финци признал, что отдал нож другому офицеру, Стефано Губбиотти, который находился в тот день на месте убийства, а это означает возможность легко вспомнить о возможности перекрестного загрязнения. Он положил нож в коробку и хранил его до отправки в лабораторию в Рим, поэтому невозможно сказать, что с оружием происходило или кто за то время его коснулся.

Позже результаты самого анализа ДНК будут оспорены многочисленными экспертами, поскольку их выборка слишком мала, чтобы обеспечить надежное соответствие.

Восьмого ноября троих подсудимых привлекла к уголовной ответственности судья Клаудиа Маттеини. По итальянским законам подсудимых можно было легко освободить до суда, но судья приказала задержать всех троих на год, она была особенно обеспокоена тем, что Аманда и Патрик могут сбежать.

Если вы прочитаете «Мой тюремный дневник» Аманды, переданный мне следователями, помогавшими с ее делом, вы не увидите доказательств вины или виновности. Это скорее повествование о наблюдениях, чем что-либо другое. Ясно, что это написано для себя и ни для кого больше. В нем она выражает недоумение по поводу всей ситуация, а не гнев или даже грусть. Она знает, ей нужно дождаться окончания работы системы, но она полна ожидания, что скоро уедет домой.

Даже этот дневник использовали против нее в избирательной кампании в связи с утечкой информации. Как отметила Кэндис Демпси, итальянско-американская журналистка из Сиэтла, в своей всеобъемлющей и проницательной книге «*Убийство в Италии*» *(Murder in Italy),* языковая проблема стала еще одной возможностью для прокуратуры и СМИ. Этот раздел перевели на итальянский язык, он просочился в прессу, а затем его перевели *обратно* на английский язык:

В ту ночь я выкурила много марихуаны и заснула в доме моего парня. Ничего не помню. Но думаю,

вполне возможно, что Раффаэле ходил к Мередит в дом, изнасиловал ее, а затем убил. А потом, когда он пришел домой, пока я спала, он оставил мои отпечатки пальцев на ноже. Но я не понимаю, зачем Раффаэле делать это.

Все это звучит ужасно и определенно отсылает Раффаэле на место убийства – особенно, если вы, как и я, согласны с тем, что дневник не предназначался для чужих глаз. Но, словно некая дьявольская версия детского «испорченного телефона», вот как отрывок на самом деле читается в оригинальном английском контексте:

Мы с Раффаэле использовали этот нож для готовки, и невозможно, чтобы ДНК Мередит оказалась на нем, потому что она никогда раньше не была в квартире Раффаэле. Так что если Раффаэле не решил встать после того, как я заснула, схватить нож, пойти ко мне домой, использовать его, чтобы убить Мередит, вернуться домой, очистить кровь, потереть мои пальцы о рукоятку, чтобы сделать отпечатки пальцев на нем, и убрать его. А потом сам забрался обратно в кровать, затем очень хорошо притворялся пару дней, я очень сильно в этом сомневаюсь.

Джулиано Миньини теперь имел полную версию этого дела, она изложена в судейском отчете, который составила ведущий судья Клаудия Маттеини 9 ноября. Логика его вывода, если я буду следовать ей без искажений, это прямо-таки «*Приключения Алисы в стране чудес*».

Несоответствия между рассказами Аманды и Раффаэле связаны со сроками. Один из них заставил следователей предположить, что звонок карабинерам последовал через несколько минут после прибытия почтовой полиции, а не раньше, значит, двое молодых любовников никогда не вызывали полицию по собственной инициативе, только чтобы обеспечить себе прикрытие, когда расследование уже началось.

Но вот что интересно: если Раффаэле вдруг изменил свой рассказ и сказал, что в какой-то промежуток времени Аманды не было с ним – когда она сказала, что едет в Le Chic, чтобы встретиться с Патриком – тогда она лгала и, должно быть, вернулась в дом. Но если она сказала, что он был с ней всю ночь, значит, находился с ней в доме, когда они с Патриком убили Мередит, а это означало, что он тоже вовлечен. Как бы глупо это

ни звучало, подобный подход продемонстрировало и полицейское управление Уэст-Мемфиса: то есть взяли «лучшую» часть каждого отчета или доказательства, чтобы придумать теорию, соответствующую целям полиции.

И что это за теория? Собственно, их две. Одна в том, что дружба Мередит и Аманды распалась из-за ряда проблем, в том числе из-за того, что Аманда задолжала Мередит деньги за аренду и отказывалась вносить свой вклад в поддержание чистоты в доме. Другими словами, предполагая, что одно или оба из этих обвинений точны – что я и делаю, хотя не верю в это, – чтобы не расплачиваться за аренду и/или негодуя, Аманда попросила помощи у двух друзей-мужчин и трижды вонзила нож в шею Мередит.

Эта ссора, видимо, произошла незадолго до убийства, потому что до этого они оставались близкими подругами, вместе тусовались в книжных магазинах, ресторанах и клубах и ходили вместе на знаменитый фестиваль EuroChocolate в Перудже в самом конце октября, всего за несколько дней до убийства.

Похоже, следователи выражали свое отвращение к предполагаемым привычкам Аманды в сценарии убийства. В заключении судьи они обвинили ее в том, что, *обнаружив следы крови, она не побеспокоилась об уборке, и заметив в другой ванной унитаз, полный фекалий, удивилась, но не попробовала его очистить.*

Итак, Аманда помогла предъявить обвинение самой себе, даже не коснувшись потенциального места преступления.

Но этот мотив стал лишь второстепенной теорией. Основная теория этого дела, по мнению Миньини, началась с того, что Патрик влюбился в Мередит, а та ему якобы отказала, и с Раффаэле, как видно из записи в его онлайн-блоге, он искал «экстремальных ощущений», а Аманда, по его мнению, могла их удовлетворить. Убийство, в таком случае, произошло либо как часть подпитываемого наркотиками сатанинского ритуала, либо сексуальной игры, вышедшей из-под контроля, или чего-то еще, когда Аманда решила, что он хочет устроить оргию. Когда Мередит не стала подыгрывать, Аманде и остальным пришлось убить ее.

Звучит убедительно, правда?

Джулиано Миньини, местный житель, выросший в этом городке и изучавший его историю, наверняка знал, что действует по уже существовавшей схеме. Город Перуджа в XV веке стал местом, где проходила серия судебных процессов над ведьмами. Возможно, общественный министр тоже кое-что понимал в

колдовской силе некоторых женщин.

Поразмыслив, следователи пришли к такому выводу: более вероятно, что один из мужчин вонзил в жертву нож, пока Аманда удерживала Мередит. Насколько я могу судить, не имелось никаких доказательств, судебно-медицинских или других, которые поддерживали бы это предположение. Миньини воспринял это преступление, чем бы *оно* ни являлось – оргией, убийством или сатанинским ритуалом – и независимо от его истинного мотива, как спланированное заранее. Учитывая сильный сатанинский компонент, оно как нельзя лучше выпало на Хеллоуин. Но так как из этого ничего не вышло, День мертвых оказался столь же благоприятным для убийства.

Такая линия рассуждений напомнила мне дурацкую логику «доктора» Дэйла Гриффиса в деле троицы из Уэст-Мемфиса. В календаре есть множество культурных праздников, и если преступник действовал накануне или спустя два дня после подобной даты, эффект будет тот же самый. Когда вы слушаете эту чушь и понимаете, что от нее зависит жизнь и свобода людей, становится по-настоящему страшно.

Занятно, хотя он и другие следователи считали Аманду и Раффаэле главными подозреваемыми, они даже не задумывались о Филомене Романелли, хотя ее алиби выглядело почти таким же, как и у Аманды, или о Джакомо Силензи, соседе снизу, его уже опознали как парня, с которым Мередит одно время встречалась. Этот пример произвола хорошо характеризовал все расследование.

Но полицейские знали, что у них уже есть правильная, нужная им девушка. Как сказал Эдгаро Джобби, шеф Центральной оперативной службы в Риме: «Мы смогли установить вину, внимательно наблюдая за психологическими и психическими расстройствами подозреваемых, за поведенческими реакциями во время допросов. Нам не нужно полагаться на другие виды исследований, поскольку этот метод позволил нам найти виновных в очень короткие сроки». Я думаю, так они представляют себе психологическую криминалистику.

Это упражнение я пробовал несколько раз с людьми, которые предполагали или даже настаивали на том, что Аманда Нокс виновна.

Что бы вы сказали, если бы ваша дочь-подросток, которая обучается за границей, позвонила вам однажды и сказала, что внезапно взялась организовать сатанинскую оргию, а когда ее соседка по комнате отказалась участвовать, она зарезала ее насмерть?

Если у вас есть девочка-подросток или вы близки с ней, ваш

ответ будет только один. «Это бред!»

Если бы я спросил вас, *почему* это бред, вы бы ответили:

«Потому что она *никогда* бы такого не сделала!»

Когда я спросил бы вас, откуда вы это *узнали* про нее, вы ответили бы:

«Потому что она никогда ничего подобного не делала».

Вы, несомненно, правы и просто приняли бы участие в каком-то базовом составлении профиля. И то же самое упражнение стало бы действенным для такого сына своих родителей, как Раффаэле.

Прошлое поведение предсказывает будущее поведение. Это один из элементарных принципов того, что мы делаем. Так же, как мы могли много рассказать о том, на что были способны Джон и Пэтси Рэмси, оценив их поведение и обращение со своими детьми в прошлом, мы можем многое рассказать о том на что способны Аманда и Раффаэле, если поймем, как они действовали в своем прошлом. Ничего в нео-хиппианском детстве или поведении Аманды не предполагало, что она вдруг станет смертельно опасной, особенно по отношению к тем, с кем она жила и дружила.

Разве люди, не подвергавшиеся насилию в прошлом, когда-либо совершают убийства? Да, это бывает. Но не без мотива.

Так что же якобы натолкнуло Аманду на идею зверски убить свою подругу в ту ночь? У Джулиано Миньини и тут нашелся ответ. Раффаэле любил японские комиксы «манга», особенно со сценами насилия и сексуального доминирования над женщинами. Следователи нашли один из них и сочли его подходящим для доказательств. Он называется «*Кровь: последний вампир*» *(Blood: The Last Vampire)*. Они также нашли в Сети рассказ об изнасиловании, написанный Амандой за год до того, как произошло преступление.

Если бы нас с Марком преследовали за то, о чем мы пишем, нам бы пришлось сидеть в тюрьме всю свою жизнь.

На допросе Аманда и Раффаэле признались, что курили марихуану той ночью, и для них обоих это было уже не в первый раз. В самом деле, есть вещества, в первую очередь алкоголь, которые снимают запреты для людей, но они не превращают человека в кого-то другого, не придают ему склонности к совершению насильственных действий, невозможных для него в трезвом и нормальном состоянии.

Верно, что человек, совершивший непредумышленное убийство во время вождения под влиянием алкоголя, вероятно, не сделал бы этого, если бы не выпил. Но это вопрос *ограниченных возможностей,* а не *изменения намерений.* Другое дело, если

человек просто не умел водить машину. Преступление не имеет ничего общего с изменением его характера или выбора.

Это один из аспектов психологической криминалистики. Теперь давайте посмотрим на другой ее аспект и применим его здесь. Какие элементы преступления, доказательства судебно-медицинской экспертизы, показания свидетелей или что-то еще привели Джулиано Миньини к выводу, что это убийство являлось сатанинским или оргиастическим по своей природе или что Аманда Нокс и Раффаэле Соллечито имели к этому какое-то отношение? Где указания на это? Где поведенческие индикаторы? Я довольно внимательно изучил этот случай и просто не вижу ни одного.

Помимо того факта, что, как мы уже отметили, сатанинских мотивов убийства для здравомыслящих людей практически не существует, групповое убийство, придуманное Миньини, почти столь же маловероятно. Групповые изнасилования не редкость, хотя и редко происходят с участием другой женщины. У этого все признаки взлома / грабежа / сексуального нападения / убийства, что, к сожалению, также не редкость. Но насильники-садисты или возбужденные властью насильники не особо любят свидетелей. Это портит ощущение контроля, да и велика вероятность, что позже они сдадут преступника. Если ДНК или другие убедительные доказательства не подтвердят обратное, на этом месте преступления ничего не нашлось для обозначения более чем одного нападавшего.

К этому моменту как итальянские, так и британские СМИ заметили историю. Вот заголовок некогда почтенной газеты *London Times*: МЕРЕДИТ УБИТА ПОСЛЕ ОТКАЗА ОТ ОРГИИ, и это еще один из самых спокойных заголовков.

Красивая, переменчивая Аманда тоже слишком хорошо выглядела в роли обвиняемой, чтобы это было правдой. Получилась классическая архетипическая моральная пьеса: добро против зла, хорошая девочка против плохой девочки. Что могло побудить эту знойную соблазнительницу убить свою не менее прекрасную подругу, заручившись поддержкой своего сексуального итальянского парня и чернокожего африканского босса, притом что у Патрика дома молодая, красивая жена? Боже мой, каким даром обольщения должна была обладать эта американка!

Репортеры уже узнали о ее прозвище Фокси[22] Нокси, предположительно через ее страницу в Facebook или из аналогичного источника. Правда, они не упомянули, что Аманда взяла это прозвище еще до подросткового возраста из-за своей

стремительности и неуловимости на футбольном поле. Но это так хорошо вписывается в повествование о соблазнении и так идеально совпадает с рафинированным, истинно американским образом «девушки по соседству» (*а кто вам сказал, что это так?!),* что это казалось еще одним подарком от высших покровителей всех СМИ. Как и в случае с Рэмси, журналисты сочинили сказку, и она оказалась *лучшей историей*, чем та, что подчинялась здравому смыслу. И как в случае с Рэмси, ведущие средства массовой информации постыдно стали повторять заголовки «желтых» таблоидов, придавая достоверность их диким сообщениям ради сенсации.

Ключ к разгадке настоящей Аманды на самом деле лежал в ее объемных дневниках. Как отметила Нина Берли в своей книге «*Роковой дар красоты*» *(The Fatal Gift of Beauty):* «*Большую часть своей жизни Аманда объясняла сама себе на рукописных страницах. Она не тратила много времени на поиск ответов перед зеркалом*». Под этим мы подразумеваем, что ее самоанализ основывался на ее уме и на том, о чем она размышляла, вместо того чтобы торговать своей внешностью.

Однако по мнению журналистов и местных обозревателей, она не могла совершить ничего путного. Через пару дней после убийства и незадолго до ареста ее и Раффаэле 6 ноября их вместе видели в местном магазине одежды под названием Bubble, где Аманда выбирала трусики по таблице размеров. В статьях говорилось, что Раффаэле сказал ей: «Мы пойдем домой и займемся горячим сексом». («Горячий» по-итальянски означает «дикий», «грубый» или «извращенный».) Давайте *подчеркнем*, что тот продавец, который *продал* эту историю британскому таблоиду, не знал английского, поэтому на самом деле понятия не имел, что они на самом деле говорили друг другу.

Чем бы они ни собирались заняться в тот день, факт состоял в том, что ей не разрешили вернуться обратно в дом, и у нее закончилось чистое нижнее белье. Она сама оплатила покупку, и вместо того, чтобы прыгнуть в постель, они пообедали, а затем встретились с двумя итальянскими соседками Аманды по квартире. Но прокуроры так увлеклись этой выходкой в нижнем белье, что управляющий магазином Bubble давал показания в суде.

Прокуроры пошли дальше и изобразили пуританское возмущение сведениями о вибраторе Аманды, который якобы лежал на виду в ванной, которую она делила с Мередит. Для них было очевидно, что эта девушка отличалась сексуальной ненасытностью. Однако они не сказали, что вибратор был длиной пять сантиметров и в форме розового кролика. Его в шутку

подарила Аманде на прощание ее лучшая подруга, Бретт Литер, и она хранила его, даже не думая использовать, в корзине вместе с другими своими туалетными принадлежностями.

На протяжении всего процесса Патрик Лумумба придерживался алиби о том, что он находился в Le Chic весь вечер, и поскольку не был занят, несколько часов разговаривал с приехавшим туда швейцарским профессором. Одиннадцатого ноября преподаватель из Цюриха подтвердил его историю. Похоже, полицейское дело начало разваливаться.

Но потом у прокуроров случился прорыв. Собственно, это стало первым настоящим прорывом в деле.

Шестнадцатого ноября судебно-медицинская полиция в Риме выявила совпадение по отпечаткам пальцев, снятым в спальне Мередит. Они принадлежали Руди Геде, 20-летнему уроженцу Кот-д'Ивуара, который жил в Перудже с пяти лет. Его отец Роджер работал строителем и внезапно решил вернуться в Кот-д'Ивуар, когда Руди было 16. Однако Руди повезло. Богатый местный бизнесмен по имени Паоло Капорали случайно встретил его, когда тот играл в баскетбол на площадке, построенной семьей Капорали, а затем забрал его к себе и неформально усыновил. Паоло пытался дать ему все преимущества и перспективы в жизни, найти работу, познакомить с нужными людьми, побуждал его учиться и становиться лучше. Когда Руди бросил школу гостиничного менеджмента, Паоло понял, что парню нужна другая работа. Когда он не смог или не захотел удержаться и на другой работе, Паоло, наконец, убедился, что ничего не может сделать. Все, чего хотел Руди, это тусоваться в барах, играть в баскетбол и в видеоигры, а также гоняться за девушками.

Дело в том, что у всех иммигрантов в Италии собирали отпечатки пальцев, поэтому отпечатки Руди оказались доступны для проверки.

С другой стороны, Руди не оказалось в городе. Его знали как известного завсегдатая баров, дискотек и клубов Перуджи, поэтому, когда друзья перестали его видеть, то у них возникли вопросы. Он жил в комнате недалеко от Виа делла Пергола и познакомился с девушками, живущими в том доме, через парней, их соседей снизу. С последними он дружил и имел дела, связанные с наркотиками. Но он уехал или, точнее, сбежал из города вскоре после убийства. 20 ноября его арестовали за безбилетный проезд на поезде возле города Майнц в Германии. Когда немецкая полиция выяснила, кто он такой и за что его разыскивают, то Руди экстрадировали обратно в Италию.

Власти взяли образцы ДНК с зубной щетки в его комнате, а

потом смогли сопоставить их с образцами на теле Мередит и на туалетной бумаге в большой ванной.

Из-за этого Руди вряд ли мог отрицать свое присутствие на месте преступления. Его история заключалась вот в чем. Он и правда был в этом доме в ту роковую ночь. Накануне вечером он столкнулся с Мередит на вечеринке в честь Хеллоуина. Они флиртовали и договорились встретиться следующей ночью. Он пришел в дом, как и планировалось, а затем они занялись сексом по обоюдному согласию. Но прежде чем этот процесс достиг апогея, Руди внезапно почувствовал настойчивый зов природы из-за кебабов, которые съел ранее вечером. Пока он сидел на унитазе в большой ванной и слушал свой iPod, в дом, видимо, ворвался незнакомец и напал на Мередит. Когда Руди услышал шум, то вскочил и бросился на помощь девушке. Этим объясняется забитый унитаз в туалете.

Он сцепился с белым незнакомцем, но, поскольку не успел к тому моменту до конца натянуть штаны, то споткнулся, и злоумышленник скрылся. Когда он увидел Мередит, залитую кровью, то попытался как-то ей помочь, чем объясняются окровавленные полотенца и его образцы ДНК там повсюду, а также отпечаток обуви, соответствующий его кроссовке Nike. Он запаниковал, услышав внизу какой-то звук, и выбежал вон.

Руди понял, что если власти найдут его там, то могут подумать, что это он напал на Мередит. Он винил себя в том, что у него не хватило духа вызвать скорую, но он находился в шоковом состоянии.

Очевидно, к двум часам ночи шок уже прошел. Его видели несколько свидетелей танцующим в местном ночном клубе.

Нигде в своем объяснении он не упоминал Аманду Нокс или Раффаэле Соллечито.

Один из наиболее распространенных видов защиты в делах об изнасиловании заключается в том, что это не было принуждение, что жертва на самом деле добровольно занималась сексом и лишь впоследствии стала заявлять о другом. Однако, если жертва мертва, то это осложняет защиту. Что вы хотите сказать – что после секса по обоюдному согласию он убил ее? Таким образом, защите нужно добавить третьего человека, чтобы на самом деле объяснить это убийство. Чтобы история Руди Геде получила хоть какой-то вес, ему следовало бы позвать на помощь, как только он увидел состояние Мередит.

Учитывая совпадение отпечатков пальцев и образцов ДНК, смысл любых доказательств в поддержку ритуального или группового убийства исчезает. Если бы я сообщил об этом полиции, я бы сказал: «Похоже, у вас появился убийца. У него

есть средства, мотив и способность сделать это. Чем я могу помочь вам в его судебном преследовании?»

Конечно, на самом деле все произошло не так. За день до ареста Руди Джулиано Миньини подчинился неизбежному и подписал приказ об освобождении Патрика Лумумбы. Аманда пришла в восторг, потому что теперь его очистили от подозрений, и она получила надежду, что скоро и ее с Раффаэле освободят. Мало того что этого не случилось, так еще и пришел конец ее дружбе с Патриком. В конце концов он подал против нее иск о клевете за то, что она назвала его убийцей.

Миньини не позволил освобождению Патрика повредить своей теории. Он просто подключил к делу Руди, чтобы заменить Патрика. Тот даже играл в баскетбол на той же площадке, где Аманда собиралась встретиться с Патриком. Уравнение все еще работало: Аманда Нокс плюс Раффаэле Соллечито плюс один чернокожий африканец.

Но если посмотреть на это по-другому – то есть правильно, по моему профессиональному суждению, – подобный обмен Руди на Патрика является одним из наиболее убедительных доказательств невиновности Аманды.

Если полиция права и Руди с самого начала входил в кровожадную тройку, почему бы Аманде не назвать его имя с самого начала? Она работала и дружила с Патриком, также он помогал ей обеспечивать себя. Никаких отношений с Руди у Аманды не было, она вообще едва знала, кто он такой. Зачем ей было клеветать на Патрика, чтобы защитить Руди? Вопрос можно поставить и так: правдиво ли ее признание? Раз оно произошло в тот момент, когда Аманда была настолько измученной, что не имела ни сил, ни энергии, ни остроумия соврать, то почему она упомянула Патрика, а не Руди?

Вот ответ: потому что полицейские уже опознали Патрика по переписке с Амандой, она уже думала о Патрике и знала, что полиция интересовалась им. В своем страхе и изнеможении, пытаясь сделать хоть что-нибудь, чтобы отстранить от себя полицию, единственное, что она смогла придумать – это сказать про Патрика вне всякой связи с произошедшим. Она не знала Руди достаточно хорошо, чтобы даже подумать о своей защите с помощью его имени.

Любой другой сценарий не имеет абсолютно никакого смысла, и Джулиано Миньини, судья Клаудиа Маттеини и полицейское управление Перуджи не могли об этом не знать.

Все стало только хуже. Поздно вечером 22 ноября Аманду отвезли к тюремному врачу, с которым она раньше не виделась.

Тот сказал ей, что получил результаты анализов, взятых в полицейском участке, и они показывают, что она ВИЧ-инфицирована. Врач уточнил, что в анализах возможна ошибка, и поэтому нужно сдать еще один тест, но Аманда уже пришла в ужас от таких новостей. Она написала в своем дневнике, что боится умереть и остаться в будущем без брака, без детей, и вообще рано умереть.

Полицейские заставили ее составить список всех, с кем она когда-либо занималась сексом, и указать методы контрацепции, если они при этом использовались. Учитывая языковую пропасть и ее собственную относительную неопытность, она даже не знала, что они имеют в виду под занятиями сексом, поэтому она перечислила семь человек, с кем когда-либо имела некоторую степень близости. Эта информация неизбежно просочилась в итальянскую прессу, и авторы статьи заявляли, что у нее было семь любовников за те два месяца, что она провела в Италии.

На следующей неделе ей сказали, что тест отрицательный и она полностью здорова.

Даже учитывая вопиющую некомпетентность итальянских судебных медработников в этом деле, почти невозможно поверить, что это результат простой ошибки. Это был очевидный трюк, чтобы заставить ее выдать личную и интимную информацию о себе, а дальше использовать эти сведения для создания дальнейшего образа Аманды как сексуально манипулирующей прохвостки. Притворство этого медицинского заключения не имело никакого отношения к здоровью Аманды. Просто хладнокровная уловка, направленная против нее.

Итальянским властям потребовались недели, чтобы выдать родным тело Мередит Керчер, а затем еще какое-то время для Арлин и Джона, чтобы вернуть его домой в Англию. Они похоронили ее 14 декабря 2007 года после отпевания в приходской церкви Святого Иоанна Крестителя в Кройдоне. Там присутствовали более 400 скорбящих.

Глава 30. Правовой тупик

Аманду и Раффаэле суд постановил оставить в тюрьме до суда, учитывая «риск их побега», а также очевидность того, что они опасны и могут убить кого-то еще. Было отказано даже в последующей просьбе Эдды, матери Аманды, о том, чтобы поместить девушку под домашний арест в Перудже, а все из-за того, что Аманда не проявила признаков раскаяния в совершенном преступлении. Знакомо звучит? Им было предписано оставаться под стражей, в полной правовой неопределенности, до тех пор, пока скрипучие колеса итальянского правосудия, наконец, не докатятся до той точки, где их смогут судить.

Через 47 дней после убийства полиция вернулась на место преступления, чтобы снова поискать доказательства. Как можно что-то найти через столько времени, для меня загадка. Застежка от бюстгальтера, обнаруженная ими, валялась на полу совсем не в том месте, что на первоначальном видео с места преступления. Помните, как с тем кухонным ножом: *разница между уликами и мусором заключается в способе доставки.*

Я думаю, что причина этой странно организованной охоты за доказательствами очевидна. Как только удалось доказать, что отпечаток кроссовки Nike принадлежит Руди Геде, у обвинения не осталось ничего, что могло бы связать Раффаэле Соллечито с местом преступления, и они в спешке нуждались в уликах, так же как обвинение троицы из Уэст-Мемфиса нуждалось в ноже, поднятом со дна озера. Как бы то ни было, они нашли металлическую застежку бюстгальтера, предположительно Мередит, и принесли ее в лабораторию для обработки. По их словам, последующий анализ выявил мизерное количество следов ДНК Раффаэле.

Тот же анализ показал наличие там ДНК трех других неопознанных лиц, но теперь у обвинения уже нашлись именно те «научные» доказательства, которые им требовались.

Между Эддой, ее мужем Крисом Мелласом, бывшим мужем Куртом и их дочерью Дианой, то есть членами семьи Аманды, была налажена постоянная связь, они старались, чтобы кто-то из них всегда был рядом с ней в Перудже. Ее бабушка Лиз Хафф, сестра Эдды Кристина Хагге и ее муж Кевин, брат Эдды Мик и его жена Дженет также проводили время в Италии, эмоционально поддерживая Аманду. Дженет, жена Курта, и младшие сводные сестры Аманды Эшли и Делейни делали то же самое. И так поступала не только семья Аманды. Ее близкая подруга Мэдисон

Пэкстон много времени проводила в Перудже. Тот факт, что им разрешили свидания всего на несколько часов в неделю, сделал их жизнь еще более мучительной.

Еще шесть или семь других друзей пришли навестить ее в тюрьме, включая Дэвида Джонсруда, Джессику Николс и Эндрю Селибера.

В Сиэтле важным ритуалом во время тюремного заключения Аманды стал еженедельный телефонный звонок. Каждое субботнее утро семья и друзья собирались в доме Эдды и Криса на отведенный им по закону десятиминутный разговор, во время которого они все пытались поднять дух всем вокруг, и заставили Аманду почувствовать, что у нее все еще остается какая-то связь с домом. Обычно там присутствовали несколько людей, а иногда та скромная кухня, где располагался аппарат с громкой связью, набивалась до отказа пришедшими на этот разговор.

Это испытание оказалось не только эмоционально мучительным, но и финансово разорительным. Семьи Нокс и Меллас потратили все свои коллективные сбережения и заложили все, что имели, но поставили перед собой цель вернуть свою девочку домой.

Несколько человек подключились к этому, чтобы помочь, чем могут. В том числе Томас Ли Райт – бывший руководитель таких киностудий, как Paramount и Disney, ставший известным кинопродюсером и писателем. Он и его жена переехали на остров Мерсер в штате Вашингтон, потому что не хотели растить дочь и сына среди «всего этого голливудского безумия». Их дочь Сара была близка с Амандой в Сиэтле и разделяла ее страсть к театру, писательству и легкой атлетике. Когда Том услышал об обвинениях против Аманды в Италии, он очень расстроился, но чувствовал, что это недоразумение, которое «прояснится в течение нескольких дней».

«Через десять дней я понял, что это не прояснится, и они [Аманда и ее семья] оказались втянутыми в огромные проблемы. Я позвонил Эдде и с разбега нырнул в весь этот ужас».

Судья Майкл Хиви, чья дочь Шана была еще одной подругой Аманды из иезуитской школы в Сиэтле, вместе с Томом создали объединение «Друзья Аманды» (FOA). Они наняли адвоката и комментатора СМИ Анну Бремнер в качестве защитника по этому делу. К ним присоединился Джим Ловеринг, бизнесмен на пенсии, ставший архивариусом организации и ответственным за присутствие в интернете. Вместе они создали два сайта. Friendsofamanda.org публиковал самую свежую информацию о деле для своих сторонников и средств массовой информации. Amandadefensefund.org находился в ведении семьи и принимал

пожертвования для ее защиты. Объединение FOA мобилизовало широкий спектр ресурсов и получило сотни тысяч обращений со всего мира. Занимаясь еще и другими вопросами, они в итоге собрали сотни тысяч документов и доказательств.

Как в случае с Уэст-Мемфисом и усилиями, которыми руководила Лорри Дэвис, здесь Райт, Хиви и Ловеринг тоже продемонстрировали, в какое героическое обязательство превращается любая юридическая защита. Все это осложнялось судебным процессом и тюремным заключением, а также почти десятью тысячами километров и девятью временными поясами, разделявшими их.

Несмотря на свой медийный опыт, Том сразу принял решение, что он не станет подходить к делу с позиции писателя или режиссера, поскольку не хочет, чтобы какое-либо из его решений омрачалось сюжетными соображениями или перспективой личной выгоды. Он хотел быть только другом семьи и чувствовал, что ему нужна полная объективность, чтобы добиться эффективного результата. Он стал тем, кто привлек к делу моего старого коллегу Стива Мура после того, как Стив отправил электронное письмо друзьям Аманды, добровольно предлагая свои услуги. Том взял на себя обязательство тщательно проверить всех добровольцев, чтобы обрести уверенность в том, что они все обладают компетентностью и у них нет скрытых мотивов или намерений. После обеда со Стивом возле Университета Пеппердайн в Малибу Том показал ему кадры с места преступления, снятые полицией. Стив был ошеломлен очевидной некомпетентностью и таким бесцеремонным отношением к Аманде.

Их влияние распространилось не только очень далеко, но и очень высоко. По пути в аэропорт для участия в съезде Демократической партии 2008 года сенатор от Вашингтона Мария Кэнтуэлл остановилась в доме Хиви в Западном Сиэтле и разговаривала с Эддой более часа, пообещав сделать все, что она сможет. Ее поддержка проявлялась как публично, так и негласно, и не прекращалась, пока Аманду не освободили.

Сенатор Кэнтуэлл обладала очень непростым личным опытом, который позволил ей горячо сочувствовать семьям Меллас и Нокс. В 1977 году, когда ей было 19 лет, ее 20-летнему брату Дэниелу предъявили обвинение в убийстве 26-летней девушки, арендовавшей квартиру у него и у его мамы Марии. Дело продолжалось три года с участием трех прокуроров, двух групп защитников, а также двумя изменениями места проведения двух судебных процессов. В итоге присяжным потребовалось всего двадцать минут, чтобы оправдать Дэниела. Мария Кэнтуэлл

хорошо знала, какое опустошение приносит семье несправедливое обвинение.

В конце концов, вместе с Кэнтуэлл, которая до конца оставалась их громогласной публичной защитницей, такие разные люди, как владелец строительного бизнеса Дональд Трамп и госсекретарь Хиллари Клинтон, призвали к справедливости для Аманды.

Все в деле против Аманды Нокс и Раффаэле Соллечито базировалось на предположениях, предвзятых взглядах и сомнительных показаниях. Ближе к концу марта 2008 года, когда оба обвиняемых застряли в итальянских тюрьмах в ожидании апелляции Верховного кассационного суда в Риме по поводу их тюремного досудебного заключения, Руди Геде попросил разрешения обратиться к Джулиано Миньини. Похоже, он только что вспомнил, что злоумышленником, с которым он столкнулся в ночь убийства, на самом деле был Раффаэле. Он также вспомнил, как слышал голос Аманды.

Руди не заслужил доверия своей переменчивой историей, но этого оказалось недостаточно, чтобы вытащить из заточения двух участников дела. Верховный суд Италии поддержал теорию сатанинского ритуала / сексуальной оргии Миньини и даже сослался на отпечаток кроссовки Nike в качестве доказательства, хотя позже Руди признал, что это, скорее всего, его отпечаток. У Раффаэле тоже была пара кроссовок Nike.

Аманда отметила свой 21-й день рождения 9 июля 2008 года в тюрьме Капанне. Ее матери разрешили прийти, но не позволили принести торт.

Глава 31. Суд

К моменту начала досудебных слушаний 19 сентября во Дворце правосудия в Перудже под управлением судьи Паоло Микели трое подсудимых стали одними из самых известных людей в Италии. Имя Аманды, ее слава и позор уже давно распространились по всей Англии, а также подробно освещались и в американских СМИ.

Ключ к пониманию ее притягательности, я думаю, похож на то, что я видел в деле Рэмси, и заключался в презумпции виновности. Прежде всего, зачем итальянским властям арестовывать ее и держать в тюрьме, если она простая и невинная американская студентка? Некоторые газеты стали называть ее «Лицо ангела», «Люциферина», «Бэмби». Такое внимание к ней притягивала экзистенциальная человеческая загадка того, почему столь прекрасная девушка убивает другую девушку, свою подругу, и как она использовала свои сексуальные уловки, чтобы заставить двух мужчин пойти вместе с ней на это.

Чтобы противостоять этому имиджу, семья Нокс-Меллас наняла консультанта по управлению кризисными ситуациями в фирме по связям с общественностью, что привело к их еще большему обнищанию. И, конечно же, они подверглись резкой критике со стороны различных представителей СМИ за попытки управлять новостями, здесь сработала та же дурацкая логика, что если кому-то нужен адвокат для защиты, то он наверняка действительно виновен.

Тем не менее группа обвинения продолжала продвигать версию о том, что две девушки совсем не дружили, а наоборот, не ладили, потому что Аманда не вносила вовремя свою долю в арендную плату и бездельничала, не прибиралась в квартире – хотя ни одно из этих утверждений никто никогда не проверял, и ни одно из них точно нельзя назвать распространенным мотивом для убийства.

Можно было весьма эффективно оспорить эту предполагаемую враждебность между Мередит и Амандой, если бы не еще одна ошибка должностных лиц по этому делу. При осмотре компьютеров, принадлежащих обеим девушкам, полиции удалось уничтожить оба жестких диска, а соответственно, и некоторые ключевые материалы на ноутбуке Аманды. В частности, пропали десятки цифровых фотографий, где Мередит и Аманда вместе тусуются и веселятся, и многочисленные электронные письма между ними, подтверждающие расцвет их дружбы. Сделано ли это преднамеренно или просто по

неумелости, я не могу сказать, но в любом случае, это устранило неприятное препятствие на пути теории Миньини о постоянном напряжении между двумя соседками по квартире.

На слушании адвокаты Руди попросили отделить его дело от двух других и предоставить ему сокращенный, ускоренный суд, на который он имел право в Италии. Они сказали, что Руди не хотел, чтобы его запятнали улики против Аманды и Раффаэле. Те из ответчиков, которые идут по этому пути, часто получают смягченные приговоры за то, что избавляют власти от затянувшегося судебного разбирательства.

Когда Аманда наконец получила возможность выступить, она описала террор над собой в полицейском участке и попыталась объяснить, почему она назвала имя Патрика. «Мередит моя подруга, и у меня не было причин убивать ее, – заявила она. – Я невиновна. В ту ночь меня не было дома. Если я раньше сказала наоборот, то лишь потому, что меня заставили это сделать, на меня оказывала давление полиция».

Поскольку итальянские суды заседают всего два дня в неделю и делают перерывы по самым разным причинам, досудебные процедуры длились почти два месяца. Двадцать седьмого октября судья Микели объявил, что Руди Геде признали виновным в убийстве в ходе ускоренного судебного разбирательства и приговорили к тридцати годам тюремного заключения, а также выплате нескольких миллионов евро семье Мередит. Аманду и Раффаэле будут судить за убийство, сексуальное насилие и кражу, помимо прочих обвинений.

Суд над Амандой Нокс и Раффаэле Соллечито начался 16 января 2009 года в учреждении под местным названием Perugia Corte d'Assise. Судья Джанкарло Массеи председательствовал при содействии заместителя судьи Беатрис Кристиани и шести народных заседателей – вот кому предстояло решать судьбу подсудимых. Такова судебная система в Италии.

Освещение дела стало международным, в нем принимали участие журналисты со всего мира. Модные обозреватели критиковали повседневную одежду и внешний вид Аманды. Кажущийся подъем или падение ее веса вызывали живой интерес.

В обвинении к Джулиано Миньини присоединилась Мануэла Комоди. Однажды во время суда они вызвали уже осужденного Руди Геде: однако он воспользовался своим правом хранить молчание, и его отправили обратно в тюрьму.

По иронии судьбы – а может, и нет – Джулиано Миньини приходилось время от времени возвращаться во Флоренцию на суд над собой по обвинению в запугивании свидетелей и

незаконном прослушивании телефонов журналистов и полиции по печально известному делу «Флорентийского монстра». Эта серия преступлений с убийством 16 молодых любовников из одного и того же пистолета в окрестностях Флоренции произошла между концом 60-х и серединой 80-х годов и стала национальной психологической драмой в Италии. Хотя на протяжении многих лет удалось установить ряд подозреваемых и добиться их осуждения, многие считают, что дело остается нераскрытым до сих пор. Миньини вновь открыл дело в 2002 году, утверждая, согласно ABC News, что «убийства – это дело рук сатанинской секты, восходящей к Средневековью, ее члены нуждались в женских частях тела для своих черных месс, которые служили в ритуалах кощунственной облаткой».

Все это было бы комично, если бы не было так смертельно серьезно.

Я задавался вопросом, неужели безжалостное преследование Миньини Аманды и Раффаэле стало, по сути, сценарием, позволяющим ему спасти собственную репутацию, отвлечь внимание от обвинений против него самого, связанных с «Флорентийским монстром». Если бы он смог вынести обвинительный приговор по другому делу, приковавшему внимание всего мира, то, возможно, ему удалось бы избавиться от позора, связанного с тем предыдущим делом.

Свидетель за свидетелем появлялись в течение нескольких недель, перед судьями возникали сомнительные факты, инсинуации персонажей и ложные теории. Опять же, возник вопрос о времени первого звонка к карабинерам, но почтовая полиция не смогла определить время их прибытия, так что это сыграло не на пользу обвиняемым.

Несколько свидетелей утверждали, что видели Аманду Нокс и/или Раффаэле Соллечито около дома в моменты происшествия, но эти свидетели производили впечатление запутавшихся и ошибающихся. Одна женщина, по сообщению которой об оглушительном крике обвинители надеялись определить точное время смерти жертвы, оказалась слабослышащей и душевнобольной, вплоть до госпитализации. Другой очевидец, бездомный мужчина, давший раньше показания в пользу обвинения по двум другим тяжким преступлениям, оказался героиновым наркоманом и не смог даже точно назвать дату события.

Паола Гранде, подруга Филомены, пришедшая с ней в дом в тот день, когда обнаружили тело Мередит, свидетельствовала о том, что Аманда действительно выглядела расстроенной и

плакала. На следующий день на трибуну поднялась сама Филомена Романелли, подтвердила слезы Аманды и заявила, что американская и британская девушки дружили и прекрасно ладили. И Аманда никогда не бездельничала, за аренду всегда платила сама и вовремя.

Обвинению удалось выдавить несколько жалоб на Аманду от трех соседей по квартире, как утверждали прокуроры. В этот список жалоб вошли следующие претензии: недостаточно занималась работами по дому, не всегда мыла унитаз, часто и монотонно играла на гитаре Лауры одну и ту же песню, делала упражнения йоги в разное время дня и в неподходящих ситуациях, ну и еще ее, как правило, называли «слишком общительной».

Это поступки из разряда неприятностей, за которые вас может поругать внимательная мама, но это не те проблемы, которые способны привести адекватного человека к убийству.

Джулиано Миньини поставил на трибуну нескольких английских подружек Мередит Керчер в Перудже, надеясь, что они раскроют огромный раскол между двумя соседками по квартире. Но по большей части их показания выглядели незначительными. Худшее, что они смогли придумать, – несколько мелких претензий, и, по их мнению, их могла выдвинуть Мередит. Те, кто были с Мередит во время Хеллоуина, действительно помогли делу Аманды, сказав, что не видели никаких признаков присутствия Руди в ту ночь, с Мередит он не флиртовал и не составлял план встречи с ней на следующий вечер.

Какие бы негативные вещи британские девушки ни говорили об Аманде, эти слова резко контрастировали с тем, что они говорили – или, точнее, *не говорили* – о ней до ареста, а именно о том, что Мередит ее невзлюбила.

Обвинение забуксовало в июне, громоздя теорию на теорию, но если изучить стенограмму и отчеты, то становится ясно, что они абсолютно ничего не доказали. Не нашлось ни одного свидетеля или доказательства судебной экспертизы, которые могло бы поставить Аманду Нокс где-нибудь рядом с местом преступления.

Двенадцатого июня Аманда выступила в свою защиту, изо всех сил стараясь, чтобы ее речь на несовершенном итальянском была понятной. У всех противостоящих ей юристов появился шанс насладиться представлением, но ее история оставалась последовательной. В какой-то момент она объяснила, что во время долгой ночи допросов следователи сказали ей, что у них

уже есть другой подозреваемый под стражей, и все, что ей нужно сделать, это упомянуть его имя. Когда она отказывалась это делать, они били ее и называли глупой, а потом сказали ей, что дать им показания о случившемся – это для нее единственный способ избежать тридцати лет тюрьмы.

Когда друг из Сиэтла пришел дать показания в качестве свидетеля насчет характера Аманды, его спросили о ее сексуальной жизни в Сиэтле, но он об этом ничего не знал. Затем, чтобы показать, насколько она дикая и неконтролируемая, прокуратура представила запись цитаты, сделанной в то время, когда она устроила вечеринку с несколькими соседями по дому, который они арендовали рядом с кампусом Вашингтонского университета, и сосед вызвал полицию, жалуясь на шум и на то, что якобы некоторые из участников вечеринки бросали камни в автомобили. На самом деле это была вечеринка по случаю переезда, устроенная совместно.

Мы изучили реальный документ по этому случаю – доказательство единственного предыдущего конфликта Аманды с законом. По форме он выглядит как типовой парковочный талон, а в описании инцидента полицейский заявляет, что не увидел никаких повреждений камнями, Аманда просто вышла на улицу и представилась одной из жителей дома, поэтому и указана в бланке. Она извинилась за шум и сказала, что ничего не знает ни о каком бросании камней в автомобили. Для меня это указывает на ее ответственность. Она легко могла уклониться от беседы с полицейским и позволить кому-то другому общаться с ним. Наказание заключалось в штрафе на 269 долларов, все соседи по дому его сообща выплатили, и предупреждение о том, что бросание камней «опасно для несовершеннолетних», Аманда приняла от имени тех, кто на самом деле бросал камни.

Эти мелкие склоки – часть спланированных действий по созданию впечатления. Миньини и его команда не имели никаких существенных доказательств против Аманды, поэтому лепили в кучу все, что только могли придумать, убеждая судей и публику, какая она плохая девочка, а, следовательно, злая и способная на жестокое убийство.

Мы с Марком разговаривали со многими людьми из близкого круга Аманды. Нам стало ясно, что обвиняемой Аманды Нокс, чей образ создан журналистами, не существовало в реальной жизни. Это была выдумка, которая служила их очень специфическим потребностям и целям.

Учителя и однокурсники по Подготовительному колледжу Сиэтла описали Аманду в таких терминах, как «яркая», «милая» и «добрая». Один учитель отметил, что в дебатах на уроках истории

она всегда занимала сторону самой маленькой страны.

Другой учитель сказал: «Как в учебе, так и в спорте она подавала блестящий пример решимости. Она продолжала работать над чем-то, пока ей не удавалось сделать это хорошо». В постановке «*Энни*», показанной в Подготовительном колледже Сиэтла, Сара, дочь Тома Райта, сыграла главную роль, а Аманда была в роли одной из сирот. Режиссер Джон Ланге, один из любимых учителей Аманды, до сих пор остается ее близким другом. Как вспоминал Том, она решила сделать несколько сальто назад как часть танцевальной программы, но на каждой репетиции все время приземлялась на пятую точку. К первому запланированному выступлению она все еще не могла выполнить упражнение успешно, но не сдавалась и продолжала попытки.

«На премьере она сделала это впервые, – рассказал Том. – А все остальные “сироты” просто остолбенели и неожиданно разразились аплодисментами».

Несмотря на успех защиты в изображении Руди как обычного мошенника, за плечами у которого было уже несколько обвинений во взломе и краже, а также на то, что Руди и прежде использовал нож в некоторых своих преступлениях, Миньини продолжал свой рассказ, не подкрепленный ничем, кроме собственных предположений. Он создал тщательно продуманную пятнадцатиминутную видеопрезентацию. Как сообщается, она стоила более 200 000 долларов и была создана, чтобы визуально провести присяжных через преступление с опознаваемыми анимированными аватарами, представлявшими Руди, Раффаэле и Аманду. К этому «воссозданию произошедшего» добавили распечатанные фотографии с места преступления. В реальности не было ничего, что могло бы поддержать историю, представленную на видео, но этот воображаемый фрагмент фантастической истории помог закрепить связь в умах присяжных между обвиняемыми и ужасным убийством.

Девятого октября, после долгого летнего перерыва, судья Массеи объявил, что нет необходимости назначать независимых экспертов, как было принято для оспариваемых доказательств или свидетельских показаний в итальянских судебных процессах. Вместо этого он заявил: «У нас есть все необходимые доказательства».

Перед этим Джон Керчер перенес инсульт, из-за которого попал в больницу на несколько дней и еще неделю спустя страдал сильным головокружением, а также раздвоением предметов в глазах. Он не знал, был ли причиной стресс от случившегося убийства или судебный процесс, но я видел много семей, похожим образом страдавших после убийства. Когда вы

сталкиваетесь с таким ужасом, от вас требуется все, что вы можете дать, и даже другое. Хотя я не верю, что стресс вызывает болезнь, он, безусловно, бьет по самым слабым местам организма. Душой я всегда остаюсь с семьей Керчер и переживаю за них.

Как и спустя годы после осуждения по делу в Уэст-Мемфисе, группа американских ученых встретилась в Лас-Вегасе во время продолжавшегося судебного заседания и заявила, что доказательства ДНК на ноже и на застежке бюстгальтера оказались бесполезными и не могут относиться к делу.

Они вкратце изложили свои выводы в письменной форме и предали их огласке: «*Результаты анализа ДНК, описанные выше, можно получить, даже если бы не было никакого преступления. Таким образом, они не представляют собой достоверные доказательства, связывающие Аманду Нокс и Раффаэле Соллечито с убийством Мередит Керчер*».

Суд длился одиннадцать месяцев, в течение которых было заслушано 140 свидетелей. Двадцатого ноября 2009 года Джулиано Миньини поднялся на трибуну, чтобы высказать заключительные аргументы. Он говорил в течение восьми часов, за которые раз за разом повторял свой рассказ об оргии, хотя ни Лука Лалли, ни другие эксперты не смогли предъявить доказательства сексуального нападения. Даже ДНК Руди Геде, обнаруженная на теле Мередит, оказалась не в составе спермы, а в частицах клеток кожи.

Вся аргументация Миньини была не просто спекуляцией, а совершенно ничем не подкрепленными домыслами. Он на голубом глазу рассказывал историю о том, как Аманда случайно встретила Руди, когда планировала вернуться в свой дом, захватив вместе с собой Раффаэле. Они поссорились с Мередит, две девушки выясняли отношения, а затем вся их команда напала на Мередит с ножами.

Жюри присяжных, состоящее из судей и обычных местных жителей, совещалось в течение двенадцати часов, и наконец, итоговый вердикт прозвучал 4 декабря 2009 года. Обоих обвиняемых признали виновными. Аманду Нокс, главаря этой команды, приговорили к 26 годам заключения в тюрьме, Раффаэле Соллечито – к 25. Кроме того, Аманду обязали выплатить многомиллионную компенсацию семье Керчер и еще пятьдесят тысяч Патрику за клевету в его адрес. Аманда заплакала. Раффаэле ничего не сказал. По его словам, единственное, о чем сожалел Джулиано Миньини, – это о том, что подсудимых не приговорили к пожизненному заключению.

Семьи Аманды и Раффаэле пребывали в шоке и не могли поверить в происходящее. Все еще потрясенная, но всегда исполненная достоинства, семья Керчер просто сказала, что им придется принять доказательства и приговор. Лайл, брат Мередит, заявил: «Мы удовлетворены решением, но это не повод для празднования. Это не момент триумфа. Мы попали сюда, потому что нашу сестру зверски убили».

Согласно отчету судей на 427 страницах, они и шесть присяжных не поверили утверждению Миньини о том, что убийство Мередит планировалось заранее или стало результатом вражды между ней и Амандой, но они действительно считали, что Аманда и Руди сыграли решающую роль в ее смерти.

Они утверждали, что «наиболее правдоподобная гипотеза» заключалась в том, что Руди пришел в дом, его туда впустили Аманда и Раффаэле, несмотря на вероятность того, что в это время они находились в спальне Аманды и занимались сексом. Согласно признанию Руди (Аманда знала его очень смутно, а Раффаэле не знал совсем), он пошел к Мередит, и та ему отказала. По каким-то причинам Аманда и Раффаэле вошли в спальню и помогли Руди принудить Мередит, вместо того, чтобы защитить ее. В какой-то момент все вышло из-под контроля, в результате чего Раффаэле напал на Мередит со своим перочинным ножом, из-за чего та закричала. В свою очередь, Аманда несколько раз ударила ее ножом из кухни Раффаэле.

Таким образом, мотив имеет эротический сексуальный насильственный характер, он возник из внезапного злого умысла Руди и его активно поддержали Аманда Нокс и Раффаэле Соллечито. Это перевод, выполненный CNN, но вы поняли общую идею.

Как и все другие гипотезы властей, она содержит в себе мало смысла. По мнению судей, преступники действовали непреднамеренно, хотя судьи согласились, что представленный кухонный нож стал главным орудием убийства. Другими словами, Аманда принесла его из кухни Раффаэле, но без гнусной цели. Она собиралась готовить той ночью, и ей больше понравился нож ее парня, чем нож ее соседей по квартире? Разделывала ли она курицу или нарезала кубиками овощи, когда она услышала, как Руди пытается изнасиловать ее подругу и, уже держа нож, просто решила присоединиться к общему веселью? И после всего, что случилось, она вымыла его, принесла обратно к Раффаэле и положила в ящик для ножей, где его потом нашла полиция?

Я никогда не видел столь причудливого и бессмысленного судейского решения. Это противоречит здравому смыслу, это не

смог бы придумать и написать взрослый человек хоть с какими-либо логическими способностями, не говоря уже об опытном юристе. Представляя себе то, что двое молодых людей будут приговорены и каждый из них проведет четверть века в тюрьме из-за подобного полета фантазии, нельзя испытать ничего, кроме отвращения.

Насильственные преступления вовсе не так уж замысловаты или глубоко продуманны. Это совершенно не так. Есть несколько элементарных ситуаций, которые приводят к трагедии. Запутанные, нелогичные сценарии – это то, что встречается лишь в литературе и кино. Учитывая определенный набор доказательств, по которым можно составить более связное изложение, какое из объяснений более правдоподобно – то, на которое купились прокуроры и судьи, или же история о том, как местный безработный парень с дискотеки, в биографии которого уже возникали обвинения во взломе, кражах и злоупотреблении наркотиками, ворвался в дом, где уже бывал, украл деньги, наткнулся на одну из сожительниц, стал ее сексуально домогаться, после чего запаниковал и убил ее, а потом сбежал?

Этот сценарий ясен и логичен: Руди нужны были деньги. Он пришел к дому на Виа делла Пергола, не увидел никаких следов пребывания там жильцов, а потому разбил окно камнем и залез наверх в комнату Филомены. Он был гибкий и спортивный, занимался баскетболом, так что это не стало для него каким-то невероятным подвигом, как посчитала полиция и прокуратура. Месяц только что начался, значит, скорее всего, где-то в доме лежат деньги за аренду. Но сначала, как он уже делал это в других подобных случаях – ведь прошлое поведение предсказывает будущее поведение – он поел на кухне. Следы его ДНК подтверждают это. Затем ему пришлось воспользоваться уборной и он, вероятно, очень удивился, когда услышал, как кто-то вошел в дом. Это объясняет тот факт, что унитаз оказался забит: либо Руди внезапно выбежал посмотреть, кто пришел, либо не хотел давать знать о своем пребывании.

Затем ему пришлось нейтрализовать пришедшего человека, им оказалась Мередит. Будь на ее месте любая из четырех проживающих девушек, сценарий получился бы точно таким же.

По месту преступления становится ясно, что Мередит не сдавалась просто так. Повсюду кровь, это указывает на то, что она храбро дралась изо всех сил. Как только она вконец стала беспомощной, преступник смог заняться с ней сексом или даже мастурбировал на ее теле или над ней, когда она умирала. Даже можно понять, почему он не сразу убрался прочь. Руди, вероятно, продолжал искать то, что хотел найти в доме, и наспех кинул

одеяло на ее тело, чтобы ему не пришлось смотреть на нее и постоянно возвращаться к тому, что он только что сделал.

Он был достаточно сообразителен, чтобы запереть дверь спальни Мередит, ведь это отдалит по времени обнаружение тела.

Он пошел домой окольным путем, чтобы его не заметили, и по пути выбросил два украденных им мобильных телефона. Добравшись до своей комнаты, он прибрался и переоделся. Вся одежда, в которой он был на месте преступления, наверняка оказалась залита кровью. Возможно, он даже забрался на нижний этаж дома убитой и забрал одежду, принадлежащую одному из мужчин. Затем из дома он пошел в клуб, чтобы протанцевать всю ночь напролет.

У этого действия есть две пересекающиеся интерпретации. Во-первых, он настолько был морально равнодушен к убийству, что это не помешало ему весело проводить время. Во-вторых, таким образом он создавал себе алиби. Он предположил, что точное время смерти установить будет трудно, так что, если его увидят завсегдатаи клуба, всем покажется, что он провел там целый вечер. Но даже если это восходит к первой интерпретация – лишь холодный и бесчувственный человек мог так поступить.

Зачем перепрыгивать через столько логических нестыковок с Амандой и Раффаэле, когда этот сценарий настолько понятен? Как психолог-криминалист, я применил к этому делу те же вопросы, что и к делу Рэмси. Мы должны спросить себя: что превращает обычный счастливый день в убийство? Что произошло на Рождество, после обмена подарками, ужина с друзьями и ожидания диснеевского круиза, чтобы родители смогли убить маленькую Джонбенет? *Ничего!*

Точно так же, что произошло на следующий день после Хеллоуина, что заставило счастливую, игривую, порой легкомысленную и недавно влюбившуюся Аманду схватить кухонный нож и несколько раз воткнуть его в горло своей подруги? Ответ тот же: *ничего!*

Глава 32. Апелляция

Менее чем через месяц после вынесения вердикта приговор Руди Геде отменили, а после подачи апелляции ему решили сократить срок заключения с 30 до 24 лет, затем до 16 и наконец до 14. Причина такого решения заключалась в том, что он единственный из трех ответчиков принес извинения семье Керчер. Однако не за убийство их дочери, в чем он никогда не признавался. А за то, что не сумел спасти ее.

Кто знает, может, смягчение приговора стало упреждающим приемом – стимулом удержать его от высказывания чего-либо, разрушающего версию обвинения против Аманды и Раффаэле? Кроме того, учреждениям правоохранительных органов вручили множество наград за превосходное расследование убийства Мередит Керчер – еще одна техника, работающая на упреждение недовольства принятой версией.

Самый удивительный из всех удивительных нюансов этого дела – это то, что молодым людям, как и троице из Уэст-Мемфиса, в принципе пришлось предстать перед судом. Как только задержали Руди Геде, у властей появился настоящий убийца, и об этом они не могли не знать. Это крайне простой случай для проведения анализа и выяснения всех обстоятельств. Вдобавок ко всему, его ДНК была обнаружена повсюду на месте преступления.

Как, во имя разума и здравого смысла, Аманда и Раффаэле могли участвовать в этой сатанинской оргии с сексом и убийством, которую так образно расписывал Миньини, но при этом не оставить никаких следов своей ДНК на месте преступления?

Миньини сказал на это, что обвиняемые смогли замести следы, и в качестве доказательства привел недавно купленную канистру с отбеливателем, найденную в квартире Раффаэле.

Так скажите мне, господин общественный министр Миньини, как два неискушенных ребенка, никогда в жизни не попадавшие в серьезные неприятности, внезапно выясняют, как правильно и четко удалить каждый бит своей невидимой ДНК с места преступления, но умудряются при этом не стереть следы Руди? Если бы вы ответили на этот вопрос, я бы проникся к вам огромным почтением, поскольку мне довелось поработать с одними из лучших следователей в мире, но никто из них не знает, как это сделать.

Если бы вы сначала добрались до Руди, возможно, все вышло

бы иначе. Какой бы страшной и угрожающей ни представлялась Аманда для вас и всего, во что вы верили, вы все равно смогли бы оставить ее и ее парня в покое, если бы оказались способны на это. У вас уже был в руках настоящий убийца. Рассказанная им история не имела никакого смысла, ее можно было опровергнуть практически по каждому аспекту. Но к тому времени, когда объявился Руди, оказалось уже слишком поздно. Вы уже заявили о том, что убийство совершили американская девушка, итальянский мальчик и темнокожий африканец. Отступление от этой теории в тот момент выглядело бы неловко и разрушило бы вашу драгоценную теорию этого дела.

На суде вам так удачно удалось добиться, чтобы присяжные проделали то же самое, что вы заставили сделать Аманду во время ее долгой ночи допроса: *представить*, что могло бы произойти в доме номер 7 на Виа делла Пергола той ужасной ночью.

Вы оказались готовы разрушить целых две жизни и ввести в заблуждение скорбящую семью ради собственной чести и эго. Но давайте будем честны. Дело не только в вас. Есть много других ответственных за это.

Двадцать второго января 2010 года Миньини признали виновным в злоупотреблении служебным положением при расследовании дела «Флорентийского монстра». Его приговорили к 16 месяцам тюрьмы с отсрочкой приговора.

К тому времени по всему миру стала нарастать негативная реакция по поводу вынесенного приговора. Дело подставило под удар систему итальянского правосудия. В июле общественное мнение получило еще одну пощечину, когда сорок три офицера получили награды за расследование дела Керчер.

По мере приближения даты апелляции Стив Мур решил лично выяснить все возможное об Аманде, чтобы увидеть, существует ли хоть какая-то достоверность в том диком и бессмысленном портрете, который изобразил Миньини.

Двенадцатого сентября он отправился в резиденцию семьи Нокс и взял интервью у Дианы, сестры Аманды, которой тогда был 21 год, а также у Бретт Литер, лучшей подруги Аманды, которой было 23 года. Он не ждал от них объективности или непредвзятости, но хотел получить представление об окружении Аманды. Стив – хороший и опытный исследователь, поэтому знает, как задавать правильные вопросы и интерпретировать ответы. Он поделился результатами со мной и с членами семьи Аманды, но он намеренно не спрашивал у них разрешения или согласия.

По словам Дианы и Бретт, Аманда с раннего детства стремилась «защищать забытых». Бретт привела примеры того, как Аманда проявляла к ней доброту и поддерживала, когда Бретт плохо себя чувствовала или чувствовала себя подавленной. Так много друзей, казалось, были полностью преданы ей.

Была ли она олицетворением самой непорочной невинности? Едва ли. Была ли она жизнерадостной девушкой, ищущей романтических приключений в Италии? Безусловно. Но что касается предположения о том, что Аманда – коварная манипуляторша, ведьма с диким зарядом сексуальности? Обе женщины на эту тему только рассмеялись. Они сказали, что она выглядела «глуповатой», «неопытной» и настолько наивной в отношении парней, что даже не понимала, когда кто-то из них приставал к ней. Когда они увидели список из семи ее сексуальных партнеров за всю жизнь, то девушки сказали, что все пятеро, кого они знали, похожи на «чудаковатых молодых белых девственных мальчишек» и задались вопросом, проделала ли она все это «до конца» с каждым из них. Исходя из того, что девушки знали о ней, они предположили, что если ей велели перечислить всех предыдущих партнеров, она повела себя настолько послушно и осторожно, что включила в этот список всех, с кем у нее происходили хоть какие-то интимные контакты. По их словам, ее сексуальная жизнь была «самой обыкновенной».

На барбекю в доме семьи Нокс Стив провел еще одну беседу с восемью другими друзьями Аманды, парнями и девушками. Из их ответов сложился очень похожий портрет.

Здесь важна не конкретика того, что именно раскрыла Диана или любой из друзей Аманды. Значение имеет только общий портрет. Ни один из этих молодых ребят не обладал изощренной хитростью, чтобы обмануть или ввести в заблуждение Стива, которому довелось в свое время брать интервью у террористов Аль-Каиды. Он подтвердил мое впечатление о том, что Аманда Нокс, изображенная Джулиано Миньини, была всего лишь мифом.

Через две недели после этих разговоров, 28 сентября 2010 года, Университет Пеппердайн уволил Стива после того, как тот проигнорировал неоднократные указания о прекращении дела и прекращении высказываний в поддержку Аманды. Раньше ему предлагали 25 000 долларов, если он уйдет в отставку и подпишет соглашение никогда не обсуждать причину, по которой он покидает учреждение. Он отказался и от этого предложения. Поэтому его уволили, когда администраторы почувствовали, что его защита неудобна для университетской программы во Флоренции. Я не приветствую, когда мужчины или женщины теряют работу из-за того, во что они верят, и я, безусловно,

уважаю цельность Стива, стоящую за этим.

Привлекло бы положение Аманды столько внимания и поддержки, не будь она красивой американской девушкой? Скорее всего, нет. Но с другой стороны, не будь она красивой американской девушкой, было бы сомнительно, что ей вообще предъявят обвинение. В любом случае, властям ее требовалось нейтрализовать и наказать за предполагаемую способность привлекать мужчин к убийству. Можно лишь предположить, что в более ранние и темные времена первосвященники Перуджи точно знали бы, что с ней делать.

Апелляцию от Нокс и Соллечито начали рассматривать в ноябре 2010 года судьи Клаудио Пратилло Хеллманн и Массимо Занетти. Они назначили двух судебно-медицинских экспертов из Университета Ла Сапиенца в Риме – Стефано Конти и Карла Веккиотти – чтобы рассмотреть свидетельство о сборе и анализе ДНК. Как и все остальное в системе итальянского правосудия, суд растянулся на месяцы из-за спорадических судебных заседаний. Все это время Аманда и Раффаэле оставались в тюрьме.

В январе 2011 года журнал *Maxim* выпустил номер, посвященный мне, в котором был описан мой опыт работы в ФБР и сказано о том, как я консультирую полицейские управления и команды юристов. В статье также упоминалось, что я работал над тем, чтобы освободить от обвинений троицу из Уэст-Мемфиса и Аманду Нокс.

«*В обоих случаях, с Уэст-Мемфисом и с Нокс,* – как процитировали меня в журнале, – *полиция применяла теорию, а не доказательства для ведения своего расследованием, а это всегда является фатальной ошибкой*».

Это привлекло внимание национальной газеты *Il Messaggero*, наиболее читаемого ежедневного издания в Риме и в Центральной Италии. Редактор Паоло Гралди поручил Кристе Эрриксон, американской писательнице с большим международным журналистским опытом, взять у меня интервью. Ей в этом помогла итальянская журналистка Джанмария Джулини. Криста связалась со мной, и я согласился поговорить с ней.

Она спросила, сколько из более чем пяти тысяч дел, с которыми я работал, имели международное значение. Около 250, ответил я – в основном, в Канаде, Англии, Австралии, Германии и Южной Америке.

Изучив мое прошлое, опыт и методы ведения расследований, она попросила меня дать заключение по делу Нокс и Соллечито, которое особенно интересовало читателей газеты. Я ответил ей

так:

> **Из составленных мной профилей ни одно из поведенческих или судебно-медицинских доказательств не приводят к Аманде и Раффаэле. В их жизни нет истории или опыта, связанных с насилием в их окружении. У Геде есть такая история, он опытный преступник, у него имелся мотив и все доказательства указывают на него. Место преступления не подтверждает присутствия трех человек в комнате, где была убита Мередит. Поведение отражает личность. А также такое поведение подходит только одному Руди Геде.**

В конце статьи я сказал: «*Я знаю семью Мередит. Она хочет, чтобы этот кошмар закончился. Но у них есть человек, убивший их дочь: это Геде. И никто другой, кроме Геде*».

Видимо, газета ожидала не такого ответа. Кристу «вызвали на ковер» к Гралди и велели придумать версию, которая больше подошла их мнению, но которая привела к недооценке всего, о чем я сказал. Для усиления эффекта к этому добавили увещевания, что у меня нет реальных доказательств и нет «юридического признания [моей] профессии [в] Италии».

Если она бы она не согласилась сделать это, статья была бы опубликована с комментарием редакции в конце, автор которого – правовой эксперт *Messaggero* Массимо Мартинелли, который, по словам Гралди, участвовал в деле Нокс «с самого начала». Ответ Мартинелли состоял из шести абзацев и характеризуется таким комментарием (в переводе):

> **Мы публикуем интервью, которое можно было бы расценить как вмешательство в процесс оценки работы следователей и версии обвинения, замаскированное под скромное мнение: на самом деле, в этом интервью все обвинение легко опровергнуть одним махом без каких-либо проблем, если верить личному мнению Дугласа.**

В записке Гралди к журналистке было и предупреждение (в переводе): *Если вы не отредактируете статью до приемлемого вида, то Мартинелли и я не сможем заставить себя принять это интервью, потому что это вызовет одни только проблемы.*

Криста была потрясена такими заявлениями и отказалась опубликовать интервью в таком виде. Она позвонила мне и сказал: «Джон, я хочу убрать статью целиком. Я не собираюсь

делать с вашими словами то, что говорит мне редакция, но оставлю решение за вами». Я попросил ее прислать мне перевод предлагаемой новой версии; когда я прочитал его, то я согласился с Кристой полностью.

«Уберите это интервью!» – сказал я и попросил ее предупредить издание, что если они опубликуют текст в новом виде, то я подам на них в суд.

Затем она отправила большое электронное письмо моему адвокату Стиву Марку, в котором объяснила, почему текст не выйдет ни в старой версии, ни в новой. Она рассказала:

> **Это было задание, которое дали мне редактор и издание Il Messaggero… Похоже, Джону пришлось сказать в интервью не то, что они ожидали услышать. Опять же, я глубоко сожалею о таком результате этой работы. После этого я провела три дня в полном изумлении. Я чувствовала себя так, будто меня сбил автобус. Редактор Паоло Гралди – это человек, с кем я давно уже работала, и, кроме того, он был моим очень близким другом более 17 лет. Это в корне потрясло мою веру в людей. После двухчасового телефонного спора с Гралди, он напоследок сказал мне: «Эта статья в том виде, в котором вы ее написали, слишком опасна для Италии».**

Я восхищался честностью Кристы. Мало того, что она отказалась переделывать статью, она ушла из *Il Messaggero* после двадцати лет работы там в должности политического журналиста.

К счастью, некоторые люди восприняли истину, которую мы уже обсудили выше. Выступая в суде 25 июля 2011 года, ученые Стефано Конти и Карла Веккьотти опровергли утверждения обвинения и раскритиковали ведущего судебного медицинского работника Патрицию Стефанони за вопиющую небрежность при обращении с доказательствами, их обработке и интерпретации.

Месяцем раньше Грег Хэмпикян, эксперт по ДНК, профессор Государственного университета Бойсе, основатель и директор организации Idaho Innocence, объявил, как сообщает издание *Idaho Statesman,* что «*прокуроры сделали неправильные выводы из этих доказательств, искажая их так, чтобы они соответствовали предвзятой теории вины Нокс*».

«*Я посмотрел на приведенные данные,* – сказал Хэмпикян, – *и это просто ужас*».

Он даже поставил эксперимент, проецирующий его теорию ДНК на этот конкретный случай. Использовав технологию, идентичную той, по которой брали образец ДНК с ножа, он

получил образцы другого исследователя. Тем самым он доказал, что следы при подобном подходе можно найти на чистом ноже, причем следы человека, никогда не бравшего этот нож в руки.

В своем последнем слове, которое Аманда давала на итальянском языке, она сказала судьям: «Люди то и дело спрашивают: „Кто такая Аманда Нокс?“ Я такой же человек, как и четыре года назад. Единственное, что сейчас отделяет меня от того времени, это мои четырехлетние страдания. Четыре года назад я потеряла подругу самым страшным и необъяснимым образом. Мое доверие к властям и полиции уничтожено. Мне пришлось столкнуться с совершенно несправедливыми и необоснованными обвинениями. И я плачу всей своей жизнью за то, чего я не делала».

Третьего октября 2011 года – почти через год после начала процедуры и спустя четыре года с тех пор, как Аманду и Раффаэле посадили в тюрьму, – апелляционный суд отменил обвинительный приговор, заявив, что, по мнению судей, первоначальный вердикт «не подтвержден каким-либо объективным элементом доказательств». Они охарактеризовали допросы Аманды как «навязчивую продолжительность» и признали, что ее показания вызваны не объективными фактами, а «сильным психологическим давлением».

Семья Керчер опубликовала заявление:

> **Мы уважаем решение судей, но не понимаем, как можно так радикально отменить решение первого судебного процесса. Мы по-прежнему доверяем итальянской судебной системе и надеемся, что правда в конце концов откроется.**

На следующий же день Аманда и ее семья покинули Италию. В конце концов справедливость восторжествовала.

Часть шестая. Заключительные заявления

Глава 33. В итоге

Прокурор США является представителем не рядового участника спора, но суверена, чья обязанность руководить с беспристрастностью столь же убедительна, как и его обязанность руководить вообще. Следовательно, его интересы в уголовном преследовании заключаются не в том, что он должен выиграть дело, но в том, что справедливость в результате восторжествует. Таким образом, он в особом и очень определенном смысле является слугой закона, чья двоякая цель состоит в том, чтобы вина не ускользнула, а невиновность не пострадала. Он может возбуждать уголовное дело серьезно и энергично – и действительно, он должен это делать, но, хотя он может совершать резкие поступки, он не вправе совершать грязные. Его долг – воздерживаться от ненадлежащих методов, рассчитаных на то, чтобы добиться неправомерного осуждения, поскольку это означает использование всех законных средств для достижения только лишь одной цели.

– Судья Джордж Сазерленд в деле «Бергер против Соединенных Штатов», 1935 год

В своем мемуарном эссе 1936 года «Крушение» Фрэнсис Скотт Фицджеральд заметил: «*Признак первоклассного интеллекта – это способность удерживать две противоположные идеи в уме в одно и то же время, и все еще сохранять способность действовать*». Перед теми из нас, кто работает в правоохранительных органах и хотя бы стремится к достижению первоклассного интеллекта, уголовное правосудие ставит сложнейшую задачу: как нам энергично выслеживать преступников, преследовать и наказывать их за преступления, но при этом быть совершенно уверенными, что ни в чем не повинный человек не пострадает из-за справедливой, но несовершенной системы, которой управляют практикующие специалисты, обладающие самыми разными человеческими недостатками и слабостями?

Как, например, мы можем осуждать длительную процессуальную трясину и тактику проволочек для Седли Элли, но потворствовать этим проволочкам в деле Дэмиена Эколса?

В детстве я смотрел телесериал, его вспомнит практически каждый мальчик и многие девочки. Он называется «*Приключения Супермена*», и во вступлении, где супергерой позировал перед развевающимся американским флагом, упершись руками в бедра, рассказчик провозглашал, как герой ведет «нескончаемую битву

за правду, справедливость и американский образ жизни».

Когда я начал свою карьеру в правоохранительных органах в 1970 году, как и большинство моих коллег, я верил, что правда и справедливость всегда будут одерживать верх. Независимо от юрисдикции или отдельного правоохранительного органа, мы все играли на одном поле. Я считал, что наша задача как следователей – помогать раскрывать преступления и задерживать преступников, используя все навыки и все доступные нам инструменты расследования.

Оглядываясь назад, я понимаю, что вел себя тогда несколько наивно. Условия этой игры не являются равными, и не все следователи и органы являются равными. Я все еще верю, что подавляющее большинство из нас следуют букве закона и своим личным кодексам поведения. К сожалению, как и в любой другой профессии, всегда есть отдельные лица и целые отделы, которые считают, что они выполняют свою работу должным образом, хотя на самом деле используют ошибочные, устаревшие, а иногда и незаконные методы и практики.

Мне потребовалось слишком много лет, чтобы осознать и принять то, что наша система правосудия хоть и остается по-прежнему лучшей в мире, однако она далека от совершенства. К тому же теперь я задаюсь вопросами о некоторых случаях, о которых я и мои коллеги узнавали от правоохранительных органов США и всего мира. Эффективно ли следователи сдерживали преступление и контролировали место его совершения? Эффективно ли они собирали и сохраняли доказательства, избегали их загрязнения и поддерживали цепочку их сохранности? Надлежащим ли образом судебно-медицинские эксперты или патологоанатомы сертифицированы, правильно ли они оценивали экземпляры? Проводились ли интервью и допросы, на которых были исключены руководство и принуждение по отношению к допрашиваемым? Повлияли ли на прокурора какие-либо факторы и интересы помимо самого дела, такие как его переизбрание или политические амбиции?

В некоторых случаях мне теперь приходится задаться вопросом: *правильно ли я все понял?* И это навсегда останется для меня тревожным вопросом.

Вкратце – это то, с чем мы работаем. И поэтому мы все должны проявлять бдительность, вовлеченность и задавать вопросы, чтобы убедиться в том, что система работает настолько хорошо, насколько это возможно.

Это возвращает нас к Супермену и к его нескончаемой битве. Никто из нас не Супермен, но по самой сути стоящей перед нами задачи это в значительной степени должна быть «бесконечная

битва». В рамках системы, которая должна применяться справедливо и единообразно, мы никогда не должны упускать из виду *индивидуальные* аспекты: они могут относиться к конкретной жертве, обвиняемым и фактам по делу. Поступая таким образом, мы достигаем понимания соответствующих ответов в каждой отдельной ситуации.

Факты в деле Седли Элли недвусмысленны. Факты в деле Дэмиена Эколса крайне неоднозначны. Между ними существует огромная разница, там каждый аспект требует ответа, который соответствует особенностям этого аспекта.

Я знаю, что это проще сказать, чем сделать, и мы никогда не добьемся идеального совершенства. Но это цель, к которой нетрудно – и важно – стремиться.

Расследования, их анализ и процесс работы над этой книгой привели к тому, что теперь я четко вижу, насколько уязвимым может стать любой из нас в условиях, когда система правосудия перекошена. Если это происходит, то система может обрести искаженную силу и инерцию, столь же мощную и потенциально разрушительную, как и когда она функционирует правильно.

Написание этой книги также заставило меня оглянуться на некоторые из своих более ранних случаев и поразмышлять над некоторыми предположениями, которые я выдвигал.

В самую первую очередь, когда к нам обращались за помощью местные правоохранительные органы, нам следовало предполагать, что они предоставляют нам хорошие данные. В тех случаях, когда мне действительно удавалось провести полевую работу, я смог бы дать свою собственную оценку. Но когда нам представляли всю информацию, мы чувствовали себя поставленными в определенные рамки. В большинстве случаев это не имело значения, потому что у нас имелись все необходимые ключевые элементы, такие как фотографии, описания и данные о поведении жертвы с места преступления.

Если бы меня попросили участвовать в таком деле, как подозрение Кэмерона Тодда Уиллингема в поджоге, то я бы полагался на то, что выглядело как достоверные научные данные, и в этом случае я бы пришел к неправильному выводу. Если бы меня пригласили исследовать дело троицы из Уэст-Мемфиса, то я бы сразу понял, что это не сатанинское ритуальное убийство, но заключение судмедэксперта ввело бы меня в заблуждение, заставив сделать вывод, что это убийство, совершенное из похоти.

Я бы порекомендовал несколько шагов, которые могли бы предотвратить тюремное заключение и казнь, которому подвергаются невиновные мужчины и женщины.

Если мы начнем с основных проблемных областей,

выделенных Брэндоном Гарреттом – это ложные признания, антинаучные данные, тюремные информаторы, неэффективная помощь адвоката и плохое судейство, – мы сможем увидеть то, что нужно сделать для предотвращения ошибок.

Во-первых, я выступаю за создание независимой национальной лаборатории судебной экспертизы, отделенной от ФБР и всех других правоохранительных органов. Несмотря на предыдущие задокументированные проблемы, я твердо верю в нынешнее превосходство и целостность Национальной лаборатории ФБР, которая сегодня располагается в современном комплексе Академии в Куантико. Но при работе с угрозой смертной казни или с другими серьезными делами не должно быть и речи о влиянии на дело или скрытых мотивах. Исследователь все еще может незаметно дать понять кому-нибудь в лаборатории, что это конкретное доказательство имеет решающее значение для дела, или что жюри присяжных обязано понять определенный факт совершенно определенным образом, или любой другой аспект, который приведет к выгодным результатам.

Также в области доказательств мы увидели, что слишком много признаний носят принудительный характер или еще каким-то иным образом не являются законными, поэтому требуйте, чтобы *все полицейские допросы* регистрировались – желательно как в звуковом формате, так и в формате видео, – причем полностью. Если этого не произошло, то полученные на допросе доказательства нельзя признавать допустимыми для приговора к смертной казни. Подписанных письменных признаний недостаточно для подобного приговора.

Стив Брага долго и серьезно размышлял над этими вопросами. В частности, он сказал: «Каждый допрос следует снимать на видео от начала до конца. Если же вы не хотите, чтобы люди видели, что именно вы делаете, тогда вы делаете то, чего делать не должны».

Один из повторяющихся аргументов людей, выступающих против смертной казни – это невероятное количество денег, потраченное на, казалось бы, бесконечные апелляции. Существуют различные оценки того, сколько стоит довести осужденного до такого этапа, на котором его можно будет спокойно казнить, но большинство из этих оценок находятся в семизначном диапазоне. В наш век ограниченных ресурсов это не та сумма, с которой можно шутить. Подобный аргумент правомерен для любого случая, при котором вероятен длительный апелляционный процесс.

С другой стороны, если бы мы смогли исправить проблемы,

вызванные ошибочными или сомнительными приговорами, а также укрепить общественное доверие тем, что мы сделали это, то подумайте, сколько денег вы сэкономите, если перестанете применять нечеловеческие усилия, которые были необходимы для преодоления таких судебных ошибок, как в деле троицы из Уэст-Мемфиса и в деле Кэмерона Тодда Уиллингема.

Если бы мы смогли вложить хотя бы часть этих денег в предоставление большего финансирования и лучших ресурсов для работы адвокатов, то я считаю, что в долгосрочной перспективе мы бы сэкономили.

Для меня фундаментальный недостаток судебной системы – это выборы прокуроров и судей. Опять же, как заметил Стив Брага: «Когда у вас есть выборные прокуроры и избранные судьи, есть громкое уголовное дело, они не выиграют никаких голосов, предоставив кому-либо справедливое судебное разбирательство и заставив кого-либо уйти от обвинения в убийстве, особенно в таком же ужасном [как в Уэст-Мемфисе]. Давайте посмотрим, что произошло в нашем примере – два прокурора теперь стали судьями, судья первой инстанции по этому делу стал теперь сенатором штата, окружной прокурор стремится стать конгрессменом США. Для каждого из них есть реальная политическая выгода. Здесь играет роль реальный политический интерес».

Я выступал на стороне обвинения большую часть своей карьеры и, насколько мне известно, это почти всегда работа на стороне хороших ребят. Но это «почти» – значимый параметр, который на деле представляет собой широкую пропасть. Одно из важнейших средств преодоления такой пропасти – это чтобы прокуроры поняли и приняли свою истинную функцию. На самом деле это могло бы сделать даже больше, чем любое другое предложение по улучшению системы, если только оно сможет когда-нибудь воплотиться в жизнь.

Каждый на стороне обвинения хочет добиться осуждения преступника. Я понимаю это стремление. Мало кто согласится проиграть после такой яростной борьбы. Марк Олшейкер прокомментировал слова Стива Браги так: «Когда Деннис Риордан привел Вернера Шпица, Джона Дугласа, Майкла Бадена и Винса Димайо, помимо прочих – ведущих мировых экспертов – и они говорят: „Ваш судмедэксперт сделал неправильный вывод. Это не ножевые ранения. Мы все согласны с этим. Шестеро из нас независимо друг от друга соглашаются, что это не ножевые ранения, а хищничество животных“, – в таком случае кто-то со стороны обвинения должен проявить достаточную твердость характера, чтобы сказать: „Хорошо, давайте отнесемся к этим

результатам со всей серьезностью“, а не „Боже мой, как нам защититься от этих нападок? Давайте продолжим бороться с ними“. В какой-то момент у человека появляется сила признавать свои ошибки.

Верховный суд вынес знаменательное решение под названием *„Бергер против Соединенных Штатов“* еще в 30-х годах XX века, и оно звучит следующим образом. Прокурор не обязан добиваться осуждения. Обязанность прокурора – обеспечить свершение правосудия».

Таким образом, не существует надежных и эффективных национальных руководящих органов с объективными стандартами, которые одинаково сертифицируют экспертов во всех ключевых областях судебной экспертизы, таких как наука о строении зубочелюстной системы, идентификация отпечатков пальцев, волос и волокон, баллистика и многие другие. Если судья приходит к выводу, что кто-то является экспертом, то присяжные, естественно, будут склонны придавать большое значение показаниям этого человека. К тому же, если судья так решает, то это решение может помешать другому человеку высказать свое мнение. Мы видели, как судья Бернетт неправильно распорядился в обоих таких случаях в Уэст-Мемфисе.

Затем, если подсудимый будет признан виновным, а после этого его признают невиновным на основании повторной экспертизы после ошибочной судебно-медицинской экспертизы, то следователи, прокуроры и судьи часто говорят, что это присяжные заседатели выслушали доказательства и определили виновность подсудимого. Такой вид безответственного проецирования является для них изящным способом облегчить свою ответственность и переложить вину за судебные ошибки на присяжных.

В деле об убийстве Кейси Энтони 2011 года во Флориде судья позволил «эксперту» дать показания относительно запаха разложения в автомобиле ответчика. Никаких суждений о точности этого наблюдения, нормативов определения запаха разложения нет и не могло быть.

В 2004 году ФБР связало террористический акт на вокзале в Испании, при котором погибла масса американцев, граждан штата Орегон, с отпечатком пальца, который был обнаружен на месте происшествия. Этого человека арестовали, но позже освободили, когда выяснилось, что отпечаток был связан с алжирцем, ответственным за это преступление. Трое ведущих специалистов Бюро, которые исследовали отпечатки пальцев, включая главу их отдела, совершили ошибку.

В конце концов, одна из тех вещей, которые меня больше всего беспокоят в судебных ошибках, заключается в том, что эти ошибки заставляют нас отвлекать внимание от жертвы преступления, а я считаю, что наше внимание обязано оставаться прикованным к жертве. Поспешно вынося суждения, выбирая удобные ярлыки и игнорируя доказательства, сотрудники правоохранительных органов добавляют к списку жертв невиновных подсудимых, и тем самым дважды отступают от истинной цели правосудия.

Имя Аманды Нокс следовало упоминать лишь косвенно, это просто потрясенная и скорбящая подруга прекрасной Мередит Керчер. Имена Дэмиена Эколса, Чарльза Джейсона Болдуина и Джесси Миссkелли – младшего никогда не должны были ассоциироваться с невинными жертвами Крисом Байерсом, Стиви Брэнчем и Майклом Муром. И такие люди, как Джон Марк Байерс, должны твердо знать, что система сделала для них все возможное.

Обсуждаемые нами в этой книге случаи и обстоятельства показательны, но далеко не уникальны.

Так называемая «норфолкская четверка» провела почти десять лет в тюрьме за изнасилование и убийство, совершенные в 1997 году, но теперь четко доказано, что эти люди все это не совершали. Ключевым доказательством против них стали признания четырех лиц, сплошь полученные под принуждением. Джесси Мискелли – младший и Аманда Нокс, безусловно, способны понять, каково это.

В марте 2012 года новостная служба Al-Akhbar сообщила, что погибли по меньшей мере девяносто иракских подростков – их месяцем ранее забили камнями до смерти вооруженные религиозные экстремисты под руководством национальной полиции нравственности. Преступлением, которое совершили жертвы такого самосуда, было поклонение дьяволу. Вот доказательства этому, согласно заявлению полиции нравственности: «*Они носят странную обтягивающую одежду с фотографиями на них, к примеру, с изображением черепа, и используют канцелярские принадлежности в форме черепов. Они также носят кольца в носу и языке, а также занимаются другими странными делами*». Дэмиен Эколс и Джейсон Болдуин наверняка мгновенно представят себе эту ситуацию.

Все сводится к следующей идее: всякий раз, когда теория заменяет доказательства, а предрассудки отвергают здравый смысл, настоящей справедливости добиться невозможно.

Благодарности

Как и само по себе раскрытие преступлений, создание книги – во многом совместная работа, причем не только между нами, двумя соавторами, но и с командой надежных партнеров, которая работала с нами и поддерживала нас на каждом этапе этого пути.

Во-первых, мы хотим поблагодарить Микаэлу Гамильтон – это наш талантливый, чуткий и проницательный редактор в издательстве Kensington. Именно ее энтузиазм в значительной степени помог довести этот проект до конца, и мы благодарны за это всему коллективу издательства Kensington.

Наш замечательный агент Джейк Элвелл, сотрудник агентства Harold Ober Associates, с самого начала прекрасно понял, что мы захотели сделать на этот раз, а затем помог нам сформулировать и усовершенствовать нашу идею. Он стал нашим верным другом, постоянно предлагал поддержку и выступал в качестве рупора наших идей. Точно так же наш адвокат, советник и друг Стивен Марк, который, помимо всего прочего, отвечает за значительную часть исследований и организации по делу «троицы из Уэст-Мемфиса». Сара Лесса отвечает за наш сайт: *www.mindhuntersinc.com*. Дэйв Лесса нам очень помог с разработкой и дизайном этого сайта, а Никки Чешир провела прекрасную фотоработу. Все эти трое – долгожданное пополнение в команде Mindhunters. И, как обычно, Кэролайн, жена Марка, остается юрисконсультом и главой администрации компании Mindhunters, Inc., а также возглавляет армию наших читателей, среди прочих своих талантов и добродетелей.

Я хочу выразить огромную благодарность многим людям, добровольно вложившим в эту книгу свое время, таланты и идеи. Все они очень сильно нам помогли, мы перечислим их в алфавитном порядке: Боб Барнетт, Филип Бермингем, Стивен Брага, Джеки и Джон Марк Байерс, Бен Чешир, Джек, Труди и Стивен Коллинз, Лорри Дэвис, Дэмиен Эколс, Криста Эрриксон, достопочтенный Боб Грэм, Питер Джексон, Аманда, Курт и Дина Нокс, бывший специальный агент Кеннет Лэннинг, Кен Лайт, Джим Ловеринг, Крис и Эдда Меллас, бывший специальный агент Стив Мур, Мэдисон Пэкстон, Джон Рэмси, Марк Смит, Линн Спаркс, Марк Стейн, Фрэн Уолш, редактор издания *Jonesboro Sun* Крис Уэссел, а также Том Райт.

И, наконец, всем тем, кто неустанно стремится к восстановлению справедливости – и к исправлению ошибок, когда справедливость страдает, – мы выражаем вам свое искреннее и вечное восхищение.

Джон Дуглас и Марк Олшейкер Октябрь 2012 года

notes

Примечания

1

«Индейской борьбой» в то время называли состязания в силе, например борьбу на руках. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Патология истерического спектра, значительным образом влияет на поведение человека.

З

Американский писатель, автор романов в стиле «мрачного» романтизма и символико-аллегорических новелл.

4

Отель, номера в котором совмещают в себе удобства гостиничного номера и квартиры.

5

Наука о поведении.

6

В соответствии с правилом хабеас корпус задержанный человек – или другой человек от его имени – может обратиться к суду с жалобой на произвольный арест или задержание и потребовать выдачи специального судебного приказа, предписывающего доставить задержанного в суд для проверки законности такого ареста или задержания.

7

Международная неправительственная организация, основанная в Великобритании в 1961 году, борется за защиту прав человека.

8

Американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса.

9

На электрический стул.

10

Американская компания по прямым продажам пластиковых контейнеров, косметики, средств гигиены.

11

Траурная мелодия вооруженных сил США.

12

Западноевропейское название иконографии темы оплакивания Христа.

13

Фрагмент баллады «Дэнни Бой», перевод неизвестного автора.

14

Восьмая поправка Конституции США запрещает жестокие и необычные наказания.

15

Нападение на вооруженного полицейского с целью быть им застреленным.

16

Реабилитационная программа, групповая психотерапия, позволяющая признать зависимость и постепенно от нее избавиться.

17

Коллегия из 12–23 присяжных, принимающая решение по вопросу о предании обвиняемого суду присяжных.

18

Подразделение по похищениям детей и серийным убийцам.

19

Юридическое требование в Соединенных Штатах Америки, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правопорядка обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное.

20

Олицетворение смерти в американской массовой культуре.

21

В оригинале письма ошибка, получается «капитолийское» (*capitol* вместо *capital*).

От слова *fox* – «лиса», то есть хитрая, коварная.